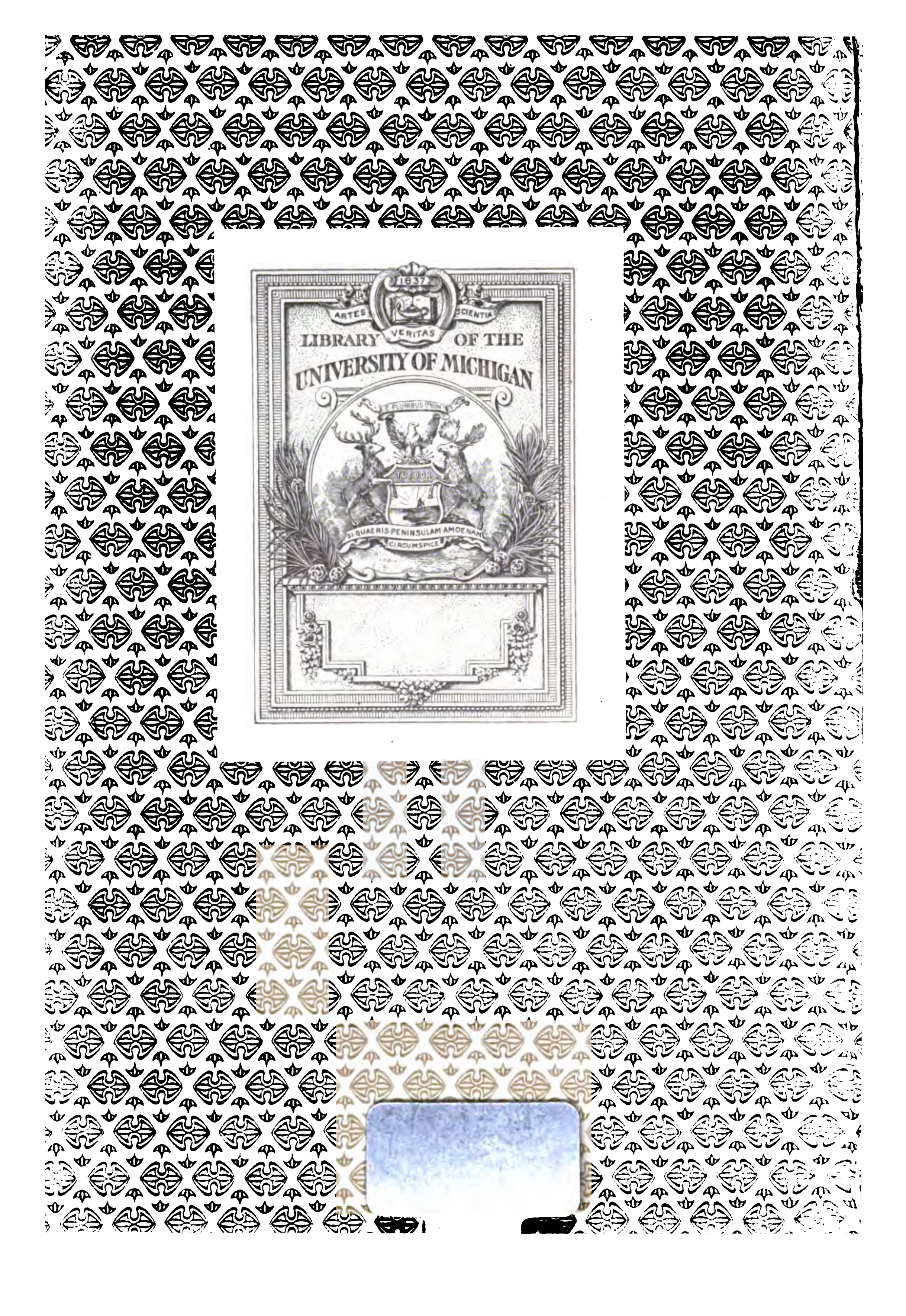
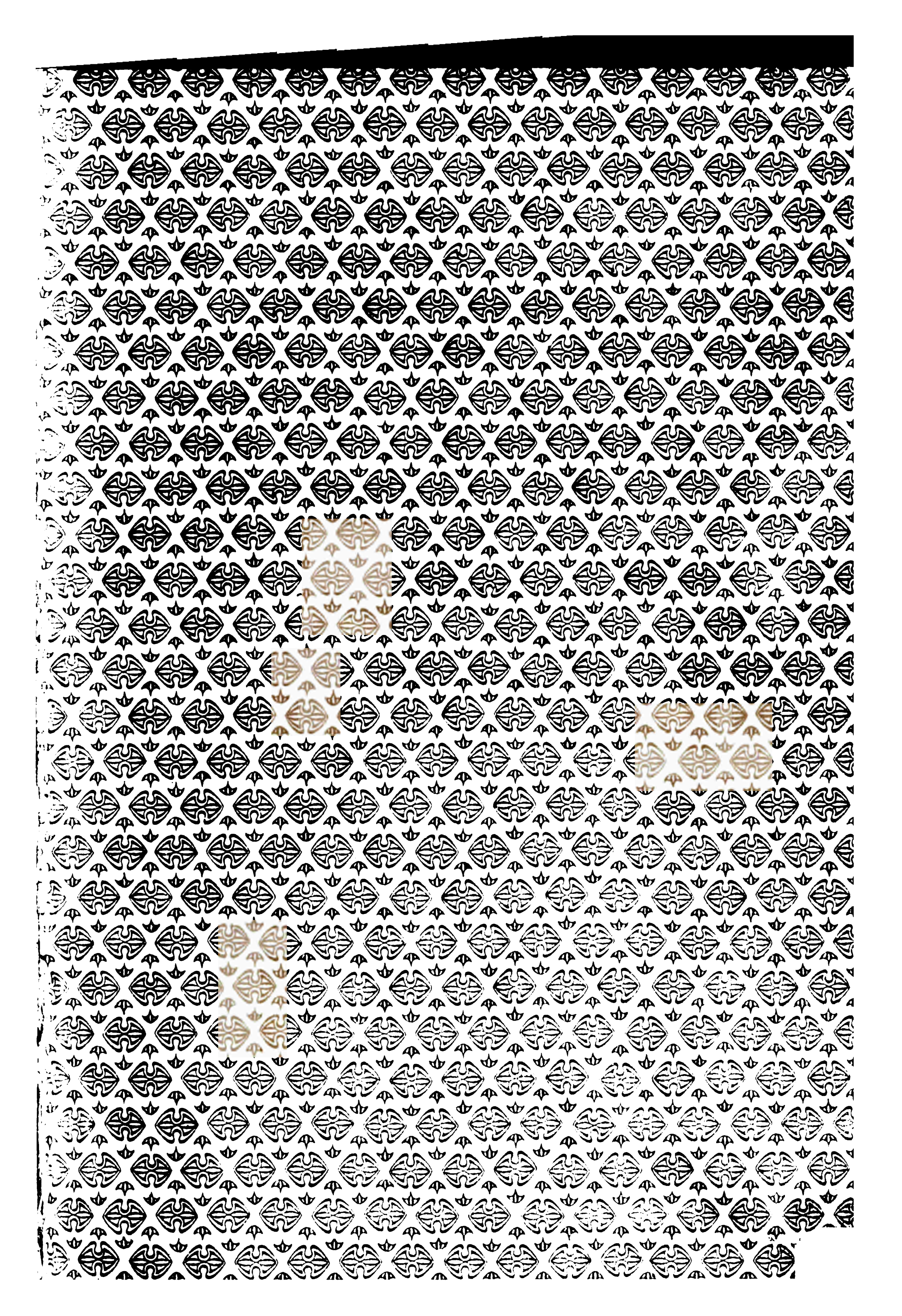
UNIV.
OF
MICH.



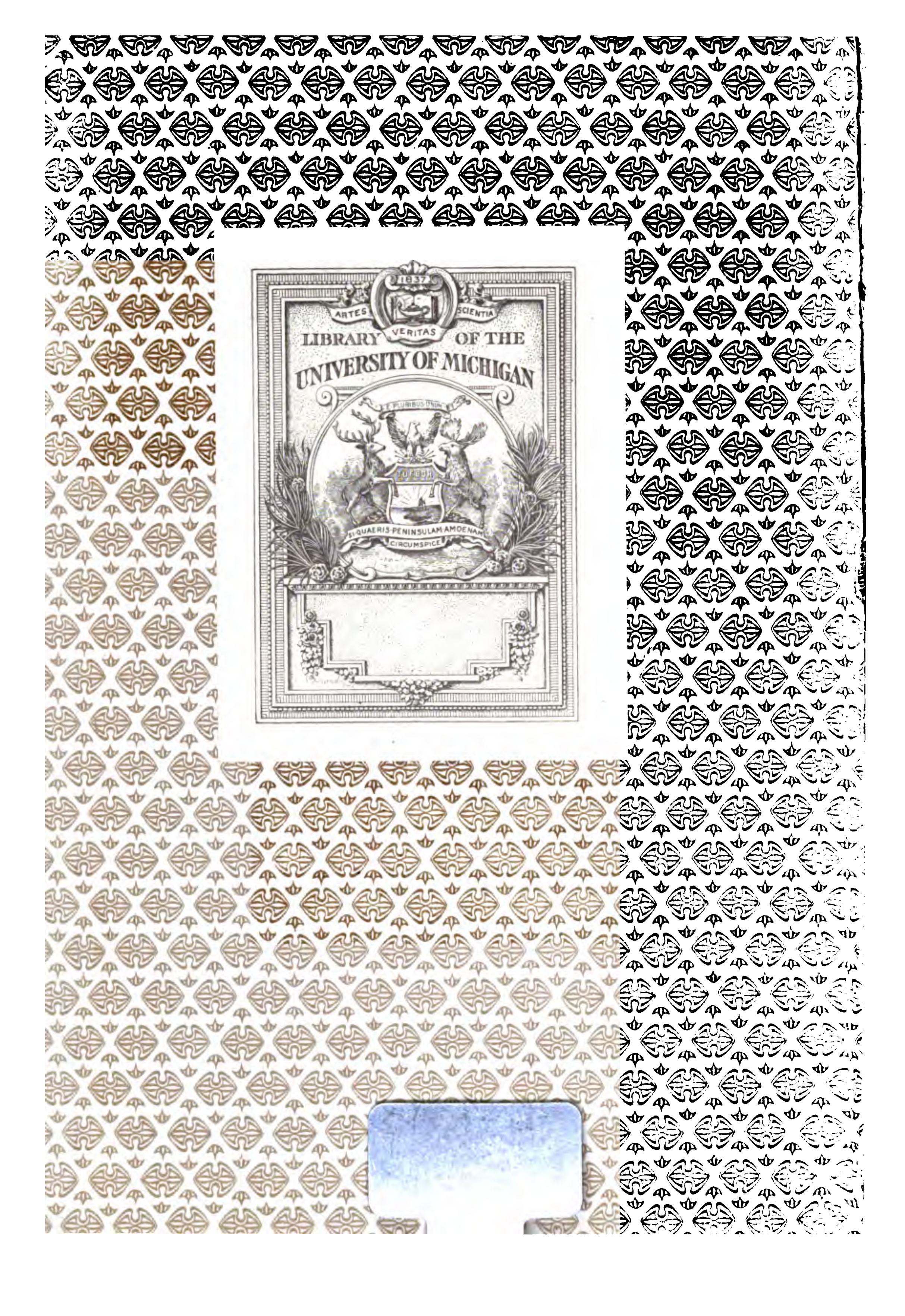
1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

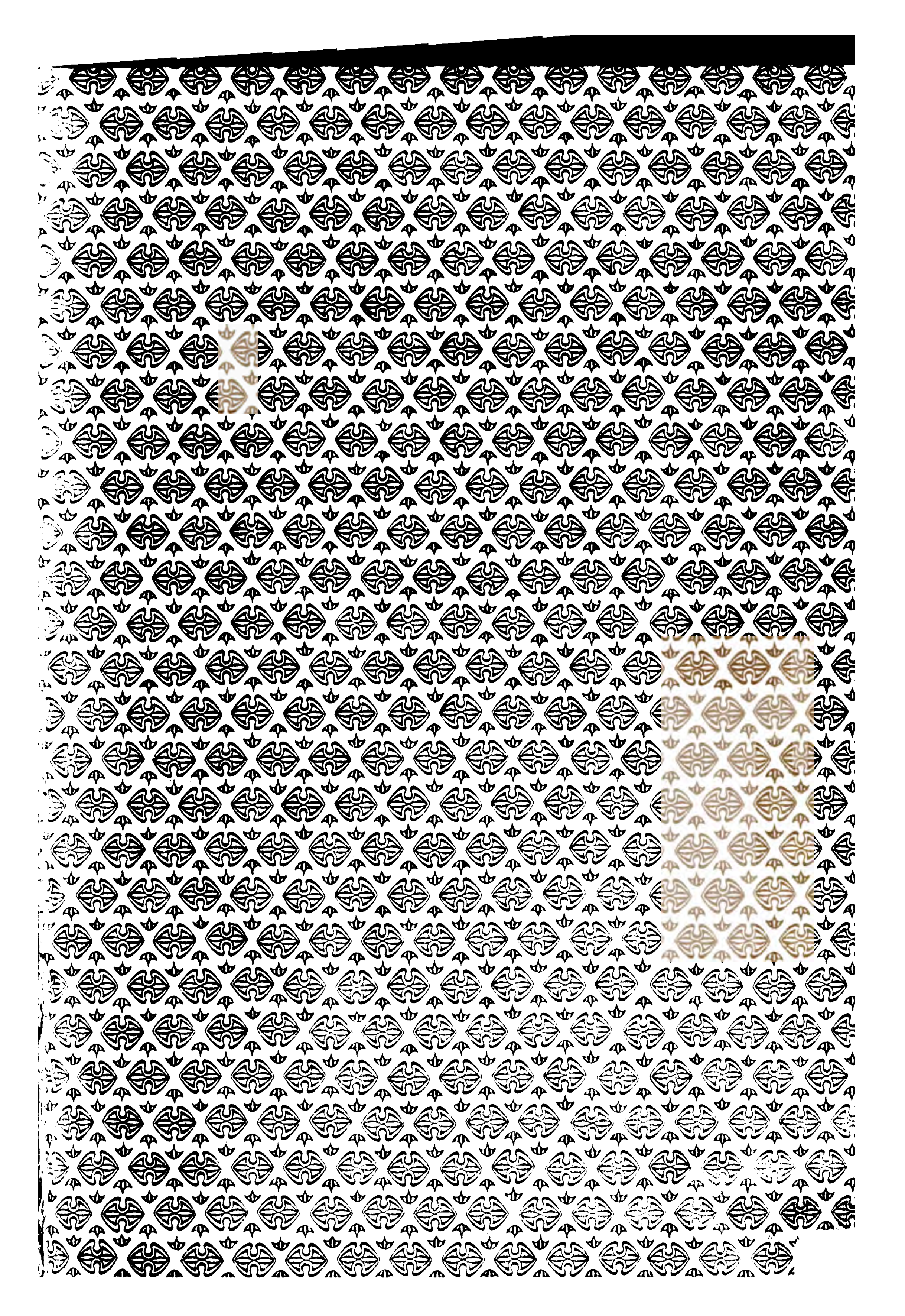


Собраніе сочиненій

А. И. НЕЗЕЛЕНОВА

Изданіе Н. Г. Мартынова.


1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE



Собраніе сочиненій

А. И. НЕЗЕЛЕНОВА

Изданіе Н. Г. Мартынова.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПРОФЕССОРА

А. И. Незеленова.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

ВЪ

ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

въ

ЕКАТЕРИНИНСКУЮ

ЭПОХУ.

Съ портретами:

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II — ХЕРАСКОВА — ФОНВИЗИНА — КАПНИСТА — НОВИКОВА — РАДИЩЕВА.

Сочиненія профессора А. Н. Незеленова одобрены Ученымъ Комитетомъ Министр. Народнаго Просвѣщенія и помѣщены въ каталогахъ, изданныхъ Министерствомъ для Среднихъ Учебныхъ Заведеній на стр. 84 за № 1261, 62, для Безплатныхъ народныхъ читаленъ на стр. 85.

С.-Петербургъ.

Изданіе Книгопродавца *Н. Г. Мартынова.*

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

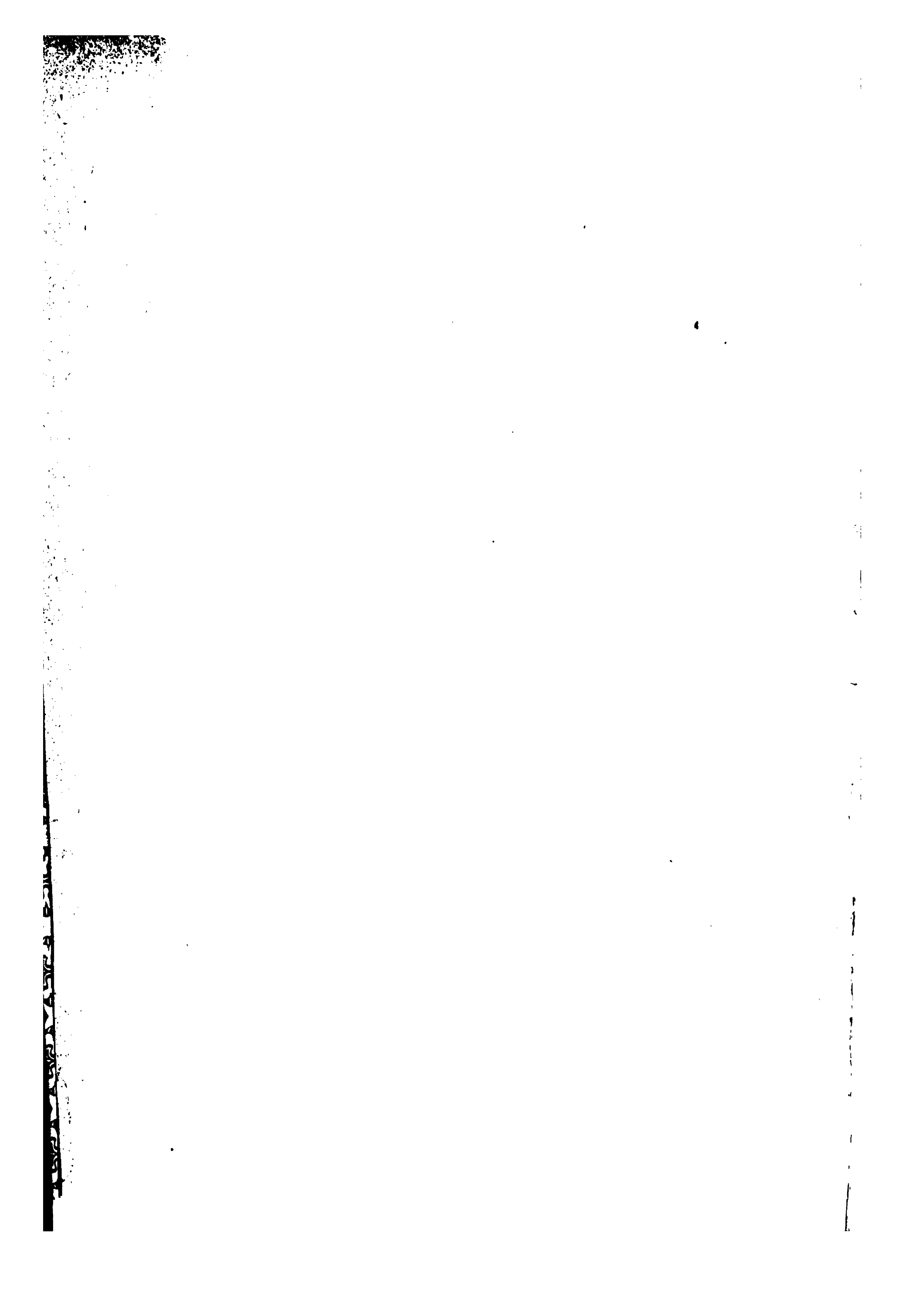
[illegible]

[illegible]

Литературныя направленія

въ Екатерининскую эпоху.

Изданіе Н. Г. Мартынова.



ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

ВЪ

ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

СОЧИНЕНІЕ

А. НЕЗЕЛЕНОВА.

СЪ ПОРТРЕТАМИ:

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.—ХЕРАСКОВА.—ФОНВИЗИНА.—КАПНИСТА.—НОВИКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1889.

Типографія и Фототипія В. И. Штейнъ, Почтамтская, № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Непосредственно-народное направленіе.

Заключеніе.

Приложенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая русская литература—область мало изслѣдованная, и исторія ея—наука очень молодая. Въ наукѣ этой есть нѣсколько цѣнныхъ, прекрасныхъ, можно сказать—капитальныхъ сочиненій; но законы ея движенія и развитія еще далеко не открыты; благодарный трудъ этотъ ждетъ еще работниковъ.

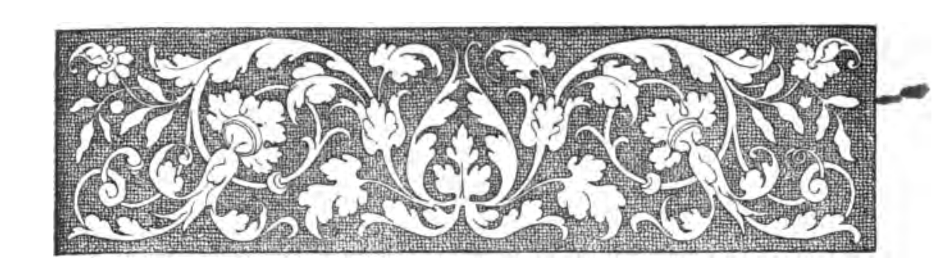
Предлагаемое нынѣ читателю сочиненіе изъ сферы этой науки, сочиненіе о литературѣ Екатерининской эпохи—не претендуетъ на полноту разсматриваемаго матеріала и на названіе исторіи даннаго времени. Задача автора была болѣе скромная: онъ хотѣлъ оріентироваться въ массѣ мало оцѣненныхъ еще по ихъ историческому значенію литературныхъ фактовъ, попытаться распредѣлить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ построить гипотезу о законахъ развитія литературы Екатерининскаго времени.—Съ величайшей благодарностью приметъ онъ всякое замѣчаніе критики о своемъ трудѣ.

Авторъ позволяетъ себѣ указать еще на одну сторону своего сочиненія (такъ-сказать педагогическую, могущую пригодиться для начинающихъ заниматься наукой, для студентовъ): попытка распредѣленія литературнаго матерьяла въ систематическій порядокъ открываетъ нѣсколько задачъ для научно-литературныхъ работъ (выполненіе которыхъ можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и провѣркой высказанныхъ въ книгѣ мыслей и предпо-

ложеній). Такъ, въ сочиненіи сдѣлана попытка разграничить «комедію» и «комическую оперу», какъ два совершенно различныхъ по духу вида драматическихъ произведеній Екатерининской эпохи; для примѣра разобрано нѣсколько піесъ того и другаго порядка. Анализъ всѣхъ или бо́льшей части «комическихъ оперъ» и «комедій» (при пособіи, главнымъ образомъ, «Россійскаго ѳеатра», изданнаго Россійской Академіей въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, въ 43 частяхъ) можетъ привести къ подтвержденію или видоизмѣненію этой мысли.—Въ сочиненіи разсмотрѣно нѣсколько журналовъ Екатерининскихъ временъ, и изданія эти распредѣлены по различнымъ направленіямъ литературы. Анализъ другихъ журналовъ (прекрасное библіографическое описаніе ихъ сдѣлано г. Неустроевымъ въ книгѣ «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ отъ 1703 по 1802 годъ. Спб. 1875 г.») можетъ привести къ болѣе или менѣе важнымъ заключеніямъ.—Оригинальныя сочиненія русскихъ масоновъ, равно какъ и переводныя масонскія произведенія очень мало изслѣдованы въ нашей наукѣ; разсмотрѣніе ихъ представляетъ не малый интересъ, ввиду важности роли мистическо-нравоучительнаго направленія въ словесности Екатерининской эпохи.—Подобныхъ задачъ въ литературѣ даннаго времени найдется не мало.

Настоящее сочиненіе, появляющееся отдѣльною книгою, было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882, 1883, 1884, 1886 и 1887 годовъ, ввидѣ отдѣльныхъ статей. Статьи эти сведены здѣсь въ одно цѣлое и дополнены главою «*Заключеніе*».

9 Января 1889 г. **А. Незеленовъ.**



СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Общій характеръ литературы Екатерининской эпохи.

Новая русская литература, какъ и новая наша исторія, началась съ Петра Великаго.

На грандіозную личность Преобразователя до сихъ поръ не установилось еще общаго взгляда ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Одни думаютъ, что онъ порвалъ (или по крайней мѣрѣ хотѣлъ порвать) связи съ прошлымъ русской земли и толкнулъ насъ на проторенную колею европейской исторіи; другіе не хотятъ видѣть въ его реформахъ переворота и полагаютъ, что эти реформы имѣютъ *прямую*, непосредственную связь съ прошлымъ и вызваны естественнымъ и даже спокойнымъ ходомъ историческаго развитія. Оба взгляда могутъ быть названы ошибочными по-стольку, по-скольку они оба вдаются въ крайность. Не говоря уже о невозможности полнаго, настоящаго разрыва съ историческимъ прошлымъ, Петру-ли, этому-ли русскому съ ногъ до головы человѣку, русскому и по простотѣ души, и по здравой трезвости ума,— ему ли было желать разрыва съ родною почвой? Что же

касается, съ другой стороны, до такъ-сказать ожиданной естественности его преобразованія, то это болѣе чѣмъ сомнительно. Преобразованіе было именно *переворотомъ,* ибо оно создало необычайное въ исторіи явленіе: прошлое Запада, прошлое чужихъ странъ стало для насъ, русскихъ, нашимъ прошлымъ. Ничего подобнаго ни французъ, ни нѣмецъ и никто другой не испыталъ. Мы, русское общество, созданное реформой Петра, — наслѣдники не только образованности нашихъ предковъ, но и богатыхъ цивилизацій западныхъ народовъ. Для насъ, крестовые походы, реформація — чуть не такое же, или почти такое же, родное прошлое, какъ татарское иго или 1612 годъ на Руси? Кому изъ насъ Шекспиръ не такъ же близокъ, какъ «Слово о полку Игоревѣ»? Въ блестящихъ произведеніяхъ нашей новѣйшей литературы мы видимъ слѣды какъ нашей собственной старой жизни, такъ и западно-европейской. Напримѣръ, «Борисъ Годуновъ» Пушкина написанъ подъ вліяніями: съ одной стороны—Шекспира, съ другой—народной русской поэзіи и русскихъ лѣтописей.

Не переставая быть самими собою (хотя иной разъ и казалось, что мы отреклись отъ себя), мы, со временъ геніальнаго Преобразователя, стали жадно и страстно усваивать себѣ и формы, и содержаніе чужихъ жизней. Выходилъ подъ-часъ хаосъ невообразимый; но здоровая природа русской души все выносила,—и чужое добро незамѣтно и тайно сливалось съ роднымъ богатствомъ. Этотъ необычайный и великій историческій процессъ еще далеко не завершился; но мы настолько уже вышли изъ начальнаго его хаоса, что можемъ оглянуться назадъ и посмотрѣть на него объективно: бродячія силы успокоились, и для нѣсколько чуткаго уха и зоркаго глаза уже начинаетъ выясняться новая, *наша* идея, новый духовный образъ, своеобразное міросозерцаніе.

Этотъ историческій духовный процессъ сильнѣе и яснѣе всего выразился въ литературѣ.

Наша новая литература распадается на довольно опредѣленные періоды. Первый изъ нихъ можетъ быть обозначенъ именемъ своего главнаго представителя—*Ломоносова;* этотъ періодъ — эпоха подготовки, время общаго ознакомленія нашего съ доставшимся намъ богатымъ духовнымъ наслѣдствомъ Запада, такъ сказать—введеніе во владѣніе имъ путемъ доказательства нашихъ правъ на это владѣніе.

Самъ Ломоносовъ такъ опредѣляетъ (въ письмѣ къ Теплову отъ 30 января 1761 года) [1]) значеніе своей дѣятельности:

«что жъ до меня принадлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь 20 лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину».

Цѣлью и внутреннимъ смысломъ дѣятельности нашего перваго великаго писателя было дать примѣры во всѣхъ видахъ литературныхъ произведеній, доказать нашу способность ко всему. И онъ исполнилъ задачу, пожертвовавъ для нея своею европейскою славой: не можетъ быть сомнѣнія, что Ломоносовъ совершилъ бы великія открытія въ области естествознанія, если бы сосредоточился на занятіи имъ, ибо при своей геніальности онъ стоялъ на высотѣ современныхъ ему знаній; но онъ предпочелъ разбросаться по разнымъ областямъ науки и литературы, размѣнять по мелочамъ свои силы. И вѣчная слава ему за этотъ великій подвигъ любви къ родной землѣ! Ломоносовъ породнилъ насъ и съ наукой, и съ поэзіей Запада, внося въ нихъ въ то же время наше русское содержаніе; онъ открылъ широкій путь русской мысли.

За ломоносовскимъ періодомъ слѣдуетъ *литература Екатерининской эпохи*, отличающаяся другимъ характе-

[1]) Пекарскій, Біографія Ломоносова, стр. 726.

ромъ. Къ намъ приходятъ въ это время съ Запада уже не просто различныя формы умственной дѣятельности, а различныя *направленія мысли*. Возникаетъ борьба этихъ направленій, борьба, получающая высокое значеніе и интересъ между прочимъ потому, что въ нее вступаетъ возникающее тогда же самобытное, такъ сказать, *исключительно-національное направленіе*. Иностранныхъ направленій въ это время у насъ два: *скептическо-матеріалистическое* и *мистическо-нравоучительное*. Одно изъ нихъ возникло подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, другое подъ вліяніемъ идей мистическихъ. — Три названныя теченія мысли развиваются не въ преемственной, хронологической послѣдовательности, смѣняя другъ друга, а идутъ параллельно, одновременно, иной разъ враждебно сталкиваясь, иной разъ мирно сливаясь между собою, причемъ зачастую однѣ и тѣ-же личности, одни и тѣ-же писатели совмѣщаютъ въ себѣ повидимому совершенно несовмѣстимыя, противорѣчащія другъ другу, начала. Литература даннаго періода представляетъ хаотическое броженіе всевозможныхъ идей, страстно усвоиваемымъ русскимъ обществомъ. Но этотъ хаосъ не былъ признакомъ разложенія жизни: изъ него долженъ былъ сложиться новый міръ. Надъ хаосомъ носился творческій геній русскаго народа. И уже въ Екатерининскую эпоху мы видимъ первые признаки новаго, самобытнаго направленія русской литературы, вырабатывавшагося изъ сліянія разнообразныхъ идей. Два писателя съ огромными (хотя далеко не равномѣрно развившимися) силами не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ названныхъ выше направленій, стоятъ внѣ или (лучше сказать) выше ихъ односторонности: это — поэтъ (къ сожалѣнію мало понимавшій значеніе поэзіи) *Державинъ* и издатель журналовъ, сатирикъ и мыслитель—*Новиковъ*. Сказавшись у перваго лишь инстинктив-

ными проблесками вдохновенія, самобытное направленіе у втораго изъ этихъ писателей, бывшаго прежде представителемъ различныхъ направленій, выразилось въ позднѣйшихъ его журналахъ выработкой вызвышеннаго, оригинальнаго міросозерцанія, на которомъ воспитались подъ его личнымъ руководствомъ лучшіе представители молодаго поколѣнія, читатели и сотрудники его изданій. Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и Карамзинъ, тотъ Карамзинъ, съ котораго начинается новый, третій періодъ литературы, смѣнившій періодъ броженія и борьбы идей Екатерининской эпохи.

Разсматривая словесность Екатерининскаго времени (предметъ настоящаго сочиненія), прежде всего должно изъ различныхъ ея умственныхъ теченій обратиться къ той струѣ, которую я назвалъ «скептическо-матерьялистическимъ» направленіемъ: это направленіе пользовалось особою славой и считалось въ свое время господствующимъ въ жизни.

Оно возникло подъ вліяніемъ такъ называемой «освободительной» философіи XVIII вѣка. Извѣстно, какъ сильно дѣйствовала эта философія на всѣ страны Европы, и своими свѣтлыми сторонами — борьбой съ предразсудками и суевѣріями, и сторонами темными — своими матерьялистическими вѣрованіями. Русское общество Екатерининскаго вѣка было тоже подъ обаяніемъ знаменитыхъ идей. Масса сочиненій энциклопедистовъ ввозилась въ Россію; множество ихъ переводилось на русскій языкъ. Имъ покровительствовала императрица Екатерина, гордившаяся именемъ ученицы Вольтера. Свободомысліе дѣлало у насъ блестящіе успѣхи. Надо сказать, однако, что нами прежде всего усвоивалась легкомысленная сторона философскихъ идей Франціи: въ Россіи появилось множество «волтерьянцевъ», т. е. легкомысленныхъ скептиковъ и атеистовъ, которые слѣдовали ученію Гельвеція, Голь-

баха и другихъ, что жизнь человѣка ограничивается землею, что такъ называемая духовная дѣятельность есть продуктъ матерьяльныхъ процессовъ тѣла, и которые спѣшили наслаждаться преходящими благами временной жизни, не заботясь ни о будущемъ, ни о достоинствѣ средствъ добыванія этихъ благъ. — Къ сожалѣнію, безотрадный скептицизмъ и матерьялизмъ подрывали порою дѣятельность и серьезныхъ, даровитыхъ людей. Таковъ напримѣръ, Добрынинъ, авторъ талантливыхъ, истинно-художественныхъ записокъ о своей жизни, ничего кромѣ этихъ записокъ не написавшій. Онъ съ тоскою все подорвавшаго въ душѣ сомнѣнія разсуждаетъ въ нихъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

«Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но въ самомъ дѣлѣ одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточно его просвѣтитъ, что обитаемый нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго» [1].

Впрочемъ эти скорбныя слова свидѣтельствуютъ и о вліяніи серьезной стороны идей освободительной философіи на нашу жизнь. Это вліяніе у насъ также было, и также въ значительныхъ размѣрахъ. Но мы постараемся указать на его проявленія при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ литературныхъ фактовъ.

II.

Вольтеръ. Вліяніе его и другихъ философовъ XVIII вѣка на русское общество.

1.

Не будемъ предпосылать разбору русскихъ литературныхъ явленій общаго очерка дѣятельности энциклопедистовъ: такой очеркъ можно найти въ любой исторіи

---

[1]) Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, имъ самимъ писанная. Въ 3 част. Спб. 1872. Изд. 2-е, стр. 139. (Перв. изд. въ «Рус. Стар.» 1771 г. т. III и IV).

всеобщей словесности; кромѣ того намъ придется говорить о томъ или другомъ философѣ XVIII вѣка при разборѣ тѣхъ литературныхъ фактовъ, которые именно изъ этого философа берутъ свое начало. Но остановимся на характеристикѣ нѣкоторыхъ воззрѣній главнаго изъ знаменитыхъ писателей XVIII вѣка—*Вольтера*. Должно сдѣлать это, во 1-хъ, потому, что Вольтеръ по-праву можетъ быть названъ представителемъ своего времени: онъ—несомнѣнный и единственный между «философами» вѣка геній, и въ то же время онъ человѣкъ не вдававшійся въ одностороннія крайности, какъ, напримѣръ, Гельвецій, или баронъ Гольбахъ, не носившійся по вѣтру идей, какъ, напримѣръ, Дидро, этотъ по словамъ нашего великаго поэта:

То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ.

Во 2-хъ, должно остановиться на личности Вольтера потому еще, что онъ имѣлъ у насъ сильнѣйшее вліяніе, несомнѣнно сильнѣйшее, чѣмъ всѣ современные ему писатели. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ масса переводовъ изъ него [1]), такъ всего болѣе образовавшееся въ языкѣ нашемъ слово «волтерьянецъ»; это слово обозначало вообще представителя новыхъ свободныхъ идей, которыя отождествлялись въ умахъ нашихъ предковъ съ дѣятельностью именно и преимущественно Вольтера. Самое слово «Вольтеръ» сдѣлалось у насъ даже нарицательнымъ:

«Фельдфебеля въ вольтеры дамъ!»

выражается Скалозубъ въ комедіи «Горе отъ ума», желая сказать: дамъ въ учители.

Геніальная личность Фернейскаго философа и невольно къ себѣ привлекаетъ, и невольно отъ себя отталкиваетъ. Есть что-то чарующее, обольщающее и вмѣстѣ ненавистное душѣ въ этомъ скептическомъ, остромъ, могучемъ,

---

[1]) См. Сопикова. — Также: ст. г. Языкова: «Вольтеръ въ русской литературѣ. Историко-библіографическій этюдъ». (Древн. и Нов. Россія. 1878 г. № 9).

холодномъ и циническомъ умѣ, такъ прекрасно выражающемся въ змѣиной улыбкѣ на его извѣстномъ изваяніи. И вотъ почему трудно хладнокровно, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, анализировать эту колоссальную личность. Судъ человѣка надъ человѣкомъ вообще рѣдко бываетъ вполнѣ свободнымъ, т. е. вполнѣ безпристрастнымъ: извѣстныя убѣжденія, извѣстное направленіе влекутъ каждаго изъ насъ болѣе или менѣе въ односторонность. Но въ этомъ отношеніи очень важны и цѣнны приговоры поэтовъ. Древніе называли поэта—vates, и были совершенно правы: поэтъ (въ этомъ и заключается сущность поэзіи) смотритъ на жизнь не съ той или другой точки зрѣнія,—онъ живетъ и судитъ всею полнотой души; и потому судъ его чуждъ односторонности, безпристрастенъ и правдивъ, ибо его міросозерцаніе—міросозерцаніе цѣлостной и не-раздвоенной души. Начнемъ рѣчь о Вольтерѣ ссылкою на отзывы о немъ двухъ великихъ поэтовъ.

Намекая на поэму «Pucelle d'Orléan», Шиллеръ такъ отзывается о Вольтерѣ въ своемъ стихотвореніи «Орлеанской дѣвѣ» [1]).

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣритъ ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ Ангеловъ святыхъ—и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Гораздо мягче приговоръ надъ великимъ писателемъ нашего Пушкина: въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній—въ «Посланіи къ князю Юсупову» великій русскій поэтъ такъ характеризуетъ Вольтера, обращаясь къ Екатерининскому вельможѣ, посѣтившему Ферней:

Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней,—и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,

---

[1]) Соч. Шиллера въ пер. русск. поэтовъ, подъ ред. Гербеля, т. I, стр. 97.

Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ [1]).

Соедините указанныя здѣсь Пушкинымъ черты въ одинъ образъ — и передъ вами возникнетъ Мефистофель. Мефистофель, совершенно незнакомый людямъ непосредственнымъ, близокъ каждому пережившему состояніе рефлексіи. Бываетъ эпоха въ жизни человѣка, причастнаго европейской цивилизаціи, когда силы ума, порываясь къ господству надъ другими душевными силами, все подвергаютъ сомнѣнію, разрушая свѣтлые образы дѣтской фантазіи и горячіе порывы юношескаго чувства. Сомнѣвающаяся мысль не можетъ ни на чемъ остановиться, заподозривъ всякое вѣрованіе и всякое положеніе. Плодотворное по своимъ результатамъ, если человѣкъ не падетъ нравственно подъ гнетомъ сомнѣній, время это очень тяжело для переживающаго его. Душа ищетъ какой-нибудь опоры, чего-нибудь, на чемъ можно хоть на минуту успокоиться, и за-частую останавливается на жизни чувственной; но такъ какъ этою послѣдней человѣкъ удовлетвориться не можетъ, то скептицизмъ его получаетъ особый оттѣнокъ: соединяется съ насмѣшкой надо всѣмъ, что прежде было душѣ дорого и свято. Это тяжелое переходное время въ развитіи человѣческой личности великій нѣмецкій поэтъ олицетворилъ въ образѣ Мефистофеля, спутника своего Фауста; Мефистофель есть собственно состояніе души Фауста въ данное время. Какъ несвободное, темное, приближающее человѣка къ животному, состояніе это ненавистно душѣ; но въ то же время оно и дорого ей, потому что человѣкъ не можетъ отказаться отъ скептицизма и анализа, какъ не можетъ отказаться отъ ума.

Безспорно, есть аналогія между жизнью отдѣльной человѣческой личности и жизнью народа, даже жизнью

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. Лит. фонда, 1887 г., т. II, стр. 92.

человѣчества. Какъ бываетъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго западно-европейскаго общества была пора рефлексіи, сомнѣній; такою эпохою мы можемъ считать XVIII вѣкъ. Олицетвореніемъ этихъ сомнѣній, Мефистофелемъ западнаго человѣчества, представляется Вольтеръ; и въ этомъ его великое значеніе въ исторіи образованности; онъ необходимая переходная ступень, которую должно было пройти общество Европы, которую должны были пройти и мы, какъ наслѣдники западной цивилизаціи.

Вольтеръ представлялся нашему великому поэту съ одной стороны—«смѣлымъ вождемъ умовъ», съ другой—властолюбивымъ, пронырливымъ, льстивымъ циникомъ, легко смотрѣвшимъ на жизнь, безпечно наслаждавшимся ея матерьяльными благами. Такая мефистофелевская двойственность и была въ немъ на самомъ дѣлѣ.

Заслуга Вольтера въ его борьбѣ съ унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ предразсудками и суевѣріями, съ фанатизмомъ, безспорно велика и вызываетъ наше сочувствіе. Великую службу цивилизаціи сослужилъ онъ и своимъ могущественнымъ скептицизмомъ, хотя этотъ послѣдній и былъ роковымъ для многихъ отдѣльныхъ личностей; но таковъ ходъ исторіи,—жизненныя силы, или «вѣянія» (употребляя терминъ одного изъ нашихъ критиковъ), овладѣвая въ извѣстныя эпохи обществомъ, покоряя умы массъ, закруживаютъ въ своемъ могучемъ водоворотѣ человѣческія единицы, слабыя умомъ и нравственною волею: свободными отъ власти судьбы остаются, по мысли нашего народнаго эпоса, только такіе доблестные люди, какъ Илья Муромецъ, и ей подчинены даже даровитыя и смѣлыя, но не гармоническія, не владѣющія своими страстями натуры, какъ новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ.

Между сочиненіями Вольтера важное значеніе имѣютъ статьи философскія, въ которыхъ онъ высказалъ свои

идеи отвлеченно, а также повѣсти и романы, въ которыхъ тѣ-же идеи популяризированы для болѣе удобнаго дѣйствія на массы.

Философскія произведенія Вольтера, собранныя вмѣстѣ, составляютъ особый отдѣлъ его сочиненій, озаглавливаемый въ изданіяхъ: «Dictionnaire philosophique» [1]).

Въ этомъ «*Философскомъ словарѣ*» мы видимъ блестящіе примѣры борьбы знаменитаго писателя съ темными явленіями исторіи и жизни, которыя задерживали прогрессъ человѣческой мысли. Силою могучей логики онъ разрушаетъ предразсудки.

Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ «Равенство» (Egalité section II) мы встрѣчаемъ трезвый протестъ противъ сословнаго тщеславія.

«Каждый человѣкъ (пишетъ Вольтеръ [2]) въ глубинѣ своего сердца имѣетъ право считать себя совершенно равнымъ съ другими людьми. Изъ этого не слѣдуетъ, что поваръ кардинала можетъ приказать своему господину готовить себѣ обѣдъ. Но поваръ можетъ сказать: я такой же человѣкъ, какъ и мой господинъ. Я родился, какъ и онъ, плачущимъ; онъ умретъ, какъ и я, въ такой же агоніи. Мы оба совершаемъ одинаковыя животныя отправленія».

Какъ представитель освободительной философіи, Вольтеръ ратуетъ за свободу мысли и слова. Въ обширномъ разсужденіи «Душа» (Ame, section III) онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее про древній Римъ, сопоставляя его съ новыми временами:

«Случалось ли когда нибудь въ настоящемъ Римѣ, чтобы доносили консуламъ на Лукреція за переложеніе имъ въ стихи системы Эпикура? или на Цицерона за то, что онъ много разъ писалъ, что по смерти для человѣка не будетъ никакой печали? Случалось ли, чтобы обвиняли Плинія, Варрона за то, что они имѣли свои собственныя мнѣнія о Божествѣ? Свобода мысли была безгранична у римлянъ. Души жестокія, завистливыя и грубыя, которыя усиливались подавить среди насъ эту свободу, мать нашихъ знаній и первую пружину человѣческаго разума, выставляли на видъ какія-то химерическія опасности. Они и не подумали о томъ, что римляне, которые простирали

---

[1]) Oeuvres completes de Voltaire. Basle, 1786, t. 37—43. См. также отдѣльное изданіе: Dictionnaire philosophique. Paris, 1816.

[2]) Oeuvres completes, t. 39, p. 470.

эту свободу гораздо далѣе насъ, тѣмъ не менѣе были нашими побѣдителями, нашими законодателями,—что диспуты въ школахъ не имѣли большаго отношенія къ управленію государствомъ, чѣмъ бочка Діогена къ побѣдамъ Александра [1]).

Французскій обычай воспитывать дѣвушекъ въ монастыряхъ, въ полномъ невѣдѣніи жизни и, слѣдовательно, неприготовленными къ борьбѣ съ ея опасностями и соблазнами, вызвалъ у Вольтера благоразумныя слова въ статьѣ «Adultère»:

«Во Франціи дѣвушекъ запираютъ въ монастыри, гдѣ до сихъ поръ даютъ имъ смѣшное воспитаніе. Ихъ матери, чтобы утѣшить ихъ, внушаютъ имъ надежды, что онѣ будутъ свободны, когда выйдутъ замужъ. И вотъ, едва проживутъ онѣ годъ съ мужемъ, какъ начинаютъ уже стремиться испытать тайны своихъ прелестей. Молодая женщина живетъ, обѣдаетъ, прогуливается, ѣдетъ въ спектакль съ женщинами, уже устроившими свои дѣлишки; если у нея нѣтъ любовника, какъ у другихъ, ей стыдно, она не смѣетъ показаться въ свѣтъ... Мы оплакиваемъ женщинъ Турціи, Персіи, Индіи; но онѣ счастливѣе въ своихъ сераляхъ, нежели наши дѣвушки въ своихъ монастыряхъ» [2]).

Особенно замѣчателенъ въ «Философскомъ словарѣ» трактатъ—«Fanatisme», въ которомъ знаменитый писатель вооружается ироніей и негодованіемъ противъ страстнаго заблужденія неразумной и злобной религіозной ревности, противъ поставленія фанатиками внѣшнихъ обрядовъ выше внутренней сущности вѣры.

«Ложная совѣсть (говоритъ Вольтеръ) порабощаетъ религію капризамъ воображенія и неправильностямъ страстей.

Вообразимъ огромный пантеонъ и, помѣстившись посрединѣ его, представимъ себѣ богомольцевъ различныхъ сектъ, прежнихъ и настоящихъ, у ногъ Божества, которое они почитаютъ каждый по своему... Тамъ гаеръ танцуетъ на могилѣ того, кого призываетъ. Здѣсь молящійся неподвиженъ и молчаливъ какъ статуя, передъ которой онъ преклоняется. Одинъ открываетъ то, что стыдъ прячетъ, потому что Богъ не стыдится своего подобія; другой закрываетъ даже лицо, какъ будто бы Создатель могъ испугаться своего созданія.

Ужасно видѣть, какъ мысль объ умилостивленіи неба жертвой, разъ высказанная, распространились во всѣхъ религіяхъ, и какъ увеличилось число случаевъ необходимости жертвы, такъ что никто не могъ, наконецъ, считать себя свободнымъ отъ ножа. То жертвой являлись враги... то дѣти... (справедливость, жаждущая невинной крови! говоритъ Монтань), то проли-

---

[1]) Тамъ же, т. 37, стр. 199. [2]) Тамъ-же, стр. 94.

валась кровь самая дорогая: кареагеняне приносили въ жертву своихъ собственныхъ сыновей.

Сочтемъ тысячи людей, погибшихъ на эшафотахъ въ вѣка преслѣдованій, убитыхъ рукою соотечественниковъ въ междоусобныхъ войнахъ, безразсудныхъ фанатиковъ-самоубійцъ... Однимъ словомъ, всѣ ужасы 15-ти вѣковъ; народы беззащитно зарѣзываемые у подножія алтарей, короли произаемые кинжалами и отравляемые... мечъ между отцомъ и сыномъ, узурпаторы, тираны, палачи, отцеубійцы, святотатцы, нарушающіе всѣ завѣты божескіе и человѣческіе—вотъ исторія фанатизма и его подвиговъ.

Фанатизмъ есть религіозное сумашествіе, мрачное и жестокое. Это болѣзнь духа, которая распространяется какъ оспа... Тотъ, кто приходитъ въ экстатическое состояніе, у кого бываютъ видѣнія, кто принимаетъ сны за дѣйствительность и представленія своего воображенія за пророчества, тотъ фанатикъ-новичекъ подаетъ большія надежды,—онъ могъ бы совершить убійство изъ любви къ Богу.

Есть и фанатики холодные; это—судьи, которые приговариваютъ къ смерти людей, совершившихъ только то преступленіе, что они думаютъ иначе, чѣмъ ихъ обвинители [1]).

Можно бы, конечно, привести и еще не мало примѣровъ борьбы Вольтера съ предразсудками и суевѣріями.

Скептицизмъ, отдѣленный отъ ложныхъ примѣсей къ нему (о которыхъ рѣчь впереди), какъ чистую, отвлеченную стихію мысли, не какъ нѣчто дающее намъ истину, а какъ острое орудіе ума въ его поискахъ за истиной и въ разрушеніяхъ заблужденій, можно отнести также къ числу свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Вольтера. Примѣры скептицизма знаменитаго философа мы находимъ въ цитированномъ уже выше замѣчательномъ философскомъ сочиненіи «Душа» (Ame). Здѣсь въ отдѣлѣ I между прочимъ говорится:

«Мы дерзаемъ ставить вопросы: духъ или матерія—наша разумная душа? Создана ли она раньше насъ? Будетъ ли она жить въ вѣчности послѣ того, какъ одушевляла насъ на этомъ свѣтѣ?—Но что такое эти вопросы, которые кажутся такими возвышенными? Ничто иное, какъ вопросы однихъ слѣпцовъ другимъ—что такое свѣтъ?

Она—духъ, говорятъ одни. Но что такое духъ? Никто ничего объ этомъ не знаетъ... Душа—матерія, говорятъ другіе. Но что такое матерія? Мы знаемъ только нѣсколько ея признаковъ и свойствъ, и ни одно изъ этихъ свойствъ, ни одинъ изъ этихъ признаковъ—не имѣютъ ни малѣйшаго соотвѣтствія съ мыслью [2]).

Природа сущности вещей есть тайна Создателя. Какимъ образомъ воз-

[1]) Тамъ же, т. 40, стр. 198—208. [2]) Тамъ же, т. 37, стр. 185—186.

духъ несетъ звуки? какъ образуются животные организмы? почему нѣкоторые изъ нашихъ членовъ повинуются нашей волѣ? какая рука помѣстила идеи въ нашей памяти, сохраняетъ ихъ тамъ и выводитъ оттуда, то согласно съ нашею волей, то противъ нея?» [1]).

Душа мыслящая приказываетъ своимъ рукамъ брать, и онѣ берутъ. Она не приказываетъ своему сердцу биться, своей крови течь... но все это дѣлается помимо нея» [2]).

Этими скептическими замѣчаніями Вольтеръ указываетъ намъ на непосильность для отвлеченнаго ума человѣческаго многихъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашего бытія.

Но знаменитый писатель не удерживается на высотѣ своего скептицизма. Изъ-за приведенныхъ мыслей начинаетъ выглядывать холодная и циническая улыбка Мефистофеля. Вольтеръ незамѣтно переходитъ отъ скептицизма къ матерьялистическимъ вѣрованіямъ, подтверждая ихъ тонкими и хитрыми *софистическими* доводами; порой при этомъ софизмъ соединяется съ лицемѣріемъ. Такъ, напримѣръ, лицемѣрное негодованіе слышится въ слѣдующихъ возраженіяхъ защитникомъ духовности человѣческой души: какія доказательства имѣете вы, что душа есть нѣчто отличное отъ матеріи? (спрашиваетъ Вольтеръ).

«Развѣ то, что матерія дѣлима и имѣетъ форму, а мысль нѣтъ? Но кто вамъ сказалъ, что первыя основы матеріи дѣлимы и имѣютъ форму? Очень вѣроятно, что нѣтъ; цѣлыя школы философовъ утверждаютъ, что элементы матеріи не имѣютъ ни фигуры, ни протяженія. Вы кричите торжественнымъ голосомъ: мысль не состоитъ ни изъ дерева, ни изъ камня, ни изъ песку, ни изъ металла, слѣдовательно не принадлежитъ къ числу матерьяльныхъ предметовъ. Слабые и дерзкіе резонеры! Сила тяжести — не изъ дерева, не изъ песку, не изъ металла, не изъ камня; движеніе, прозябаніе, жизнь тоже не изъ этихъ предметовъ, и однако жизнь, прозябаніе, движеніе, тяжесть даны матеріи. Говорить, что Богъ не можетъ сдѣлать матерію мыслящей, значитъ говорить самый заносчивый абсурдъ, какой никогда не дерзали произносить въ привиллегированныхъ школахъ лжи».

Такія разсужденія Вольтеръ заканчиваетъ ядовитой прибавкой:

«Мы не убѣждены, что Богъ такъ сдѣлалъ; мы только увѣрены, что Онъ могъ это сдѣлать» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 202. [2]) Тамъ же, стр. 234. [3]) Тамъ же, стр. 186.

Вообще, скептическія мысли только эпизодически входятъ въ сочиненіе «Душа»; основная же идея и цѣль этого трактата—доказать, во что-бы то ни стало, смертность человѣческой души. — Остановимся еще на одномъ примѣрѣ софизма, болѣе смѣломъ и рѣзкомъ, и въ то-же время болѣе грубомъ.—У ребенка 6 или 7 лѣтъ почти столько-же идей въ мозгу (говоритъ знаменитый писатель [1]), сколько у охотничьей собаки. Съ возрастомъ человѣка число понятій въ его головѣ увеличивается и наконецъ дѣлается безконечнымъ. Но должно-ли вслѣдствіе этого вѣрить, что съ возрастомъ измѣняется природа человѣка?

«Нѣтъ, безъ сомнѣнія; ибо вы видите съ одной стороны слабоумнаго, съ другой—Ньютона: вы думаете, однако, что они одной природы, и что разница между ними есть лишь различіе между великимъ и малымъ.

«А между ребенкомъ и собакой въ 100 разъ больше соотвѣтствія, нежели между такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ Ньютонъ, и совершеннымъ глупцомъ. Что-же я долженъ думать о природѣ души человѣческой? То что думали всѣ народы до тѣхъ поръ, пока египетская хитрость не придумала духовности, безсмертія души.

«Я предположу съ достаточною вѣроятностью, что Архимедъ и кротъ—существа одного рода, хотя различнаго вида, такъ же какъ дубъ и горчичное зерно устроены по однимъ принципамъ, хотя одинъ — большое дерево, а другое—маленькое растеніе. Я буду думать, что Богъ далъ доли ума соразмѣрно съ долями матеріи, организованной для мышленія».

Софизмъ здѣсь (въ сопоставленіи ребенка и собаки и въ утвержденіи, будто между ними несомнѣнно больше общаго, нежели между мудрецомъ и глупымъ человѣкомъ),—софизмъ здѣсь почти очевиденъ.

Вольтеръ легкомысленно и дерзко играетъ мыслями и иногда, съ серьезнымъ видомъ и съ циническимъ смѣхомъ въ душѣ, высказываетъ до крайности грубые парадоксы, какъ напримѣръ слѣдующій, въ статьѣ «Mahométans» [2]): онъ утверждаетъ, что магометанскую религію нельзя назвать чувственной, такъ какъ она требуетъ соблюденія поста, запрещаетъ вино, азартныя игры и не дозволяетъ человѣку имѣть болѣе 4 женъ,—между тѣмъ какъ католи-

[1]) Тамъ же, 216—217. [2]) Тамъ-же, т. 42, стр. 6.

ческія духовныя лица имѣютъ несравненно бо̀льшее число любовницъ.

Если человѣкъ съ серьезнымъ умомъ, съ горячимъ и искреннимъ сердцемъ придетъ къ тѣмъ безотраднымъ мыслямъ, къ которымъ пришелъ Вольтеръ, къ увѣренности въ смертности души, въ безсиліи человѣческаго ума проникнуть въ сущность вещей, — у него на сердцѣ станетъ очень тяжело.

Съ безконечной тоскою высказываетъ свои горькія думы герой разсказа Тургенева «Довольно», пришедшій къ убѣжденію въ безсиліи человѣка передъ неотразимымъ могуществомъ матерьяльной природы:

«Ей (природѣ) спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго... Человѣкъ ея дитя; но человѣческое, искусственное, ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ... она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что̀ она создаетъ, что̀ она разрушаетъ... она также спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла». — «Ему (человѣку) одному дано «творить»; но странно и страшно вымолвить: мы творцы на часъ, какъ былъ, говорятъ, калифъ на часъ. Въ этомъ наше преимущество — и наше проклятіе; каждый изъ этихъ «творцевъ», самъ по себѣ, именно онъ, не кто другой, именно это *я*, словно созданъ съ преднамѣреніемъ, съ предначертаніемъ; каждый болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему, вѣчному — и живетъ, долженъ жить въ мгновеньи и для мгновенья. Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу!» — «Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно! — и, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества».

Величайшій легкомысленникъ, Вольтеръ не понималъ и не чувствовалъ такихъ страданій человѣческаго *я*, страданій нашей духовной природы; онъ легко находилъ успокоеніе отъ скорбныхъ думъ. Пришедши къ мысли о безсиліи человѣческаго ума, онъ утѣшаетъ себя соображеніемъ, что «природа вещей—тайна Создателя».

«О человѣкъ! (восклицаетъ онъ) Богъ далъ тебѣ разумъ, чтобы жить какъ должно, а не для того, чтобы проникать въ сущность вещей, которыя Онъ создалъ» [1]).

«Какъ печально, скажете вы, для нашей ненасытимой любознательности, для нашей неистощимой заботы о благосостояніи, быть въ такомъ невѣжествѣ. Я соглашаюсь, и есть вещи еще болѣе печальныя; но я вамъ отвѣчу:
Sors tua mortalis, non est mortale quod optas» [2]).

«Будемъ жить въ братствѣ, будемъ почитать въ мирѣ нашего общаго Отца, — вы съ вашими душами мудрыми и смѣлыми (обращается философъ къ защитникамъ безсмертія человѣческаго духа), мы съ нашими незнающими и робкими. Жизнь наша—день: проведемъ его тихо» [3]).

Нужно было имѣть очень большой «избытокъ веселости» (подмѣченный въ Вольтерѣ нашимъ великимъ поэтомъ), чтобы говорить такія рѣчи и такъ просто и скоро себя успокаивать.

По мнѣнію Вольтера, вѣрованія человѣческія, рѣшеніе вопроса о безсмертіи въ ту или другую сторону—не имѣютъ вліянія на нравы людей, на общественную жизнь.

«Бо̀льшая часть современныхъ мудрецовъ — чудовища (говоритъ онъ [4]), а древніе были люди. Въ Римѣ въ театрѣ публично пѣли: Post mortem nihil est; ipsaque mors nihil [5]). Эти чувства не дѣлали людей ни лучшими, ни худшими; все было управляемо, все шло своимъ порядкомъ; и Титы, Трояны, Марки Авреліи правили землей, какъ благотворные боги».

Подобныя воззрѣнія, подобные совѣты (считать жизнь короткимъ днемъ, которымъ слѣдуетъ воспользоваться) приводили, конечно, къ проповѣди наслажденія матерьяльными благами этой скоропреходящей жизни, приводили къ цинизму воззрѣній и на жизнь, и на человѣка.

«Циникъ посѣдѣлый», сказалъ Пушкинъ,—и тотъ не составитъ себѣ вѣрнаго представленія о Вольтерѣ, кто не обратитъ достаточнаго вниманія на эту сторону его характера.—Сильнѣе всего цинизмъ проявляется у Вольтера въ его взглядахъ на любовь и на человѣческую природу, которую онъ называетъ эгоистической и злою.

Въ трактатѣ «Философскаго словаря» — «Amour» [6])

[1]) Тамъ же, т. 37, стр. 240 («Ame»). [2]) Тамъ же, стр. 202. Судьба твоя—быть смертнымъ; а то, чего ты желаешь, не есть смертно. [3]) Тамъ же, стр. 226. [4]) Тамъ же, стр. 227. [5]) Послѣ смерти нѣтъ ничего, и сама смерть—ничто. [6]) Тамъ же, стр. 245—260.

знаменитый писатель считаетъ любовь человѣческую чисто физическимъ чувствомъ и сравниваетъ ее съ вожделѣніемъ животныхъ, отдавая послѣднимъ предпочтеніе въ стремительности и силѣ чувства: хочешь имѣть идею о любви (поучаетъ онъ человѣка),—посмотри на голубя, на коня: на

«этотъ ротъ, открывающійся съ небольшими конвульсіями, эти волосы, поднявшіеся и развѣвающіеся, это стремительное движеніе, съ которымъ онъ кидается на предметъ, который ему назначила природа».

Но (утѣшаетъ Вольтеръ человѣка) не завидуй животному и подумай о преимуществахъ человѣческаго рода: животное не знаетъ объятій, поцѣлуевъ; оно можетъ предаваться любви лишь въ назначенные природою сроки, а человѣкъ—во всякое время; кромѣ того—

«такъ какъ люди имѣютъ даръ улучшать все, что дала имъ природа, то они усовершенствовали и любовь. Чистота, забота о себѣ самомъ, дѣлая кожу болѣе нѣжной, увеличиваютъ удовольствіе ощущенія... Всѣ другія чувства присоединяются затѣмъ къ чувству любви, какъ металлы амальгамируются съ золотомъ: дружба, уваженіе приходятъ на помощь; таланты тѣла и духа—вотъ еще новыя цѣпи...»

Далѣе Вольтеръ пускаетъ каплю яда въ эту идиллическую и циничную картину звѣриныхъ радостей: онъ съ насмѣшкой и лицемѣрной печалью говоритъ человѣку:

«Но если ты вкушаешь столько удовольствій, которыхъ животныя не знаютъ, то сколько у тебя горестей, о которыхъ животныя не имѣютъ и понятія!.. Не развратъ внесъ ихъ въ міръ. Фрины, Лаисы, Флоры, Мессалины не были никогда осаждаемы сифилисомъ; онъ родился на островахъ, гдѣ люди жили въ невинности, и оттуда онъ распространился въ старомъ мірѣ».

Остановимся еще на статьѣ «Adorer» (обожать): въ ней внутренній цинизмъ писателя облекся въ лицемѣрныя формы негодованія на человѣческую испорченность. Вольтеръ считаетъ большою ошибкой употребленіе въ нѣкоторыхъ языкахъ одного и того же слова (обожать) для обозначенія отношеній къ Высшему Существу и къ дѣвушкѣ. Онъ лицемѣрно ставитъ въ примѣръ новымъ народамъ древнихъ грековъ и римлянъ, которые, по его словамъ,—

«никогда не впадали въ эту безумную профанацію. Горацій никогда не говорилъ, что онъ обожаетъ Лалагу; Тибуллъ совсѣмъ не обожаетъ Делію» [1].

Вольтеръ, очевидно, не понималъ и не хотѣлъ понимать чистоты романтическаго чувства, его благоговѣйныхъ отношеній къ любимому существу.

Назову еще статью «Adultère» [2] (нарушеніе супружеской вѣрности), въ которой развивается циническая мысль, что прекрасно были устроены отношенія мужчины и женщины въ Спартѣ, гдѣ была общность женъ, а дѣти принадлежали государству.

«Лакедемоняне имѣли основаніе говорить, что нарушеніе супружеской вѣрности было невозможно между ними. Не такъ у нашихъ націй, всѣ законы которыхъ основаны на различіи твоего и моего».

На человѣческую природу Вольтеръ смотрѣлъ съ полнымъ недовѣріемъ и считалъ ее дурною въ корнѣ.

«Всякій человѣкъ (пишетъ онъ въ трактатѣ «Egalité», sec. II) рожденъ съ довольно сильной наклонностью къ господству надъ другими, къ роскоши и удовольствіямъ, и съ большимъ запасомъ лѣни; слѣдовательно, всякій человѣкъ хочетъ имѣть деньги и женъ или дочерей своихъ ближнихъ, быть ихъ обладателемъ, подчинить ихъ своимъ капризамъ и ничего не дѣлать, или, по крайней мѣрѣ, дѣлать только то, что̀ ему пріятно. Вы видите, что съ этими прекрасными предрасположеніями такъ же невозможно, чтобы люди были равны, какъ невозможно, чтобы два проповѣдника или два профессора теологіи не завидовали бы другъ другу».

Но этотъ безотрадный взглядъ, эта увѣренность въ природной безнравственности человѣка нисколько не смущаютъ Вольтера: что̀-жь такое, что изъ-за человѣческаго эгоизма всегда будетъ на землѣ много бѣдныхъ! Не всѣ бѣдные несчастны:

«Бо̀льшая часть ихъ родилась въ этомъ состояніи, и постоянная работа мѣшаетъ имъ особенно чувствовать свое положеніе».

Въ этомъ воззрѣніи на бѣдняковъ, въ спокойной увѣренности знаменитаго философа, что всегда на землѣ бѣдняки будутъ исполнять приказанія богатыхъ, слышится аристократизмъ.—Аристократизмъ присущъ вообще взглядамъ Вольтера; но въ «Философскомъ словарѣ» его замѣтно менѣе; гораздо ярче и откровеннѣе высказывается

[1]) Тамъ же, стр. 83 и слѣд. [2]) Тамъ же, стр. 90 и слѣд.

онъ въ перепискѣ съ различными лицами, не предназначавшейся для печати. Такъ, въ письмѣ къ нашей императрицѣ Екатеринѣ, отъ 18-го ноября 1771 года, мы читаемъ:

«Смерть архіепископа (Амвросія) заслуживаетъ великое истязаніе, но убійство, сдѣланное кавалеру де-ла-Барру, еще болѣе мерзостно и ужасно; оно учинено съ хладнокровіемъ такими людьми, которымъ, казалось, надобно бы имѣть общій смыслъ и человѣколюбіе» [1]).

То-есть значитъ чернь, простой народъ, не можетъ имѣть ни здраваго смысла, ни человѣколюбія.

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ Вольтеръ выражается про «чернь», что она

«никогда не бываетъ разумомъ управляема» и ее «должно школить точно такъ, какъ медвѣдей» [2]).

Луи Бланъ въ своей «Исторіи французской революціи» [3]) утверждаетъ, что Вольтеръ недостаточно любилъ народъ. «Забота о его памяти (говоритъ историкъ про знаменитаго философа) стòитъ менѣе, чѣмъ судьба народа, которому онъ могъ бы лучше служить. Геній заслуживаетъ прославленія, но онъ долженъ терпѣть и судъ. Неприкосновенны въ мірѣ только справедливость и истина».

Въ подтвержденіе своего отзыва Луи Бланъ приводитъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ писемъ Вольтера. Такъ, изъ одного письма къ д'Аламберу онъ беретъ слова:

«Никогда никому не приходило въ голову просвѣщать сапожниковъ и служанокъ. Разумъ восторжествуетъ, но у людей благородныхъ, канальи созданы не для него».

Въ письмѣ къ Дидро Вольтеръ говоритъ:

«Я рекомендую вамъ суевѣріе. Нужно разрушить его у благородныхъ людей и оставить канальямъ».

Геттнеръ въ своей «Исторіи всеобщей литературы XVIII вѣка» [4]) пытается защитить Вольтера отъ нападеній Луи Блана. «Вольтера обвиняютъ обыкновенно (го-

---

[1]) «Философическая и политическая переписка импер. Екатерины съ г. Волтеромъ, отъ 1763 по 1779 г.», въ 2-хъ ч. Спб., 1802 г.—Ч. II, стр. 68. [2]) Тамъ же, стр. 72. [3]) Paris. 1847. Переводъ г. Антоновича. Спб. 1871 г.— См. франц. изд. т. I, стр. 306. [4]) Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. II. Французская литература. Спб. 1866 г. Стр. 162.

ворить онъ) въ пошломъ аристократическомъ себялюбіи»; но это неосновательно: доказательство —«его человѣколюбивая дѣятельность въ Фернеѣ» и многія изъ его писемъ и стихотвореній; кромѣ того: «какъ сильна его ненависть ко всякимъ аристократическимъ комплотамъ, къ Фрондѣ, къ заговорамъ польскаго и шведскаго дворянства! Но съ другой стороны, Вольтеръ, какъ значительный и опытный землевладѣлецъ, слишкомъ близокъ былъ къ суровой почвѣ дѣйствительности, чтобы безотчетно отдаваться тѣмъ сантиментальнымъ мечтаніямъ о настоящемъ положеніи народнаго образованія и народнаго характера, какимъ могли подчиняться его друзья въ парижской жизни».—Не трудно замѣтить, что такая защита Вольтера не достигаетъ цѣли и слаба по самому существу своихъ доводовъ. Да кромѣ того тутъ же Геттнеръ самъ приводитъ опровергающіе его мысль отрывки изъ писемъ знаменитаго мыслителя. Такъ, въ письмѣ къ Дамилавиллю (отъ 1-го апр. 1766 г.) Вольтеръ выражается:

«Я думаю, что относительно народа мы не понимаемъ другъ друга. Я понимаю подъ народомъ populace, чернь, у которой есть только руки, чтобы работать. Я опасаюсь, что этотъ разрядъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться. Мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды. Еслибы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы, конечно, согласились бы со мной; когда чернь вмѣшивается въ разсужденія, все потеряно».

Въ письмѣ къ Таборо (отъ 3-го февр. 1769 г.) Вольтеръ увлекается даже до такого мнѣнія:

«Народъ всегда безвкусенъ и грубъ; это—быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ».

Высокомѣрный аристократизмъ, такъ несомнѣнно просвѣчивающій въ подобныхъ отзывахъ о народѣ, въ подобномъ презрѣніи къ «черни», уживался въ душѣ Вольтера съ самоуничиженіемъ передъ сильными міра. (Явленіе довольно обыкновенное, хотя на первый взглядъ какъ-будто поражающее противорѣчіемъ). Вольтеръ былъ льстецъ. Такъ, его письма къ императрицѣ Екатеринѣ удивительны

по своей, непостижимой для нашего времени, беззастѣнчивой, безграничной лести. Онъ писалъ императрицѣ (дѣлаемъ сводъ выраженій изъ разновременныхъ его писемъ), что она выше Солона и Ликурга, выше Петра I, Людовика XIV, Ганнибала; римляне не устояли бы въ войнѣ съ нею; она—первая между царями, она—единственный великій человѣкъ въ Европѣ, она—первая особа въ свѣтѣ, она—предметъ удивленія въ Европѣ и Азіи; всѣ люди ничто передъ нею; она должна быть императрицей всего міра; душа ея—всеобъемлюща и ничто великое не можетъ ее удивлять; своимъ великодушіемъ приноситъ она честь человѣческому роду; умъ ея можетъ быть мѣриломъ всякаго достоинства; она учительница философовъ, она ученѣе всякихъ академій; она достойна храмовъ и памятниковъ, и всѣми этими качествами обладаетъ не какъ императрица, а какъ человѣкъ; она «благотворительница человѣческаго рода», душа и жизнь народовъ; она призвана преобразовать міръ въ другой видъ; она сдѣлала XVIII вѣкъ златымъ вѣкомъ; она «вперяетъ геройство» въ своихъ приближенныхъ; гдѣ она—тамъ рай, и жить подъ ея законами—блаженство; она—«святая», она—Ангелъ, передъ которымъ людямъ надо молчать благоговѣйно, она выше всѣхъ святыхъ, она равна Богородицѣ, она «Пресвятая Владычица Снѣговая», она—божество сѣвера и богопочитаніе ея повсемѣстно; онъ, Вольтеръ, потому только не презираетъ греческую церковь, что Екатерина—ея «глава». «Te Catharinam laudamus, Te dominam confitemur!» восклицаетъ знаменитый писатель по поводу побѣды русской императрицы надъ турками, святотатственно передѣлывая христіанскій гимнъ. Екатерина—выше природы, исторіи, философіи; она успѣваетъ дѣлать столько, сколько не можетъ дѣлать человѣкъ, когда въ суткахъ только 24 часа, потому что у нея не одна душа, а нѣсколько, и число талантовъ ея—тайна; лавры

нигдѣ больше не растутъ теперь, какъ только на сѣверѣ; философы отступаютъ отъ своихъ идей и убѣжденій, будучи очарованы ея великими дѣлами; «счастливъ будетъ тотъ писатель, который возможетъ исторію Екатерины Второй издать въ одно столѣтіе». Ея учрежденія—величайшія учрежденія міра: ея училище благородныхъ дѣвицъ—выше Сентъ-Сира; ея имперія—выше другихъ; ея законы—выше всѣхъ законовъ, ея Уложеніе—«всемірное Евангеліе». Наконецъ даже: празднества ея—самыя лучшія празднества; алмазъ, принадлежащій ей, больше Регента; руки ея—наипрекраснѣйшія во всемъ свѣтѣ и ноги ея—«бѣлѣе снѣгу въ Ея сторонахъ бывающаго». Про себя Вольтеръ говоритъ, что онъ до такой степени очарованъ императрицей, что, будучи врагомъ войны, жаждетъ, однако, извѣстій о побѣдахъ Екатерины: эти извѣстія исцѣляютъ его болѣзни, поддерживаютъ его жизнь. Онъ и д'Аламберъ только и дѣлаютъ, что ищутъ лавровъ для украшенія ея изображенія. Въ-заключеніе всѣхъ этихъ восторговъ Вольтеръ выражаетъ даже удивленіе, какъ это она снисходитъ до переписки съ такимъ ничтожествомъ, какъ онъ; великій писатель называетъ себя при этомъ «старымъ вралемъ» и «старой тварью».

Воззрѣніе Вольтера на народъ, презрѣніе его къ народу выразилось, если не такъ ярко, какъ въ письмахъ, то болѣе существенно въ сочиненіи, не такъ давно открытомъ В. И. Семевскимъ [1]). Въ 1767 году Вольное Экономическое Общество въ Петербургѣ предложило на конкурсъ тему—«о поземельной собственности крестьянъ». Въ отвѣтъ на вызовъ былъ присланъ въ Общество цѣлый рядъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ. Между ними есть и произведеніе Вольтера; оно носитъ девизъ: «si populus dives, rex dives». Это произведеніе было удостое-

[1]) Ст. В. И. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II», въ «Отеч. Зап.», 1879 г., №№ 10—12.

но отъ Общества почетнаго отзыва. По мнѣнію Вольтера, справедливость требуетъ, чтобы государь освободилъ церковныхъ рабовъ и своихъ собственныхъ. Но что касается помѣщиковъ, то имъ надо предоставить право — освобождать крестьянъ или нѣтъ, по ихъ собственному усмотрѣнію. Самъ Вольтеръ полагаетъ, что дворянамъ выгоднѣе отдавать земли въ оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ; но онъ думаетъ, что во всякомъ случаѣ земля должна принадлежать помѣщикамъ; онъ убѣжденъ, что крестьянамъ не надо имѣть поземельной собственности.

«Нужно (говоритъ онъ), чтобы были люди, которые бы ничего не имѣли, кромѣ рукъ и доброй воли... Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность».

Вольтеръ въ этомъ сочиненіи вѣренъ своей ненависти къ духовенству и своему всегдашнему взгляду на отношенія сословій.

2.

Г. Семевскій справедливо замѣчаетъ, что императрица Екатерина буквально исполнила программу Вольтера: она освободила монастырскихъ крестьянъ и не посягнула на права частныхъ владѣльцевъ.

На этомъ примѣрѣ мы такимъ образомъ наглядно видимъ, какъ сильно было вліяніе знаменитаго Фернейскаго философа на Екатерину,—она не изъ простой любезности называла себя его ученицей.

Съ раннихъ лѣтъ своей молодости до глубокой старости, до смерти, Екатерина считала и называла Вольтера своимъ учителемъ. Ея уваженіе къ нему и къ его сочиненіямъ было безгранично, переходило въ благоговѣніе. Нужно при этомъ замѣтить, что она воспиталась и образовалась на его сочиненіяхъ. «Я ему (Гримму) сказывала (писала императрица Вольтеру [1]) и о томъ, что

[1]) «Переписка Екатерины II съ г. Волтеромъ», т. II, стр. 168—169.

Вами можетъ быть и запамятовано, т. е. что Вы меня мыслить пріучили». Вольтера считала императрица величайшимъ писателемъ не только всѣхъ прошедшихъ временъ, но и будущихъ. «Не могу я не повторить тѣхъ же самыхъ словъ (писала она ему въ 1771 году [1]), словъ, которыя уже стократно говаривала, что никто до Васъ не писалъ такъ, какъ Вы, и что сомнительно, чтобы кто-нибудь и послѣ Васъ могъ сравняться съ Вами». — Величайшій человѣкъ по уму, Вольтеръ въ глазахъ Екатерины такъ же высокъ и нравственно:

«быть ходатаемъ за родъ человѣческій и защитникомъ угнетаемой невинности (говоритъ она про него ему самому [2]), это такія рѣдкія дѣянія, кои заслуживаютъ безсмертное имя и рождаютъ къ Вамъ неизъяснимое почтеніе. Вы противоборствовали всѣмъ совокупившимся врагамъ человѣковъ: суевѣрію, изступленію, невѣжеству, ябедѣ, безсовѣстнымъ судьямъ и той власти, которая раздроблена по разнымъ рукамъ. Для преодолѣнія сихъ препонъ многія качества и добродѣтели потребны; и Вы доказали, что ихъ имѣете, поколику побѣдили».

Благоговѣйное уваженіе Екатерины къ Вольтеру такъ велико, что она (по поводу своего спора съ нимъ о русскомъ обычаѣ цѣловать руку у священника) написала ему: «если Вы, пріѣхавъ сюда, сдѣлаетесь здѣсь сами священникомъ, то я стану у Васъ просить благословенія, по полученіи же онаго *охотно поцѣлую ту руку, которая столь много хорошаго, столь много полезныхъ истинъ написала*».

Не одну императрицу Екатерину увлекалъ Вольтеръ своими сочиненіями, не на одну ее у насъ на Руси вліяли онъ и другіе «философы» XVIII вѣка. Могущественному очарованію ихъ идей вообще, а его проповѣди въ особенности, поддавались люди всѣхъ слоевъ общества. Автору настоящаго сочиненія приходилось уже говорить объ этомъ довольно подробно, на основаніи записокъ современниковъ, въ другой своей книгѣ [3]). Такъ называемымъ «волтерьян-

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 196. [2]) Т. I, стр. 17. [3]) «Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769 — 1785 гг.». Спб. 1875 г.—Стр. 29, 30, 39.

ствомъ» увлекались у насъ и дурные люди — и хорошіе, и вѣрующіе — и не вѣрующіе, и глупцы — и умныя и талантливыя личности. Не повторяя сказаннаго уже, прибавимъ здѣсь два-три характерныхъ факта. Болотовъ повѣствуетъ въ своихъ «Запискахъ» (своимъ вялымъ, монотоннымъ языкомъ и по обыкновенію глуповато), что старикъ князь, отецъ его начальника, «любилъ читать книги и по днямъ большую часть времени занимался, сидючи одинъ въ комнатѣ, чтеніемъ». Онъ, «находясь при дверяхъ самаго гроба», обожалъ Вольтера, Гельвеція «и другихъ подобныхъ имъ изверговъ» [1]). — Д. В. Дашковъ, бывшій впослѣдствіи министромъ юстиціи, такъ писалъ о Вольтерѣ къ Н. Ѳ. Грамматину въ 1805 году: «Не удивляюсь тому, что Вольтеръ нравится тебѣ больше Корнеля. *Самые недостатки перваго плѣнительны,* а многія изъ лучшихъ мѣстъ втораго скучны и холодны для молодаго, пылкаго человѣка. Мнѣ досадно только то, что ты обижаешь Вольтера, говоря, что онъ упалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ругаетъ своихъ противниковъ... остерегайся, мой другъ, судить несправедливо такого человѣка, который, конечно, достоинъ нашего почтенія и благодарности». Въ другомъ письмѣ къ тому-же Грамматину Дашковъ поздравляетъ его «отъ всего сердца» съ тѣмъ, что онъ Вольтера призналъ выше «варвара Шекспира»: «Въ самомъ дѣлѣ поздравляю тебя! Главный шагъ уже сдѣланъ: нѣжныя и великолѣпныя красоты французовъ прельстили тебя, и съ сихъ поръ ты не иначе будешь смотрѣть на англичанъ..... какъ съ сожалѣніемъ, что они со всѣми ихъ талантами не родились, не образовались среди французовъ XVII и половины XVIII вѣка»! [2])— Извѣстный типографщикъ Селивановскій (у котораго Ради-

---

[1]) Записки Болотова, т. III, гл. 20 (въ «Русской Старинѣ», 1872 г., № 10, стр. 927—928. [2]) «Библіографическія Записки», 1859 г., № 9, стр. 258—259.

щевъ хотѣлъ-было печатать свое «Путешествіе») былъ, по свидѣтельству его сына [1]), человѣкомъ свободнаго образа мыслей, и его любимымъ чтеніемъ были «издаваемыя въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера».—Жихаревъ разсказываетъ въ своей книгѣ [2]) объ одномъ израненномъ, или «изрубленномъ въ котлету» маіорѣ Евреиновѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Липецкѣ: этотъ маіоръ «бредитъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія». Жихаревъ пробовалъ разувѣрить его насчетъ этихъ писателей и предлагалъ прочесть Шиллера: «куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта; не даетъ слова выговорить. — Да читали-ли вы что нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей? — Не читалъ и читать не хочу и не буду!» кричалъ пылкій не только въ бою, но и въ поклоненіи «философамъ» XVIII-го вѣка, воинъ.—Тотъ же Жихаревъ, говоря, что по счастію онъ получилъ въ дѣтствѣ въ деревнѣ благочестивое русское воспитаніе, замѣчаетъ, что это воспитаніе до такой степени было не въ духѣ вѣка, что надъ нимъ «издѣвались сосѣди» [3]). — Даровитый Добрынинъ въ своихъ художественныхъ запискахъ такъ проникнутъ идеями Вольтера и другихъ «философовъ» своего времени, что судитъ съ ихъ точки зрѣнія, обращаетъ свое сомнѣніе и свой юморъ на тѣ предметы, на которые любилъ обращаться умъ Вольтера. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напримѣръ, такимъ образомъ говоритъ объ евреяхъ: «они примѣтно похожи на своихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ серебро и золото, по согласію св. пророка Моисея, который потомъ, ушедши съ ними и съ покражею изъ Египта, прошелъ чудеснымъ образомъ

[1]) Записки Селивановскаго, въ «Библ. Зап.», 1858 г., № 17, стр. 526—527.
[2]) Записки Современника, Спб. 1859 г. стр. 121. [3]) Тамъ-же, стр. 39.

чрезъ море, удостоился получить скрижали завѣта и тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ-бы генералъ, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему именное царское повелѣніе» [1]). Добрынинъ, не вѣря самъ въ чудеса («въ наши грѣшныя времена, говоритъ онъ [2]), не могутъ мѣститься на землѣ великіе чудотворцы, кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ»), съ удивленіемъ и даже съ сожалѣніемъ разсказываетъ объ одномъ помѣщикѣ, Пассекѣ, что тотъ, думая, что «въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха» существуетъ «безчисленное множество міровъ», въ то же время вѣрилъ, что его чудесно избавилъ отъ болѣзни образъ Смоленской Божіей Матери. Добрынинъ прибавляетъ, что не онъ одинъ удивлялся вѣрѣ Пассека въ чудесное изцѣленіе: этому дивилась и дочь Пассека, «умная и бойкая барышня, лѣтъ 22-хъ»; она сказала Добрынину: «развѣ не можетъ все это присниться?» [3]).—Ученіе энциклопедистовъ объ эгоизмѣ, какъ руководящемъ принципѣ жизни, тоже усвоено Добрынинымъ: «что же въ родѣ смертныхъ (спрашиваетъ онъ [4]) есть безъ интереса? Да не онъ-то ли и есть, подъ различными именами и видами, душа и связь всего міра? міра моральнаго, натуральнаго и политическаго».

Русское общество Екатерининскихъ временъ не отличалось образованіемъ, было даже невѣжественно; и если идеи Вольтера и другихъ «философовъ» распространялись въ немъ, то въ большинствѣ случаевъ, конечно, не путемъ прямаго усвоенія философскихъ произведеній этихъ мыслителей, а посредствомъ ознакомленія съ болѣе популярными сочиненіями ихъ. Такъ, мысли Вольтера широкой волною вливались въ головы и души нашихъ предковъ чрезъ его романы и повѣсти, столь заманчивые

---

[1]) Записки Добрынина (Истинное повѣствованіе и т. д.) Спб. 1872 г. Стр. 134. [2]) Тамъ же, стр. 144. [3]) Тамъ-же, стр. 244. [4]) Тамъ-же, стр. 215.

и по своему остроумію, и по скабрезности своего содержанія. Даже императрица Екатерина, принадлежавшая несомнѣнно къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, многія мысли своего уважаемаго учителя взяла именно изъ его беллетристическихъ произведеній. Въ одномъ письмѣ 1768 года къ нему, императрица, разсказывая о привитіи себѣ оспы, прибавляетъ: «я вдобавокъ къ тому малому количеству лекарствъ, которыя даются въ продолженіе оспы, или и совсѣмъ не даются, употребляла три или четыре превосходныхъ лекарства, коими совѣтую всякому благомыслящему въ подобномъ случаѣ пользоваться, а именно: чтеніе Шотландки, Кандида, Добросердечнаго, Человѣка въ 40 талеровъ и Принцессы Вавилонской; послѣ сихъ лекарствъ нельзя чувствовать ни малѣйшей боли».—Вольтеръ считался въ свое время поэтомъ и ставился своими поклонниками выше Шекспира и Шиллера.—Для насъ теперь, разумѣется, ясно, что поэтическимъ даромъ знаменитый писатель не обладалъ; но его повѣсти полны интереса по умѣнью живо разсказывать занимательныя событія, а главное по умѣнью ясно и общедоступно излагать отвлеченныя воззрѣнія. Вольтеръ пользовался поэтической формой для популяризированія своихъ идей. Это, конечно, тѣ же идеи, что̀ въ «Философскомъ словарѣ» и другихъ сочиненіяхъ; но, выведенныя изъ отвлеченной сферы въ реальную жизнь, онѣ, если можно такъ выразиться, еще болѣе оматерьялизировались. Скептицизмъ, покинувъ умственную область, оставилъ тамъ и свою отвлеченную чистоту и обратился на разбиваніе вѣры въ нравственную доблесть и силу человѣческой души въ ея проявленіяхъ какъ въ жизни индивидуумовъ, такъ и въ жизни обществъ и народовъ. Цинизмъ же въ воззрѣніяхъ знаменитаго писателя на человѣческую природу и людскія отношенія, обратившись къ реальнымъ фактамъ жизни, нашелъ себѣ богатую пищу въ изображеніи обширнаго ряда

неприличныхъ похожденій и событій. За грязными картинками, съ любовью и обстоятельностью рисуемыми Вольтеромъ, скрываются и зачастую исчезаютъ даже добрыя намѣренія автора; такъ, желаніе обличить безнравственность и лицемѣріе католическаго духовенства отступаетъ на второй планъ передъ яркой, соблазнительной картиной похожденій монаховъ въ повѣсти «Письма Амабеда»; тоже надо сказать про борьбу съ фанатизмомъ и суевѣріями и вообще про свѣтлыя идеи Вольтера. Что же касается софизмовъ и непримиренныхъ противорѣчій, то ихъ въ романахъ и повѣстяхъ больше, чѣмъ въ философскихъ трактатахъ, потому что имъ, конечно, удобнѣе скрываться въ запутанныхъ изображеніяхъ житейскихъ событій, чѣмъ въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Ограничимся этими общими указаніями и не будемъ подробно разбирать беллетристическихъ произведеній знаменитаго писателя: такой разборъ сдѣланъ нами въ другомъ сочиненіи (въ книгѣ о Новиковѣ).

Мефистофель теряетъ свое обаяніе (обаяніе силы сомнѣнія, силы разлагающей мысли), когда спускается съ высоты своей отвлеченности въ дѣйствительность,—онъ ведетъ тогда Фауста, т. е. человѣка, въ грязь жизни, въ наслажденіе животными благами и радостями. — Нельзя сказать, разумѣется, что романы Вольтера создали развратъ общества XVIII вѣка; но что они этотъ развратъ поддерживали и развивали—это несомнѣнно. Да и сами они, какъ и творецъ ихъ, были созданіемъ и яркимъ выраженіемъ низко стоявшаго въ нравственномъ отношеніи, разлагавшагося французскаго общества.—Что́ это было за общество, мы видимъ изъ картины его, нарисованной въ тѣхъ же повѣстяхъ (напримѣръ: въ «Простодушномъ», въ романѣ «Свѣтъ какъ онъ есть»), видимъ изъ «Исповѣди» Руссо, изъ живыхъ, остроумныхъ, художественныхъ писемъ Фонвизина изъ-заграницы, изъ «Писемъ русскаго путе-

шественника» Карамзина. — Не будемъ здѣсь останавливаться на «Исповѣди» великаго романтика (это сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ); замѣтимъ только, что особенно трагическое впечатлѣніе при чтеніи ея производитъ созерцаніе того, какъ самъ знаменитый протестантъ противъ общественной неправды и безнравственности путается въ нравственныхъ вопросахъ, падаетъ и не умѣетъ, не можетъ отличить добра отъ зла.—Не будемъ останавливаться и на письмахъ Фонвизина (о нихъ рѣчь впереди); приведемъ только замѣчательный отзывъ о нихъ Бѣлинскаго; да позволимъ себѣ выразить сомнѣніе въ полной, будто-бы, несправедливости взведеннаго нашимъ путешественникомъ обвиненія на «философовъ» вѣка въ корыстолюбіи и эгоизмѣ (по крайней мѣрѣ, сомнѣніе наше коснется нѣкоторыхъ изъ философовъ).

Бѣлинскій говоритъ о письмахъ Фонвизина изъ Франціи:

«Читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшной картинѣ французскаго общества, такъ мастерски нарисованной нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами французы, далеко былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота». (Соч., т. VIII, стр. 119).

Бѣлинскій, говоря эти слова, конечно, не увлекался національными пристрастіями: онъ былъ въ это время западникомъ, какъ и всегда (въ данномъ случаѣ это надо особенно помнить).

Что же касается «философовъ», то, не дѣлая обобщеній, приведемъ нѣсколько частныхъ фактовъ, относящихся къ двоимъ изъ нихъ, къ Дидро и Гримму. Обѣ эти знаменитости были въ Петербургѣ, пріѣзжали къ императрицѣ Екатеринѣ.

3.

Дидро принято у насъ, начиная еще съ записокъ кн. Дашковой, считать за энтузіаста, горячо и искренно, даже наивно увлекавшагося идеями, за человѣка въ выс-

шей степени безкорыстнаго, благороднаго и нѣжнаго въ дружбѣ; кн. Дашкова называетъ его, кромѣ того, «проницательнымъ и глубокомысленнымъ геніемъ». Руссо (въ своей «Исповѣди» [1]) думаетъ иначе: онъ заподозрилъ искренность и безкорыстіе Дидро. Жанъ-Жаку Руссо не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ довѣрять (говорятъ обыкновенно), потому что онъ былъ мизантропъ, болѣзненно-недовѣрчивый человѣкъ... Но вотъ о чемъ, однако, свидѣтельствуютъ событія [2]).

Императрица Екатерина купила у Дидро его библіотеку, которую до его смерти оставила въ его пользованіи; но такъ какъ онъ послѣ покупки завѣдовалъ уже не своею, а чужою собственностью, то императрица назначила ему жалованье; съ намѣреніемъ, или случайно жалованье это два года не выдавалось; тогда, во избѣжаніе повторенія такой ошибки, она приказала выдать ему единовременно 50,000 франковъ... Безкорыстный философъ не погнушался принять фантастическую должность библіотекаря въ своей собственной библіотекѣ!—Послѣ выдачи ему названнаго капитала, Дидро почувствовалъ желаніе ѣхать въ Петербургъ лично благодарить императрицу. Авторъ сочиненія «Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II», г. Шугуровъ, говоритъ, что поведеніе Дидро въ Петербургѣ при дворѣ Екатерины, куда онъ прибылъ въ 1773 году, было «честно и возвышенно».—«Нельзя заподозрить похвалу мою (пишетъ самъ Дидро про свои отношенія къ императрицѣ), ибо я обвелъ щедрость ея самыми тѣсными границами» [3]). «Возвращаюсь къ вамъ (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ [4]) обремененный почестями. Если я пожелалъ бы чер-

---

[1]) Исповѣдь Ж. Ж. Руссо. Пер. Устрялова. Спб. 1865 г. Стр. 402, 434—435. [2]) «Фонвизинъ». Соч. кн. П. А. Вяземскаго. Прилож. «Дидеротъ въ Петербургѣ».—Осьмнадцатый вѣкъ, ч. I, 1869 г. Ст. г. Шугурова: «Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II».—«Историческій Вѣстникъ», 1880 г., октябрь. Письмо Дидро къ женѣ. Сообщ. Л. Н. Майкова. [3]) «Фонвизинъ». Кн. Вяземскаго. Стр. 315—316. [4]) Тамъ же, стр. 313.

пать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ».—Оставивъ въ сторонѣ скептическій вопросъ (который можетъ возникнуть)—а что, еслибы не было въ Петербургѣ злоязычниковъ, а въ Парижѣ невѣрующихъ? оставивъ этотъ вопросъ, нельзя не замѣтить, однако, странности похвальбы человѣка тѣмъ, что онъ не попользовался изъ чужой шкатулки. Дидро не «черпалъ пригоршнями» русскихъ денегъ... но пріѣхавши благодарить за низачто-нипрочто подаренный ему капиталъ, онъ, однако, при отъѣздѣ попросилъ императрицу заплатить всѣ издержки его путешествія въ Петербургъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ въ одномъ письмѣ [1]: «императрица изволила согласиться на всѣ просьбы мои, представленныя ей, когда я откланивался, я просилъ уплатить путевые расходы пріѣзда и обратные и пребыванія моего, замѣтивъ, что философъ путешествуетъ не по-барски,—исполнено». А между тѣмъ онъ получилъ въ Петербургѣ еще въ подарокъ три кошелька съ 12,600 франковъ.—Не ограничиваясь настоящимъ, Дидро заручился и обѣщаніемъ императрицы помочь ему въ будущемъ, въ случаѣ если онъ раззорится по какимъ либо причинамъ.—Въ своемъ письмѣ къ женѣ изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года [2]), знаменитый «философъ» гововоритъ, что, уѣзжая, онъ подалъ Екатеринѣ просьбу не дѣлать ему больше подарковъ. Повидимому это совершенно безкорыстно; а между тѣмъ то же письмо свидѣтельствуетъ, что Дидро мучился сомнѣніемъ—не вздумала бы императрица въ самомъ дѣлѣ исполнить его желаніе; онъ передаетъ мучившій его вопросъ женѣ: «полагаешь ли ты (пишетъ онъ), что императрица исполнитъ мою просьбу?» Въ этихъ скептическихъ словахъ такъ и слышится жажда

[1]) Тамъ же, стр. 314. [2]) «Историческій Вѣстникъ», 1880 г., октябрь.

денежнаго подарка отъ Екатерины. Надежды на этотъ подарокъ возбудились въ Дидро послѣ разговора съ шведскимъ посломъ барономъ Нолькеномъ (разговоръ передается въ томъ же письмѣ). Нолькенъ видимо утѣшалъ философа тѣмъ, что онъ поступилъ благородно и исполнилъ свой долгъ, но что и императрица, въ свою очередь, въ долгу не останется, только, соблюдая деликатность, отсрочитъ минуту своего благодѣянія.—Интересна еще одна подробность письма: Дидро мучился въ дорогѣ сомнѣніемъ — подарить или нѣтъ часы сопровождавшему его изъ Петербурга, по повелѣнію императрицы, офицеру?

Изъ отношеній Дидро къ Екатеринѣ въ Петербургѣ мы невольно выносимъ сомнѣніе и въ томъ, что онъ былъ энтузіастъ идеи, что мысль была ему всего дороже.— Императрица приняла его въ высшей степени любезно: онъ могъ ежедневно являться къ ней и бесѣдовать съ 3-хъ до 5-ти или 6-ти часовъ вечера. Съ жаромъ и увлеченіемъ развивалъ онъ передъ нею свои мысли, съ такимъ увлеченіемъ, что порой въ пылу разговора трепалъ ее по колѣнямъ. Какой же былъ результатъ подобныхъ бесѣдъ? Въ 1787 году, во время своего Таврическаго путешествія, императрица такъ разсказывала объ этомъ французскому послу гр. Сегюру:

«Я долго и часто съ нимъ (т. е. съ Дидро) бесѣдовала, но болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я послушалась его, то пришлось бы все перевернуть въ моемъ государствѣ: законы, администрацію, политику, финансы—уничтожить все и замѣнить несбыточными теоріями. При всемъ томъ, такъ какъ я болѣе слушала его, чѣмъ говорила, то, взглянувъ на насъ со стороны, можно было бы принять его за строгаго наставника, а меня за покорную его ученицу. По всей вѣроятности и ему самому такъ думалось; ибо по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что въ управленіи моемъ не послѣдовало никакихъ великихъ нововведеній, которыя онъ мнѣ совѣтовалъ, онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ оскорбленной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я откровенно сказала ему: господинъ Дидро! я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы

имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ: она гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ, какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги.—Я увѣрена (заключила императрица), что съ тѣхъ поръ онъ началъ смотрѣть на меня съ сожалѣніемъ, считая меня женщиной простой и ограниченной. Съ того времени онъ говорилъ со мною только о литературѣ: политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ» [1]).

Но императрица ошиблась насчетъ Дидро: онъ не измѣнилъ своего взгляда на нее:

«Что за государыня! что за необыкновенная женщина! (писалъ онъ изъ Гаги 15-го іюня 1774 года, по отъѣздѣ изъ Петербурга). Непостижимая твердость въ мысляхъ со всею обольстительною и возможною легкостью въ выраженіи; любовь истины, доведенная до высшей степени!» [2]).

Какъ понять эти восторженныя восклицанія послѣ того, что разсказываетъ императрица? Для Дидро видимо очень мало значило то обстоятельство, что его идеи не имѣли никакого реальнаго успѣха въ Петербургѣ. Онъ былъ доволенъ и счастливъ, потому что бесѣдами запросто съ императрицей удовлетворены были его гордость и тщеславіе.

«Милостивыя государыни и пріятельницы! (восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ изъ Гаги [3]), клянусь вамъ, что это время было наисчастливѣйшимъ въ жизни для моего самолюбія! О, тутъ спорить нечего, вы должны будете вѣрить тому, что скажу вамъ о сей необыкновенной женщинѣ!» и т. д.

Ясно, что эгоизмъ въ Дидро былъ сильнѣе любви къ идеѣ.

Кстати будетъ привести еще одинъ фактъ: въ письмѣ своемъ изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года [4]), Дидро разсказываетъ, между прочимъ, какъ онъ проводитъ время въ Гагѣ въ домѣ русскаго посла кн. Голицына:

«Мы (т. е. онъ и княгиня Голицына) охотно споримъ до бѣшенства; я не всегда соглашаюсь съ мнѣніями княгини, хотя мы оба заражены страстью къ древности; но князь будто обязался намъ противорѣчить: Гомеръ дурачекъ, Плиній отъявленный глупецъ, китайцы — честнѣйшіе люди въ свѣтѣ и т. д. Весь этотъ народъ намъ не братья и не закадычные пріятели, и потому въ споры наши вмѣшивается одна веселость и живость и частица самолюбія для приправы».

---

[1]) Записки гр. Сегюра. Спб. 1865. [2]) «Фонвизинъ». Кн. Вяземскаго. Стр. 315—316. [3]) Тамъ же, стр. 315. [4]) Тамъ же, стр. 137. — Осмнадц. вѣкъ, ч. I, 1869 г., стр. 367.

И такъ, горячо отстаивая въ спорахъ свои мысли, Дидро, однако, въ-сущности (по собственному признанію) не дорожитъ ими: ему все равно — дуракъ Гомеръ или нѣтъ, — онъ ему не братъ. Не таковы бываютъ энтузіасты идеи.

Баронъ Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, по свидѣтельству Руссо [1]), былъ человѣкъ низкій и фальшивый. Явившись во Францію бѣднякомъ, безъ связей, онъ былъ очень скроменъ и заискивалъ во всѣхъ. Руссо сблизился съ нимъ, познакомилъ его со своими друзьями, помогалъ ему. Въ отплату Гриммъ сталъ потомъ относиться къ нему высокомѣрно и покровительственно. Я никогда не могъ понять (говоритъ Руссо), почему онъ оказался моимъ меценатомъ? — Безсердечный, холодный, какъ ледъ, Гриммъ, войдя въ моду, прослылъ чудомъ любви, дружбы и привязанностей всякаго рода; онъ прослылъ между женщинъ человѣкомъ съ сильными чувствами. «Столько же фатъ, сколько тщеславный баринъ, онъ съ своими большими мутными глазами и безобразнымъ лицомъ имѣлъ претензію нравиться женщинамъ.... онъ заразился женскою страстью къ нарядамъ, сталъ краситься, и туалетъ сдѣлался для него важнымъ занятіемъ», онъ бѣлился и посвящалъ много времени на чистку ногтей особой щеточкой. Руссо удивляется какъ можно было ему при этомъ хвастаться своею чувствительною душою и энергіею чувствъ. «Какъ согласовать это съ пороками, свойственными однимъ только мелкимъ душамъ?» «Съ своимъ рѣзкимъ по природѣ обращеніемъ онъ соединялъ еще гордость выскочки (продолжаетъ авторъ «Исповѣди»), и своею грубостью дѣлался даже смѣшнымъ. Связи его съ знатью до того сбили его съ толку, что онъ присвоилъ себѣ манеры, которыя встрѣчаются только развѣ

[1]) Исповѣдь Руссо, перев. Устрялова, въ 2-хъ ч. Спб. 1865 г. Стр. 523—525.

у самыхъ безразсудныхъ вельможъ», онъ призывалъ, напримѣръ, своего лакея крикомъ: эй! какъ будто по многочисленности слугъ не зналъ—кто дежурный; давая слугѣ порученіе, бросалъ деньги на полъ. — «Я вспомнилъ (прибавляетъ Руссо) сущность его нравственнаго ученія, которое г-жа д'Эпине передала мнѣ и которое она приняла сама. Эта мораль заключалась въ томъ, что единственная обязанность человѣка—слѣдовать влеченіямъ своего сердца... вскорѣ я увидѣлъ, что это правило, дѣйствительно, руководило имъ въ жизни, и убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ».

Трудно допустить, что въ этихъ словахъ Руссо заключается фактическая ложь. Положимъ, однако, что по своей мнительности Руссо неправильно истолковываетъ смыслъ многихъ фактовъ. Но вотъ передъ нами собственное свидѣтельство Гримма о себѣ—«Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей преданности императрицѣ Екатеринѣ II, до кончины ея величества» [1]). Записка эта писана, по всей вѣроятности, для императора Павла.

Личность Гримма выступаетъ здѣсь изъ его собственныхъ словъ очень рельефно, и она оказывается весьма непривлекательной. Онъ рисуетъ себя, разумѣется, человѣкомъ безкорыстнымъ и не эгоистомъ; но по какой-то странной нравственной слѣпотѣ ему не удается скрыть своихъ настоящихъ свойствъ. Такъ напримѣръ, онъ разсказываетъ, что когда императрица предложила ему начальствовать надъ заводимыми ею училищами, то онъ отказался тогда *по незнанію русскаго языка;* теперь же, въ «Запискѣ» онъ указываетъ другую причину своего отказа: это — боязнь, «что столь блестящая перемѣна въ службѣ... не можетъ быть продолжительна. Я предпочиталъ (говоритъ онъ) полное лишеніе предлагае-

[1]) Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. II, 1868 года.

маго невѣрной возможности его потерять. Таково сердце человѣческое!» Гриммъ сожалѣетъ теперь, что отказался прежде отъ мѣста (не сознавая неблаговидности и этого сожалѣнія, и истинной причины прежняго отказа). — Онъ увѣряетъ далѣе въ «Запискѣ», что смерть императрицы погрузила его въ такую скорбь, что онъ чуть не сошелъ въ могилу. Но изъ самой же «Записки» оказывается, что истинною причиною этой скорби была не привязанность къ усопшей, а боязнь потерять доходъ; дѣло въ томъ, что онъ получалъ отъ императрицы Екатерины 2,000 рублей жалованья за сообщеніе ей политическихъ и общественныхъ новостей во Франціи и за исполненіе нѣкоторыхъ ея порученій къ французскимъ министрамъ, и онъ опасался, что Павелъ прекратитъ это жалованье. Его возвратило къ жизни (по его собственнымъ словамъ) только полученное имъ извѣстіе, что императоръ утвердилъ его въ его должности, т. е. увѣренность, что онъ будетъ по-прежнему получать 2,000 р. Должно быть, чтобы обезпечить за собой эти 2,000, онъ старается увѣрить, что былъ искренно и безпредѣльно преданъ Екатеринѣ, и приэтомъ самымъ грубымъ образомъ преувеличиваетъ свое чувство (если оно и было); онъ увѣряетъ, что

«создалъ вдали отъ нея (императрицы Екатерины) нѣчто въ родѣ религіи, имѣвшей предметомъ исключительно ее, служеніе ей. Мысль о ней сдѣлалась для меня до того обычною, что не покидала меня ни днемъ, ни ночью, сосредоточивая всѣ мои мысли. Гдѣ бы я ни жилъ, въ уединеніи ли, въ вихрѣ ли свѣта, императрица всегда была передо мною. Расхаживая, путешествуя, или живя на мѣстѣ, сидя, лежа (какое, замѣтимъ мимоходомъ, холодно-риторическое соединеніе противоположеній!), что я дѣлалъ? лишь одно: лишенный возможности говорить съ нею, я мысленно писалъ цѣлые томы; половина ночи проходила въ письменномъ изложеніи моихъ мыслей, а между тѣмъ эта нескончаемая переписка передавала лишь частицу того, что я думалъ».

Но самое интересное и важное въ «Запискѣ» Гримма, это слѣдующія слова, характеризующія его взглядъ на самого себя. Разсказавъ, какъ онъ былъ тронутъ мило-

стями императрицы, и какъ едва удержалъ слезы, онъ прибавляетъ:

«Больше чѣмъ когда-нибудь мнѣ хотѣлось броситься къ ногамъ императрицы, умоляя ее сохранить меня въ числѣ *собакъ* ея».

Такъ понималъ и уважалъ человѣческое и свое личное достоинство гордый и тщеславный баронъ Гриммъ! Онъ не находилъ ничего унизительнаго въ сопоставленіи себя съ собаками императрицы. И это былъ одинъ изъ представителей «освободительной философіи» XVIII вѣка!

Вотъ нѣсколько умственныхъ и нравственныхъ чертъ французской философіи и французскихъ нравовъ прошедшаго столѣтія, которыя такъ сильно вліяли на нашу русскую жизнь, на русское общество Екатерининской эпохи.— При невѣжественности и нравственной грубости этого общества, неудивительно, что оно воспринимало въ себя преимущественно вліяніе темныхъ и ложныхъ сторонъ ученія энциклопедистовъ. Что же касается литературы, то хотя и въ ней темныя вліянія брали перевѣсъ, но въ ней мы найдемъ и отраженіе свѣтлыхъ, «освободительныхъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова идей философіи вѣка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вліяніе «освободительныхъ» идей на сочиненія императрицы Екатерины и на журналы Новикова.

Будущее время, дальнѣйшее изученіе Екатерининской эпохи, подмѣтитъ, вѣроятно, не мало отраженій свѣтлой стороны идей «освободительной» философіи въ фактахъ нашей словесности. Но и въ настоящую минуту мы можемъ опредѣлительно указать, что, напримѣръ, борьба Вольтера съ предразсудками, фанатизмомъ, суевѣріями, что его скептицизмъ отразились свѣтло и ярко въ сочи-

неніяхъ императрицы Екатерины и... какъ это ни странно съ перваго взгляда—въ журналахъ Новикова.

Императрица Екатерина не любила, какъ извѣстно, всего туманнаго, мистическаго, не уживавшагося съ яснымъ разсудкомъ; и потому она враждебно относилась къ масонству. Нельзя сказать, чтобы ея отношенія къ этому направленію умовъ были совершенно вѣрны: въ воззрѣніяхъ императрицы на масонство слишкомъ много раціонализма, разсудочности; она совершенно не замѣчала того хорошаго, что несомнѣнно было въ орденѣ вольныхъ каменьщиковъ, и особенно въ отдѣльныхъ его членахъ, братьяхъ ордена. Но темныя его стороны, его фантастическія бредни и мечтанія, обманы и плутни, забиравшіеся въ масонскую среду и дурачившіе простодушныхъ, а иногда и непростодушныхъ братьевъ-каменьщиковъ, подмѣчены императрицей вѣрно и живо осмѣяны въ нѣсколькихъ ея комедіяхъ.

Въ комедіи «*Шаманъ Сибирскій*» [1]) Екатерина сближаетъ масоновъ съ сибирскими шаманами и съ кликушами. Герой комедіи — шаманъ Амбанъ-Лай; про него носятся слухи, что онъ «потаенно запершись въ погребу солнечные лучи въ котлѣ распускаетъ (явный намекъ на масоновъ) и изъ нихъ какую-то мазь варитъ». Этотъ Амбанъ-Лай погружается въ «восхитительныя думы», «гдѣ онъ бываетъ аки внѣ себя», и тогда кричитъ на разные звѣриные голоса, произноситъ какія-то непонятныя и безсмысленныя слова и т. п. Онъ «своими финтыфантами не только привлекаетъ массу посѣтителей, но и предсказаніями и угадками по чертамъ лица выманиваетъ у всѣхъ деньги колико можетъ» [2]). — Онъ по ремеслу сапожникъ, но живетъ пронырствомъ и обманомъ; такъ напримѣръ, «чтобы выманить у какой-то вдовы-купчихи

[1]) Полное собраніе соч. имп. Екатерины II, 3 т. Изд. А. Смирдина. Спб., 1849 г. Т. II. [2]) Тамъ же, стр. 502.

денегъ, онъ обѣщалъ ей показать мужа на-яву, и для этого приводилъ къ ней два дня сряду какихъ-то нарочно наряженныхъ бородачей, которыхъ она, испугавшись, принимала за мертваго сожителя» [1]).—Замѣчательно, что въ комедіи Амбанъ-Лаю менѣе всего вѣрятъ простые люди, слуги нѣкоего Бобина, у котораго онъ живетъ. — Основная мысль комедіи та, что масонство, пришедшее къ намъ изъ чужихъ земель, есть такое-же суевѣріе, какого у насъ дома много. Шамановъ «не зачѣмъ выписывать изъ-за моря» (говоритъ въ концѣ піесы одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Брагинъ). «Повидимому этова товару вездѣ сыскать можно»... (добавляетъ другое лицо—Кромовъ).

Въ комедіи «*Обманщикъ*» проводится та-же идея, что масонство есть обманъ и суевѣріе, и притомъ не новые. Въ заключительныхъ словахъ послѣдняго (5-го) акта одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новый, но едва не беретъ-ли онъ по временамъ на себя виды только разные» [2]).—Императрица, разумѣется, ошибается, дѣлая слишкомъ широкое обобщеніе; но что обманщики играли не малую роль въ орденѣ вольныхъ каменьщиковъ, въ этомъ она права.—Героемъ комедіи является нѣкто Калифалкжерстонъ, подъ которымъ надо разумѣть, конечно, извѣстнаго графа Каліостро, масона и фокусника. Масоновъ императрица называетъ здѣсь (вовсе, впрочемъ, не остроумно) «мартышками», пародируя наименованіе одной изъ сектъ ордена—«мартинисты». Калифалкжерстонъ—плутъ, пользующійся всякимъ случаемъ, чтобы извлечь для себя выгоду... Онъ явно обкрадываетъ глуповатаго и простодушнаго Самблина, выманивая у него червонцы и алмазы будто-бы для того, чтобы варить ихъ въ котлѣ и этимъ безконечно умножать; котелъ съ ними (говоритъ онъ) «при рожде-

[1]) Тамъ же, стр. 499. [2]) Тамъ же, стр. 600.

ніи новаго мѣсяца я сниму съ очага при свидѣтеляхъ и тогда окажется неисчерпаемое богатство, въ ономъ теперь зрѣющее» [1]).—Калифалкжерстонъ выдаетъ себя за человѣка, живущаго уже много столѣтій. Когда Самблинъ застаетъ его въ задумчивости, разговаривающимъ съ самимъ собою, и спрашиваетъ—съ кѣмъ это онъ бесѣдуетъ? онъ отвѣчаетъ, что къ нему приходилъ давнишній его знакомецъ—Александръ Македонскій.

«Я его зналъ (говоритъ шарлатанъ), когда онъ завоевалъ Персію; онъ тогда прошелъ съ войскомъ сквозь мои маетности; я ему поднесъ анкерокъ вина моего винограднаго, который ему столь понравился, что онъ на три дня остановился въ моемъ домѣ съ своими генералами, пилъ и ѣлъ со мною вмѣстѣ и послѣдній вечеръ пьянехонько всталъ изъ-за стола» [2]).

Калифалкжерстонъ увѣряетъ еще, что умѣетъ предсказывать по звѣздамъ судьбу человѣка до самаго его смертнаго часа. При этомъ онъ озадачиваетъ простодушно-довѣряющихъ ему людей загадочными, неясными, таинственными выраженіями.—Замѣчательно, что и въ этой пьесѣ, какъ въ «Шаманѣ Сибирскомъ», простой человѣкъ (по волѣ автора) скептически относится къ масонству: служанка Самблина называетъ разговоръ масоновъ непонятнымъ бредомъ.

Въ третьей комедіи того-же рода — «*Обольщенные*»—императрица высказываетъ простое и здравое возраженіе противъ «тайны» масонскаго ордена, «тайны» его ученій, обрядовъ и главное—дѣлъ: не зачѣмъ дѣлать добро потаенно, когда узаконенія даютъ возможность дѣлать его явно. Въ этой пьесѣ различные плуты обманываютъ честныхъ людей, притворяясь, будто хотятъ имъ сдѣлать добро.

Кромѣ названныхъ комедій, противъ масонства направлено еще сочиненіе императрицы Екатерины (впрочемъ довольно слабое)—«*Тайна противо-нелѣпаго общества*».

«Освободительныя» идеи отразились затѣмъ въ «На-

---

[1]) Тамъ же, стр. 566. [2]) Тамъ же, стр. 557.

казѣ», гдѣ императрица говоритъ противъ суевѣрій и отмѣняетъ пытки, и въ нѣкоторыхъ педагогическихъ сочиненіяхъ. Но о «Наказѣ» и педагогическихъ сочиненіяхъ Екатерины II рѣчь впереди.

Можетъ быть, болѣе существенно, по крайней мѣрѣ, съ бóльшей широтою, свѣтлыя идеи освободительной философіи отразились въ послѣднемъ періодѣ литературной дѣятельности Новикова, преимущественно въ послѣднемъ его журналѣ — «*Покоящійся Трудолюбецъ*» (1784 — 1785 гг.). Здѣсь помѣщенъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ фанатизма, противъ суевѣрія. Таковы: «Бильфельдово разсужденіе о тщетныхъ наукахъ и художествахъ» (ч. II), статья «О предвѣстіяхъ грядущихъ бѣдствій» (ч. I), «Сонъ» (ч. IV) и другія.

Что подобныя произведенія могли возникнуть подъ вліяніемъ именно философіи вѣка, на это прямо намекаетъ одна статья названнаго журнала—«Письмо къ издателямъ Покоящагося Трудолюбца». Авторъ этой интересной статьи, говоря о Вольтерѣ, находитъ въ знаменитомъ писателѣ много чертъ, заслуживающихъ осужденія; но съ другой стороны признаетъ въ немъ и достоинства.

«Кто бы ни былъ Вольтеръ (говоритъ онъ), хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не извинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ. По мнѣнію пустосвятовъ и по сію пору должны бы не угасать инквизиціонные костры и подземные заклепы должны бы наполняться стономъ людей, не состоящихъ или не хотящихъ быть въ полчищѣ фанатиковъ [1]).»

Кромѣ борьбы съ фанатизмомъ, кромѣ осмѣянія суевѣрія, мы встрѣчаемъ въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» и *скептицизмъ*. Скептицизмъ (въ его чистомъ видѣ) и составляетъ отличительный характеръ философскихъ статей и вообще философіи этого журнала Новикова. Есть въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» чрезвычайно интересное и важное въ этомъ смыслѣ сочиненіе, носящее нѣсколько странное

---

[1]) Покоящійся Трудолюбецъ, ч. IV. 1785 г., стр. 67—69.

и через-чуръ длинное заглавіе—«Человѣкъ наединѣ разсуждающій о неудоборѣшимыхъ пневматологическихъ, психологическихъ и онтологическихъ задачахъ» [2]).

Здѣсь мы встрѣчаемъ почти прямой переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ вольтеровскаго трактата «Душа» (въ «Философскомъ словарѣ»). Мы ничего не знаемъ о существѣ вещей (говоритъ авторъ): можетъ быть это происходитъ отъ того, что мы по большей части заимствуемъ понятія свои отъ однихъ чувствъ. Оттого мы и не можемъ «проникнуть проходы и скважины огромной машины, которой одни только дѣйствія намъ видны». Все это можно примѣнить къ нашимъ понятіямъ о душѣ:

«душа, говорятъ философы, есть существо; но что есть существо? Не знающіе при этомъ вопросѣ молчатъ, а разумные сами себѣ противорѣчатъ, и молчаніе однихъ не яснѣе пустословія другихъ».—«Можно ли больше понимать о рожденіи душъ, какъ и о ихъ существѣ?»

Рождается-ли душа отъ души? существуетъ-ли душа человѣка до рожденія? имѣетъ ли она тогда понятіе о своемъ бытіи?—Все это намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какъ человѣкъ переходитъ отъ состоянія, когда имѣлъ только способность чувствовать и мыслить, къ состоянію, когда свободно чувствуетъ и мыслитъ? Затѣмъ, точно также непонятны намъ отношенія души и тѣла.

«По какому особому механизму существо безъ протяженія можетъ быть соединено съ существомъ, имѣющимъ протяженіе?»—«Почему душевныя способности, которыя не сотворены изъ вещества, возрастаютъ по мѣрѣ чувствъ тѣлесныхъ, которыя не суть духъ?»—«Какъ душа дѣйствуетъ во внутренности человѣка и какое бываетъ отраженіе матеріи на духъ? Какъ зрительная жилка трогаетъ душу?»

Далѣе,—гдѣ «жилище души?» Разные философы указываютъ на разныя части тѣла;

«но духовный человѣкъ не равно ли станетъ удивляться глупости отвѣтовъ, какъ и запросовъ? Для чего, скажетъ онъ, думаютъ они, яко бы душа заключена въ тѣлѣ, подобно какъ существо могущее быть содержимо въ сосудѣ? Помѣщать душу въ малѣйшихъ мозговыхъ сосудахъ есть заблужденіе столь же грубое, какъ и думать, что она обитаетъ въ солнцѣ».

[2]) Тамъ же, ч. II, 1784 г.

Затѣмъ, также непостижимы уму нашему и самыя душевныя силы:

«кто можетъ истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманываютъ, чѣмъ разумъ: я розу не приму за алмазъ, а всякій день малыя причины принимаю за великія».

Наконецъ,

«гдѣ тѣ предѣлы, которые различаютъ въ человѣкѣ свободное и несвободное дѣйствіе? Я свободенъ, но для чего мои глаза повинуются моей волѣ, а кровь не повинуется?»

«Наше разсужденіе (заключаетъ авторъ свою статью) не далѣе простирается своимъ понятіемъ и о будущемъ состояніи души, какъ о ея началѣ и существѣ. Ибо вамъ говорятъ философы, что она безсмертна, а болѣе ничего» [1]).

Таковы основныя мысли статьи «Покоящагося Трудолюбца.» Если мы сравнимъ всѣ здѣсь выписанныя соображенія и скептическіе вопросы съ приведенными выше идеями Вольтера изъ его трактата «Душа», то увидимъ, что русскій журналъ былъ въ этихъ вопросахъ подъ явнымъ вліяніемъ знаменитаго французскаго писателя. Но есть, однако (и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе), и огромная разница между міросозерцаніемъ Вольтера и нашего «Покоящагося Трудолюбца».—Мы видѣли, что французскій философъ не можетъ и не хочетъ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о душѣ (какъ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ) удержаться на высотѣ чистаго, отвлеченнаго скептицизма,—онъ переходитъ отъ него къ матерьялистическимъ вѣрованіямъ, переходитъ притомъ путемъ софизмовъ, порой даже грубыхъ и циническихъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ новиковскомъ журналѣ: знаменитый издатель «Покоящагося Трудолюбца» съумѣлъ взять изъ Вольтера одинъ его чистый скептицизмъ, отбросивши все примѣшавшееся къ нему нечистое и ложное, какъ пчела умѣетъ высосать изъ цвѣтка одинъ его чистый медовый сокъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ вліянія свѣтлыхъ сторонъ

---

[1]) Покоящійся Трудолюбецъ, ч. II, стр. 66—74.

«освободительной философіи» на нашу литературу. Повторяемъ, что ими дѣло, конечно, не исчерпывается и подобныхъ примѣровъ найдется еще не мало.

II.

Вліяніе на русскую литературу темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка.—Поэмы В. Майкова.

Но едва-ли можно сомнѣваться, что вліяніе темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка было у насъ сильнѣе; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что оно отразилось на несравненно большемъ числѣ литературныхъ произведеній, или (точнѣе сказать) цѣлыхъ видовъ словесности. Можетъ быть, это потому, что въ самой «освободительной философіи» начало злое и ложное пересиливало свѣтъ истины.

Такъ, мутная струя чувственности, легкомыслія и снисходительныхъ отношеній къ жизненному злу (одинъ изъ элементовъ философіи вѣка) охватила у насъ цѣлый рядъ особаго рода сочиненій, извѣстный подъ названіемъ «комической оперы», завладѣла однимъ изъ направленій журналистики, и выразилась въ дѣятельности нѣсколькихъ даровитыхъ писателей, напр. Вас. Майкова, Богдановича, имп. Екатерины.

Она, эта темная струя, захватила, впрочемъ, названныхъ писателей не цѣликомъ! У Майкова и Богдановича она выразилась, среди ряда чуждыхъ ей произведеній, почти только въ *поэмахъ*. Но, къ сожалѣнію, именно эти поэмы и были ихъ главными созданіями, составившими ихъ славу.

Василій Ивановичъ *Майковъ* [1]) (1728 — 1778) былъ сынъ ярославскаго помѣщика и получилъ очень неблестя-

[1]) Сочиненія В. И. Майкова, изд. Глазунова, 1867 г., подъ ред. Л. Н. Майкова. Здѣсь и біографія поэта.

щее образованіе; такъ, онъ не зналъ никакого иностраннаго языка. Въ 1748 г. онъ поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Можно догадываться, что эта служба не могла хорошо повліять на душу даровитаго юноши. «Всѣмъ извѣстно (говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ), что ничто все благородное россійское юношество такъ много не портило, какъ гвардія: въ ней-то служа они дѣлались и повѣсами, и шалунами, и мотами, и расточителями имѣнія своего, и буянами, и негодяями; словомъ гвардейская служба, въ которой утопали они только въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою». Къ чести Майкова слѣдуетъ сказать, что по выходѣ изъ полка въ отставку, онъ занялся самообразованіемъ и сблизился съ замѣчательными писателями и общественными дѣятелями: Сумароковымъ, Херасковымъ, Дмитріевымъ, Бибиковымъ и] другими. Впослѣдствіи онъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и затѣмъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ.—Какъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни Майкова замѣчается двойственность. Съ одной стороны онъ сближается съ мистиками и масонами, участвуетъ въ журналѣ Хераскова «Полезное увеселеніе» и самъ дѣлается масономъ (онъ посѣщалъ въ Петербургѣ ложу Ураніи, а въ 1775 году былъ сдѣланъ великимъ провинціальнымъ секретаремъ Великой провинціальной ложи; въ Москвѣ сошелся съ главой масонства у насъ—Шварцомъ, и способствовалъ знакомству послѣдняго съ Новиковымъ); съ другой стороны—онъ былъ близокъ съ извѣстнымъ въ свое время вольтерьянцемъ, кн. Козловскимъ, и выдающеюся чертой въ его характерѣ была, какъ у всѣхъ вольтерьянцевъ, любовь къ удовольствіямъ.—Въ пользу Майкова говоритъ, однако, то обстоятельство, что онъ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ и участвовалъ въ его «Трутнѣ». Новиковъ и въ журна-

лахъ своихъ, и въ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» отзывался о Майковѣ, какъ объ авторѣ съ большимъ уваженіемъ.—Майковъ былъ честенъ. Но опредѣленныхъ политическихъ или общественныхъ убѣжденій у него не было: это былъ человѣкъ даровитый, но не имѣвшій сознательнаго направленія, и потому носившійся по вѣтру различныхъ идей.

Въ поэзіи его мы находимъ задатки возвышеннаго религіознаго лиризма; этому, какъ можно предположить, способствовало его религіозное воспитаніе въ родительскомъ домѣ и сношенія съ Новиковымъ. Изъ духовныхъ его одъ слѣдуетъ указать, какъ на самую лучшую, на оду «О суетѣ міра», написанную въ 1775 году:

Все на свѣтѣ семъ превратно,
Все на свѣтѣ суета,
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица пріятство
Сила, здравіе, богатство,
И порфира, и виссонъ,
Что въ очахъ намъ ни блистаетъ,
Все то, яко воскъ растаетъ,
И минется, яко сонъ.

Эти стихи, прекрасные и по формѣ, и по возвышенности выраженнаго въ нихъ взгляда на жизнь, несомнѣнно проникнуты вдохновеніемъ. Объ умѣньи Майкова понимать поэтическія красоты библіи и о возвышенности порой его мысли свидѣтельствуетъ «Переложеніе псалма 136 — на рѣкахъ Вавилонскихъ». — Въ стихотвореніи «Война» поэтъ, проникнутый религіознымъ лиризмомъ, описывая ужасы битвъ, осуждаетъ войну; замѣчательно, что онъ включилъ въ это свое сочиненіе заимствованную имъ изъ народныхъ духовныхъ стиховъ—жалобу земли къ Богу на грѣшниковъ.—Майковъ даже пытается въ своихъ стихотвореніяхъ бороться противъ матерьялизма; такъ, въ одѣ «Преосвященному Платону о безсмертіи души»

онъ высказываетъ мысль, что о безсмертіи человѣка свидѣтельствуетъ ненасытность человѣческихъ желаній, наша жажда безсмертія. Ужели можно думать, говоритъ онъ,

Чтобъ Богъ, податель всѣхъ мнѣ благъ,
Источникъ всѣхъ существъ согласныхъ,
Мнѣ далъ желаньевъ тьму напрасныхъ,
Дабы развѣять ихъ, какъ прахъ;
И чтобы духъ мой по кончинѣ
Исчезъ, какъ искра водъ въ пучинѣ?

Но, будучи въ силахъ въ минуты вдохновенія подниматься на высоту религіозной мысли, Майковъ не могъ, однако, твердо держаться на этой высотѣ: сомнѣнія одолѣвали его; въ концѣ оды «Преосвященному Платону» онъ обращается къ знаменитому пастырю съ мольбой—помочь ему «опровергнуть сомнѣнія», «утишить бурю мыслей».

Какая-то слабость духа слышится вообще въ его лирикѣ. Она особенно замѣтна въ его похвальныхъ одахъ, въ которыхъ онъ, обладающій самобытнымъ талантомъ, подражаетъ, однако, Ломоносову, и его стихи, какъ всегда бываетъ съ подражаніями, выходятъ безконечно слабѣе оригинала. Вообще, въ своихъ хвалебныхъ одахъ Майковъ является холоднымъ риторомъ и переполняетъ стихи гиперболами.

Замѣчательною чертою въ творчествѣ Майкова, кромѣ религіознаго одушевленія, слѣдуетъ признать и присутствіе въ немъ народности. Такъ, иной разъ у него попадаются цѣлыя картины, заимствованныя изъ народныхъ созданій; напр. въ поэмѣ «Елисей» такими чертами описывается нарядъ героя:

Багрянъ сафьянъ до икръ, черкесски чеботы
Превосходили всѣ убранства красоты;
Персидскій былъ кушакъ, а шапочка соболья.
Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки волгскіе напившися поютъ;
А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ:
Рѣка, что̀ устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ.
Искусство красоты отвсюду извлекаетъ.

Въ послѣднемъ стихѣ авторъ какъ будто извиняется, что взялъ описаніе убора изъ народной пѣсни; но сквозь выразившееся въ этомъ извиненіи высокомѣрное отношеніе къ народной поэзіи слышится, однако, что онъ эту поэзію любитъ. — Разсказывая, какъ его Елисей дрался дубиною, Майковъ заимствуетъ обороты рѣчи изъ былинъ:

Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.

Въ той же поэмѣ авторъ остро подсмѣивается, съ народной точки зрѣнія, надъ нашими петиметрами, французоманами: молодые русскіе щеголи ѣздятъ во Францію, говоритъ онъ, не для того, чтобы учиться или знакомиться съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ чужой страны; они хотятъ лишь веселиться...

А если весело тамъ время проводить,
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить,
Узнать, въ какіе дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какіе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какіе носятъ тамъ тупеи и виски,
Какія тросточки, какіе башмаки,
Какія стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтобъ, выѣхавъ оттоль, одѣться безъ промашки,
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобнымъ не подпасть;
Умѣти изъяснить свою безстыдно страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать по самой новой модѣ,
Какая только есть во вѣтренномъ народѣ.

Юморъ здраваго русскаго смысла выражается у Майкова порою и въ осмѣяніи высокопарности псевдо-классической поэзіи; вотъ напр. два стиха—пародія на пріемы торжественнаго эпоса:

Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ,
Поѣхалъ, какъ Нептунъ, по водъ верхамъ пѣнистымъ.
Прости, о Муза, мнѣ, что я такъ захотѣлъ
И два сіи стиха неистово воспѣлъ;
Тебѣ я признаюсь: хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изломало.

Затѣмъ, народною чертой поэзіи Майкова можно считать еще отсутствіе въ ней аристократизма воззрѣній. Мы это видимъ, напр., въ басняхъ; такъ, въ баснѣ

«Конь знатной породы» осмѣиваются сословные предразсудки; въ другой—«Общество»—проводится та мысль, что всѣ сословія одинаково важны:

Крестьянинъ, князь, солдатъ, купецъ, мастеровой
Во званіи своемъ для общества полезны,
А для монарха ихъ какъ дѣти всѣ любезны.

Басня «Поваръ и портной» осмѣиваетъ тщеславіе дворянъ, и т. д.

Но не возвышенная лирика религіознаго характера и не народное начало занимаютъ главное мѣсто въ произведеніяхъ Майкова. Главныя его сочиненія — это тѣ, по которымъ протекаетъ мутная струя чувственности. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на названной уже выше большой поэмѣ — «*Елисей или Раздраженный Вакхъ*». Въ герои этого произведенія возведенъ пьяный, буйный и развратный ямщикъ, которому, однако, авторъ очевидно сочувствуетъ. Содержаніе поэмы — буйныя и циническія похожденія этого ямщика Елисея въ кабакѣ, въ полицейской части, въ «обители дѣвицъ по нуждѣ благочинныхъ», въ погребѣ и спальнѣ жены откупщика. Притомъ сущность поэмы (должно замѣтить) заключается не въ общемъ откровенно-грубомъ содержаніи ея, а въ ядовито-циническихъ подробностяхъ, въ тонѣ, въ юморѣ.—Юморъ Майкова двухъ родовъ: съ одной стороны—это простой смѣхъ здраваго смысла (мы видѣли его выше); съ другой—это грубое осмѣяніе того, что слѣдовало бы уважать, циническая потѣха надъ народными вѣрованіями, надъ народными чувствами. Такъ, боги древности представляются, какъ въ современныхъ оперетахъ, въ смѣшномъ, въ дурацкомъ видѣ. Напр. Вакхъ говоритъ Зевесу:

Твой долгъ есть, отче мой, пить, ѣсть и утѣшаться,
Но ты теперь пути къ піянству заградилъ.

а Юпитеръ отвѣчаетъ ему:

Купцы, подъячіе, художники, крестьяне
Спилися съ кругу всѣ и насъ забыли въ-пьянѣ,

А сверхъ того еще отъ сидки винный дымъ
Восходитъ даже къ симъ селеніямъ моимъ
И выкурилъ собой глаза мои до крошки,
Которы были, самъ ты знаешь, будто плошки,
А нынѣ, видишь ты, ужь стали какъ сморчки,
И для того-то я ношу теперь очки.

Подобными же чертами изображаются и другіе боги; когда Юпитеръ приказываетъ Гермесу созвать боговъ на совѣщаніе, тотъ летитъ «какъ гончій песъ» и съ трудомъ находитъ олимпійцевъ въ разныхъ странахъ среди такихъ занятій:

Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ
И знать, что помышлялъ онъ къ празднику о брагѣ;
Жена его была у женъ честныхъ въ ватагѣ,
Которыя собой прельщаютъ всѣхъ людей;
Купидо на часахъ стоялъ у лебедей,
Марсъ съ нею былъ тогда; а Геркулесъ отъ скуки
Игралъ съ ребятами клюкою длинной въ суки;
Цибела старая во многихъ тамъ избахъ
Загадывала всѣмъ о счастьи на бобахъ;
. . . .
Нептунъ съ предлинною своею бородою
Трезубцемъ, иль, сказать яснѣе, острогою,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ
До тѣхъ поръ, что свой весь трезубецъ изломалъ,
Чему всѣ малые ребята хохотали, и т. д.

Цинизмъ произведенія Майкова особенно сказывается, во 1-хъ, въ непостижимо-откровенномъ для нашего времени изображеніи грязныхъ картинъ и событій, нисколько не возмущающихъ нравственнаго чувства автора; во 2-хъ, въ легкомысленномъ осмѣяніи такихъ чувствъ, уваженіе къ которымъ обязательно для каждаго человѣка. Вотъ, напр., осмѣяніе сыновней любви къ матери, или представленіе этого чувства въ глупомъ видѣ: симпатичный своему автору герой поэмы такъ выражается о смерти матери, описывая свой бой:

Ужь тѣло старое оставила душа,
А тѣло безъ души не стоитъ ни гроша,

Хотя-бъ она была еще и не старуха.
Я плачу, плачетъ братъ; но тотъ уже безъ уха;
И трудно было всѣмъ узнать его печаль —
Старухи ли ему, иль уха было жаль.
Потеря наша намъ казалась невозвратна;
Притомъ и мертвая старуха непріятна.
На завтра отдали мы ей послѣдню честь:
Велѣли изъ дому ее скорѣе несть (III, 31—40).

Сообразно съ чувственнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на жизнь и на человѣка, и мораль у Майкова (авторы произведеній, подобныхъ «Елисею», обыкновенно заботятся о морали) является уступчивою, сговорчивою. Такъ, когда въ поэмѣ всѣ боги строго осудили Елисея за его буйства, Зевесъ, наоборотъ (и авторъ, очевидно, ему въ этомъ сочувствуетъ), отнесся къ нему снисходительно и благосклонно:

По вашему —

говоритъ онъ богамъ —

его, я вижу, должно сжечь;
Но я не соглашусь казнить его столь строго,
Понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много,
И если мнѣ теперь ихъ жизни всѣхъ лишать,
Такъ долженъ я почти весь свѣтъ опустошать.
Когда бы я, какъ вы, былъ мыслей столь нестройныхъ,
Побилъ бы множество я тварей недостойныхъ,
Которыя собой лишь землю тяготятъ (V, 193—199).

Стихъ «понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много» свидѣтельствуетъ, что по пониманію автора его (по всей вѣроятности безсознательному) — нравственность дѣло условное и относительное.

Есть у Майкова еще поэма въ томъ же родѣ, или «пѣснь», какъ онъ назвалъ, — «*Судъ Паридовъ*» (т. е. судъ Париса). Это сочиненіе наглядно показываетъ намъ, какъ идеальныя мысли въ душѣ поэта подрывались матерьялизмомъ и чувственностью. Повидимому, въ поэмѣ проводится возвышенная идея; молодымъ людямъ дается такой совѣтъ:

А вы, о юноши, сей пѣсни гласъ внимайте,
И мыслей тлѣнными вещьми не занимайте;
Когда плѣнять начнетъ вашъ разумъ красота,
Воспомните, что то есть свѣтска суета,

Котора, какъ магнитъ, сердца младыя тянетъ,
И коя съ временемъ, какъ сельный кринъ, увянетъ,
Лишится прелестей блестящихъ навсегда
И болѣ цвѣсть уже не будетъ никогда.

Но замѣчательно, что это прекрасное нравоученіе совершенно отвлеченно: оно не подтверждается самимъ разсказомъ, и тамъ, гдѣ Парисъ (въ ходѣ повѣствованія) чувственно увлекается красотой Венеры, увлекается также и авторъ, вопреки своей мысли.

III.

Богдановичъ и его «Душенька» [1].

Весьма похожа по своему духу и направленію на разсмотрѣнныя произведенія Майкова поэма другаго извѣстнаго писателя Екатерининскихъ временъ, Ипполита Ѳедоровича *Богдановича*, — «*Душенька*». — «Душенька» была знаменита въ свое время; ею увлекались не только современники, но и ближайшее потомство; въ честь автора ея писались хвалебные стихи. Платонъ Бекетовъ сочинилъ такую надпись къ портрету Богдановича:

Зефиръ ему перо изъ рукъ своихъ самъ далъ;
Амуръ водилъ рукой: онъ «Душеньку» писалъ.

Извѣстный стихотворецъ, другъ Карамзина, И. И. Дмитріевъ написалъ восторженную «эпитафію автору Душеньки»:

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

Богдановичу придавали значеніе даже такіе писатели, какъ Пушкинъ и Бѣлинскій. Великій поэтъ въ своей, дѣтской еще, правда, поэмѣ «Русланъ и Людмила» слѣдовалъ автору «Душеньки» въ очеркѣ образа героини, и впослѣдствіи, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», засвидѣтельствовалъ, что въ ранней юности ему были милы «Богдановича стихи». — Бѣлинскій, не признавая особенной талантли-

---

[1]) Душенька. Древняя повѣсть. Спб. 1794. — Новое изд. г. Суворина (Дешевая Библ.).

вости за авторомъ «Душеньки», довольно рѣзко даже отзываясь о тяжести стиховъ поэмы, объ отсутствіи въ ней всякой поэзіи, игривости, граціи, остроумія, тѣмъ не менѣе говоритъ, что «поэма Богдановича все-таки замѣчательное произведеніе, какъ фактъ исторіи русской литературы; она была шагомъ впередъ и для литературы, и для литературнаго образованія нашего общества», такъ какъ служила переходной ступенью отъ громкихъ, напыщенныхъ одъ и тяжелыхъ поэмъ, которыя всѣхъ оглушали и удивляли, но никого не услаждали, къ болѣе легкой поэзіи, куда вводится комическій элементъ, гдѣ высокое смѣшивается съ смѣшнымъ, какъ это есть въ самой дѣйствительности, и сама поэзія становится ближе къ жизни» [1]).

Но особенно интересны отношенія къ поэмѣ Карамзина, обладавшаго большимъ эстетическимъ чувствомъ и понимавшаго Шекспира (что можно сказать про немногихъ изъ современниковъ его молодости); онъ увлекался поэмой. Въ статьѣ своей «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» [2]) знаменитый писатель выражается такъ: «Въ 1775 году Богдановичъ положилъ *на алтарь Грацій* свою Душеньку». «Она не есть поэма героическая», и потому (говоритъ Карамзинъ) ее нельзя судить по законамъ, установленнымъ Аристотелемъ: «Душенька есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса, а для нихъ нѣтъ Аристотеля». Но «въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко, — и въ самомъ дѣлѣ не трудно, но только для людей съ талантомъ».

«Душенька» — не самобытное произведеніе Богдановича; нашъ писатель собственно переложилъ въ стихи «Les

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. V (изд. 2-е, 1865 г.), стр. 299—304. [2]) Соч. Карамзина. Изд. А. Смирдина, 1848 г., т. I. — См. также при I т. Соч. Богдановича, стр. 32.

amours de Psyché et de Cupidon», прозаическій разсказъ Лафонтена, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ романа римскаго писателя Апулея—«Золотой оселъ»; Апулей же въ своемъ произведеніи обработалъ древній греческій миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ, о сочетаніи души съ любовью. Но кромѣ литературной формы (стиха), разсказъ нашего писателя отличается отъ французскаго своего оригинала и тономъ (болѣе шутливымъ), и многими подробностями (обстоятельное сравненіе ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Карамзинъ въ упомянутой выше статьѣ своей). Нечего и говорить, что отъ древняго миѳа, послѣ цѣлаго ряда его обработокъ и передѣлокъ, ничего или почти ничего не осталось въ поэмѣ Богдановича.

Содержаніе поэмы таково: оракулъ предсказываетъ царю, отцу Душеньки, что его дочери суждено выйти замужъ за чудовище,—такъ угодно судьбѣ; царевну должно отвезти «на вершину невѣдомой горы» и тамъ оставить. Царь исполняетъ повелѣніе судьбы и отвозитъ дочку на гору. Душенька, сама того не подозрѣвая, попала въ царство Амура, который и долженъ быть ея супругомъ. Она окружена богатствомъ, роскошью; но мужа своего не видитъ: онъ является ей лишь во тракѣ; узнать — кто онъ такой она не смѣетъ: это запрещено ей подъ страхомъ потерять всѣ окружающія блага. Однако, любопытство превозмогаетъ все: при появленіи Амура Душенька зажигаетъ лампу. Но она тотчасъ-же наказана за ослушаніе: окружавшая ее роскошь исчезла и она очутилась въ пустынѣ. Отчаяніе овладѣваетъ царевной; отъ горя, скитаній и лишеній пропадаетъ ея красота, и она, наконецъ, рѣшается лишить себя жизни. Но Амуръ спасаетъ ее при всѣхъ попыткахъ самоубійства. И дѣло оканчивается тѣмъ, что Душенька раскаивается въ своемъ любопытствѣ и награждена за это возвращеніемъ красоты и всѣхъ утраченныхъ благъ роскоши.

Богдановичъ высказываетъ въ своемъ повѣствованіи довольно возвышенную отвлеченную мораль: Душенька прощена, потому что очистилась отъ своего грѣха терпѣніемъ въ страданіяхъ, и Зевсъ объявляетъ народу «грамоту» такого содержанія:

> Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
> Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ,
> Но красоту души ничто не измѣняетъ:
> Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.

Повидимому возвышенная мысль этихъ стиховъ должна лежать въ основѣ сочиненія. Но замѣчательно, что, напротивъ, ей совершенно противорѣчитъ сама поэма. (Мы видѣли то же и въ поэмахъ Майкова). Прежде всего съ ней совершенно не гармонируетъ характеръ героини произведенія: въ Душенькѣ нѣтъ никакой «душевной красоты». Она просто, говоря языкомъ прошедшаго вѣка, щеголиха: живя еще въ отцовскомъ домѣ, она любитъ очень наряды, любитъ быть окруженной постоянно поклонниками, и когда ихъ нѣтъ вокругъ нея — скучаетъ. Притомъ у нея не оказывается никакихъ нравственныхъ убѣжденій: она думаетъ, какъ и ея родные, что мужъ ея — «чудовище»; «чудовище» страшитъ ее... но оно окружило царевну богатствомъ, роскошью, и Душенька отлично примиряется съ своимъ положеніемъ; только любопытство одно ее мучитъ; авторъ говоритъ:

> Супружество могло царевнѣ быть пріятно,
> Лишь только таинство казалось непонятно.

Это не то, что героиня народной сказки, переложенной С. Т. Аксаковымъ («Аленькій цвѣточекъ»): та полюбила чудовище за его «добрую душу», а не за несмѣтныя богатства; легкомысленная же героиня Богдановича любитъ лишь себя самоё да роскошь; лишившись богатства, она умѣетъ только предаться отчаянью и, вопреки увѣреніямъ автора, никакого терпѣнія въ страданіяхъ не выказываетъ.—Замѣчательно, что Богдановичъ вполнѣ симпати-

зируетъ своей Душенькѣ; но замѣчательно также и то, что онъ ее не уважаетъ (мы увидимъ подобное и у другихъ авторовъ того-же направленія): такъ, ему ничего не стоитъ назвать ее мимоходомъ «дурой», даже не совсѣмъ кстати: во время ея скитаній по пустынѣ (разсказываетъ поэтъ) встрѣчный рыболовъ спросилъ ее—кто она такая; она отвѣтила:

«Я Душенька... люблю Амура».
Потомъ расплакалась какъ дура.

Кромѣ характера героини, возвышенной морали, отвлеченно высказанной въ поэмѣ, противорѣчитъ и тонъ ея, шутливый въ томъ-же духѣ, какой мы видѣли въ «Елисеѣ» Майкова. Такъ, въ «Душенькѣ», какъ и въ «Елисеѣ», легкомысленно осмѣиваются народныя вѣрованія, боги древности представляются въ дурацкомъ видѣ; вотъ, напр., изображеніе Сатурна:

А тамъ предъ ней (Душенькой) Сатурнъ безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ свои клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.

Смерть изображается—«курносымъ чучеломъ съ плѣшивой головой».

Осмѣиваются легкомысленно и естественныя человѣческія чувства: разсказывая о разлукѣ Душеньки съ родными, авторъ такъ смѣхотворно изображаетъ горе отца:

И напослѣдокъ царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Это уже нравственный цинизмъ. Цинизмъ сказывается и въ многочисленныхъ нескромныхъ и даже грязныхъ подробностяхъ повѣствованія; среди нихъ первое мѣсто въ этомъ смыслѣ занимаетъ разсказъ о томъ, какъ Душенька бросилась съ древеснаго сука, желая лишить себя жизни. У Лафонтена этого эпизода нѣтъ,—онъ созданъ игривой фантазіей нашего писателя. И замѣчательно, что подоб-

ный разсказъ былъ совершенно въ духѣ времени, — онъ нравился; даже Карамзинъ не видѣлъ въ «Душенькѣ» ничего предосудительнаго: въ своей статьѣ о поэмѣ онъ говоритъ, что, «вольность бываетъ слабостью поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, есть-ли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса».

Въ характерѣ и жизни Богдановича, какъ и у Майкова, мы видимъ смѣшеніе различныхъ чертъ и направленій. Такъ, можно подмѣтить въ немъ какъ будто что-то народное. Въ 1785 г. онъ издалъ книжку русскихъ пословицъ,—значитъ изрѣченія народнаго ума интересовали его. Въ самой «Душенькѣ» есть кое-что позаимствованное изъ народныхъ сказокъ; Карамзинъ справедливо говоритъ: «Душенька служитъ трудныя, опасныя службы (богинѣ Венерѣ) совершенно въ тонѣ русскихъ старинныхъ сказокъ». Въ поэмѣ встрѣчаются чисто-народныя имена и выраженія: Кощей-безсмертный (впрочемъ, здѣсь только имя народно, а по характеру это древній сфинксъ), царь-дѣвица, кисельные берега, мертвая и живая вода (добывать ихъ Душенька идетъ по повелѣнію Венеры) и т. п.; впрочемъ, надо замѣтить, что зачастую Богдановичъ и съ насмѣшкою относится къ народнымъ вѣрованіямъ (съ высоты своего европейскаго полу-просвѣщенія).—Народная поэзія, должно быть, вліяла на нашего писателя въ дѣтствѣ, проведенномъ имъ въ Малороссіи; онъ отличался тогда впечатлительностью, увлекался чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ.

Были въ его характерѣ и задатки мистицизма; по крайней мѣрѣ на это намекаетъ сближеніе его съ знаменитымъ мистикомъ и масономъ Херасковымъ; Богдановичъ принималъ участіе даже въ журналахъ Хераскова, имѣвшихъ весьма опредѣленное направленіе.

Но не народность, и не мистицизмъ тѣмъ болѣе, лежатъ въ основахъ его главнаго произведенія, — въ «Ду-

шенькѣ» мы видимъ проявленіе темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка, наше вольтерьянство. То-же можно подмѣтить и въ жизни Богдановича, и въ его воззрѣніяхъ. Онъ былъ пристрастенъ къ легкому веселью, къ щегольству, отличался, по выраженію Карамзина, «чувствительностью къ любезности женской», и подъ старость легкомысленно и безнадежно влюбился въ молоденькую женщину. Легкомысліе и тщеславіе сказались, между прочимъ, въ его излишней впечатлительности къ похваламъ высокопоставленныхъ лицъ; императрица одобрила его поэму, и онъ возгордился. «Екатерина царствовала въ Россіи (пишетъ Карамзинъ). Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженія... блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника музъ въ самое цвѣтущее время таланта (30-ти лѣтъ съ небольшимъ) — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его [1])».—Съ чувствительностью Богдановича къ похвалѣ знатныхъ совершенно гармонируетъ его воззрѣніе на хвалебную оду, высказанное въ интересной статьѣ его «*О древнемъ и новомъ стихотвореніи*», напечатанной въ «Собесѣдникѣ» кн. Дашковой и имп. Екатерины [2]). Онъ находитъ, что стихотворная похвала и «поэтическіе къ украшенію ея вымыслы» одобрительны во всякомъ случаѣ. «И хотя-бы люди (говоритъ онъ) не согласились въ мнѣніяхъ, кто и когда таковою добродѣтелью отличается, нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что добрая похвала заслуженная есть пища душъ чувствительныхъ; не заслуженная же побуждаетъ ее заслуживать, и бываетъ для многихъ наилучшимъ нравоученіемъ».

---

[1]) Соч. Богдановича I, 72—73. [2]) Соч. Богдановича. т. II, стр. 29 (Изд. 1809—1810).

Преклоненіе передъ сильными міра сказывается и во взглядѣ Богдановича на силу и значеніе личности. Такъ, въ поэмѣ «*Сугубое блаженство*» онъ выражаетъ мысль, что избавить общество отъ злоупотребленія страстей можетъ личная воля царя, посредствомъ изданія законовъ. Согласно съ этой мыслью и въ «Душенькѣ» царь-отецъ героини изображается исправляющимъ пороки своихъ подданныхъ: онъ отмѣчаетъ провинившихся въ несоблюденіи какой-либо добродѣтели видимыми, понятными народу и подходящими къ пороку знаками:

...если находилъ въ подсудныхъ низки души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши.

—

Клеветникамъ въ удѣлъ
И доносителямъ неправды государю
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.

—

Спесивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться.

Можетъ быть, нѣсколько въ грубой и смѣхотворной формѣ, но здѣсь, конечно, выражается знаменитая въ XVIII вѣкѣ «идея просвѣщеннаго деспотизма».

Идея веселья, проведенія жизни въ удовольствіяхъ тоже отразилась въ произведеніяхъ Богдановича; онъ не придавалъ поэзіи высокаго значенія; онъ высказываетъ въ «Душенькѣ» мнѣніе, что занятіе поэзіей есть забава:

Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Стихи «Душеньки»—вольные и игривые—самъ авторъ противополагаетъ серьезной и *тяжелой* поэзіи Гомера:

О ты, пѣвецъ боговъ (восклицаетъ онъ),
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, ровныхъ, стройныхъ
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.

Въ статьѣ «О древнемъ и новомъ стихотвореніи» Богдановичъ говоритъ, что поэзія должна идеализировать природу, воспѣвать поля, ручьи и кустарники, рисовать идиллическихъ пастуховъ и пастушекъ... ибо «разумъ, удручаясь важными размышленіями, нерѣдко ищетъ отдыха въ самыхъ бездѣлицахъ».

Богдановичъ былъ почитатель и поклонникъ Вольтера, его поэтическихъ произведеній. Онъ перевелъ Вольтерову поэму «На разрушеніе Лиссабона» и его-же трехъ-актную комедію «*Нанина или Побѣжденное предразсужденіе*». (Спб. 1766 г.). Эта послѣдняя пьеса, слабая въ литературномъ отношеніи, довольно, однако, характерна: она показываетъ—на какихъ образцахъ учились наши писатели. Герой пьесы, молодой графъ Ольбанъ, «не имѣющій свойствъ нынѣшняго свѣта», невзлюбившій шумъ столицы и поселившійся въ деревнѣ, чуждъ предразсудковъ; онъ борется противъ нихъ и презираетъ обычаи, стѣсняющіе свободу «чувствовать и мыслить по своему разуму». «Вамъ нравится (говоритъ онъ своей свойственницѣ, баронессѣ) пышность, вы полагаете высокость въ гербахъ, а я чту ее въ сердцѣ» [1]). Графъ хочетъ, слѣдуя своимъ убѣжденіямъ, жениться на дѣвушкѣ простаго званія, Нанинѣ, которую онъ полюбилъ и которая отвѣчаетъ ему взаимностью. На этотъ бракъ соглашается и его мать, маркиза, женщина преклонныхъ лѣтъ, не сочувствующая новой жизни, но отличающаяся терпимостью къ чужимъ недостаткамъ, добротою и простодушіемъ.—Повидимому, идея пьесы заключается въ отрицаніи сословныхъ предразсудковъ. Но думать такъ было-бы ошибочно: этой идеѣ, несомнѣнно видной въ сочиненіи, противорѣчитъ, однако, характеръ и образъ мыслей героини — Нанины. Нанина сама убѣждаетъ графа не жениться на ней, говоря, что

---

[1]) Нанина или Побѣжденное предразсужденіе. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Переводъ съ французскаго. Спб. 1766 г. Стр. 12.

такой неравный союзъ всегда бываетъ несчастливъ, — любовь проходитъ и остается раскаяніе; «я осмѣливаюсь напомнить вамъ (говоритъ дѣвушка) [1]) вашъ высокій родъ. Не приводите въ заблужденіе мой молодой и слабый разумъ». Въ другомъ мѣстѣ пьесы она, выказывая по волѣ автора полное самоуничиженіе, проситъ маркизу, мать любимаго человѣка, не соглашаться на бракъ съ нею графа. «Нѣтъ, не соглашайтесь, сударыня (говоритъ она): сопротивляйтесь его страсти... и моей. Я выпрашиваю то у васъ такъ, какъ милость. Любовь слѣпа, должно ослѣпляемыхъ выводить изъ заблужденія. Ахъ! оставьте меня обожать моего господина въ уединеніи; разсмотрите мое состояніе, разсмотрите, кто мой отецъ: могу-ль я называть васъ матерью?» [2]). Должно обратить вниманіе на то, что здѣсь, въ словахъ Нанины, указывается не на неравенство образованія, какъ на возможную причину будущаго несчастья въ бракѣ, а именно только на различіе происхожденія. — Идеѣ отрицанія сословныхъ предразсудковъ противорѣчатъ и заканчивающія комедію слова матери героя, которой авторъ видимо сочувствуетъ; когда свадьба графа и Нанины уже рѣшена, маркиза говоритъ: «Пусть этотъ день будетъ достойнымъ воздаяніемъ добродѣтели... *однако, чтобъ всѣ нашей свадьбы примѣромъ себѣ не ставили»* [3]). — Какъ во множествѣ своихъ произведеній, такъ и въ комедіи Нанина, Вольтеръ является лицомъ двойственнымъ, Мефистофелемъ, подсмѣивающимся надъ всякими чувствами и идеями и запутывающимъ людей въ противорѣчія.

Такія противорѣчія мы видѣли и въ поэмахъ нашихъ авторовъ Екатерининскихъ временъ—у Майкова, у Богдановича. Переводъ послѣднимъ разобранной Вольтеровой пьесы прямо намекаетъ—у кого наши писатели учились, этой двойственности. Дальше мы увидимъ, что Радищевъ,

[1]) Тамъ же, стр. 56. [2]) Тамъ же, стр. 116. [3]) Тамъ же, стр. 117.

въ сказкѣ своей «Бова», которая, собственно, можетъ быть отнесена къ тому же роду сочиненій, какъ «Елисей» и «Душенька» (но только она циничнѣе послѣднихъ), прямо указываетъ, что онъ слѣдовалъ Вольтеру, подражалъ ему; величайшее его честолюбіе (по его собственнымъ словамъ) заключалось въ томъ, чтобы его «Бова» былъ хоть «тощей» тѣнью «Орлеанской дѣвственницы», своего оригинала.

Надо только замѣтить, что наши писатели, заключая двойственность въ свои произведенія, дѣйствовали безсознательно: они были гораздо простодушнѣе Вольтера и на Мефистофеля не походили.

IV.

Комическая опера.

(Аблесимовъ В. Майковъ, Княжнинъ и друг. [1]).

Та же мутная струя чувственности, какую мы видѣли въ поэмахъ, протекаетъ и по цѣлому ряду особаго рода театральныхъ піесъ Екатерининской эпохи, которыя были извѣстны подъ именемъ «*комическихъ оперъ*». Ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ *комедіями*, имѣющими совсѣмъ другой смыслъ и другое значеніе. «Комическая опера» XVIII вѣка совершенно соотвѣтствуетъ позорнымъ піесамъ, къ стыду нашему заполонившимъ до нѣкоторой степени въ настоящее время русскій театръ, такъ называемымъ «опереткамъ». Въ «комической оперѣ» мы видимъ тѣ же начала, что и въ поэмахъ Майкова, Богдановича, Радищева: и здѣсь встрѣчаемъ мы представленіе боговъ древности въ смѣшномъ видѣ, насмѣшки надъ народными вѣ-

---

[1]) Соч. Аблесимова. Изд. Смирдина. Спб. 1849 г.—Ст. г. Галахова въ Отеч. Зап. 1851 г. № 9.—Соч. Як. Бор. Княжнина. Изд. Смирдина. Спб. 1847—1848 г. 2 ч.—В. Я. Стоюнинъ «Я. Б. Княжнинъ» (Библ. для чтенія 1850 г. №№ 5—7).—А. Д. Галаховъ, О соч-хъ Княжнина (От. Зап. 1850 г. № 4, 8 и 12).—Княжнинъ писатель, Ист. Вѣстн. 1881 г. іюнь.

рованіями, надъ возвышенными чувствами, цинизмъ; и здѣсь характеры героевъ—низменные характеры, а мораль авторовъ — легкая и уступчивая. Но различаются комическія оперы отъ поэмъ тѣмъ, что указанныя начала достигли въ нихъ высшихъ предѣловъ своего развитія. Особенно замѣчательно, что героемъ комической оперы обыкновенно является не просто дурной человѣкъ (какъ въ поэмахъ), а сознательный плутъ, который въ то же время, по волѣ автора, совершаетъ прекрасныя дѣла, помогаетъ людямъ. Это противоестественное примирительное смѣшеніе зла и добра въ одномъ человѣкѣ дѣлается съ цѣлью вызвать сочувствіе читателя или зрителя къ герою пьесы, къ завѣдомому негодяю; въ этомъ кроется (безсознательное, впрочемъ, у нашихъ авторовъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ) циническое осмѣяніе нравственныхъ началъ вообще, примиреніе съ пошлостью и зломъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что у нашихъ писателей въ ихъ «комическихъ операхъ» попадаются и слѣды другаго рода направленія, встрѣчается, напр., кое-что народное, непосредственное, простое, совершенно не вяжущееся, обыкновенно, съ основнымъ началомъ піесы. Это наивное противорѣчіе, эта безсознательная двойственность есть вообще одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашей литературы Екатерининской эпохи. Процессъ усвоенія русскими людьми иноземныхъ идей, хорошихъ и дурныхъ, совершался тогда почти вполнѣ инстинктивно.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ «комической оперы», для подтвержденія высказанныхъ выше общихъ положеній.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что множество подобныхъ піесъ, въ перемежку съ комедіями и драмами, напечатано въ замѣчательномъ изданіи конца прошедшаго столѣтія—«*Россійскій ѳеатръ или Полное собраніе всѣхъ Россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій*» (первая часть его появилась въ 1786 г.; всѣхъ частей вышло 43). Это

изданіе было предпринято по инициативѣ княгини Дашковой Императорскою Россійскою академіей.

Авторъ «Елисея», Майковъ, написалъ пастушескую драму *«Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель»*, въ 2-хъ актахъ (1777 г.). Дѣйствующія лица здѣсь крестьяне; но народности въ пьесѣ нѣтъ, потому что нельзя признать народнымъ соединеніе сантиментальной идилліи съ чувственной мелодрамой. Дѣйствіе начинается тѣмъ, что крестьянинъ Медоръ (странное имя для русскаго мужика!) украшаетъ шалашъ цвѣтами; вскорѣ приходитъ его невѣста, и онъ обращается къ ней съ такими словами: «жестокая! или ты не видишь моей къ себѣ привязанности, или ты не слышишь тяжкихъ моихъ вздоховъ?» и затѣмъ онъ поетъ:

Я тобой повсечасно
Рвусь и мучусь, стеня,
Я люблю тебя страстно,
Ты не любишь меня.

Невѣста, Надежда по имени, такъ же похожая на крестьянку, какъ Медоръ на крестьянина, отвѣчаетъ ему:

Всѣ вы полны отравы,
Полнъ обмана вашъ взоръ,
Всѣ мущины лукавы,
Ты — мущина, Медоръ!

Въ другомъ мѣстѣ пьесы Надежда говоритъ еще большую пошлость:

«Вѣдь мущины, какъ мухи, на медъ падки; скажи-ка ему, что любишь, такъ и не отвяжешься; а потомъ и броситъ».

А Медоръ, въ соотвѣтствіе этому, бранитъ однажды муху проклятою за то, что она укусомъ въ губы разбудила Надежду и этимъ предостерегла отъ него: «и эта тварь ее остерегаетъ», говоритъ онъ.

Счастье Медора и Надежды устраиваетъ герой пьесы — цыганъ, тунеядецъ и корыстолюбивый человѣкъ; онъ увѣряетъ Надежду, что ее дѣйствительно любитъ ея сантиментально-чувственный вздыхатель. Авторъ вполнѣ при-

миретельно и сочувственно смотритъ на своего плута-героя.—Оканчивается пьеса согласіемъ помѣщика на бракъ Медора и Надежды и сценою радости и веселья крестьянъ. Помѣщикъ говоритъ:

«Увѣнчайтесь, любезныя дѣти! ваши добродѣтели сего достойны, и имѣйте во мнѣ такъ, какъ и всѣ мои служители, отца себѣ».

Въ отвѣтѣ на это женихъ и невѣста поютъ ему:

Господинъ мой духъ спокоитъ,
Отъ него сего я жду.
Онъ мнѣ счастіе устроитъ,
Я { съ Надеждою / съ Медоромъ } иду.

А хоръ крестьянъ прославляетъ блаженство своей жизни:

Мы живемъ въ счастливой долѣ,
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь.
Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ
Быть въ работѣ таковой.
Давъ оброкъ съ насъ положенной,
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой.
Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою.
Лошадей, коровъ, овецъ
Много мы имѣемъ въ полѣ
И живемъ по нашей волѣ,
Ты намъ баринъ и отецъ.

Это прославленіе «блаженства» крестьянской жизни и идеализированіе крѣпостнаго права свидѣтельствуетъ о примирительномъ взглядѣ автора піесы на темныя стороны жизни. Впрочемъ, надо замѣтить, что тутъ же Майковъ дѣлаетъ указаніе и на то, что у помѣщиковъ есть нѣкоторыя обязанности въ отношеніи къ крестьянамъ; онъ влагаетъ въ уста барина такія слова про крѣпостныхъ людей:

«Ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ — защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и даже, служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе. Вотъ какая наша съ ними обязанность».

Вставка Майковымъ въ пьесу этого монолога говоритъ намъ о присутствіи въ его душѣ простаго и здраваго смысла, не окончательно затемненнаго сантиментальнымъ и грубымъ содержаніемъ произведенія.

Піеса *Аблесимова—«Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ»* нѣкогда славилась какъ народная комедія; но она принадлежитъ тоже къ числу комическихъ оперъ. Въ ней, правда, есть кое-что народное; такъ, въ началѣ 3-го дѣйствія вставлены три свадебныя пѣсни; кромѣ того, встрѣчаются въ ней народные обороты рѣчи и выраженія. Но нравы крестьянъ поняты и изображены авторомъ какъ-то грубо и странно. Онъ полагаетъ, напр., что любовь простаго человѣка должна соединяться непремѣнно съ побоями. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Филимонъ, говоритъ про свою невѣсту: «А, а!.. это ей не по сердцу, што я сказалъ; гоняться-то за ней не буду, этакъ-то лучше съ ними водиться; у насъ вѣдь по-сельски: какъ любушкѣ своей тулунбаса два-три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ, такъ и наша». Во 2-мъ дѣйствіи Анкудинъ, отецъ невѣсты, Анюты, поетъ:

Мнѣ на спорщицу-женищу
Купить добрую плетищу,
Настрехать ея спинищу....
Будетъ жить, какъ я хочу.

Аблесимовъ думалъ, сочиняя подобные стихи, что выражается совершенно въ народномъ духѣ. Онъ полагалъ также, что въ крестьянскомъ быту у насъ было затворничество женщинъ; Филимонъ говоритъ Анютѣ: «Да тебя давно ужь на посидѣлкахъ не видно»; а Анюта отвѣчаетъ: «Матушка меня не пущаетъ, — говоритъ: ты, дескать, ужь дѣвушка-невѣста, такъ женихи осудятъ; я отъ этова иногда и плачу».

Герой піесы — колдунъ мельникъ — плутъ, корыстолюбецъ и пьяница. Онъ разсуждаетъ такъ:

«А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и горазд обманы-

вать, такъ вотъ все и колдовство тутъ. Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ, а мы наживемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ,

какъ и азъ грѣшный!» (1-е д., 1-е явл.).

Сговариваясь съ Филимономъ устроить его дѣло, мельникъ поетъ:

А чтобъ быть намъ посмѣлѣе,
И прийтить повеселѣе,
Такъ зайдемъ мы въ кабачокъ,
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ!

Но этотъ плутъ и пьяница устраиваетъ, по волѣ автора, счастіе Филимона и Анюты; негодный человѣкъ, согласно обычаю и духу комическихъ оперъ, совершаетъ доброе дѣло, и самъ авторъ ему видимо сочувствуетъ.— Нечего и говорить, что народнаго въ личности плута-мельника нѣтъ ничего.

Извѣстный *Княжнинъ* также писалъ комическія оперы; таковы, напр., его піесы «*Несчастье отъ кареты*» и «*Сбитеньщикъ*».

Въ первой, состоящей изъ двухъ дѣйствій, гораздо больше народнаго, чѣмъ въ «Мельникѣ» Аблесимова; въ ней мы видимъ ѣдкое и острое осмѣяніе французоманіи русскихъ дворянъ. Помѣщикъ Фирюлинъ пишетъ въ деревню своему прикащику:

«О, ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили, изъ особенной моей къ тебѣ милости за то, что ты бо̀льшую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жалую тебя Клеманомъ».

Когда прикащикъ, прочитывающій вслухъ барское письмо, произноситъ эти слова, мужики кланяются ему и поздравляютъ съ новымъ чиномъ. Прикащикъ продолжаетъ читать:

«И впредь повелѣваю не оф... ан... си... ро... вать... тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ... Между тѣмъ знай, что мнѣ прекрайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику мнѣ необходимо нужна карета новая. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, г. Клеманъ, какое безчестье не только мнѣ, но и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ этой прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купитъ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые также прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человѣкъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился: это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня: найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей сеньорской милости платье французскаго бальи, и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ? Напр., нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? И такъ, нахватай ихъ и продай.

Въ этомъ прекрасномъ письмѣ, кромѣ смѣха надъ пристрастіемъ русскихъ дворянъ къ Франціи, мы видимъ еще теплое слово за крестьянъ, указаніе на ихъ безъисходное положеніе подъ властью помѣщиковъ, подобныхъ супругамъ Фирюлинымъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы есть нѣсколько сценъ въ такомъ-же родѣ. Такова, напр., сцена, гдѣ отецъ невѣсты Трофимъ, желая избавить жениха дочери отъ продажи въ рекруты, пытается разжалобить помѣщика; онъ говоритъ Фирюлину съ низкимъ поклономъ: «ты — отецъ»; но эти слова приводятъ барина въ страшный гнѣвъ. «Что это за тварь! (презрительно кричитъ Фирюлинъ). Меня отцемъ называть смѣетъ. Развѣ мой батюшка былъ твой отецъ, а я не хочу такому свиньѣ отцемъ быть. Впредь не отваживайся!»

Мы видимъ изъ этого, что авторъ «Несчастья отъ кареты» трезво смотритъ на крѣпостное право и порою прекрасно изображаетъ положеніе крестьянъ. Но замѣчательно, что тутъ же въ піесѣ встрѣчаются и сантиментально-идиллическія картины жизни поселянъ. Такъ, Лукьянъ поетъ (въ 1 явл. I дѣйствія):

О, пышные вы жители градскіе,
Которыхъ видѣлъ я въ сей часъ,
Стократно я счастливѣй васъ!

А нѣсколько далѣе онъ на вопросъ невѣсты, Анюты:

«что ты видѣлъ въ городѣ?» отвѣчаетъ высокопарно и неестественно: «шумъ, великолѣпіе. Золото рѣками льется, а щастія ни капли».

Не смотря на присутствіе въ ней народныхъ чертъ, пьеса Княжнина, однако, несомнѣнно—комическая опера. Объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ герой ея, шутъ помѣщика. Это—человѣкъ плутоватый и корыстолюбивый, за деньги устраивающій дѣла крестьянъ. Онъ похожъ на «мельника» Аблесимова и на «цыгана» Майкова; но въ его характерѣ прибавлена къ общему типу еще одна черта: онъ—скептикъ, цинически смотрящій на жизнь. Онъ поетъ въ 6 явл. I дѣйствія:

Полезнымъ быть, нѣтъ хуже ничего;
    На свѣтѣ таково:
Кто шутъ, кто плутъ,
    Того не гнутъ.
А тотъ страдаетъ,
    Кто работаетъ.
О чемъ грустить, стонать?
    На свѣтѣ все плевать, плевать.
По дудочкѣ чужой плясать — вотъ вся наука,
Быть шутомъ, плутомъ — въ томъ вся штука!

Этотъ циникъ, шутъ Аѳанасій, совершаетъ доброе дѣло: избавляетъ Лукьяна отъ продажи въ рекруты, и пьеса оканчивается счастьемъ любящихъ сердецъ.—Шутъ говоритъ въ-заключеніе:

«О чемъ вы плакали? Гдѣ шутъ Аѳанасій, тамъ надобно смѣяться. Видите ли, что на свѣтѣ ни о чемъ не надобно тужить и никогда не надобно прежде времени умирать.

Должно-ль, чтобъ насъ жизнь крушила,
Хоть и много въ жизни зла?
Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла.

Эти стихи поютъ вслѣдъ затѣмъ всѣ (кромѣ помѣщиковъ, конечно): очевидно, что съ ихъ легкомысленнымъ содержаніемъ, съ ихъ низменной моралью соглашается самъ авторъ. Нельзя не замѣтить при этомъ и наивности автора, или наивнаго противорѣчія въ пьесѣ: радостное

окончаніе ея совершенно не гармонируетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что помѣщикъ все-таки купитъ плѣнившую его парижскую карету, только продастъ для этого не Лукьяна, вырученнаго изъ бѣды добродѣтельнымъ плутомъ, а кого-нибудь другаго.

Вторая изъ названныхъ пьесъ Княжнина «*Сбитеньщикъ*» — характернѣе первой, какъ комическая опера. Герой ея, сбитеньщикъ Степанъ, циникъ и плутъ, устраивающій счастье добродѣтельнаго офицера, Извѣда, и простодушной купеческой дѣвушки, Паши, обрисованъ весьма ярко. Этотъ Степанъ откровенно и беззастѣнчиво признаетъ и прославляетъ побѣдное могущество денегъ въ жизни; онъ поетъ (въ I дѣйствіи) слѣдующіе характерные стихи, прекрасно выражающіе собою духъ и направленіе комическихъ оперъ, міросозерцаніе этого вида литературы Екатерининской эпохи:

Кажется не ложно —
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать.
Только должно
Осторожно
Поступать.
Люди всѣмъ торгуютъ,
Да и въ усъ не дуютъ.
И Степанъ
Не болванъ,
Только должно
Осторожно
Класть въ карманъ.
Правда, честенъ буди,
Только какъ всѣ люди,
Отъ ума,
Не до дна,
Вчетвертину,
Вполовину,
Не сполна.
Чтя корысть едину,
Всякъ свою скотину
То сосетъ,
То стрижетъ;
Кто умѣетъ,

Тотъ и брѣетъ
Весь заводъ...
Чтобы выйти въ люди,
Что плыветъ, все уди...

Трудно ярче и смѣлѣе высказать циническій взглядъ на человѣческую природу, чѣмъ какъ онъ высказанъ въ этихъ талантливыхъ стихахъ.

Сбитеньщикъ Степанъ—не глупъ; но онъ смѣется надъ умомъ, и счастіе ставитъ выше разума.

«Счастье сильнѣе ума, говоритъ онъ (II д., 2 явл.). Положусь на его волю. Безъ счастья какъ ни будь проворенъ, пригожъ, уменъ, ученъ, — все будешь дуракъ дуракомъ.

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.
Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ съ головы до ногъ;
Говорить — такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперегъ.
Но сказать о нихъ неложно
Потихоньку можетъ всякъ:
Безъ ума таки жить можно,
А безъ счастія никакъ.

Степанъ проповѣдуетъ теорію веселья, у него эпикурейскій взглядъ на жизнь.

«Вотъ я такой человѣкъ (говоритъ онъ), что ни на кого не сержусь, и оттого живу весело на свѣтѣ. *Забавнѣе* любить, нежели ненавидѣть ближняго. Такъ и долгъ христіанскій велитъ (III д., 17 явл.).

Замѣчательно это добавочное, по его мнѣнію, значеніе христіанскаго долга въ жизни. — Сбитеньщикъ думаетъ, что всѣ люди въ-сущности однихъ съ нимъ убѣжденій, что «всѣ люди—Степаны».—Пьеса оканчивается легкомысленнымъ отрицаніемъ всякой «грусти, досады, злобы», такъ какъ

Сердцу лишь онѣ надсада
И сто-кратъ полезнѣй смѣхъ (III, 17).

Кромѣ цинизма, состоящаго въ сочувствіи автора плутугерою, въ пьесѣ есть еще цинизмъ двусмысленныхъ выраженій.

Отношенія автора къ изображаемому имъ народу какъ-то неопредѣленны и двойственны: съ одной стороны—сочувственны, съ другой — насмѣшливы. Идеальный офицеръ, Извѣдъ, влюбляется въ простую дѣвушку, Пашу, — и авторъ видимо ему симпатизируетъ; но въ то-же время юморъ пьесы состоитъ въ осмѣяніи этой Паши за то, что она простодушна и воспитана по-просту. Интересна въ I актѣ сцена объясненія въ любви Извѣда съ Пашей. Образованный офицеръ выражается отборными фразами; вотъ отрывокъ этого объясненія:

Извѣдъ. О, неоцѣненная невинность! прекрасная Пашенька! ты видишь несчастнаго...

Паша. Кто? вы несчастны? да отъ кого?

Извѣдъ. Отъ тебя.

Паша. Отъ меня? ахъ какая бѣда! да какъ это сдѣлалось? Я, право, вамъ никакого худа не желаю.

Извѣдъ. Ты дала мнѣ рану, отъ которой я умру.

Паша. Ахъ какое несчастіе! Да въ которое мѣсто я рану вамъ дала? да какъ это сдѣлалось? развѣ ненарокомъ. Не уронила-ль я чего, какъ вы мимо нашего дома ходили? кажется, нѣтъ. Не Ѳаддей ли что̀ бросилъ?

Извѣдъ. Нѣтъ, не Ѳаддей; но вы вашими прекрасными глазами поранили мнѣ сердце, и вы же меня изцѣлить можете.

И восторженный любовникъ, покидая прозу, переходитъ въ высокопарные стихи:

Твой взглядъ, какъ пламенна стрѣла,
Во сердце нѣжное вонзился...

Паша поражена всѣмъ этимъ и недоумѣваетъ: «ни слова не понимаю (говоритъ она). Мои глаза поранили сердце...»

Намъ теперь, если кто представляется смѣшнымъ въ этой сценѣ, то, конечно, напыщенный и вычурный, изломанный Извѣдъ; а наивному автору пьесы, наоборотъ, казалась комичною простодушная и искренняя Паша.

Интересно, что эта сцена есть заимствованіе или, лучше сказать, передѣлка одной сцены изъ Мольеровской «Школы женщинъ» (д. II, явл. 6). Только соотвѣтствующая Пашѣ Княжнина Агнесса Мольера—не дѣвушка изъ народа, а

взаперти выросшая воспитанница старика Арнольфа, и ея ребяческая наивность, потому, совершенно понятна.

Остановимся еще на одномъ примѣрѣ комической оперы, на пьесѣ «любителя литературы» — «*Матросскія шутки*» (1788 г., помѣщена въ XXIV ч. Росс. Ѳеатра).

Піеса эта довольно глуповата по содержанію. Къ идеально-счастливымъ крестьянамъ въ деревню приходятъ какіе-то матросы и начинаютъ сманивать ихъ въ какую-то неизвѣстную блаженную страну; они говорятъ:

Въ нашемъ миломъ вы краю
Заживете, какъ въ раю.

Одинъ изъ этихъ матросовъ, Проворъ по имени, оказывается уроженцемъ изображаемой деревни; чтобъ его не узнали, онъ явился съ наклееннымъ носомъ; онъ хочетъ убѣдиться—продолжаетъ ли еще любить его крестьянка Красана, женихомъ которой онъ былъ 7 лѣтъ тому назадъ. Испытавши вѣрность своей невѣсты, Проворъ женится на ней.

Въ піесѣ мы видимъ совершенно циническое идеализированіе дѣйствительности; крестьяне изображаются счастливыми, богатыми, веселыми и *вольными*, хотя они и крѣпостные. На предложеніе матросовъ переселиться въ счастливую страну, одна изъ крестьянокъ, самая должно быть умная, по имени Пріята, поетъ:

Мы въ вашемъ раю
Никто не бывали,
А въ нашемъ краю
Не знаемъ печали.
На что-жь намъ стараться
Того добиваться,
Въ чемъ нужды намъ нѣтъ?
Мы веселы, *вольны*,
Другъ другомъ довольны,
Не знаемъ мы бѣдъ.
Помѣщикъ не давитъ
Работою насъ,
Оброки съ насъ правитъ
Не всякій онъ разъ.

Мы любимъ сердечно
Его, какъ отца,
Плѣнилъ себѣ вѣчно
Онъ наши сердца.

И не только передъ властью помѣщика благоговѣетъ авторъ, какъ въ этихъ стихахъ, но онъ рабски идеализируетъ всякую власть, напр., власть прикащика. Во II дѣйствіи Проворъ осуждаетъ большіе города, гдѣ «живутъ столько *разныхъ* людей, сколько въ морѣ рыбы; а здѣсь (противополагаетъ онъ городу деревню) мы всѣ равны...» «Постой Проворушка», перебиваетъ его сантиментальныя разсужденія мать его невѣсты—Шумида.

«выключи Савельича-то. Онъ нашъ прикащикъ; такъ стало, что онъ и не равіонъ съ нами. Да этому такъ и быть должно: для того, што мы бы какъ мухи пропали, ежелибъ господа наши чрезъ нево насъ не миловали».

За это замѣчаніе прикащикъ, присутствовавшій тутъ же, благодаритъ Шумиду: «Ай, старуха! (восклицаетъ онъ) спасибо тебѣ за умное твое словцо».—Съ этимъ «умнымъ словцомъ», очевидно, соглашается самъ авторъ піесы.

По мнѣнію автора, если жизнь такъ хороша, такъ прекрасна, то слѣдуетъ лишь веселиться; и онъ оканчиваетъ піесу идиллическимъ хоромъ крестьянъ:

«Мы надѣемся на милость
Благосклонныхъ къ намъ господъ.
Позабудемъ всю унылость,
Будемъ веселы впередъ.

Во взглядѣ сочинителя піесы на чувство, на женщину тоже замѣтенъ цинизмъ. Изображенная идеальной личностью, вѣрная своему жениху Красана не можетъ, однако, не засматриваться на «хорошенькихъ» мущинъ и не увлекаться ими. Она поетъ:

Любопытство отъ природы
Въ женскій полъ вкоренено;
Не смотря на наши годы,
Сродно намъ всегда оно.
Мы глядимъ съ пріятнымъ чувствомъ
На пригоженькихъ мущинъ;
Но скрываемъ то съ искусствомъ,
Не видалъ чтобъ ни одинъ.

Мы суровостью своею
Гонимъ ихъ отъ нашихъ глазъ
Устрашенные вдругъ ею,
Прочь бѣгутъ они отъ насъ.
Но ахъ! если-бъ было можно
Имъ желанья наши знать,—
То-бъ, конечно, имъ не должно
Насъ такъ скоро убѣгать.

Эту пѣсенку подслушалъ спрятавшійся за деревомъ Проворъ; онъ выходитъ и начинаетъ любезничать съ Красаной; та (не узнавая въ немъ жениха) отталкиваетъ его, какъ будто хочетъ отъ него вырваться, а между тѣмъ говоритъ «въ сторону»: «Ахъ, какой это пригожій мущина!» Симпатичная автору Красана, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, оказывается чувственно-легкомысленной и плутоватой кокеткой. А Красана видимо изображаетъ собою въ піесѣ женщину-вообще, женщину какою она должна быть по міросозерцанію комической оперы.

Нѣсколько приведенныхъ примѣровъ характеризуютъ до нѣкоторой степени особый видъ драматическихъ произведеній нашей литературы прошедшаго вѣка, видъ, соотвѣтствующій опереткамъ нашего времени. О немъ нѣтъ еще у насъ изслѣдованій. Но безъ сомнѣнія «комическая опера» Екатерининской эпохи должна быть подвергнута внимательному спеціальному разсмотрѣнію, какъ очень характерное явленіе литературы, притомъ-же имѣвшее успѣхъ на сценѣ и, значитъ, вліявшее на общество, на нравы. Въ «Драматическомъ словарѣ» 1787 года, напр., про «Нещастіе отъ кареты» Княжнина сказано: «и нынѣ много разъ представляется на россійскихъ театрахъ»; про его-же «Збитеньщика»: «представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ... Потомъ часто повторяема была и въ Москвѣ на публичномъ театрѣ къ удовольствію публики». А «Мельникъ» Аблесимова, тотъ имѣлъ даже огромный успѣхъ. «Словарь» говоритъ про него:

«Сія піеса столько возбудила вниманія отъ Публики, что много разъ съ

ряду была играна, и завсегда театръ наполнялся (рѣчь идетъ о Москвѣ); а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна съ ряду двадцать семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; кратко сказать, что едва ли не первая Русская опера имѣла столько восхитившихся спектатеровъ и плесканія» [1]).

V.

Матерьялизмъ и отрицаніе въ одномъ изъ направленій журналистики XVIII в. («Всякая всячина», «Ни то—ни сьо»).

Какъ мы видѣли, главный принципъ «комическихъ оперъ»—нравственный цинизмъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и человѣка; кромѣ того мы замѣтили въ нихъ еще: легковѣсность, легкомысліе сатиры и снисходительность, уступчивость морали. Эти два послѣднія начала, какъ другая темная сторона нашего «волтерьянства» XVIII вѣка, выступили на первый планъ опять въ особомъ видѣ литературы, именно—въ *одномъ изъ направленій нашей журналистики* [2]).

Остановимся, какъ на примѣрахъ, на двухъ изданіяхъ

---

[1]) Драмматическій словарь. М. 1787 г.—Второе изданіе (точное воспроизведеніе перваго) сдѣлано г. Суворинымъ. Спб. 1881 г.

[2]) О журналистикѣ нашей прошлаго столѣтія существуетъ довольно много изслѣдованій. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: г. *Неустроева*: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ отъ 1703 г. по 1802 г.», Спб. 1875 г. (превосходное библіографическое сочиненіе). — *Н. Булича*: «Сумароковъ и современная ему критика», Спб. 1854 г. — *Афанасьевъ*: «Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 гг.», М. 1859 г. — *Добролюбовъ*: 1) «Русская сатира Екатерининскаго времени»; 2) «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» (обѣ въ I т. Соч.). — *Д. Мордовцова*: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности» (Русск. Слово, 1860 г., №№ 2 и 3). — *П. Пекарскаго*: «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II (Прилож. къ III т. Зап. Имп. А. Н., Спб. 1863 г.). — *М. Лонгинова*: «Новиковъ и московскіе мартинисты», М. 1867 г. — *А. Незеленова*: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.», Спб. 1875 г.

подобнаго характера: на журналахъ «Всякая всячина» и «Ни то ни сьо».

Въ 1769 г. у насъ появился цѣлый рядъ еженедѣльныхъ сатирическихъ листковъ. Первымъ изъ нихъ по времени была *«Всякая всячина»*, которую по этой причинѣ стали потомъ называть «бабушкою» другихъ листковъ. Она выходила и въ 1770 г., подъ названіемъ «Барышокъ Всякой всячины». Пекарскій доказалъ, что императрица Екатерина не только участвовала своими статьями въ этомъ журналѣ, но и была его истиннымъ редакторомъ.

Характеръ и направленіе «Всякой всячины» выяснились главнымъ образомъ въ ея полемикѣ съ журналомъ Новикова—«Трутень». Споръ между двумя изданіями возникъ изъ-за нравственныхъ воззрѣній. «Всякая всячина» снисходительно смотрѣла на пороки. Въ 52 статьѣ своей напр., она такъ говоритъ о какомъ-то г. А., отказываясь помѣстить у себя его письмо:

«любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. И такъ, просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси; сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ».

Изъ этихъ характерныхъ признаній ясно, что «Всякая всячина» была совершенно чужда всякаго идеализма и очень легкомысленно смотрѣла на жизнь. Въ слѣдующей статьѣ своей (53-ой) она, осмѣивая человѣка, который «вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе... на силу приглядѣть могли слабости», сравниваетъ этого человѣка по злости съ Калигулой, и говоритъ, что

«всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ»,

и потому надобно поставить себѣ слѣдующія правила: 1) никогда не называть слабости порокомъ, 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе, 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4)

просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія.

Противъ всего этого, противъ подобныхъ принциповъ горячо возражалъ «Трутень». Такъ, въ «письмѣ Правдулюбова» онъ рѣзко и благородно опровергаетъ мысли «Всякой всячины».

«Я самъ того мнѣнія (пишетъ Правдулюбовъ «Трутню»), что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однако-жь не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своей мыслію и душою госпожа ваша прабабка, давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по-русски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится».

Переходя отъ общихъ воззрѣній къ частностямъ, замѣтимъ, что «Всякая всячина» снисходительно относилась къ взяточничеству и неправосудію; она говорила, напримѣръ, что «подъячихъ» нельзя строго осуждать за нечестность, потому что много «около нихъ изкушателей», дающихъ имъ взятки.

Подобнымъ мыслямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и взглядъ журнала на сатиру,—сатира, по его мнѣнію, должна быть смѣшной, веселой, и отнюдь не желчной, не меланхолической. Да и вообще лучше писателю рисовать примѣры добродѣтелей, чѣмъ осмѣивать порочныхъ людей.

Противъ всего этого тоже возражалъ «Трутень» Новикова.—И ужь конечно—въ литературной полемикѣ двухъ журналовъ «Трутень», благородно отстаивавшій высокую мысль, что терпимость къ пороку—вовсе не то-же самое, что милосердіе, былъ болѣе правъ, чѣмъ «Всякая всячина». Но справедливость требуетъ сказать, что и эта послѣдняя

не выдерживала строго своего направленія: въ ней мы встрѣчаемъ, напр., сатирическія обличенія взяточничества.

По субботамъ, въ 1769 году, выходило въ свѣтъ весьма оригинальное изданіе—«*Ни то ни сьо, въ прозѣ и стихахъ*». Изданіе это отличалось матерьялистическимъ направленіемъ и доходило до цинической откровенности въ выраженіи своихъ мнѣній.—Съ перваго взгляда «Ни то ни сьо» можетъ показаться глупымъ. На глупость его указываетъ и помѣщенное на первой страницѣ объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому ни то ни сіо дадутъ листокъ одинъ,

и странный эпиграфъ изъ Проперція: «maxima de nihilo nascitur historia, т. е. наипространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть»; и главнымъ образомъ о глупости журнала свидѣтельствуетъ, повидимому, помѣщенное въ 1-мъ листѣ разъясненіе издателями причинъ и цѣлей, съ которыми они начали свое изданіе; они говорятъ, что предприняли журналъ изъ самолюбія и изъ стремленія показаться грамотными; они откровенно заявляютъ, что въ случаѣ неудачи утѣшаютъ себя надеждой, что «между множествомъ ословъ и они вислоухими быть не покраснѣютъ». Таково первое впечатлѣніе «Ни то—ни сіо».

Но разсматривая дѣло внимательнѣе, мы, напротивъ, видимъ, что журналъ вовсе не глупъ. Объ этомъ можно заключить уже и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ; издатели видимо были люди образованные: они толково ссылаются на иностранныхъ писателей, употребляютъ греческія слова, латинскіе эпиграфы. Но главнымъ образомъ интересно внутреннее содержаніе изданія; мы видимъ здѣсь опредѣленный подборъ статей, опредѣленное направленіе. Это направленіе состоитъ въ *отрицаніи* всего.

Въ 1-мъ же № мы встрѣчаемъ стихотвореніе, намекающее на такое отрицаніе, на будущій характеръ журнала:

Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ нулей въ сихъ нивахъ сѣмя
. . . .
И весь сей будетъ трудъ основанъ на нуляхъ,

заявляютъ издатели.

Со 2-го № начинается беззастѣнчивая проповѣдь грубаго практическаго матерьялизма. На первомъ планѣ помѣщено здѣсь недурное по формѣ стихотвореніе «Деньги», въ которомъ воспѣвается и прославляется сила золота, его торжество надо всѣмъ въ мірѣ.

Можно ли нищенство
Деньгамъ предпочесть?
Деньги — лучше средство
Въ свѣтѣ все обрѣсть.
Деньги въ честь выводятъ,
Намъ друзей находятъ.
Гдѣ сребро блеснетъ,
Взоры́ тамъ народны;
Гдѣ богачъ идетъ,
Путь открытъ свободный...
Мудрость драгоцѣнна,
Что черплемъ изъ книгъ,
Деньгамъ покоренна...
. . . .
Деньги во страны
Носятъ насъ далеки,
Имъ отворены
Всѣ библіотеки.
О, сребро и злато!
И ты, звонка мѣдь!
Что у насъ отъято,
Коли васъ имѣть?
Вы чрезъ пищу голодъ,
Чрезъ одежду холодъ
Отвративши прочь,
Въ изнуренно тѣло
Льете прежню мочь.
. . . .
Это есть безспорно:
Деньгамъ все покорно,
Все находимъ въ нихъ.

Чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, которое эти стихи могли произвести на нѣкоторыхъ читателей, ре-

дакція журнала софистически оправдываетъ помѣщеніе ихъ тѣмъ соображеніемъ, что

«ей припала охота... поискать причины, для чего люди, будучи подперты со всѣхъ сторонъ то разумомъ, то законами, то другими благородными побужденіями, часто однакожъ колеблются красотой или скороподвижностью тѣхъ кружковъ, которые мы деньгами называетъ».

Въ этихъ словахъ слышится ироническое отношеніе къ «разуму» и «законамъ», сомнѣніе въ ихъ силѣ. — «У голоднаго хлѣбъ на умѣ» — прибавляетъ редакція еще и субъективное объясненіе дѣла.

За теоріей практическаго матерьялизма слѣдуетъ въ журналѣ проповѣдь теоріи веселья. Въ 3 и 4 №№, вышедшихъ въ великомъ посту, «Ни то—ни сіо» печатаетъ нравоучительныя письма Сенеки, съ ироническимъ поясненіемъ, что дѣлаетъ это, «чтобы не оскоромить читателя въ сіи на благоговѣніе опредѣленные дни». Еще яснѣе и рѣзче звучитъ иронія въ письмѣ, будто бы присланномъ по этому случаю въ редакцію, и въ отвѣтѣ на него. Неизвѣстный корреспондентъ пишетъ:

Бесспорно, что весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать,
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать.
Что смерти рокъ неизбѣжимый,
О семъ давно ужъ всякъ вѣстимый,
И мы то всѣ знаемъ безъ васъ:
Ввязались не въ свое вы дѣло, —
Ни то, ни сіо, а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ у насъ.

Очевидно соглашаясь съ веселыми и безпечными мыслями этого письма, редакція для виду возражаетъ, оправдывается въ помѣщеніи у себя Сенеки, и въ этомъ оправданіи слышится циническая насмѣшка.

«Правду сказать, онъ (Сенека) очень похожъ на великопостное сухояденіе; но мы обрадовались по крайней мѣрѣ тому, что никто изъ читателей отъ него не вскружился и не упалъ въ обморокъ».

Затѣмъ, дѣло поясняется еще стихотвореніемъ, гдѣ высказана такая идея:

Не то ѣстъ чижикъ, что индѣйка,
Не то пѣтухъ, что канарейка,
Кормъ разный гуся съ соловьемъ.
Такъ въ свѣтѣ люди разнородны
И каждаго различенъ нравъ:
Однимъ морали суть угодны,
Другіе склонны для забавъ.

Очевидно, что авторъ этихъ виршей считаетъ и нравственность, и всякаго рода убѣжденія и взгляды — дѣломъ совершенно условнымъ и независящимъ отъ личной воли и совѣсти человѣка.

Въ 6 и 7 №№ журнала напечатанъ переводъ одного сочиненія Вольтера—«Разговоръ дикаго съ бакалавромъ»; здѣсь съ матерьялистической точки зрѣнія осмѣивается пытливость ума, и человѣкъ сопоставляется и уравнивается съ животнымъ. Вотъ отрывокъ этого разговора:

Бакалавръ. Желалъ бы я знать, въ чемъ состоятъ ваши размышленія. что вы разсуждаете о человѣкѣ?

Дикой. Я разсуждаю, что человѣкъ есть животное о двухъ ногахъ, имѣющее способность умствовать, говорить, смѣяться, дѣйствующее руками своими гораздо искуснѣе, нежели обезьяна.

Бакалавръ. Но о своей душѣ какое вы имѣете понятіе, откуда она происходитъ, что она есть, какія ея упражненія, какъ она дѣйствуетъ и куда она переселяется?

Дикой. Я объ ней ничего не знаю: я ее никогда не видалъ.

Бакалавръ. А ты, господинъ дикой, какъ думаешь, какое имѣешь преимущество передъ скотами?

Дикой. Я имѣю память безконечнымъ образомъ превосходящую, гораздо больше понятій, и при томъ, какъ я уже вамъ сказалъ, языкъ, который въ голосѣ несравненно больше производитъ звоновъ, нежели языкъ скотской, способность смѣяться, которую всякій великій умствователь заставляетъ во мнѣ дѣйствовать.

Разговоръ этотъ напоминаетъ намъ нѣкоторыя идеи философскаго трактата Вольтера «Душа». Сопоставленіе двухъ сочиненій знаменитаго писателя приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ самъ на сторонѣ дикаго, а не бакалавра, — и надъ послѣднимъ, надъ его отвлеченными, метафизическими вопросами подсмѣивается.

А помѣщеніе «Разговора» въ журналѣ указываетъ намъ—откуда, изъ какихъ источниковъ «Ни то—ни сіо»

и подобныя ему изданія заимствовали свое отрицательное и матерьялистическое направленіе, свои убѣжденія и взгляды.

Съ нашей журналистикой прошедшаго вѣка связано имя императрицы Екатерины: она была, какъ мы знаемъ, редакторомъ «Всякой всячины»; она принимала и самое дѣятельное участіе въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова», который началъ выходить въ 1782 году.

Поэтому, и по многимъ другимъ причинамъ, слѣдуетъ теперь перейти къ разсмотрѣнію сочиненій императрицы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(СОЧИНЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ [1]).

I.

«Наказъ».

Императрица Екатерина, если не по силѣ литературнаго таланта, то по духу и направленію своихъ со-

[1]) Сочиненія имп. Екатерины изданы Смирдинымъ. Спб. 1849—1850 г. 3 т. — Главнѣйшія изслѣдованія и статьи о сочиненіяхъ императр. Екатерины: *П. Щебальскій*, «Екатерина II какъ писательница» (Заря, 1869 г. №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9, и 1870 г. №№ 3, 6 и 7). — *П. Безсоновъ*, «О вліяніи народнаго творчества на драмы имп. Екатерины и о цѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ» (Заря, 1870 г. № 4). — *П. Пекарскій*, «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II» (Прилож. къ III т. Записокъ Имп. Ак. Н.). — *Добролюбовъ*, «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» (Современникъ 1856 г., Соч. т. I). — *Н. А. Лавровскій*. «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой». Рѣчь, произнесенная въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1856 г. — *Я. К. Гротъ*. «Горе-богатырь, Екатерины II» (Братская помочь пострад. семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876 г.). — *В. И. Сергѣевичъ*, «Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи?» (Вѣстн. Евр. 1778 г. № 1. — Лекціи и изслѣдованія. Спб. 1883 г.). — *С. Зарудный*, «Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ сравненіи съ главою Х-ю Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами». Спб. 1879 г. — *В. И. Семевскій*. «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II» (Отеч. Зап. 1879 г. №№ 10, 11 и 12).

чиненій, по ихъ содержанію, занимаетъ очень видное мѣсто въ литературѣ своей эпохи. Можно даже сказать, что она—главная представительница того направленія этой литературы, которое развилось у насъ подъ вліяніемъ такъ называемой «освободительной философіи». Если не всѣ, то многія идеи Вольтера и энциклопедистовъ нашли у насъ выраженіе въ ея сатирическихъ статьяхъ, комедіяхъ, драмахъ, законодательныхъ, историческихъ и педагогическихъ произведеніяхъ.

Мы видѣли выше, какъ скептицизмъ вѣка сказался въ ея комедіяхъ, осмѣивающихъ масонство, и какъ въ ея журналѣ «Всякая всячина» энергически проводилась идея снисходительнаго отношенія къ жизненному злу.

Многія другія начала философіи XVIII столѣтія отразились въ ея сочиненіяхъ: и начала свѣтлыя—вражда къ суевѣріямъ и стѣсненію личности человѣческой, и темныя какъ напр. аристократическая идея такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма». Педагогическіе взгляды XVIII вѣка также нашли въ императрицѣ Екатеринѣ ревностную послѣдовательницу.

Между произведеніями Екатерины очень важное мѣсто занимаетъ, конечно, «*Наказъ Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія*». «Наказъ» произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей (онъ былъ переведенъ на различные языки). По всей вѣроятности, къ нему относятся стихи Державина въ одѣ «Фелица»:

И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертныхъ проливаешь.

«Наказъ»—не самобытное произведеніе нашей императрицы. Многое въ немъ, какъ извѣстно, заимствовано изъ книги Монтескье—«De l'esprit des lois» [1]), многое изъ

---

[1]) Книга появилась въ свѣтъ въ 1748 г. Первый русскій переводъ — въ 1752 г., затѣмъ въ 1809 г.

сочиненія Беккаріи—«О преступленіяхъ и наказаніяхъ» (это сочиненіе послужило основою для всей уголовной части «Наказа») [1]); иное сложилось подъ вліяніемъ идей Вольтера и другихъ философовъ-раціоналистовъ.

Сама императрица Екатерина, посылая Фридриху II экземпляръ «Наказа» въ нѣмецкомъ переводѣ, скромно писала:

Ваше Величество не найдете въ немъ ничего новаго, ничего такого, что не было бы вамъ извѣстно. Вы увидите, что я поступила, какъ та ворона которая нарядилась въ павлиныя перья. Въ этой книгѣ мнѣ принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изрѣдка строка или слово. Бо̀льшая часть «Наказа» заимствована изъ «Духа законовъ» президента Монтескье и изъ «Преступленій и наказаній» Беккаріи [2]).

Проф. Сергѣевичъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи «Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи?» письмо императрицы къ Даламберу, въ которомъ она высказывается въ томъ-же духѣ:

«Вы увидите (пишетъ Екатерина), какъ тамъ (т. е. въ «Наказѣ») я обобрала президента Монтескье, не называя его». «Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества» [3]).

В. И. Семевскій въ своемъ сочиненіи «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II» [4]) указываетъ—какія именно статьи взяты императрицей изъ называемыхъ ею самою сочиненій: изъ 526 статей «Наказа» около 100 (отъ 147 до 245) заимствовано изъ произведенія Беккаріи, а болѣе 250—изъ книги Монтескье.

Но, не будучи самобытнымъ сочиненіемъ, «Наказъ», однако, выражаетъ личные взгляды, направленіе мыслей императрицы Екатерины, показываетъ намъ, подъ какими вліяніями слагались ея воззрѣнія, и съ этой стороны чрезвычайно для насъ интересенъ.—Особый интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ «Наказѣ» замѣчается

---

[1]) Вышло въ свѣтъ въ 1764 г. Перевед. на русскій языкъ въ 1803.— [2]) «Заря», 1869 г., № 3. Ст. г. Щебальскаго. [3]) Вѣстн. Евр. 1878 г. № 1.— Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, В. Сергѣевича. Спб. 1883 г., стр. 766. [4]) Отеч. Зап. 1879 г. № 10.

двойственность, не примиренное противорѣчіе несогласныхъ другъ съ другомъ вліяній. На это противорѣчіе указалъ В. И. Сергѣевичъ въ названномъ выше изслѣдованіи его.

Монтескье, считая республиканскую форму правленія наиболѣе естественною, находитъ, однако, самодержавіе наиболѣе соотвѣтственнымъ новѣйшимъ государствамъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы государь не нарушалъ правъ свободы гражданъ и сообразовался съ законами. Такой же смыслъ имѣетъ 520 ст. «Наказа», заключающая въ себѣ слѣдующія прекрасныя слова:

«все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако, мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа» [1]).

Въ ст. 13-й императрица пишетъ:

«Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго бо̀льшаго ото всѣхъ добра».

Изъ книги Монтескье Екатерина освоилась (говоритъ г. Сергѣевичъ) [2]).

«съ идеей о непроизвольности законовъ, о соотвѣтствіи ихъ съ характеромъ народа, страны и другими условіями человѣческаго быта... Какъ ревностная ученица Монтескье, государыня высказываетъ мысль, что «законоположеніе должно примѣнити къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности» (ст. 57).

Согласно съ этимъ императрица пишетъ въ ст. 5-й:

«законы весьма сходственные съ естествомъ суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены».

В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что благодаря Монтескье, обратившему вниманіе всего образованнаго міра на англійскія учрежденія, Екатерина

«живо заинтересовалась представительными учрежденіями Англіи, знакомилась съ практикой англійскаго парламента, и экземпляръ журналовъ его засѣданій препроводила А. И. Бибикову, маршалу учрежденной ею законодательной коммиссіи» [3]).

---

[1]) Соч. имп. Екатерины. Изд. Смирдина, т. I. Спб. 1849 г. [2]) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. В. Сергѣевича. Спб. 1883 г., стр. 772. [3]) Лекціи и изслѣдованія В. Сергѣевича, стр. 765—766.

Этимъ обстоятельствомъ, а также историческимъ прошлымъ Россіи объясняется и созваніе императрицею коммиссіи выборныхъ представителей русской земли.

Но, увлекаясь идеями Монтескье о представительномъ правленіи Англіи, о согласованіи законовъ съ «народнымъ умствованіемъ», Екатерина въ то-же время увлекалась и «философами» вѣка, особенно Вольтеромъ, которые были чужды подобныхъ взглядовъ и аристократически, свысока смотрѣли на народъ, болѣе придавая значенія отвлеченному разсудку единичной личности. Значеніе Екатерининской коммиссіи, какъ собранія представителей земли, народа, было непонятно Вольтеру. Коммиссія занимала его лишь какъ учрежденіе, въ которомъ сошлись люди различныхъ вѣроисповѣданій.

«Она почтила меня извѣщеніемъ (говоритъ Вольтеръ про императрицу въ одномъ своемъ письмѣ) [1]), что собрала въ большой залѣ своего Кремля очень почтенныхъ язычниковъ, образованныхъ грековъ, латинянъ — природныхъ враговъ грековъ, кальвинистовъ — противниковъ латинянъ, добрыхъ мусульманъ, — что они ужинали вмѣстѣ, такъ какъ это былъ единственный способъ понять другъ друга (s'entendre), и что она убѣдила ихъ принять законы, благодаря коимъ они будутъ жить въ добромъ между собою согласіи. До сихъ поръ грекъ считалъ обязанностью выбросить за окно блюдо, съ котораго бралъ латинянинъ, буде ему было невозможно отправить туда самого латинянина... Нашей Сорбонѣ было бы кстати прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ».

Слѣдуя общимъ воззрѣніямъ Вольтера и энциклопедистовъ, вдохновляемая *разсудочностью* ихъ философіи, Екатерина пришла къ заключенію, что созванная ею коммиссія должна не столько соображаться съ «народнымъ умоначертаніемъ», сколько сочинять *новые* законы, на основаніи наставленій «Наказа», наставленій, созданныхъ разсудкомъ ея и тѣхъ мыслителей XVIII столѣтія, которымъ она слѣдовала.

«Сличеніе ея «Наказа» съ оригиналомъ (т. е. сочиненіемъ Монтескье) указываетъ на очень своеобразное измѣненіе мыслей французскаго ученаго (говоритъ проф. Сергѣевичъ). Особенно крупныя отступленія сдѣлала она въ вопросѣ о раздѣленіи властей. Мысль объ участіи народа въ законода-

---

[1]) Заря, 1869 г. № 8, стр. 91—92. Ст. г. Щебальскаго.

тельствѣ она не находитъ возможнымъ повторить въ своемъ «Наказѣ», какъ общее правило при организаціи законодательной власти».

«Раціоналистическая философія XVIII вѣка не умѣла отдать должнаго историческому началу въ развитіи человѣчества (справедливо замѣчаетъ уважаемый ученый). Все, выработанное исторіей, она склонна была осуждать, какъ результатъ грубости и невѣжества; все наслѣдіе вѣковъ она хотѣла бы уничтожить и замѣнить новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на указаніяхъ разума. Законы, съ точки зрѣнія этой философіи, не были результатомъ медленнаго и почти всегда болѣзненнаго историческаго развитія, а должны были возникнуть разомъ въ полнѣйшемъ своемъ объемѣ и всесовершенствѣ» [1]).

Въ написаніи императрицею для коммиссіи «Наказа», которымъ коммиссія выборныхъ должна была руководиться, выразилась идея «просвѣщеннаго деспотизма», та идея, которую внушалъ ей Вольтеръ, прославляя ея мудрость и дѣла, и которая сказалась, напр., въ слѣдующихъ словахъ ея письма къ нему:

«у васъ (писала Екатерина) низшіе научаютъ высшихъ, и симъ остается стараться только тѣмъ пользоваться; но у насъ совсѣмъ напротивъ. Мы не имѣемъ такого облегченія» [2]).

Эти слова написаны въ 1765 году, когда выразившаяся въ нихъ мысль еще не вполнѣ овладѣла душой императрицы: коммиссія собрана была послѣ нихъ. Но вліяніе Вольтера и вообще философовъ-раціоналистовъ шло затѣмъ все усиливаясь, въ ущербъ болѣе возвышеннымъ вліяніямъ другаго рода, и наконецъ Екатерина стала ревниво смотрѣть на свое созданіе. Какъ измѣнился ко времени распущенія коммиссіи (въ 1769 г.) собственный взглядъ императрицы на лучшее изъ дѣлъ ея царствованія, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ драгоцѣнный историческій разсказъ, разсказъ племянника А. И. Бибикова — Дмитрія Гавриловича Бибикова [3]), о причинахъ холодности Екатерины къ его знаменитому дядѣ.

«Въ предпослѣднее засѣданіе депутатовъ, когда Александръ Ильичъ объявилъ имъ, что труды ихъ кончаются, что ихъ на-дняхъ, вѣроятно, приметъ

[1]) Лекціи и изслѣдованія В. Сергѣевича, стр. 768. [2]) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ. Изд. 1802 г. Ч. I, стр. 6. [3]) Русск. Стар. 1871 г., іюнь. Разсказы извѣстныхъ лицъ. Памятныя записки В. Д. Давыдова. Стр. 783—784.

императрица и распустить по домамъ, одинъ изъ депутатовъ спросилъ Бибикова: какъ, думаетъ онъ, будетъ впредь поступать императрица? Будетъ ли она вновь собирать депутатовъ всякій разъ, что пожелаетъ издать новый законъ, или впредь будетъ издавать ихъ сама, безъ призыва ихъ?—На это Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ знать волю и намѣренія всемилостивѣйшей монархини, но предполагаетъ, что по примѣру этого собранія, если императрица будетъ довольна ихъ трудами и найдетъ въ нихъ пользу, она и впослѣдствіи по премудрости своей вѣроятно уже не приступитъ къ какой либо важной мѣрѣ, касательно интересовъ всѣхъ, не собравши снова депутатовъ. Не успѣлъ онъ кончить свой отвѣтъ, какъ услыхалъ за ширмами съ шумомъ отодвинутое кресло и шуршаніе удаляющагося платья императрицы. Съ тѣхъ поръ она стала холодна къ Бибикову, и онъ снова былъ вызванъ на политическое поприще только въ виду развитія и опасности пугачевскаго бунта».

Очевидно, отвѣчая на запросъ депутата, А. И. Бибиковъ смотрѣлъ на коммиссію такъ, какъ смотрѣла на нее императрица прежде; онъ не зналъ, что взглядъ ея измѣнился. Это измѣненіе воззрѣній еще усилилось въ 80-хъ годахъ, когда Екатерина стала считать сочиненіе законовъ уже своимъ исключительнымъ правомъ, и на вопросъ Фонвизина (присланный въ журналъ «Собесѣдникъ»):

«Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?»

рѣзко отвѣтила:

«Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго».

Общественная дѣятельница, сама преслѣдовавшая сатирой пороки, и слѣдовательно возбуждавшая негодованіе общества противъ лицъ, хотя и не изобличенныхъ на судѣ, но достойныхъ общественнаго презрѣнія, императрица впослѣдствіи измѣнила свой взглядъ на взаимныя отношенія государства и общества, и судъ общественный стала считать простымъ отголоскомъ суда государственнаго. На вопросъ Фонвизина:

«Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?»

она отвѣтила:

«Отъ того, что на судѣ не изобличены» [1]).

Идею «просвѣщеннаго деспотизма», побудившую Ека-

[1]) Соч. Фонвизина, изд. Глазунова, 1866 г., стр. 204.

терину дать коммиссіи выборныхъ людей такое подробное руководство, какъ «Наказъ», можно замѣтить и въ частностяхъ «Наказа». Такъ, императрица придаетъ черезъчуръ большое значеніе внѣшнему закону и административнымъ органамъ власти,—значеніе *воспитательное* по отношенію къ народу. Законъ можетъ, по ея мысли, исправлять пороки, создавать добрые нравы. Ст. 82-я «Наказа» говоритъ про «умѣренное управленіе»:

«гражданскіе законы тамъ гораздо легче *исправлять будутъ пороки* и не будутъ принуждены употребляти столько усилія»;

а въ 83-й статьѣ читаемъ:

«Въ сихъ областяхъ не столько потщатся наказывати преступленія, какъ предупреждать оныя и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы *вселить узаконеніями добрые нравы* во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями».

Встрѣчается въ «Наказѣ» и мысль о томъ, что воспитаніе должно всецѣло принадлежать государству. Въ статьѣ 350-й высказывается такого рода сожалѣніе:

«Невозможно (говорится тамъ) дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ; и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ».

Въ подобныхъ заботахъ о воспитаніи дѣтей выражается какое-то недовѣріе къ семьѣ, что совершенно гармонируетъ, какъ увидимъ, съ общими педагогическими воззрѣніями императрицы.

Интересенъ взглядъ автора «Наказа» на значеніе губернаторской власти: губернаторъ представляется какъ-бы отцомъ города, а граждане—его дѣтьми. Въ «Начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія», въ главѣ «Объ управленіи нравовъ» читаемъ слѣдующее:

«Вообще многія мѣста надзираютъ надъ вещами, касающимися до нравовъ. Каждый градоначальникъ обязанъ наблюдать въ подчиненныхъ своихъ благопристойность нравовъ такъ, какъ каждый хозяинъ въ своихъ домашнихъ».

Авторъ сочиненія «Екатерина II какъ писательница»,

г. Щебальскій, совершенно справедливо говоритъ, что «кругъ, оставленный Екатериною для правительственнаго дѣйствія, еще слишкомъ обширенъ по нынѣшнимъ понятіямъ» [1]).

Таково вліяніе на «Наказъ» одной стороны философіи XVIII вѣка. Но слѣдуетъ указать въ немъ и слѣды вліянія другой стороны этой философіи—истинно «освободительныхъ» идей.

«Наказъ» совершенно отмѣняетъ пытку.

«Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію (говорится въ статьѣ 123-й); само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена».

«Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду» (поясняетъ ст. 194). «Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго».

«Наказъ» ратуетъ противъ жестокихъ наказаній, которыя признаетъ несообразными и вредными; въ немъ проводится мысль, что преступленія лучше всего предупреждать распространеніемъ образованія.

«Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича (читаемъ мы въ ст. 88), и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся».

«Искусство научаетъ насъ (говорится нѣсколько ранѣе, въ ст. 85), что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердца гражданъ оными столько же поражаются, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими».

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми»,

учитъ статья 245-я; а 248-я прибавляетъ:

«самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія».

Императрица особенно внимательно предостерегаетъ законодателя и судью отъ суевѣрій и фанатизма.

«Надлежитъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ (говоритъ она въ ст. 497). Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, есть ли въ законахъ предѣловъ тому не положено».

Здѣсь, въ подобныхъ словахъ законодательнаго сочи-

---

[1]) Заря, 1869 г. № 3, стр. 104.

нения Екатерины, отразилась разумная борьба Вольтера и другихъ философовъ съ предразсудками и суевѣріями.

Можетъ быть, наконецъ, что и желаніе императрицею равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ явилось тоже (если не вполнѣ, такъ отчасти) подъ вліяніемъ «освободительной» философіи.

Особенно интересны отношенія императрицы Екатерины въ «Наказѣ» къ крестьянамъ и ихъ судьбѣ. — Въ этихъ отношеніяхъ также бросается въ глаза двойственность.

Статья 260-я, прямой переводъ изъ Монтескье, говоритъ:

«Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ».

Это положеніе не особенно благопріятствуетъ, конечно, освобожденію крестьянъ; но все, что можно было сдѣлать для крѣпостныхъ въ предѣлахъ такого совѣта, императрица хотѣла сдѣлать. Она желала, чтобы крестьяне имѣли собственность и чтобы они постепенно освобождались отъ крѣпостной зависимости.

«Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества»,

говоритъ статья 161-я; а 295-я прибавляетъ:

«Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго».

Статья 256-я требуетъ нѣкотораго ограниченія власти помѣщиковъ:

«Петръ Первый (читаемъ мы въ ней) узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По 1-й статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася—неизвѣстно».

Въ первоначальномъ видѣ «Наказа» [1]) императрица желала, для ослабленія произвола помѣщиковъ, учредить особый крестьянскій судъ, по образцу Филяндіи:

«Въ Россійской Финляндіи (писала она) выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ во всѣхъ

[1]) Ст. г. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II». Отеч. Зап. 1879 г.

преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы учредить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто раззорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ двѣнадцатью особами ему равными: законъ, который можетъ воспрепятствовать сильному мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ» (383 стр.).

Не ограничиваясь этимъ, императрица положительно хотѣла освобожденія крѣпостныхъ, она предлагала опредѣлить срокъ рабства и точно обозначить сумму выкупа отъ господина.

«Могутъ еще законы опредѣлить (писала она) урѣченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба враговъ».

(Впрочемъ, какъ можно бы было примѣнить это къ нашей жизни, «Наказъ» не пояснялъ). — Гарантировать крѣпостнымъ право на имущество Екатерина находила нужнымъ для того, чтобы они могли купить себѣ свободу.

Но благородныя мысли императрицы о свободѣ крестьянъ не встрѣтили сочувствія въ средѣ окружавшихъ ее людей. Извѣстно, что «Наказъ» былъ подвергнутъ ею, прежде появленія его въ свѣтъ, двумъ цензурамъ: во 1-хъ «людей разныхъ», близкихъ къ ней; во 2-хъ «людей разномысленныхъ». Статьи объ освобожденіи крѣпостныхъ сквозь цензуру не прошли.

Интересны возраженія на эти статьи Сумарокова и ѣдко-остроумныя замѣчанія императрицы на возраженія поэта.

«Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ вольными нельзя (писалъ Сумароковъ): скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанно будетъ въ государствѣ междуусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (*и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ*, — прибавила здѣсь императрица своею рукою), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища». «Мнѣ въ деревняхъ во-вѣки не жить; но всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень

любять, и нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ» (*и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи*,—замѣтила Екатерина).

«Г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ (прибавила она). Чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ» [1]).

Недовольство императрицы своими цензорами ярко сказалось въ приведенныхъ замѣчаніяхъ ея, какъ сказалось въ нихъ и здравое пониманіе положенія дѣлъ. Но пойти противъ мнѣнія дворянства и разрубить гордіевъ узелъ, освободивъ крестьянъ своею властью, она не рѣшилась: она исключила изъ «Наказа» неодобренныя статьи. Конечно, здѣсь дѣйствовало и вліяніе Вольтера и другихъ мыслителей: мы знаемъ, какое сочиненіе о крестьянахъ писалъ въ это время Вольтеръ на тэму, предложенную Вольнымъ Экономическимъ обществомъ; мы знаемъ и то, что императрица поступила согласно съ его мыслями: освободивъ крестьянъ монастырскихъ, она не посягнула на крѣпостныя права дворянъ.

II.

Сочиненія историческія, драматическія и сатирическія.

Идея «просвѣщеннаго деспотизма», лежащая въ основѣ «Наказа», ярко выразилась и во многихъ другихъ сочиненіяхъ знаменитой государыни, напр. въ «*Запискахъ касательно Россійской исторіи*», въ трагедіяхъ.

Свои историческія «Записки» императрица печатала въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова». Сочиняя ихъ, она работала, какъ свидѣтельствуетъ Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ», по источникамъ.—«Записки касательно Россійской исторіи» не лишены живаго интереса. Мы встрѣчаемъ, напр., въ нихъ дѣльныя историческія соображенія. Такъ, императрица сомнѣвается въ

[1]) Вѣстн. Европы, 1878 г. № 1, стр. 252, 253.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Изд. Н. Г. Мартынова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 Января 1889 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., д. № 45).

томъ, что древлянскіе послы предлагали княгинѣ Ольгѣ вступить въ бракъ съ ихъ княземъ Маломъ. Она пишетъ объ этомъ:

«Писатели сказываютъ, будто послы (древлянскіе) предлагали соединить супружествомъ своего князя Малдова съ великою княгинею Ольгою; сіе мало имѣетъ вѣроятности, потому что великая княгиня Ольга была уже тогда 60-ти лѣтъ».

Пожаръ древлянскаго города Коростеня Екатерина считаетъ совершенной случайностью, а не дѣломъ легендарной ольгиной хитрости. Изъ того обстоятельства, что Игорь заключилъ договоръ съ древлянами, императрица выводитъ заключеніе, что въ тѣ времена существовала уже грамотность.

Но рядомъ съ подобными, болѣе или менѣе основательными историческими разсужденіями, мы находимъ въ «Запискахъ» и такого рода свѣдѣнія, что Гостомыслъ былъ «новгородскій князь», что дочь его Умила вышла замужъ за «финляндскаго короля», и что отъ этого-то брака и произошли князья—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Великую княгиню Ольгу Екатерина считаетъ правнукой Гостомысла, внукой старшей его дочери, и т. д.

Народныя массы представляются въ «Запискахъ» отличающимися своеволіемъ, наивностью и глупостью; народъ, по мнѣнію автора, то же, что дѣти; руководители же его, князья — умны, разсудительны. Разсказывая о призваніи варяжскихъ князей, императрица замѣчаетъ:

«Рюрикъ съ братіями, услышавъ о несогласіи, *своеволіи*, *прихоти* и безпорядкѣ новгородцевъ, съ трудомъ согласились на просьбу ихъ» [1]).

Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа встрѣчаемъ такого рода соображеніе [2]):

«Ольга и языкъ славянскій въ употребленіе общее привела. Извѣстно, что народы и языки народовъ мудростію и тщаніемъ вышнихъ правителей умножаются и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ, о чести своего народа и языка прилѣженъ, потому и языкъ того народа процвѣтаетъ. Многіе народные языки исчезли отъ противнаго сему».

---

[1]) Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова. Спб. 1782 г. № 1 стр. 49.
[2]) Тамъ же, стр. 101—102.

То же воззрѣніе на народъ еще ярче выразилось въ историческихъ трагедіяхъ имп. Екатерины. Остановимся на двухъ изъ нихъ: «*Историческое представленіе изъ жизни Рюрика*. Вольное подражаніе Шакеспиру» и «*Начальное управленіе Олега*. Подражаніе Шакеспиру».

Піесы эти не отличаются драматизмомъ и въ нихъ нѣтъ живаго очерка характеровъ дѣйствующихъ лицъ; но достойно замѣчанія, что императрица хотѣла, сочиняя ихъ, подражать Шекспиру. Трагедіи эти интересны для насъ, главнымъ образомъ, по выразившимся въ нихъ взглядамъ ихъ автора. Какъ въ своихъ историческихъ «Запискахъ», такъ и здѣсь Екатерина смотритъ на прошлую жизнь съ точки зрѣнія современныхъ ей понятій.

Народъ представляется въ трагедіяхъ одержимымъ порокомъ своеволія. Такъ, въ «Историческомъ представленіи изъ жизни «Рюрика» (въ 4 явл. III акта) Труворъ обращается къ пришедшимъ звать его и братьевъ новгородцамъ съ такими словами:

«Сказываютъ, что между вами часто было своеволіе, непослушаніе» [1].

Отсюда, изъ своеволія народа, логически вытекаетъ недовѣріе къ нему: князья рѣшаются ѣхать въ Новгородъ не иначе, какъ съ «знатнымъ» числомъ «Варягоруссъ».

Личности князя императрица придаетъ въ трагедіяхъ очень большое значеніе. Князья не управляютъ только землею, а земля *принадлежитъ* имъ. Въ «Начальномъ управленіи Олега» (въ 1-мъ явл. I-го дѣйствія) Добрынинъ говоритъ:

«Рюрикъ уже скончался и Руссія по наслѣдству досталась сыну его Игорю» [2].

Князья въ-силахъ мѣнять народные обычаи. Въ той же піесѣ изъ Кіева пріѣхали въ Новгородъ послы жаловаться на Аскольда. Одинъ изъ нихъ, Стемидъ, говоритъ (4 явл. I ак.):

---

[1]) Соч. имп. Екатерины, т. I, стр. 322. [2]) Тамъ же, стр. 347.

«Мы присланы отъ кіевлянъ тебѣ, государю, объявить, что князь Оскольдъ перемѣняетъ у насъ во многомъ древніе обычаи безъ вѣдома твоего» [1]).

Князья представляются автору трагедій какими-то отвлеченными философами, стоящими своимъ развитіемъ ума на неизмѣримой высотѣ въ сравненіи съ темнымъ народомъ. Въ связи съ такимъ пониманіемъ личности князя стоитъ въ трагедіяхъ предпочтеніе варяговъ, близкихъ къ этой личности, славянамъ, которые оказываются глупѣе ихъ.

Вотъ интересная въ этомъ смыслѣ сцена въ «Начальномъ управленіи Олега», сцена, происшедшая послѣ побѣды Олега надъ византійцами (5 и 6 явл. IV-го акта):

Рагуилъ. Государь, войски, услыша, что ты выгодный миръ заключаешь, просятъ тебя приказать имъ парусы исткать, а именно для судовъ, Руссамъ шелковые, Славянамъ бумажные.

Олегъ. А Варяги что хотятъ?

Рагуилъ. Варяги хотятъ парусы холстинные по прежнему.

Олегъ. Вели Руссамъ и Славянамъ выдѣлить часть добычи шелковымъ и бумажнымъ товаромъ. (Рагуилъ уходитъ).

Добрынинъ. Не балуй ихъ, государь. На что имъ паруса шелковые и бумажные!

Олегъ. Нѣтъ, не балую, но отъучу ихъ отъ прихотей; шелковые и бумажные паруса какъ издерутся, тогда увидимъ, что скажутъ.

Такъ и случилось, какъ предвидѣлъ Олегъ,—паруса изодрались; славяне сказали тогда,

«что вѣтръ не знаетъ, что̀ дорого, но что̀ крѣпко» [2]).

Нѣчто подобное приведенной сценѣ, въ отношеніяхъ императрицы къ варягамъ, мы видимъ и въ «Запискахъ касательно Россійской исторіи»: тамъ возстаніе Вадима произошло отъ зависти новгородцевъ къ варягамъ. Впрочемъ, въ «Запискахъ» Екатерина сочувственно говоритъ о томъ, что блаженная Ольга, будучи сама славянка, возвышала славянъ, назначая изъ нихъ военачальниковъ.

Главною добродѣтелью народа признается въ трагедіяхъ безусловное, слѣпое повиновеніе. Въ «Историческомъ пред-

[1]) Тамъ же, стр. 350. [2]) Тамъ же, стр. 378—379, 382.

ставленіи изъ жизни Рюрика» (4 явл. I акта) Добрынинъ такъ поучаетъ Вадима:

«Народы, пріобыкши повиноваться государю, дѣду твоему, не поважены имѣть тутъ преніе, гдѣ слѣдуетъ исполнять его волю; кто изъ насъ не умѣетъ повиноваться, тотъ не способенъ повелѣвать» [1]).

Параллельно съ этимъ въ названной трагедіи проводится мысль, что жена должна безпрекословно повиноваться мужу. Королева Умила говоритъ своему супругу (2 явл. III акта):

«Повиноваться твоей волѣ безпрекословно я обыкла; я вѣдаю, колико скромность полу моему прилична. Ты король, твои дѣла суть дѣла королевства, я твоя жена, но испытывать тайны мѣста твоего было бы отъ меня любопытство неприличное и несходный съ душею моею поступокъ» [2]).

Какъ жена мужу, такъ дѣти должны повиноваться слѣпо и не разсуждая отцу. Король спрашиваетъ сына своего Рюрика—какой отвѣтъ дать посламъ новгородскимъ, призывающимъ Рюрика на княженіе. Рюрикъ на это отвѣчаетъ (3 явл. III ак.):

«Я привыкъ слѣдовать и повиноваться волѣ моего родителя, оборонять отечество, употреблять оружіе для общей пользы» [3]).

Изъ всего предъидущаго мы видимъ, какъ будто, что отношенія императрицы въ ея трагедіяхъ къ народу несочувственны.—Но съ другой стороны, она выказываетъ въ этихъ же трагедіяхъ уваженіе къ народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ, симпатію къ народной поэзіи. — Въ «Начальномъ управленіи Олега» идетъ рѣчь о вредѣ неуваженія къ народнымъ обычаямъ. Почти все 3-е дѣйствіе пьесы занято «древнимъ обрядомъ, при свадьбѣ наблюдаемымъ». Въ это дѣйствіе вставлены три народныхъ пѣсни: 1) Перекатно красно солнышко, 2) По сѣничкамъ, по сѣничкамъ, и 3) Ты рости, рости, чадо милое.

Г. Безсоновъ въ своей статьѣ «О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины» показываетъ, откуда именно императрица могла заимствовать эти

[1]) Соч. имп. Екатерины, т. I, стр. 303. [2]) Тамъ же, стр. 318. [3]) Тамъ же, стр. 320.

пѣсни. Онъ говоритъ, что въ ту пору еще вся Россія, не исключая и дворянскаго сословія, оглашалась народными пѣснями. Каждый зажиточный помѣщикъ имѣлъ своихъ пѣсенниковъ, имѣлъ рукописные сборники народныхъ произведеній. Были такіе сборники и при дворѣ. При Екатеринѣ II существовали уже и печатные «Пѣсенники». Г. Безсоновъ указываетъ, что въ «Новомъ Россійскомъ пѣсенникѣ» Шнора помѣщены всѣ три пѣсни, внесенныя императрицею въ свою трагедію, — «Перекатно красно солнышко» слово-въ-слово съ текстомъ императрицы; двѣ другія—съ отмѣнами.

Г. Безсоновъ указываетъ на слѣды народнаго творчества и въ другихъ произведеніяхъ Екатерины, напр. въ оперѣ «Федулъ съ дѣтьми» (Соч. т. I), и особенно въ пьесѣ «*Новгородскій богатырь Боеслаевичъ*». Послѣднее сочиненіе она назвала: «опера комическая, составленная изъ *сказокъ, пѣсней русскихъ* и иныхъ сочиненій», сама такимъ образомъ указывая источники, откуда почерпнула содержаніе пьесы. Это содержаніе заставляетъ насъ думать, что императрица была знакома съ былинами или, по крайней мѣрѣ, съ ихъ пересказомъ. Гдѣ-же она познакомилась съ этимъ видомъ народнаго творчества? Г. Безсоновъ говоритъ, что въ «пѣсенникахъ» того времени былинъ кіевскаго и новгородскаго цикловъ нѣтъ; но онъ указываетъ, что въ 1780—1783 годахъ Чулковъ издалъ «Былевыя сказки», и что императрица одну изъ этихъ сказокъ цѣликомъ перевела въ своего «Новгородскаго богатыря Боеслаевича»: у Чулкова заимствованы и личныя имена пьесы, и самый ходъ ея дѣйствія.—Г. Безсоновъ высказываетъ догадку, что въ рукахъ императрицы былъ и рукописный сборникъ былевыхъ пѣсенъ, можетъ быть, сборникъ Кирши Данилова [1]).

Съ сочувственными отношеніями императрицы Ека-

[1]) Заря, 1870 г. № 4.

терины къ народнымъ обычаямъ и поэзіи гармонируетъ и тотъ идеалъ государя, который, какъ можно подмѣтить, старается она нарисовать въ своихъ трагедіяхъ. Государь долженъ быть, по ея представленію, доступенъ всякому нуждающемуся въ немъ, кротокъ, милосердъ, долженъ любить правду, уважать народные обычаи и быть снисходительнымъ къ недовольнымъ.

Этотъ идеалъ государя не согласуется съ воззрѣніемъ трагедій на народъ. Но противорѣчія въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины встрѣчаются на каждомъ шагу: мы знаемъ, что противорѣчія—обычное явленіе во всей вообще нашей литературѣ Екатерининской эпохи, когда писатели были полу-безсознательными носителями боровшихся въ жизни разнородныхъ началъ.

Сочувственныя отношенія къ народному быту и народной поэзіи намекаютъ намъ, что въ характерѣ императрицы Екатерины были народныя черты. И въ самомъ дѣлѣ, эта нѣмецкая принцесса, обладавшая душой живою и впечатлительной, пріѣхавъ почти ребенкомъ въ Россію, такъ освоилась съ русской жизнью, что, можно сказать, обрусѣла у насъ, еще въ молодости своей. Она полюбила русскій языкъ, хотя до самой смерти не могла вполнѣ овладѣть русской рѣчью, особенно правописаніемъ. Но это весьма понятно:

«Ты не смѣйся надъ моей русской орѳографіей (говорила она однажды своему статсъ-секретарю Грибовскому): я могла учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе.—Впрочемъ (замѣчаетъ Грибовскій), государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ множество знала» [1]).

Къ этому можно прибавить, что она знала множество простонародныхъ поговорокъ и пословицъ. Она не разъ писала Вольтеру, что русскій языкъ такъ «богатъ и вы-

---

[1]) Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой, Адр. М. Грибовскаго. Изд. 2-е. М. 1864 г., стр. 25—26.

разителенъ, что изъ него можно сдѣлать что угодно»; она находила, что французскій языкъ такъ предъ нимъ «бѣденъ», что надо быть Вольтеромъ, чтобы изъ него что-нибудь сдѣлать.—Екатерина любила, чтобы у нея во дворцѣ говорили по-русски, старалась поддерживать старинные обычаи, множество которыхъ тоже знала. — По поводу отъѣзда кн. Григ. Орлова за-границу, Екатерина спросила извѣстную Перекусихину: «что дѣлаютъ съ иконою, которая потеряла свой ликъ отъ ветхости?» Перекусихина отвѣчала, что такую икону сожигаютъ. «Эхъ, Савишна! Ты русская женщина, знаешь всѣ русскіе обычаи, а этого не знаешь: икону, у которой ликъ сошелъ, на воду спускаютъ» [1]). Можетъ быть, неловко сопоставленіе кн. Орлова съ иконою; но все-таки анекдотъ этотъ, какъ нарочно сохраненный А. С. Хомяковымъ, свидѣтельствуютъ въ пользу присутствія народныхъ чертъ въ характерѣ и въ рѣчи Екатерины.—8-го сентября 1870 г. Храповицкій поздравилъ императрицу съ праздникомъ Рождества Богородицы. «Это бабій праздникъ», отвѣтила она ему.—Екатерина любила народныя игры, пѣсни, пляски: Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ [2]), что ими встрѣчали при ея дворѣ святки; въ первый день Рождества, въ 1765 году, у императрицы, куда былъ приглашенъ и маленькій Павелъ Петровичъ, играли въ веревочку и другія игры, хоронили золото, пѣли «заплетися плетень», плясали по-русски.

«Ея величество (говоритъ Порошинъ) во всѣхъ сихъ играхъ сама быть и по русски плясать изволила съ Никитою Ивановичемъ» (т. е. Панинымъ).

Съ такими наклонностями и симпатіями императрицы Екатерины къ простонародному совершенно согласуется то обстоятельство, что она не отличалась модными лю-

---

[1]) «Кн. Гр. Гр. Орловъ», ст. г. Барсукова въ Русск. Арх. 1873 г. № 2 стр. 138. [2]) Записки, служащія къ исторіи государя Павла Петровича. Семена Порошина. Спб. 1844 г. Стр. 225 и 547.

безностью и остроуміемъ (въ томъ непріятномъ смыслѣ, какой имѣли эти слова въ XVIII вѣкѣ).

«Если бы я была частной женщиной во Франціи (сказала однажды Екатерина гр. Сегюру, французскому послу), то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отъужинать съ ними»

Вѣжливый французъ, разумѣется, возражалъ, разсыпавшись въ комплиментахъ; но едва-ли онъ былъ здѣсь вполнѣ искрененъ: въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ такъ говоритъ о Екатеринѣ:

«одаренная возвышенною душою, она не обладала ни живымъ воображеніемъ, ни даже блескомъ разговора, исключая рѣдкихъ случаевъ, когда говорила объ исторіи или о политикѣ; тогда личность ея придавала вѣсъ ея словамъ» [1]).

Народныя черты характера императрицы Екатерины выразились въ лучшихъ (въ литературномъ отношеніи, а также по духу и направленію) произведеніяхъ ея, — въ *бытовыхъ комедіяхъ*. Драматическаго элемента въ этихъ пьесахъ, конечно, мало; дѣйствующія лица, не только резонеры, но даже и комическія, не отличаются типичностью; но комедіи эти не чужды, однако, чертъ, выхваченныхъ изъ жизни; въ нихъ видно знаніе авторомъ современныхъ нравовъ; юморъ ихъ не лишенъ живаго остроумія, и (что особенно замѣчательно) этотъ юморъ направленъ именно на главные недостатки общества: императрица благородно осмѣиваетъ въ своихъ пьесахъ французоманію и тѣхъ помѣщиковъ, которые презираютъ и угнетаютъ крестьянъ.

Разсмотримъ двѣ изъ этихъ пьесъ: «О, время!» и «Имянины г-жи Ворчалкиной» [2]).

Комедія «*О время*»! въ 3-хъ дѣйствіяхъ, сочиненная, какъ сказано въ заглавіи, въ Ярославлѣ въ 1772 г., изображаетъ трехъ сестеръ: Ханжахину, Вѣстникову и Чудихину,—ханжу, сплетницу и суевѣрную старуху.

Ханжахина, кромѣ основной черты своего характера,

---

[1]) Записки гр. Сегюра о его пребываніи въ Россіи въ царствов. Екат. II. Спб. 1865 г. Стр. 188 и 16. [2]) Обѣ во II т. Соч. имп. Екатерины.

отличается еще лицемѣріемъ, скупостью и жестокостью въ обращеніи съ крестьянами; она занимается и ростовщичествомъ. Внучку свою, молодую дѣвушку Христину, воспитываетъ она въ страхѣ и ничему не учитъ.

Въ самомъ началѣ піесы служанка Мавра разсказываетъ Непустову, дядѣ жениха Христины, какъ ея госпожа проводитъ время (1-е явл. I акта):

«...она встаетъ поутру въ шесть часовъ и, слѣдуя похвальному обычаю сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампадку; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то съ внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны, то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить...»

Въ слѣдующемъ явленіи того же акта Ханжахина сама свидѣтельствуетъ о своемъ варварскомъ обращеніи съ крѣпостными; она говоритъ Непустову:

«Изволь самъ разсудить, можно ли спокойну быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мной? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила мою покойную матушку, помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ и стоитъ какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руки бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано? О! несмысленная тварь! О, демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія—жениться! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ? Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько еще класть надобно. Однакожь велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны».

Изъ двухъ другихъ сестеръ героинь пьесы замѣчательна Чудихина, суевѣрная женщина, любящая притомъ разстраивать свадьбы. Она воспитала сына своего—какъ позднѣйшая фонвизинская Простакова Митрофанушку. Сынъ Чудихиной уже на службѣ, но еще не грамотенъ.

«Онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ»,

говоритъ нѣжная матушка [1]. Она очень обезпокоена тѣмъ, что сынокъ ея хорошъ собою, и потому его легко сглазить. Она чрезвычайно заботится объ его здоровьѣ:

«во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходилъ (говоритъ она); а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю... Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы таки и ночью-бъ-то чего не причудилось».

Народное начало въ комедіи «О, время!» выражается, между прочимъ, и въ знаніи авторомъ комедіи народныхъ примѣтъ, суевѣрій и т. п. Въ первыхъ явленіяхъ III-го акта Чудихина разсказываетъ, напр., слѣдующее:

«умереть мнѣ нынѣшній годъ всемѣрно (плачетъ), всемѣрно умереть. Недаромъ третьяго.дня курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, приказала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, чрезъ голову до порога кувыркать, чтобъ узнать, голову ли, или хвостъ ей отрубить. Жеребій палъ на голову, и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрубить голову. Хоть насѣдка и добра была, да провались она, свой животъ всего дороже» (стр. 47).

Народность сказывается въ пьесѣ и въ очеркѣ идеальныхъ лицъ, въ характеристикѣ ея резонеровъ. Такъ, старикъ *Непустовъ* высказываетъ взгляды, похожіе на фонвизинскіе или новиковскіе. Въ началѣ комедіи, напр., когда Мавра говоритъ ему о Ханжахиной и преданности ея старинѣ, онъ замѣчаетъ:

«Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ отношеніи съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно».

Прекрасная дѣвушка Христина, внучка Ханжахиной, отличается добродѣтелями въ духѣ русскаго человѣка: она проста, пряма, искренна, безхитростна, обладаетъ здравымъ смысломъ; она не искажаетъ русскую рѣчь вставками модныхъ французскихъ словъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ свойствъ своихъ (т. е. нѣкоторыхъ признаковъ народности, сатирическаго изображенія

[1]) III актъ, 3-е явл. — Соч. Екатерины, т. II, стр. 51.

суровыхъ помѣщиковъ) комедія императрицы вызвала сочувствіе Новикова; качества самой пьесы дѣлаютъ намъ понятнымъ, почему Новиковъ лучшій сатирическій журналъ свой — «Живописецъ» — посвятилъ автору комедіи «О, время!».

Народный духъ слышится и въ комедіи Екатерины *«Имянины госпожи Ворчалкиной»*. (Пьеса эта въ 5 актахъ, тоже сочинена въ Ярославлѣ; а представлена въ первый разъ на сценѣ въ апрѣлѣ 1772 г.).

Здѣсь, какъ и въ комедіи «О время!», мы встрѣчаемъ теплое слово за крѣпостнаго крестьянина, по крайней мѣрѣ, за мягкое обращеніе съ нимъ. Въ 3 явленіи I-го акта слуга Антипъ говоритъ:

«будто можно побоями перемѣнить человѣческій нравъ. Посмотри-тко ты, у Невѣждова всякій день то и дѣло, что людей порютъ батожьемъ, и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину, кожу съ нихъ спускаютъ, а люди всѣ воры и пьяницы. Этимъ не передѣлаешь нашего брата. Напротивъ того, мой баринъ не таковъ лихъ и рѣдко дерется, однако глянь, какіе мы у него молодцы, человѣкъ человѣка лучше, красивѣе, веселѣе и порядочнѣе».

Параллельно съ гуманнымъ воззрѣніемъ на крестьянъ, комедія довольно ѣдко осмѣиваетъ аристократическія тенденціи. Напримѣръ, нѣкто Спесовъ (гордый своей знатностью, какъ указываетъ самая фамилія его) говоритъ другому лицу — Геркулову—въ отвѣтъ на одно его предложеніе:

«ты весьма замысловатъ. Выдумки изъ твоей головы безъ запинки летятъ. Мы, знатной породы люди, не таковы прытки умомъ. Полно, и на что намъ разумъ! много такихъ и безъ насъ, которые должны думать, а мы судить только рождены» (2-е явл. II-го акта).

Съ этимъ ироническимъ осмѣяніемъ родоваго тщеславія совершенно согласно положительное осужденіе его идеальной личностью пьесы — Дремовымъ, говорящимъ по поводу воззрѣній Спесова:

«какая глупая гордость хвалиться родомъ! Это называется хвалиться чужимъ: ворона всегда будетъ ворона, хотя бы она и павлиными украсилась перьями» (V актъ, 8-е явл.).

Но самая замѣчательная сторона въ комедіи «Имянины г-жи Ворчалкиной» есть, конечно, довольно яркое сати-

рическое изображеніе французоманіи русскаго общества. Прекрасно обрисованные въ пьесѣ щеголиха и петиметръ напоминаютъ намъ подобныхъ лицъ въ сатирическихъ журналахъ Новикова.

Щеголиха Олимпіада, дочь Ворчалкиной, встающая въ 11 часовъ, часа 4 посвящающая затѣмъ туалету, говорящая смѣсью французскаго языка съ русскимъ, отличается безсердечіемъ и цинизмомъ; она не понимаетъ чистаго чувства любви и грубо насмѣхается надъ семейнымъ счастьемъ. По поводу нравственно-возвышенныхъ разсужденій на эту тему сестры своей Христины она говоритъ:

«какая нужда замужъ идти... это дурачество никогда не поздно. Смѣшно мнѣ... ха, ха, ха! замужъ! на это и смотрѣть гадко... это impoli, мнѣ кажется, иттить за одного; это слово въ слово, какъ сказать другимъ adorateur'амъ, что вы недостойны этой чести,—а я не хочу весь свѣтъ обидѣть» (V актъ, 1-е явл.).

Бесѣда Олимпіады съ петиметромъ Фирлюфюшковымъ (въ 4 явл. IV-го д.) живо напоминаетъ намъ образцы «щегольскаго нарѣчія» въ «Трутнѣ» или въ «Живописцѣ» Новикова. — Олимпіада встрѣчаетъ Фирлюфюшкова, входящаго насвистывая французскую пѣсенку:

«Ахъ радость! куда какъ ты несносенъ! гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?»

Фирлюфюшковъ отвѣчаетъ комплиментами:

«Ah, ma princesse! bonjour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что uniforme; одна только красота ваша поселилась въ мою голову».

Не менѣе интересна и слѣдующая сцена I-го акта между щеголемъ, служанкой Прасковьей и Антипомъ:

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ-ли я? Госпожа Ворчалкина, я чай, уже обѣдаетъ.

Прасковья. Да гдѣ же вы такъ долго пробыли? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь вѣдь ужь поздно..

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ? A ma toilette, голубка... à ma toilette... Гдѣ можно такъ рано индѣ быть? Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? боюсь... чтобъ отъ слабости не упасть... поддержите меня...

Антипъ. Не изволите ли на стулъ сѣсть? Вотъ...

Фирлюфюшковъ. Ужь мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресло.

Прасковья. Диво, что вы въ нынѣшнюю погоду и воздуха не боитесь чтобъ лицо не обвѣтрило.

Фирлюфюшковъ. Бываетъ и то въ здѣшнемъ климатѣ, но я къ ночи натираю лицо французскою помадой и тѣмъ его лечу... ah diable... ха, ха, ха!... ты дѣвушка... ха, ха, ха!... разумная... ха, ха, ха! а какъ одѣта, fi donc... ха, ха, ха, ха! въ нынѣшній saison на тебѣ батавія... да еще и не батавія... а самый легкій круазе... ха, ха, ха! уморишь, радость! возможно ли снести?..

Человѣкъ глупый, Фирлюфюшковъ терпѣть не можетъ книгъ.

«Это великое дурачество, кто къ нимъ привяжется»,

говоритъ онъ (5 явл. I д.). — Онъ такъ легкомысленъ и пустъ, что боится одинъ остаться въ комнатѣ, и когда Прасковья и Антипъ хотятъ уйти, онъ упрашиваетъ ихъ — не покидать его одного. — Изнѣженный щеголь, онъ отличается и трусостью. Когда Геркуловъ хочетъ побить его за неотдачу долга, онъ прячется за Олимпіаду, притворяясь, будто любуется ея костюмомъ:

«Ah, ma deesse! (восклицаетъ онъ). Какое у васъ прелестное платье. Quel gout!» (5-е явл., IV д.).

Такими, можно сказать, живыми чертами осмѣяно въ комедіи пристрастіе русскаго общества къ модамъ, ко всему французскому, наша слѣпая подражательность.

Вообще, сатира комедій императрицы Екатерины стоитъ довольно высоко и рѣзко отличается отъ предшествовавшей ей сатиры «Всякой всячины» и отъ послѣдующей — «Былей и небылицъ» (печатавшихся въ «Собесѣдникѣ»): и журналъ императрицы, и «Были и небылицы» ея замѣчательны легковѣсностью своего смѣха, уступчивостью своей морали. — Какъ объяснить сравнительную высоту надъ ними комедій? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это объясняется отношеніями императрицы Екатерины къ Новикову: въ началѣ и въ концѣ своей литературной дѣятельности она враждебно смотрѣла на знаменитаго

издателя; комедіи написаны ею въ эпоху сближенія съ нимъ, когда она участвовала въ его «Живописцѣ».

Мы видѣли рѣзкую полемику «Всякой всячины» съ новиковскимъ «Трутнемъ», мы видѣли, какъ расходились эти журналы въ пониманіи жизни, въ нравственныхъ воззрѣніяхъ, въ идеалахъ. Споръ окончился печально для Новикова: «Трутень» долженъ былъ прекратиться. Но на самомъ дѣлѣ побѣда осталась за Новиковымъ: въ душѣ императрица уступила ему. На самую рѣзкую статью «Трутня», гдѣ «Всякая всячина» обвинялась въ непониманіи русской рѣчи и неумѣньи изъясняться по русски, или, лучше сказать, въ неумѣньи логически мыслить, журналъ Екатерины отвѣтилъ уступкой: оставивъ враждебный тонъ, бросивши споръ, онъ заявилъ свою мысль, что лучше рисовать примѣры доблестей, чѣмъ дѣйствовать на нравы сатирой; императрица признала, кромѣ того, своего литературнаго противника остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ. И, не смотря на прекращеніе «Трутня», съ этихъ именно поръ завязываются литературныя сношенія Екатерины съ Новиковымъ: сначала императрица сообщаетъ своему бывшему противнику древнія рукописи для его историческихъ изданій, а затѣмъ, въ 1772 году, письменно обѣщаетъ свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ листкѣ «Живописецъ», и дѣйствительно печатаетъ тамъ (по свидѣтельству Карамзина) нѣсколько своихъ статей. Ясно, что мнѣніе императрицы о нравственныхъ свойствахъ Новикова измѣнилось, готовъ былъ измѣниться и ея взглядъ на сатиру и, быть можетъ, вообще ея міросозерцаніе. Этотъ измѣненный взглядъ и выразился въ комедіяхъ «О, время!» и «Имянины г-жи Ворчалкиной»: благородный смѣхъ этихъ пьесъ направленъ именно на то, что особенно преслѣдовалъ Новиковъ, — на французоманію и на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Вліяніе народнаго направле-

нія Новикова пересилило въ душѣ императрицы вліяніе матерьялистической философіи. Но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго: взгляды Екатерины потомъ снова измѣнились въ прежнемъ направленіи, и возвышенный тонъ ея сатиры снова понизился.

III.

Педагогическія сочиненія императрицы Екатерины, Ж. Ж. Руссо и Локка.

Между разнообразными сочиненіями императрицы Екатерины есть и цѣлый рядъ произведеній педагогическихъ. На нихъ замѣтно сильное вліяніе идей Локка, Руссо, а также Вольтера и другихъ философовъ-матерьялистовъ.

Идея «просвѣщеннаго деспотизма» выразилась въ этихъ сочиненіяхъ въ проведеніи принципа безусловнаго, слѣпаго повиновенія воспитанника воспитателю и въ поставленіи воспитанія-собственно, какъ такой дѣятельности, въ которой особенно проявляется вліяніе наставника, или руководителя, выше образованія ума, развивающаго личную свободу ученика.

Въ заботахъ же о гигіенѣ, о воспитаніи въ дѣтяхъ твердости духа и «благорасположенія» къ людямъ низшихъ сословій сказалось дѣйствіе «освободительныхъ» идей вѣка.

Первое мѣсто въ средѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины принадлежитъ, конечно, «*Инструкціи князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей*», данной при манифестѣ марта 13-го дня 1784 года [1]). Въ этомъ сочиненіи проводятся слѣдующіе принципы: во 1-хъ, воспитаніе поставлено выше ученія, пріобрѣтенія знаній.

«Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія», говорится въ Инструкціи (стр. 226).

[1]) Соч. имп. Екатерины II, изд. 1849 г., т. I.

«Ученіе же, или знаніе (читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ), да будетъ имъ (т. е. великимъ князьямъ) единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію» (стр. 224).

«Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе», учитъ императрица (201).

«Воспитаніе замыкается (говоритъ она далѣе) въ четырехъ вещахъ: a) въ добродѣтели, b) въ учтивости, c) въ добромъ поведеніи, и d) въ знаніи» (202).

Знаніе поставлено, такимъ образомъ, ниже не только добраго поведенія, но и учтивости.

Согласно съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ знанію, а также совершенно въ духѣ идеи вѣка о легкомъ и безпечномъ отношеніи къ жизни, «Инструкція Салтыкову» проводитъ другой принципъ въ воспитаніи — принципъ веселья. Веселье свойственно, конечно, дѣтскому возрасту, и потому хорошо; но дѣло совершенно измѣняется, когда это веселье ставятъ какъ противовѣсъ дѣльному ученью.

«Вообще, какъ дѣти не любятъ быть праздными, то надлежитъ стараться (учитъ одно изъ правилъ «Инструкціи»), чтобъ то, въ чемъ ихъ упражнять нужно, для нихъ обратилось въ родъ забавы» (245).

«Питая въ дѣтяхъ веселость нрава (пишетъ императрица въ другомъ правилѣ), надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ-то: *печальныя воображенія*, или *унылые наносящіе разсказы* и всякія малодушія, привлекающія нѣгу, такожде и ласкательства» (207).

Здѣсь уже веселье поставлено выше и воспитанія.

Третье начало, положенное въ основу «Инструкціи», есть принципъ безусловнаго и слѣпаго повиновенія молодыхъ людей воспитателямъ. Изъ этого принципа вытекаетъ вышеуказанное поставленіе воспитанія-собственно выше ученія, или развитія и обогащенія ума познаніями.

«Что дѣтямъ приказывается или запрещается, то надлежитъ быть исполнено отъ дѣтей тотчасъ безъ прекословія» (239),

учитъ одно правило. А что значитъ это «безъ прекословія»—поясняется для насъ другимъ правиломъ:

«Когда надобны дѣтямъ платья, то оныя дѣлать, но если станутъ требовать такого-то цвѣта, матеріи или покроя, то въ томъ имъ отказывать, и надлежитъ поваживать, чтобъ довольствовались тѣмъ. что имъ даютъ по разсужденію тѣхъ, кому воспитаніе ихъ поручено... тоже чинить въ кушаньѣ и питьѣ» (243).

(Замѣтимъ кстати, что эти послѣдніе совѣты взяты императрицею изъ сочиненій Локка).

Такова одна сторона «Инструкціи Салтыкову»; но въ ней есть и сторона другая, болѣе симпатичная. Сюда относятся, во 1-хъ, заботы о гигіенѣ.

«Да будетъ одежда ихъ высочествъ и лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь. Чтобъ платье ихъ было какъ возможно простѣе и легче»,

совѣтуетъ императрица (203). Она желаетъ, согласно съ этимъ, чтобы и

«пища и питье были простыя, и просто заготовленныя, безъ пряныхъ зелій, или такихъ кореній, кои кровь горячатъ».

Императрица предписываетъ,

«чтобъ какъ возможно ихъ высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ», «чтобъ въ покояхъ ихъ высочествъ зимою по крайней мѣрѣ дважды въ день перемѣненъ былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ» (204).

Прекрасны затѣмъ въ «Инструкціи» требованія—развивать въ дѣтяхъ твердость духа, терпѣніе, милосердіе «ко всякой твари», «благорасположеніе» ко всѣмъ людямъ, учтивость въ обхожденіи со слугами и простолюдинами. Надо

«поваживать дѣтей, чтобъ обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобъ съ ними не говорили повелительно и съ пренебреженіемъ, или возвышая голосъ, или со спѣсью; но съ благоволеніемъ пристойнымъ къ человѣчеству вообще» (219).

Къ числу педагогическихъ сочиненій Екатерины можно отнести двѣ *сказки*, написанныя ею для внуковъ: «*О царевичѣ Хлорѣ*» и «*О царевичѣ Февеѣ*». Сказки эти совершенно согласны, по своему направленію, съ принципами «Инструкціи Салтыкову».

Для дѣтей онѣ представляютъ мало интереса, какъ по отсутствію въ нихъ фантастическаго элемента, такъ и потому, что отличаются отвлеченно-нравоучительнымъ и разсудочнымъ характеромъ. Разсудочность — выдающійся признакъ не только философіи, но и поэзіи XVIII столѣтія.

Въ аллегорической сказкѣ «О царевичѣ Хлорѣ» повѣствуется, какъ киргизъ-кайсацкій ханъ, прослышавши

о мудрости кіевскаго царевича-младенца Хлора, похитилъ его и задаетъ ему задачу—найти розу безъ шиповъ. Подъ этою «розой» произведеніе разумѣетъ — добродѣтель. Царевичу помогаетъ дочь хана — Фелица (аллегорія мудрости); она даетъ ему въ проводники своего сына Разсудка, при помощи котораго Хлоръ восходитъ на высокую гору и находитъ «розу безъ шиповъ».

Особенно замѣчателенъ въ сказкѣ одинъ эпизодъ, именно—посѣщеніе Хлоромъ и Разсудкомъ крестьянской семьи. Здѣсь нарисованъ императрицею крестьянскій бытъ, идеализируется крестьянское довольство, согласно съ безпечнымъ и примирительнымъ взглядомъ философіи XVIII столѣтія на жизнь и ея темныя стороны. Хозяева посѣщенной царевичами крестьянской избы были очень трудолюбивы, поясняетъ сказка, такъ что даже дѣти «упражнены были: щипали траву негодную изъ овощей». Они приняли гостей ласково и радушно.

«Хозяйка съ невѣсткою (повѣствуетъ сказка) разостлали по столу скатерть и поставили на столѣ чашу съ простоквашею, другую съ яичницею, блюдо блиновъ горячихъ и яицъ въ смятку, а посрединѣ ветчину добрую, положили на столѣ ситный хлѣбъ, да поставили возлѣ каждаго крынку молока, а послѣ вмѣсто закусокъ принесли соты и огурцы свѣжіе, да клюкву съ медомъ» [1]).

Такое изображеніе крестьянскаго благоденствія и блаженства напоминаетъ намъ другое сочиненіе императрицы Екатерины—Антидотъ (ou examen d'un mauvais livre superbement imprimé, intitulé: Voyage en Siberie fait par ordre du Roi, 1770—1771). Защищая русскую землю отъ иностраннаго путешественника, императрица утверждаетъ здѣсь, будто русскій крестьянинъ живетъ въ такомъ довольствѣ, что ѣстъ когда хочетъ курицу и даже индѣйку.

Сказка «*О царевичѣ Февеѣ*» даетъ правила воспитанія, между прочимъ и гигіеническія. По этимъ правиламъ воспитываютъ Февея.

---

[1]) Соч. Екатерины II, т. I, стр. 292.

«Его не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во-время. Приставили къ нему маму, вдову разумную, которая умѣла различать, кричитъ ли дитя отъ нужды, болѣзни, или своеволія» (I, 265).

Интересенъ эпизодъ съ привитіемъ царевичу оспы. Значеніе этого привитія, только что тогда придуманнаго и вводимаго въ употребленіе, императрица чрезмѣрно преувеличиваетъ:

«Трехъ лѣтъ привили ему (разсказываетъ она) оспу, послѣ которой получилъ *наивящшее любопытство и охоту къ спознанію всего*. Самъ собою безъ принужденія выучился читать, писать и цыфири» (266).

Личность Февея въ сказкѣ замѣчательна тѣмъ, что представляетъ собою идеалъ благовоспитаннаго юноши, по воззрѣніямъ императрицы Екатерины. Февей отличается учтивостью, смиреніемъ, отсутствіемъ гордости, кротостью. Онъ говоритъ своимъ «комнатнымъ», т. е. слугамъ:

«не дайте душѣ моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, какъ пробуждусь отъ сна ночнова, скажите вы мнѣ рѣчь сію: Февей, вставай съ одра, и помни во весь день, что ты еси человѣкъ такой же, какъ и мы» (274).

Царевичъ не хочетъ въ сказкѣ поступать съ плѣнными такъ, какъ поступаютъ съ ними «люди Золотой Орды»:

«неприлично (говоритъ онъ) перенимать намъ худое обхожденіе, пусть перенимаютъ у насъ люди Золотой Орды человѣколюбивое обхожденіе съ людьми и иныя добродѣтели и да будетъ у насъ всякаго добра образецъ» (278).

Но на-ряду съ подобными нравственными доблестями, авторъ сказки ставитъ въ заслугу царевичу и отличающее его слѣпое, рабское повиновеніе. Отецъ Февея, желая испытать послушаніе сына, воткнулъ «сучекъ сухой» въ «землю твердую» и

«приказалъ сыну въ день дважды утромъ и вечеромъ лейкою сучекъ сухой обливать водою цѣлой годъ».

Царевичъ, не разсуждая и не спрашивая объясненій, исполнялъ приказанное.

«Окружающимъ его молодчикамъ показалось то странно (продолжаетъ сказка), говорили съ ропотомъ ему: «обливай сколько изволишь сухой сучекъ, дерево не выростетъ изъ онаго, отецъ твой затѣялъ невозможное, а тебѣ приказываетъ небылицу». Царевичъ отмалчивался долго. Наконецъ сказалъ имъ: «слушайте вы, друзья добрые молодцы; кто повелѣваетъ, тому и разсуждать, а наше дѣло слушаться, исполняя повелѣнное съ покорностію безъ-ропотно, не разсуждая много» (269).

Какъ было сказано, педагогическіе взгляды императрицы Екатерины сложились подъ вліяніемъ идей знаменитыхъ педагоговъ—*Локка, Руссо* и другихъ мыслителей западной Европы. Сочиненіе Локка «*О воспитаніи дѣтей*» вышло въ свѣтъ въ 1721 году, а въ 1760 было уже переведено на русскій языкъ (Поповскимъ). Знаменитая книга Руссо «*Эмиль или воспитаніе*» написана въ 1759—1760 гг., напечатана въ 1762 и въ томъ же году приговорена къ сожженію въ Парижѣ и Женевѣ» [1]).

При всемъ различіи своемъ, сочиненія англійскаго и французскаго педагоговъ-философовъ сходятся, однако, въ главныхъ положеніяхъ, въ главныхъ принципахъ.

И Локкъ и Руссо несомнѣнно принесли много пользы своими педагогическими идеями. Заслуги ихъ состоятъ, во 1-хъ, въ томъ, что они указали на важное значеніе физическаго воспитанія; во 2-хъ, въ томъ, что они стремились къ *освобожденію* природы ребенка отъ ложныхъ и вредныхъ стѣсненій. — На первой же страницѣ своего «Эмиля» Руссо говоритъ:

«Все хорошо, выходя изъ руки Творца, все вырождается въ рукахъ человѣка. Онъ заставляетъ почву питать несвойственныя ей произведенія, дерево приноситъ несвойственные ему плоды. Онъ идетъ наперекоръ климатамъ, стихіямъ, временамъ года. Онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, своего раба. Онъ все ставитъ вверхъ дномъ, все искажаетъ. Онъ любитъ безобразіе, уродовъ, отворачивается отъ всего естественнаго, и даже самого человѣка надо выдрессировать для него, какъ манежную лошадь, исковеркать на его ладъ, подобно садовому дереву».

Въ-видахъ освобожденія ребенка отъ подобной лжи, оба педагога рекомендуютъ для дѣтей жизнь среди природы и утверждаютъ, что слѣдуетъ избѣгать всякаго принужденія въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній: въ этомъ случаѣ надо дѣйствовать (учатъ они) посредствомъ возбужденія интереса къ знанію. Они предлагаютъ, поэтому, наглядное обученіе, напр., совѣтуютъ изучать географію практи-

[1]) Русскій переводъ въ I т. Собр. соч. Ж. Ж. Руссо, 1866 г.— «О воспитаніи дѣтей» Локка, переводъ Поповскаго, 1760 г.

чески, т. е. исходя изъ непосредственныхъ наблюденій учащагося надъ природой.

Далѣе, они проповѣдуютъ мягкое обращеніе съ дѣтьми и сильно возстаютъ противъ суровости воспитателей, противъ строгихъ наказаній.

Затѣмъ, они признаютъ прежде всего необходимымъ *общее* образованіе, открывающее просторъ способностямъ и наклонностямъ человѣка, дающее человѣку возможность выбрать себѣ дѣло, сообразно съ своею природою и характеромъ; а образованіе *специальное*, гдѣ воля уже ограничивается опредѣленными рамками, они ставятъ на второй планъ.

Вотъ тѣ свѣтлыя идеи педагогическихъ сочиненій Локка и Руссо, которыя принесли дѣйствительную пользу современникамъ, и благодаря которымъ дѣло воспитанія совершило шагъ впередъ.

Но есть и другія, ложныя стороны въ доктринѣ Локка и Руссо. Оба знаменитые педагога-мыслителя проводятъ настоятельно мысль о преимуществѣ воспитанія предъ образованіемъ. Руссо придаетъ такое громадное значеніе воспитанію, что его Эмиль не можетъ ступить шага безъ своего ментора. Ученье-же входитъ въ воспитаніе Эмиля лишь какъ незначительная составная часть его.

«Дѣтямъ нужно преподавать одну науку (говоритъ Руссо): науку объ обязанностяхъ человѣка» [1]).

Знаменитый философъ-романтикъ (отрицавшій цивилизацію, потому что боролся съ раціонализмомъ, которымъ, однако, самъ былъ зараженъ) вообще не уважаетъ знаніе:

«Польза открытія одной истины (утверждаетъ онъ) перевѣшивается заблужденіями, которыя являются вмѣстѣ съ нею... Умѣй мы игнорировать истину, мы никогда не были бы обмануты ложью» [2]).

Локкъ думалъ такъ-же; онъ прямо говоритъ въ своей книгѣ [3]):

---

[1]) Сочин. Руссо. Спб. 1866 г. Т. I, стр. 17. [2]) Тамъ же, стр. 21. [3]) «О воспитаніи» Локка. Пер. Поповскаго. 1760 г. Т. II, стр. 104, 107.

«Я знаніе полагаю послѣ другихъ вещей, нужныхъ къ доброму дѣтей воспитанію... я скажу, что знаніе дѣйствительно вещь есть самая маловажная».

«Ученія должно искать не единственно и для него самого, но просто какъ способъ, чтобы найти нѣкоторую вещь изящнѣйшую».

Подъ этой «изящнѣйшей вещью» онъ разумѣлъ—«благонравіе» и «знаніе свѣта». Въ другомъ мѣстѣ своей книги [1] онъ говоритъ, что, если ребенокъ,

«будучи искусенъ уже въ своихъ поведеніяхъ, пожелаетъ учиться чему-нибудь особливо, чтобы съ пользою употребить свои досуги, или привести себя въ совершенство въ какой-нибудь наукѣ, о которой учитель далъ ему легкое понятіе, то первыя основанія, которыя онъ прежде о томъ слышалъ, довольны будутъ къ тому служить ему столько, сколько онъ пожелаетъ, или природныя его дарованія позволятъ».

Если и нужно дитя учить, то только для того,

«чтобы природныя его способности обратить въ дѣйство, употребить въ пользу его время, отвратить его отъ праздности... и подать нѣкоторой вкусъ въ тѣхъ вещахъ, которымъ онъ послѣ самъ учиться долженъ точнѣе».

Другая ложь въ воззрѣніяхъ Локка и Руссо заключается въ мысли этихъ философовъ о способахъ пріобрѣтенія ребенкомъ познаній. Они думали, что человѣкъ долженъ развиваться только изъ себя самого, долженъ только самостоятельно до всего доходить, самъ выдумывать науки.

«Возбудите въ вашемъ воспитанникѣ (говоритъ Руссо) вниманіе къ явленіямъ природы, и скоро онъ сдѣлается любопытнымъ; но для поддержанія въ немъ любопытства никогда не торопитесь удовлетворять его. Дайте ему доступъ къ вопросамъ и предоставьте ему самому разрѣшать ихъ. Пусть онъ достигаетъ знанія не черезъ васъ, а черезъ *самою себя*; пусть онъ не заучиваетъ науку, а *выдумываетъ ее самъ*. Если когда нибудь вы замѣните въ его умѣ разумъ авторитетомъ, онъ перестанетъ разсуждать; онъ станетъ игрушкою чужихъ мнѣній» [2].

Въ этой мысли сказалось непониманіе философіей XVIII вѣка исторіи, неуваженіе къ исторіи, къ преемственности идей, къ вліянію предшествовавшихъ поколѣній на послѣдующія, къ вліянію семьи и т. д.; разсудочная философія безъ мѣры вознесла единичный человѣческій разумъ или, лучше, разсудокъ, поставивъ его выше всего. Это выразилось не только въ ученіи о методѣ пріобрѣтенія

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 203, 204—205. [2]) Соч. Руссо, т. I. Эмиль. Стр. 159.

знаній, но и въ ученіи о воспитаніи: боясь дурнаго вліянія жизни, общества, исторіи на молодое поколѣніе, педагоги XVIII столѣтія находили необходимымъ отрывать дѣтей отъ общества и семьи, т. е. отъ почвы, и воспитывать ихъ изолированными отъ всякихъ воздѣйствій окружающаго человѣческаго міра. Они считали это возможнымъ, и разрѣшали неразрѣшимую, по нашимъ понятіямъ, задачу довольно просто. Локкъ и Руссо дали своимъ предполагаемымъ будущимъ идеальнымъ людямъ идеальныхъ воспитателей, которые, отстраняя окружающую людскую жизнь отъ своихъ питомцевъ, въ то-же время способствовали имъ правильно развиваться.

Но тутъ вышло изумительное противорѣчіе: желая *свободы* развитію человѣка, они привели его къ *рабству*; освободившись отъ вліянія общества, воспитанникъ попадалъ подъ вліяніе отдѣльныхъ личностей, отдавался духовно вполнѣ во власть своихъ воспитателей, и здѣсь уже исчезала всякая тѣнь самостоятельнаго развитія. Такъ и должно было, конечно, случиться: разнузданная свобода единичнаго разсудка или единичной личности, отвергающей воздѣйствіе общества, исторіи, неизбѣжно приводитъ къ деспотизму. Это сказалось у педагоговъ XVIII вѣка и въ ихъ ученіи объ образованіи, и въ ихъ принципахъ воспитанія.

Тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ видомъ лжи въ ихъ доктринѣ: съ безграничнымъ возвышеніемъ авторитета воспитателя и полнымъ приниженіемъ личности воспитанника.

Руссо совѣтуетъ наставнику обуздывать

«это множество глупыхъ и скучныхъ вопросовъ, которыми дѣти безполезно и безостановочно утомляютъ всѣхъ тѣхъ, кто ихъ окружаетъ».

Такимъ образомъ у ребенка, который, какъ мы видѣли выше, долженъ самъ до всего додумываться, въ дѣйствительности отнимается всякая свобода мысли; стрем-

ленія его природы къ истинѣ сдерживаются; не ребенокъ задаетъ вопросы воспитателю, а наоборотъ — воспитатель ребенку; это дѣлается какъ будто для того, чтобы не навязать дитяти чего-нибудь изъ жизни, а на самомъ дѣлѣ — вслѣдствіе затаеннаго убѣжденія, что воспитатель лучше знаетъ, что̀ человѣку нужно; взрослый отказываетъ инстинктивному, и потому совершенно истинному стремленію ребенка къ помощи тамъ, гдѣ тотъ ея требуетъ, и навязываетъ ему свои руководящіе вопросы, свои мнѣнія тамъ, гдѣ они, можетъ быть, вовсе и не нужны; является слѣпое подчиненіе, имѣющее лишь внѣшній видъ свободы.

То же самое гораздо ярче замѣтно въ области воспитанія: у Руссо каждый шагъ, каждое слово ребенка и юноши разсчитаны и предвидѣны заранѣе его руководителемъ; воспитаніе обратилось въ дрессировку. Воспитатель постоянно слѣдитъ, чтобы ребенокъ не шелъ никогда иначе, какъ по тайно проложенной имъ колеѣ. Авторитетъ воспитателя въ книгѣ Руссо—безпредѣленъ, передъ нимъ совершенно стушевывается самостоятельность личности воспитанника. — Пусть ребенокъ знаетъ, «что онъ слабъ, а вы сильны», совѣтуетъ Руссо;

«пусть онъ съ раннихъ лѣтъ чувствуетъ надъ своею гордою головою ярмо, которое природа налагаетъ на человѣка, тяжкое ярмо необходимости» [1]).

«Пусть онъ всегда думаетъ, что онъ господинъ, лишь бы на дѣлѣ господиномъ всегда были вы. Нѣтъ болѣе полнаго подчиненія, какъ то, которое имѣетъ видъ свободы; оно порабощаетъ самую волю. Развѣ бѣдный ребенокъ, который ничего не знаетъ, ни на что не способенъ, ни съ кѣмъ не знакомъ, не въ вашей власти? Развѣ вы не располагаете, относительно его, всѣмъ, что его окружаетъ? Развѣ вы не властны въ его ощущеніяхъ? Развѣ его занятія, игры, удовольствія, горести,—развѣ все это не въ вашихъ рукахъ? Конечно, онъ долженъ дѣлать только то, что хочетъ; но онъ долженъ хотѣть только того, что вы хотите, чтобъ онъ дѣлалъ; онъ не долженъ ступить шага, котораго вы не предугадали бы, не долженъ открывать рта безъ того, чтобы вы не знали, что онъ скажетъ» [2]).

Такое рабство воспитанника не оканчивается съ его дѣтствомъ, а должно, по мнѣнію Руссо, продолжаться и далѣе.

---

[1]) Соч. Руссо, т. I. Эмиль, стр. 56. [2]) Тамъ же, стр. 95.

«Слѣдуетъ ли предоставить (спрашиваетъ онъ) взрослаго юношу самому себѣ тогда именно, когда онъ наименѣе умѣетъ вести себя, и дѣлаетъ большіе промахи? Слѣдуетъ ли отказаться отъ моихъ правъ, когда для него всего важнѣе, чтобы я воспользовался ими? Ваши права! Кто велитъ вамъ отъ нихъ отказываться? Они только теперь начинаютъ существовать для него. До сихъ поръ вы ничего не добивались отъ него иначе, какъ хитростью или силою; авторитетъ, законы долга были ему незнакомы; чтобы заставить его вамъ повиноваться, нужно было или принуждать его, или обманывать. Но посмотрите, какимъ множествомъ новыхъ цѣпей вы опутали его сердце. Разумъ, дружба, благодарность, тысяча привязанностей говорятъ ему голосомъ, котораго не слыхать онъ не можетъ» [1]).

Чрезвычайно замѣчательны и чрезвычайно странны всѣ эти слова знаменитаго мыслителя: чтобы только поднять на недосягаемую высоту авторитетъ воспитателя, Руссо рекомендуетъ даже обманъ, ложь самую беззастѣнчивую. Такой совѣтъ можно бы назвать циническимъ, если бы онъ не былъ совершенно искреннимъ и... наивнымъ. Здѣсь Руссо, думая, что говоритъ о свободномъ развитіи человѣка, довелъ до ея конечныхъ результатовъ парадоксальную мысль XVIII столѣтія о природѣ человѣка, будто она не имѣетъ въ себѣ никакихъ задатковъ чего бы то ни было, никакихъ способностей и наклонностей, будто человѣкъ въ началѣ своей жизни подобенъ воску, и изъ него можно сдѣлать все, что угодно. Руссо думалъ, что можно изъять человѣка изъ условій жизни и рабски подчинить полному вліянію идеальнаго воспитателя. И этотъ предполагаемый идеальный воспитатель, и предполагаемый воспитанникъ Руссо, его Эмиль, — личности совершенно отвлеченныя и фантастическія, не живые люди, а разсудочныя грезы.

Къ чести великаго ума своего, Руссо порою самъ прозрѣвалъ, какъ-будто, фантастичность своей педагогической системы. Такъ, уже въ началѣ «Эмиля» онъ выражаетъ сомнѣніе въ полнотѣ власти воспитателя надъ дитятей:

«кто можетъ надѣяться (говоритъ онъ) вполнѣ управлять рѣчами и поступками всѣхъ людей, окружающихъ ребенка?» [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 285. [2]) Тамъ же, стр. 2 и 3.

Руссо сомнѣвается иной разъ и въ возможности изолировать дитя отъ общества, отъ окружающей жизни.

«Но куда же мы помѣстимъ этого ребенка? (спрашиваетъ онъ про своего предполагаемаго воспитанника) гдѣ воспитывать его такимъ образомъ, какъ нечувствительное существо, какъ автомата? На лунѣ, или на необитаемомъ островѣ? Можетъ ли онъ избѣгнуть встрѣчи съ другими дѣтьми его возраста? Развѣ онъ не будетъ видѣть своихъ родныхъ, сосѣдей, свою кормилицу, гувернантку, своего лакея, наконецъ своего воспитателя, который вѣдь не Ангелъ же?» [1]).

Послѣднія слова намекаютъ на сомнѣнія Руссо и въ томъ, что возможно найти требуемыхъ его системою идеальныхъ менторовъ, руководителей юношества:

«Чѣмъ больше думаешь о роли воспитателя (пишетъ онъ нѣсколько ранѣе), тѣмъ больше видишь въ ней новыхъ трудностей. Ему слѣдовало бы быть воспитаннымъ для своего ученика» [2]).

Для полноты характеристики педагогическихъ возврѣній Руссо, слѣдуетъ еще указать на то, какъ онъ смотрѣлъ на воспитаніе женщины. Взглядъ его на женщину былъ (нельзя не признать этого) довольно низменный. Онъ думалъ, что дѣвушки непремѣнно

«льстивы, скрытны и съ раннихъ поръ умѣютъ маскироваться».

Онъ полагалъ, что

«изслѣдованіе отвлеченныхъ и умозрительныхъ истинъ, принциповъ, аксіомъ въ наукахъ, все, что клонится къ обобщенію идей, не подъ-стать женщинамъ; ихъ занятія должны всѣ касаться практической жизни; имъ предстоитъ дѣлать примѣненія началъ, открываемыхъ мужчиною, имъ слѣдуетъ дѣлать наблюденія, которыя приводятъ мужчину къ установленію этихъ принциповъ. Всѣ размышленія женщинъ, во всемъ, что не связано непосредственно съ ихъ обязанностями, должны быть направлены къ изученію людей или пріобрѣтенію пріятныхъ знаній, цѣль которыхъ — вкусъ; что же касается геніальныхъ трудовъ, то они недоступны имъ, у нихъ также нѣтъ достаточной трезвости ума и внимательности, чтобы успѣшно заниматься точными науками» [3]).

Сообразно съ такимъ взглядомъ, Руссо находилъ, что дѣвушекъ нужно съ самаго начала пріучать къ стѣсненію, потому что

«онѣ всю жизнь будутъ подчинены самому непрестанному и самому строгому стѣсненію, стѣсненію приличій»;

ихъ надо пріучать къ покорности, — въ ней

---

[1]) Соч. Руссо, т. I. Эмиль, стр. 61. [2]) Тамъ же, стр. 15. [3]) Тамъ же, стр. 346 и 359.

«женщины нуждаются всю жизнь, потому что никогда не перестают быть подчинены или мужчинѣ, или сужденіямъ мужчинъ, и имъ никогда не позволительно пренебрегать этими сужденіями» [1]).

Женщинѣ болѣе свойственно, думалъ Руссо, заботиться о хозяйствѣ, нежели заниматься наукою или литературою.

«Всякая ученая дѣвушка (замѣтилъ онъ) просидитъ въ дѣвушкахъ всю жизнь, когда мужчины поумнѣютъ на землѣ» [2]).

Педагогическія воззрѣнія, такъ опредѣленно и полно выразившіяся въ сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо, были совершенно въ духѣ XVIII столѣтія, и потому вліяніе этого рода идей Руссо было громадно и въ западной Европѣ, и затѣмъ у насъ.

Этимъ идеямъ сочувствовалъ и философскій геній вѣка— Вольтеръ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ это въ его повѣсти «*Задигъ или судьба*». Здѣсь къ герою произведенія, мудрецу Задигу, являются на судъ два мага, спорящіе о томъ, кому жениться на женщинѣ, сына которой каждый изъ нихъ присвоиваетъ себѣ. Самаженщина объявляетъ, что она выйдетъ замужъ за того, кто лучше воспитаетъ ея ребенка. Тогда одинъ изъ претендентовъ на ея руку говоритъ:

«Я научу его 8-ми частямъ рѣчи, діалектикѣ, астрологіи, демонологіи, разъясню ему, что такое случайность и сущность, абстрактное и конкретное, монады и предвѣчный порядокъ».

А другой на это возражаетъ:

«Я постараюсь сдѣлать его справедливымъ и достойнымъ имѣть друзей».

Задигъ отдаетъ предпочтеніе второму изъ маговъ; онъ говоритъ:

«Отецъ ты его (т. е. ребенка) или нѣтъ, но ты женишься на его матери».

Такимъ образомъ и Вольтеръ, какъ мы видимъ, воспитаніе поставилъ гораздо выше образованія. Приведенная повѣсть «Задигъ», для насъ особенно интересна потому, что пользовалась у насъ на Руси славой и считалась даже весьма нравственной. Порошинъ, воспитатель Павла Петро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 346 и 347. [2]) Тамъ же, стр. 387.

вича, самъ вовсе не вольтерьянецъ, находилъ полезнымъ читать ее съ великимъ княземъ.

Между крупными писателями нашей литературы, подчинившимися вліянію педагогическихъ идей вѣка, кромѣ императрицы Екатерины, можно назвать еще Фонвизина. Въ «Недорослѣ» знаменитый комикъ, противорѣча своимъ общимъ воззрѣніямъ, устами своего любимаго резонера-Стародума говоритъ:

«Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? умъ, коль онъ только что умъ, *самая бездѣлица*... Прямую цѣну уму даетъ благонравіе; безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума» (IV д., 2-е явл.).

Въ другомъ мѣстѣ комедіи Стародумъ выражаетъ желаніе, чтобы

«при всѣхъ наукахъ не позабывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе».

«Вѣрь мнѣ (говоритъ онъ въ началѣ 5-го акта), что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу».

Изъ области литературы идеи Локка, Руссо и другихъ мыслителей перешли у насъ, въ Россіи, и въ дѣйствительную жизнь, по волѣ, главнымъ образомъ, самой императрицы.—Воспитаніе дѣтей въ Екатерининскую эпоху не было у насъ въ цвѣтущемъ состояніи. Было два главныхъ вида его: одни дворянскія дѣти воспитывались дома, по старинѣ, почти ничему не учились, или учились кое-какъ, иногда у своихъ крѣпостныхъ дядекъ. Другія дѣти возростали подъ руководствомъ иностранцевъ-учителей, или въ иностранныхъ пансіонахъ. Воспитаніе перваго рода давало обществу Фонвизинскихъ Митрофанушекъ, втораго рода—его-же Иванушекъ. Сознавая печальное положеніе педагогическаго дѣла, Екатерина задумала создать на Руси новое воспитаніе; это было еще въ началѣ ея царствованія. Она поручила Ив. Ив. Бецкому составить проэктъ воспитанія на новыхъ началахъ. Какъ результатъ такого распоряженія, появилось въ свѣтъ въ 1764 г. сочиненіе за-

конодательнаго характера *«Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества»*. На основаніи его и было открыто у насъ нѣсколько воспитательныхъ заведеній. Хотя это «Генеральное учрежденіе» и носитъ имя Бецкаго, какъ его автора, но самъ Бецкій говоритъ въ немъ, что выражаемыя въ книгѣ идеи суть идеи самой императрицы. Для насъ очевидно, что это мысли, прямо заимствованныя ею изъ педагогическихъ сочиненій XVIII столѣтія.

Книга Бецкаго такъ объясняетъ причины учрежденія новыхъ воспитательныхъ заведеній:

«Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще прямаго и добраго гражданина; но во многихъ случаяхъ *паче во вредъ бываетъ*».

«Генеральное учрежденіе» говоритъ:

«нужно образовать новую породу людей, или новыхъ отцовъ и матерей», такъ какъ старое общество испорчено. А чтобы достигнуть такой цѣли, надо принимать въ воспитательное заведеніе дѣтей по 5-му или 6-му году и держать взаперти до 18 или 20 лѣтъ. Дѣти должны воспитываться вполнѣ изолированными отъ общества, отъ жизни; они будутъ возрастать подъ руководствомъ приставленныхъ къ нимъ идеальныхъ воспитателей; даже съ своими родственниками они могутъ видѣться только въ опредѣленное время, да и то не иначе, какъ подъ надзоромъ воспитывающихъ лицъ,

«ибо неоспоримо (поучаетъ Генеральное учрежденіе), что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго (т. е. заведенія) весьма вредительно; а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей».

Въ приведенныхъ мысляхъ Бецкаго и императрицы Екатерины не трудно узнать всѣ главныя основы педагогическихъ взглядовъ XVIII вѣка: здѣсь и поставленіе воспитанія неизмѣримо выше образованія, и желаніе оторвать молодое поколѣніе отъ почвы, отъ общества, отъ семьи, разсудочное непониманіе исторіи и неуваженіе къ

преемственности идей и къ семейному началу; здѣсь и наивная увѣренность (которой, замѣтимъ, не было даже у самого Руссо), будто можно найти потребное число идеальныхъ воспитателей. Доводя всякую заимствованную мысль до крайнихъ граней ея развитія, мы, русскіе, и фантастическую мысль Руссо попробовали осуществить на практикѣ. Можетъ быть только недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ произвести опыта въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ,—не позволилъ открыть много заведеній по плану Бецкаго, по его «Генеральному учрежденію о воспитаніи обоего пола юношества».

Не должно думать, однако, что у насъ совершенно царили, покоривши насъ, педагогическія воззрѣнія XVIII столѣтія, мысли Локка, Руссо, Вольтера. Нѣтъ, онѣ встрѣтили противодѣйствіе. Это противодѣйствіе несомнѣнно видно въ педагогической дѣятельности Новикова и въ педагогическихъ статьяхъ его журналовъ послѣдняго періода его литературной жизни. И двѣ первоначальныя народныя школы, основанныя имъ въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ, и (главное) педагогическія сочиненія, которыя онъ печаталъ преимущественно въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ вѣдомостямъ» 1783 и 1784 годовъ отличаются не подражательнымъ, не заимствованнымъ, а самобытнымъ характеромъ.

Между упомянутыми сочиненіями первое мѣсто принадлежитъ, конечно, тому, которое носитъ названіе «О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія»; оно напечатано въ 1783 году; къ сожалѣнію, авторъ его неизвѣстенъ, быть можетъ—это самъ Новиковъ. Журналы Новикова, какъ извѣстно, имѣли большой успѣхъ, были распространены въ обществѣ и усердно читались. Вотъ почему мы вправѣ думать, что названное сочиненіе сослужило русскому обществу великую службу; оно сослужило эту службу

тѣмъ, что подняло, властный умомъ и убѣжденностью, голосъ противъ мысли вѣка, будто воспитаніе должно стоять выше образованія. Русское сочиненіе признало ихъ равноправность; оно показало, что истинное воспитаніе должно опираться на образованіе ума и пріобрѣтеніе знаній [1]).

«Въ натурѣ нашей основано (читаемъ мы въ этомъ сочиненіи), чтобы воля наша въ большей части случаевъ слѣдовала познаніямъ и предписаніямъ разума. Мы желаемъ того только, что представляемъ себѣ добромъ; если-жъ иногда къ добру мы безпристрастны или ненавидимъ его, а зла желаемъ и ищемъ, то почитаемъ мы тогда добро зломъ, а зло добромъ. И такъ, чѣмъ справедливѣе мыслимъ мы и разсуждаемъ и чѣмъ удобнѣе и натуральнѣе сдѣлался для насъ сей образъ мыслить и разсуждать, тѣмъ справедливѣе будутъ опредѣленія нашей воли и происходящія отъ того желанія и отвращенія. Слѣдовательно, чѣмъ рачительнѣе обработывается и образуется умъ дитяти или юноши, тѣмъ бóльшаго можно надѣяться успѣха въ разсужденіи образованія его сердца».

Въ этихъ словахъ заключается основная мысль, подробно развитая въ сочиненіи.

Что касается взгляда на значеніе воспитателя, то авторъ сочиненія «О воспитаніи и наставленіи дѣтей» и здѣсь, конечно, расходится съ Руссо. Вообще, не только въ этомъ произведеніи, но и въ другихъ педагогическихъ статьяхъ своихъ журналовъ, Новиковъ сводитъ воспитателя съ того пьедестала недосягаемой высоты, на который его поставили Локкъ и Руссо: взамѣнъ рабскаго повиновенія съ одной стороны, деспотизма съ другой, онъ устанавливаетъ между воспитанникомъ и его наставникомъ и руководителемъ нравственныя связи взаимной любви и взаимнаго уваженія. Новиковъ былъ чуждъ разсудочнаго возвеличенія единичной личности, былъ чуждъ и идеи «просвѣщеннаго деспотизма».

---

[1]) Подробно о школахъ Новикова и педагогическихъ статьяхъ его журналовъ см. въ моей книгѣ: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.» Спб. 1875 г. Стр. 262—269 и 325—348.

Разсмотрѣвъ обширный рядъ разнообразныхъ произведеній литературы Екатерининской эпохи, въ которыхъ выразилось скептическо-матерьялистическое направленіе, подведемъ въ немногихъ словахъ итоги сказаннаго.

Въ этихъ произведеніяхъ проявилось вліяніе и свѣтлой, истинной, и ложной, темной стороны философіи XVIII вѣка.

Скептицизмъ, какъ чистая стихія анализирующей мысли, скептицизмъ, очищенный отъ грубой примѣси матерьялизма, выразился, какъ мы видѣли, въ философскихъ воззрѣніяхъ «Покоящагося Трудолюбца», одного изъ главныхъ журналовъ Новикова, затѣмъ въ борьбѣ Новиковскихъ изданій съ фанатизмомъ и суевѣріями, въ ихъ отрицаніи и осужденіи тѣхъ тайныхъ наукъ (алхиміи, каббалистики, магіи и другихъ), которыми увлекались масоны, и наконецъ въ комедіяхъ императрицы Екатерины, гдѣ осуждается масонство.

Тѣ идеи философіи, которыя можно назвать «освободительными», сказались, во 1-хъ, въ «Наказѣ» Екатерины,— отмѣною пытки, смягченіемъ наказаній, предостереженіемъ отъ суевѣрныхъ преслѣдованій людей за колдовство и тому подобныя преступленія, и, во 2-хъ, въ педагогическихъ сочиненіяхъ, въ ихъ правилахъ гигіены, гуманнаго обращенія съ дѣтьми, въ ихъ совѣтахъ пріучать юношество «благоволительно» относиться къ людямъ низшихъ сословій.

Вліянію темныхъ сторонъ философіи энциклопедистовъ подвергалось, какъ мы видѣли, бо́льшее число литературныхъ явленій. Такъ, грубый матерьялизмъ и цинизмъ мы замѣтили въ поэмахъ Вас. Майкова, Богдановича, въ цѣломъ рядѣ такъ-называемыхъ «комическихъ оперъ», Аблесимова, Княжнина и другихъ авторовъ.—Въ тѣхъ же комическихъ операхъ, а также въ нѣкоторыхъ сатирическихъ журналахъ мы видѣли терпимость къ пороку, легкомысленно-веселый взглядъ на жизнь, примирительныя

отношенія къ жизненной пошлости, къ злу, къ мрачной и тяжелой сторонѣ дѣйствительности (напр. къ крѣпостному праву).—Идея такъ-называемаго «просвѣщеннаго деспотизма», разсудочное преувеличеніе значенія личности, разсудочное отрицаніе исторической преемственности жизни сказались особенно сильно въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины, въ ея «Наказѣ», въ ея трагедіяхъ, историческихъ запискахъ и педагогическихъ сочиненіяхъ,—въ послѣднихъ идея «просвѣщеннаго деспотизма» проявилась въ формѣ предпочтенія воспитанія образованію.

Но во всѣхъ исчисленныхъ произведеніяхъ нашей литературы идеи Запада, усвоенныя нами и доведенныя (какъ это обыкновенно у насъ бываетъ, по широтѣ русской натуры, по ея серьезности и искренности) до крайнихъ граней своего развитія, отразились, однако, не рабски, т. е. не уничтожили, не закрыли народныхъ особенностей нашихъ писателей. И у Майкова, и у императрицы Екатерины, и въ журналахъ, и у авторовъ комическихъ оперъ мы замѣтили нѣчто самобытное, свое, нѣчто противорѣчащее наноснымъ вліяніямъ. Несомнѣнно, что наши писатели страстно и искренно увлекались чужими идеями, увлекались, можно сказать, до самозабвенія; но они, тѣмъ не менѣе, оставались людьми русскими. Освободительная философія XVIII вѣка, такъ сильно на насъ повліявшая, не подчинила насъ себѣ рабски, а была *пережита* нами; она вошла въ плоть и кровь нашу, причемъ мы не перестали, и никогда не переставали, быть самими собою,—и она (по-скольку въ ней было правды) обратилась потому въ одинъ изъ элементовъ многосторонней жизни русскаго общества, и для насъ теперь, для потомковъ людей пережившихъ ее, она стала нашимъ историческимъ прошлымъ, нашимъ неотъемлемымъ наслѣдственнымъ достояніемъ.

МИСТИЧЕСКО-НРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Масонство въ Екатерининскія времена.

Екатерининская эпоха, вторая половина прошедшаго столѣтія, была временемъ наибольшаго сближенія нашего съ Западной Европой; по впечатлительности, чуткости и отзывчивости нашего народнаго характера, мы откликались душою на все въ умственной и нравственной жизни Запада, усвоивали всевозможныя чужія идеи; а по нашей склонности все доводить до конца, по безтрепетной и искренней послѣдовательности русской души, готовы были впадать, и дѣйствительно впадали, въ крайности. Это послѣднее обстоятельство смущало и донынѣ смущаетъ многихъ изъ насъ: одно изъ благороднѣйшихъ направленій нашей новой литературы — славянофильство враждебно смотрѣло по этой причинѣ на наше сближеніе съ Западомъ и проповѣдовало порой отчужденіе отъ него, возвращеніе къ старинѣ, отреченіе отъ Петровскаго періода исторіи.

Но напрасны были эти тревоги и страхи за нашу самобытность и оригинальность. Здравый смыслъ русскаго

народа и затаенный высокій жизненный идеалъ, не умершій и въ оторвавшемся въ Петровскую эпоху отъ народа русскомъ обществѣ, должны были спасать и на самомъ дѣлѣ спасали это общество отъ гибели въ односторонности или во лжи крайнихъ увлеченій. Да и самыя эти увлеченія были такъ разнородны, такъ противорѣчивы и какъ бы несовмѣстимы, что самымъ этимъ противорѣчіемъ сдерживали другъ друга. То, чего не вынесъ бы народъ больной и слабый, служило лишь на пользу мощному организму нашего народа:

тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ,

по правдивому слову великаго поэта.

Екатерининскій вѣкъ—это слово тотчасъ напоминаетъ намъ энциклопедистовъ, Вольтера и вольтеріанство, увлеченіе нашихъ предковъ скептицизмомъ и матеріалистической философіей. Но не должно, однако, думать, что только этого порядка идеи владѣли сердцами и умами людей той эпохи: не менѣе сильно, чѣмъ вольтеріанство, было распространено у насъ противоположное ему направленіе духа—мистическое, выразившееся тогда въ формахъ масонства.

Въ XVIII вѣкѣ масонство облечено было тайной; братья-масоны тщательно скрывали свои вѣрованія и обряды отъ профановъ, отъ непосвященныхъ. Въ настоящее время тайна эта нарушена, множество масонскихъ документовъ явилось уже въ печати, и наша литература обладаетъ нѣсколькими дѣльными изслѣдованіями о «свободномъ каменьщичествѣ» [1]). Россія особенно богата (какъ указываетъ г. Пыпинъ) масонскими рукописями: разныя

[1]) Статьи *Ешевскаго* въ Собр. его сочиненій, изд. въ Москвѣ въ 1871 г. см. ч. III.—Сочиненія г. *Пыпина* въ «Вѣстникѣ Европы» 1867 года, №№ 2, 3 4; 1868 года, №№ 6 и 7; 1870 года, № 10; 1872 года, №№ 1, 2 и 7.— Книга *Лонгинова* «Новиковъ и московскіе мартинисты» и друг. (См. подробно въ моей книгѣ «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—178 5 гг.).

9*

системы ордена вольныхъ каменщиковъ присылали намъ свои документы, стараясь каждая найдти себѣ адептовъ въ Россіи. Большая часть этихъ документовъ еще не издана. Румянцевскій Музей и С.-Петербургская Публичная Библіотека обладаютъ богатѣйшими собраніями масонскихъ рукописей.

Масонство Екатерининскаго времени было чѣмъ-то вродѣ свѣтскаго монашескаго ордена. Это было братство или товарищество людей съ *мистическимъ* настроеніемъ души, отличавшееся характеромъ *аскетизма.* Живя и развиваясь среди общества, масонство становило своею цѣлью борьбу съ преобладавшими въ немъ скептическими и матеріалистическими идеями, борьбу съ господствующимъ духомъ вѣка.

Мистицизмъ былъ одною изъ главныхъ характеристическихъ чертъ масонства: по справедливымъ словамъ одного изслѣдователя, масоны твердо вѣрили,

«что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не доставляютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухаго разсудка»[1]).

Міръ земной и земная жизнь были для масоновъ царствомъ дьявола и тьмы, и орденъ аскетически отрекался отъ міра и жизни. Въ елагинскихъ правилахъ [2]) о томъ, какъ должно приготовлять вступающаго въ каменщики, въ числѣ обязанностей масона названа «любовь къ смерти». Все, относящееся къ земной жизни, не только предметы матеріальнаго міра, но и то, чѣмъ живетъ человѣческій духъ, искусство, науку — все это масонство готово было отрицать, никакихъ земныхъ радостей и привязанностей оно не допускало; все земное должно служить человѣку лишь средствомъ для извлеченія изъ него нравоученій и

[1]) «Рус. масонство въ XVIII вѣкѣ», ст. г. Пыпина («Вѣстникъ Европы» 1867 г., № 2, стр. 2). [2]) Елагинъ, Ив. Перф., одинъ изъ главныхъ петербургскихъ масоновъ.

назиданій. С. Т. Аксаковъ въ своей статьѣ «Встрѣча съ мартинистами» [1]), разсказывая про одного масона, Рубановскаго, весьма почтеннаго человѣка, вотъ что замѣчаетъ про его убѣжденія:

«Моя горячая любовь къ литературѣ, къ театру, къ изящнымъ искусствамъ, какъ выражались тогда, была въ его глазахъ такою же мірскою суетою, какъ балы, щегольство, карты и даже разгульная жизнь».

Знаменитый художникъ Витбергъ, близко знакомый въ молодости съ Лабзинымъ, говоритъ [2]) про этого извѣстнаго масона, что онъ,

«преданный религіозно-философскимъ изысканіямъ, требовалъ, чтобы всѣ жертвовали своими занятіями вопреки призванію, вопреки талантамъ, все считая низкимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того (разсказываетъ художникъ), чтобы питать жаръ и любовь во мнѣ къ искусствамъ, онъ охлаждалъ меня къ нимъ, отвлекалъ отъ нихъ».

Подобное же отношеніе къ искусству встрѣтилъ Витбергъ и въ знаменитомъ масонѣ Гамалеѣ, холодно отнесшемся къ его проекту храма Христа Спасителя.

Въ одной масонской рукописи, принадлежащей Румянцевскому музею [3]), въ помѣщенномъ тамъ сочиненіи «Ежедневное испытаніе совѣсти», гдѣ говорится, какъ человѣкъ долженъ всякій день помышлять о своихъ согрѣшеніяхъ и испытывать себя вопросами о нихъ, есть, между прочимъ, такіе вопросы:

«Убѣгаю ли я танцевъ, также игоръ и музыкальныхъ забавъ, яко прелестей и привадъ къ заповѣданной мірской и грѣховной похоти?

«Убѣгаю ли я онаго хуже, нежели самого діавола, или же услаждался я онымъ, а иное и дѣлалъ?»

[Здѣ]сь музыка не только поставлена на одну доску съ танц[ами] и играми, не только сочтена «грѣховной похотью», но даже признана такимъ зломъ, котораго слѣдуетъ [у]бѣгать больше, нежели дьявола.

Въ [х]ранящейся тоже въ Румянцевскомъ музеѣ масонск[ой] рукописи изъ собранія покойнаго Ешевскаго [4]),

---

[1]) «[Рус]ская Бесѣда». 1859 года, № 1, стр. 70. [2]) «Рус. Старина», 1872 г., № 4, с[тр.] [?]51. [3]) Рук. Рум. музея, № 2,703. (Изъ собранія, принесеннаго въ даръ [...]ю Щаповымъ). Упомянутое сочиненіе писано, кажется, рукою Гамал[еи]. [4]) Рук. Рум. музея, изъ собр. Ешевскаго, № 95.

въ отдѣлѣ подъ названіемъ: «Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанные собственною его К. рукою», въ главѣ «Относительно къ брр.», гдѣ перечислены нѣкоторыя обязанности братьевъ-масоновъ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, запрещеніе смѣяться надъ пороками, т. е. отреченіе отъ смѣха и отъ сатиры. Согласно съ этимъ, Новиковъ, сдѣлавшись масономъ (въ 1775 году), пересталъ издавать сатирическіе листки, и въ его нравоучительномъ журналѣ «Утренній Свѣтъ» (выходившемъ отъ 1777 по 1781 годъ) совсѣмъ нѣтъ сатиры. Въ той же вышеупомянутой рукописи Ешевскаго, въ одномъ посланіи къ брр. розенкрейцерамъ, говорится, что масонъ долженъ всегда стоять на точкѣ «рѣшимости мужественно ратоборствовать противъ плоти, міра и сатаны, и подвизаться въ томъ до самой смерти». Для масонства, такимъ образомъ, плоть, сатана и міръ были единое цѣлое, были одно и то же.

Масонство никогда не отличалось единствомъ; это одна изъ причинъ, почему такъ трудно уловить и опредѣлить его сущность, равно какъ трудно дать прямой отвѣтъ на вопросъ: какую цѣль имѣлъ орденъ? Системъ масонства было множество; эти системы разнились одна отъ другой, порой весьма сильно, и цѣлями, которыя себѣ ставили, и своими тайнами, и символами, одеждами, числомъ степеней и т. д.

Первоначальнымъ масонствомъ считаютъ англійское; это была самая простая и чистая форма вольнаго каменьщичества. Въ англійскомъ масонствѣ было только три степени: ученика, товарища и мастера; каждая степень имѣла свои принадлежности, или символы; такъ, неотесанный камень былъ символомъ ученика, молотокъ—символъ мастера; братья стремились къ нравственнымъ цѣлямъ, къ добродѣтели; въ собраніяхъ ложъ (орденъ со-

стоялъ изъ маленькихъ собраній, или ложъ) совершались обряды принятія въ степени, произносились нравственныя поученія и собиралась милостыня; масоны хранили отъ «профановъ» тайну, но этой тайной была простая мистическая легенда о построеніи Соломонова храма: ни желанія открыть способъ приготовленія золота, ни вызыванія духовъ въ англійскомъ масонствѣ не было.—Перешедши на континентъ, вольное каменьщичество подверглось всевозможнымъ видоизмѣненіямъ, преобразованіямъ. Явились новыя, высшія степени ордена, новыя стремленія, порой несогласныя съ нравственными понятіями; братья занялись съ увлеченіемъ средневѣковыми тайными науками—алхиміей, магіей, и другими; сложились въ орденѣ въ высшей степени странные и грубые обряды. Образовались: система «строгаго наблюденія», или тампліерство, система «слабаго наблюденія», или циннендорфство, розенкрейцерство (братство злато-розоваго креста), мартинизмъ, иллюминатство и т. д. Во всѣхъ этихъ системахъ были различныя цѣли: одни масоны попрежнему стремились къ добродѣтели; другіе признавали своею задачей — испытаніе натуры вещей, исканіе философскаго камня, универсальнаго лекарства; третьи заботились о чудесномъ сообщеніи съ духами, о мистическомъ соединеніи съ Божествомъ.

У насъ, въ Россіи, нашли себѣ послѣдователей различныя системы масонства. Новиковъ въ одномъ своемъ показаніи во время слѣдствія надъ нимъ говоритъ [1]), что въ Россіи было 4 вида масонства: аглицкое, шведское (тампліерство), рейхельское (система слабаго наблюденія) и берлинское (розенкрейцерство).—Русскіе масоны не имѣли еще высшихъ степеней и не владѣли высшими тайнами, т. е. не считали себя умѣющими дѣлать золото; но они

[1]) «Сборникъ рус. историч. общества», т. II, документы по Новиковскому дѣлу.

всего этого сильно желали и ко всему этому стремились: для изученія высшихъ тайнъ ордена отправленъ былъ ими за границу, въ Берлинъ, нѣкто Кутузовъ, молодой человѣкъ, на котораго возлагались большія надежды. О такой миссіи Кутузова положительно говорятъ показанія Новикова.

Масонство смотрѣло на себя какъ на церковь и считало себя прямымъ продолженіемъ Апостольской церкви. Въ собраніяхъ масоновъ говорились духовнаго характера проповѣди на текстъ изъ священнаго писанія; ложи обладали какъ-бы церковными предметами; въ нихъ совершались священнодѣйствія и даже своего рода таинства. Пекарскій нашелъ въ елагинскомъ собраніи рукописей и изображеній «четвероугольный кусокъ бѣлаго атласа на подобіе антиминса, съ наклеенными рисунками на бумагѣ, которые изображаютъ четырехъ символическихъ животныхъ при Евангелистахъ и закланнаго агнца» [1]). Извѣстно, что столъ въ ложѣ, стоявшій передъ кресломъ «мастера ложи», т. е. предсѣдателя, назывался жертвенникомъ, и на немъ всегда лежало Евангеліе, открытое на 1-ой главѣ отъ Іоанна. Въ «Инструкціи для директоріи, основанной въ Петербургѣ» въ 1780 году, говорится о необходимости совершать въ собраніяхъ божественную службу въ первую пятницу каждаго мѣсяца (въ томъ предположеніи, что въ орденѣ есть духовныя лица). Наши масоны отвѣчали на одинъ изъ вопросовъ этой «Инструкціи», что въ ихъ капитулѣ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ, но что исполнять духовную должность прелата, т. е. значитъ, совершать богослуженіе, по ихъ мнѣнію, могъ вообще и свѣтскій братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ [2]). Въ вышеупомянутой рукописи изъ собранія

---

[1]) Пекарскій. «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ 18 ст.» Сборникъ статей, чит. во 2 отд. Ак. Н. т. VII, 1870 г., и отдѣл. брош. помѣч. 1869 г.).—Въ этомъ сочиненіи очень важны библіографическія указанія.

[2]) «Вѣст. Евр.», 1872 г., № 7, «Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ», стр. 260.

Ешевскаго говорится, что при принятіи въ 4-ую степень розенкрейцерства приносилась Богу «курительная жертва ѳиміама» и совершалась «помазаніе», чрезъ что принятый могъ уже ясно усмотрѣть «истинный предметъ св. ⊙—на и ясное блистаніе истинной невидимой церкви Спасителя нашего», т. е. совершалось таинство. Въ своей баснословной исторіи масонство считаетъ себя даже болѣе древнимъ учрежденіемъ, нежели Апостольская церковь: Авраамъ былъ возстановителемъ масонства въ Египтѣ, и самъ Адамъ былъ масономъ.

Въ первоначальной основѣ масонства, конечно, лежало доброе начало; этого не отрицаютъ и тѣ изслѣдователи «вольнаго каменьщичества», которые вообще относятся къ нему несочувственно. Орденъ требовалъ отъ своихъ членовъ братской любви и благотворительности, призывалъ человѣка къ самоусовершенствованію, къ работѣ надъ собою. Масоны отличались національной, религіозной и сословной терпимостью. Г. Пыпинъ не безъ основанія говоритъ, что масонство было у насъ на Руси «первою популярною философіей». Другой изслѣдователь, покойный Ешевскій, нарисовавъ краткими, но живыми чертами мрачную картину паденія нравовъ въ XVIII вѣкѣ, замѣчаетъ, что масонство боролось противъ этого паденія, что оно поднимало внутренняго, духовнаго человѣка надъ существомъ животнымъ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ масоновъ Батенковъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) утверждаетъ, что «шатаніямъ и колебаніямъ жизни XVIII вѣка, ея легкомысленной измѣнчивости и пустотѣ, ея неустойчивой и безпокойной, ненасытимой жаждѣ чувственныхъ наслажденій, масонство противополагало нравственную дисциплину, внутреннее сосредоточеніе и устой».

Все это, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ, справедливо. Но нельзя не замѣтить въ то же время, что

[1]) «Вѣст. Евр.», 1872 г., № 7, «Масонскія воспоминанія Батенкова».

добро и правда лежали больше въ отвлеченной основѣ масонства, въ его далекомъ отъ жизни отвлеченномъ идеалѣ; въ реальной же дѣйствительности орденъ дошелъ до необузданнаго фантазерства. Идеальныя воззрѣнія и стремленія масоновъ оборвались и незамѣтно перешли въ грубый практическій матеріализмъ, какъ это очень часто бываетъ съ мистиками. Искушенію «грѣха плоти» «подпадаютъ обыкновенно (говоритъ высокій мыслитель нашего времени) послѣдователи мнимо-духовныхъ, мистическихъ сектъ, въ которыхъ преувеличенная и самодовольная духовность смѣняется полнымъ разгуломъ чувственности, и свобода духа, переходя въ свободу плоти, кончается рабствомъ плоти» [1]).

Такъ и случилось съ масонами. Они занялись тайными средневѣковыми науками, углубились въ алхимію, стали искать философскаго камня, посредствомъ котораго, во-первыхъ, всѣ металлы можно обращать въ золото, во-вторыхъ, приготовлять панацею, или универсальное лекарство. По вѣрованіямъ нашихъ масоновъ (какъ видно, напр., изъ «Нравоучительнаго катехизиса» Лопухина), это лекарство дастъ человѣку возможность жить нѣсколько сотъ лѣтъ. Стремленіе дѣлать золото, т. е. обладать богатствомъ, и желаніе жить сотни лѣтъ совершенно не вяжутся съ прежними идеалистическими мечтами масонства.

По вѣрованіямъ масоновъ, орденскія тайныя науки давали силу братьямъ высшихъ степеней вызывать духовъ, а маги (или братья послѣдней степени) могли сравняться чрезъ нихъ по знаніямъ, по власти надъ природой съ Моисеемъ, Иліею, Іисусомъ Навиномъ, Гермесомъ, Соломономъ; они могли остановить солнце, отверзать и затворять небо; они не только имѣли возможность вызывать души умершихъ людей, но видѣли Христа лицомъ къ лицу.

Розенкрейцеры считали опаснымъ и даже дурнымъ дѣломъ вызываніе духовъ, но и они не прочь были отъ таинственныхъ сообщеній съ сверхъестественнымъ міромъ

---

[1]) Вл. Соловьевъ. Религіозныя основы жизни. М. 1884 г. Стр. 29.

и, впадая въ грубѣйшій матеріализмъ, думали достигнуть этого, приводя себя въ экстатическое состояніе посредствомъ различныхъ физическихъ движеній (подобно хлыстовщинѣ) и разныхъ возбуждающихъ снадобій. Все это совершенно расходится съ первоначальными нравственными цѣлями ордена.

То же мы видимъ и въ орденскихъ обрядахъ. Съ развитіемъ изъ англійскаго масонства других системъ, сравнительно простые обряды принятія въ степени обратились въ цѣлыя сложныя представленія со всевозможными ужасами. Ложу стали убирать черным сукномъ съ нашитыми на немъ блестками въ-видѣ слезъ; свѣтильники горѣли въ настоящихъ черепахъ, иногда устроивались даже для этого двигавшіеся на пружинахъ скелеты. Простой обходъ принимаемаго въ братья вокругъ ложи (съ остановками предъ изображеніемъ мертвыхъ костей, причемъ ему напоминалось о смерти) обратился въ такъ-называемое путешествіе съ различными страшными препятствіями, въ видѣ проваловъ, оптическихъ обмановъ, неожиданнаго грома, дѣйствія электрической машины, угрозъ испытаніемъ посредствомъ раскаленнаго желѣза. Въ елагинскихъ ритуалахъ (правилахъ), напечатанныхъ Пекарскимъ, сказано, что принимаемый въ ученики долженъ былъ пролить нѣсколько капель своей крови въ особую чашу, въ которую прежде такимъ же образомъ была пролита кровь ранѣе вступившихъ въ орденъ. Посвящаемаго ставили на одно колѣно передъ жертвенникомъ, приказывали ему положить одну руку на Евангеліе, а другою приставить къ своей груди циркуль. «Братъ ужасный! (говорилъ великій мастеръ). Гдѣ кровавая чаша? Исполни свою должность». Братъ ужасный подходилъ съ чашей, а мастеръ ударялъ своимъ молоткомъ трижды по циркулю; сочившаяся изъ ранки кровь текла въ чашу и символически соединяла вступающаго съ братьями масонами.

Обряды посвященія въ мастера въ елагинскихъ ритуалахъ были еще страшнѣе. На черномъ помостѣ ложи ставился черный гробъ съ утвержденными на немъ вѣтвью акаціи, мертвой головой и серебряной бляхой. Вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ устроивали три скелета, сидящіе на черныхъ подножіяхъ, подобныхъ кубическимъ камнямъ; каждый скелетъ держалъ тройной подсвѣчникъ съ тремя свѣчами. Братья были одѣты въ черномъ. Во время путешествія посвящаемаго вокругъ ложи братья стояли близъ гроба, наклонивъ голову на руку; въ гробѣ лежалъ подъ окровавленной простыней одинъ изъ младшихъ мастеровъ. По окончаніи путешествія ищущаго подводили къ жертвеннику, причемъ онъ долженъ былъ перешагнуть черезъ гробъ. Пока онъ приносилъ обѣтъ «молчаливости», для него приготовляли гробъ, въ который и повергали его неожиданно, при третьемъ ударѣ великаго мастера молотомъ и при произнесеніи слова «смерть». Затѣмъ его покрывали окровавленной простыней и при 9-мъ ударѣ предсѣдателя по эфесу своей шпаги братья стремительно бѣжали ко гробу и устремляли на лежащаго острія шпагъ.

Масоны думали, что всѣми подобными дѣйствіями, ужасными и отвратительными, они, во-первыхъ, испытывали твердость духа новопринимаемаго, во-вторыхъ, напоминали ему о тлѣнности всего земнаго, о неизбѣжности смерти, учили, что смерть не зло, а добро, и приготовляли его къ ней... Намъ теперь все это должно представляться иначе: воспитать въ человѣкѣ твердость духа и приготовить его къ смерти, научить не бояться ея можно путями иными, болѣе простыми и человѣчными, безъ грубыхъ эффектовъ и запугиваній, безъ искусственнаго и нечистаго возбужденія фантазіи. Но люди XVIII вѣка, нравственно отупѣвшіе въ чувственныхъ наслажденіяхъ, болѣе всего боявшіеся смерти и потерявшіе чувство воспріимчивости на все простое и здоровое,—именно въ страхѣ

смерти, въ игрѣ ея явленіями находили особаго рода сладострастіе: циническое любованіе страданіями, кровью, смертью есть высшая степень чувственности. И притомъ во всѣхъ ужасныхъ обрядахъ масонства нѣтъ ничего христіанскаго,—они скорѣе напоминаютъ намъ язычество, какія-то кровавыя человѣческія жертвы.

Къ темнымъ сторонамъ ордена слѣдуетъ отнести и его тайны и тщательное ихъ храненіе. Христіанство подобныхъ тайнъ не знаетъ: оно проповѣдовало и проповѣдуетъ свои вѣчныя величайшія истины толпамъ народа среди бѣлаго дня. Масоны же скрывали свои воображаемыя знанія не только отъ непосвященныхъ, профановъ, но и отъ своихъ собратьевъ: масонскія истины открывались лишь по частямъ, по мѣрѣ полученія братьями различныхъ степеней. Сообщеніе тайны сопровождалось клятвой принимающаго въ храненіи ея,—въ клятвѣ заключались страшныя угрозы за нарушеніе. Посвящаемые въ мастера, давая обѣтъ молчанія, въ то же время клялись, что будутъ «помогать мастерамъ противу возстающихъ товарищей». Все это тоже отзывается язычествомъ и очень далеко отъ христіанства. Орденъ допускалъ, какъ мы видимъ, взаимную вражду въ своихъ нѣдрахъ, допускалъ какъ нѣчто необходимое и даже должное. Каждая степень обязана была ревниво оберегать отъ низшихъ степеней свои знанія: это было вѣчное междоусобіе. Здѣсь выразилось и присутствіе въ масонствѣ аристократическаго начала. Да, собственно говоря, аристократизмъ въ широкомъ смыслѣ слова замѣтенъ уже и въ англійскомъ масонствѣ: въ «Конституціяхъ» Андерсона говорится [1]), что лица, допускаемыя въ ложу какъ члены, должны быть люди добрые и вѣрные, небезнравственные или неприличные, притомъ—свободные по рожденію, зрѣлаго и

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1868 г., № 7, «Русское масонство до Новикова» стр. 170.

разсудительнаго возраста, не крѣпостные, не женщины. Мы видимъ отсюда, что масонство въ-сущности и не брало на себя исправленія людей: орденъ требовалъ, чтобы вступающій въ него былъ уже прежде добрый и нравственный человѣкъ. Масонство гнушалось не только порочными людьми, несвободными духовно, но оно не принимало въ свою среду и несвободныхъ матеріально, гнушалось рабовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ вольное каменьщичество стало явленіемъ отвлеченнымъ, далекимъ отъ дѣйствительности. Отрекаясь отъ всего мірскаго, оно стало отрекаться и отъ борьбы со зломъ; такъ, напримѣръ, въ масонскихъ поученіяхъ мы встрѣчаемъ лишь отвлеченные толки объ общечеловѣческихъ недостаткахъ и нѣтъ тамъ никакихъ указаній на современные общественные пороки; согласно съ этимъ масонство отрекалось (какъ мы знаемъ и отъ сатиры. Жизнь ложъ была сама по себѣ, жизнь общества сама по себѣ. Масонство не могло принести и не принесло въ концѣ концовъ того добраго плода, котораго можно было ожидать отъ него первоначально. А между тѣмъ изъ жизни общества, изъ жизни обыденной, въ орденъ заходили самые грубые пороки и страсти: тщеславіе и разсчетъ побуждали вступать въ орденъ многихъ, надѣявшихся сблизиться тамъ съ знатными и богатыми; люди скучающіе и праздные искали въ засѣданіяхъ ложъ потѣхи и развлеченія; въ такъ-называемыхъ «столовыхъ ложахъ» устроивались пиры и попойки, подъ прикрытіемъ мистическихъ обрядовъ.

Первоначальная идея масонства о нравственномъ самоусовершенствованіи и помощи бѣднымъ принесла свою долю пользы, какъ принесъ пользу и протестъ ордена противъ матеріализма философіи XVIII вѣка. Но нельзя не видѣть, что масонство кончило тѣмъ, что само унизительно оборвалось въ матеріализмъ, запуталось до того, что тѣло приняло за духъ, и поставило своею конечною

цѣлью отысканіе способовъ дѣлать золото и жить сотни лѣтъ. Двѣ крайности—отрицаніе и мистицизмъ—сошлись въ одномъ выводѣ, пришли къ грубой чувственности.

Какъ вольтеріанство Екатерининской эпохи ярко и сильно отразилось въ нашей литературѣ, такъ отразилось въ нашей литературѣ и масонство, или, лучше сказать, мистическое настроеніе духа вообще. У насъ печаталось множество переводныхъ масонскихъ сочиненій; стали писать такія сочиненія и наши русскіе авторы. Ярче всего и характернѣе мистицизмъ сказался въ произведеніяхъ выдающагося, крупнаго писателя Екатерининскаго времени—Хераскова, знаменитаго нѣкогда творца эпопей «Россіада» и «Владиміръ».

II.

Переводныя масонскія сочиненія.

Переводныя и оригинальныя масонскія сочиненія издавало у насъ «Дружеское Ученое Общество», переименованное впослѣдствіи въ «Типографическую Компанію». Это общество, въ которомъ самую видную, первую, роль игралъ Новиковъ, обыкновенно считаютъ масонскимъ; но здѣсь явная ошибка. Общество, кромѣ печатанія масонскихъ книгъ, занималось многими совсѣмъ инаго рода дѣлами. Новиковъ же былъ плохой масонъ, и дѣятельность его имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Не мѣсто здѣсь распространяться о «Дружескомъ Ученомъ Обществѣ», печатавшемъ самыя разнообразныя сочиненія, устроившемъ педагогическую семинарію при Московскомъ университетѣ, имѣвшемъ свою больницу и аптеку для бѣдныхъ, помогавшемъ бѣднякамъ хлѣбомъ во время голода и т. д.; замѣтимъ только, что между членами Общества было и много масоновъ, какъ, напримѣръ, Иванъ Влад. Лопухинъ, Ив. Петр. Тургеневъ, кн. Николай Никитичъ

Трубецкой, Шварцъ и другіе. Эти-то лица, ревнуя къ пользамъ ордена, и заботились объ изданіи масонскихъ книгъ. Новиковъ былъ человѣкъ инаго душевнаго закала: какъ изъ философіи Вольтера и энциклопедистовъ онъ съумѣлъ извлечь то, что было въ ней истиннаго, отбросивъ ложь ея матеріализма, такъ и изъ масонства онъ съумѣлъ взять лишь его правду: фантастическія бредни и практическій матеріализмъ ордена его не занимали, а мысль о самоусовершенствованіи, о помощи бѣднымъ, о борьбѣ съ невѣріемъ въ духовный міръ, нашла въ немъ горячаго адепта и выразилась сильно и ярко въ его журналѣ «Утренній Свѣтъ», который отнюдь не можетъ называться масонскимъ журналомъ, какъ философія «Покоящагося Трудолюбца» Новикова (журнала 1784—1785 гг.) не можетъ называться вольтеріанской, хотя ея скептицизмъ и взятъ у Вольтера: и вольтеріанство, и масонство, какъ таковыя, не мыслимы безъ ихъ ложныхъ сторонъ и крайностей, тѣмъ болѣе, что въ нихъ ложь преобладаетъ надъ затаившеюся долею правды. Вышеупомянутые масоны члены «Дружескаго Общества» тоже увлекались свѣтлой стороною масонства, дѣломъ благотворительности (это были, по большей части, все хорошіе люди); но они были наклонны и къ другой сторонѣ ордена и не удерживались, не могли удержаться на высотѣ истины, готовые вдаться въ фантастическій мистицизмъ.

Было бы очень интересно обстоятельно разобрать всѣ масонскія книги, изданныя «Типографической Компаніей»; начало такому труду положено Лонгиновымъ, въ сочиненіи котораго: «Новиковъ и московскіе мартинисты», сдѣланъ библіографическій обзоръ многихъ изъ этихъ книгъ [1]). Остановимся, какъ на примѣрахъ, лишь на трехъ произведеніяхъ обширной у насъ переводной масонской лите-

[1]) Большое значеніе имѣли въ средѣ нашихъ масоновъ сочиненія Іакова Бёма.—Ст. «Русскіе переводы Я. Бёма» см. въ Библ. Зап. 1858 г. № 5.

ратуры: «Химическая псалтырь» Парацельса; «Апологія вольныхъ каменьщиковъ», вышедшая изъ типографіи Лопухина въ 1784 г., и «Масонъ безъ маски» — измѣнническое признаніе бывшаго масона (напечатанное не «Дружескимъ Обществомъ», а въ Петербургѣ).

Химическая псалтырь Ѳеофраста Парацельса, вышедшая въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1784 году, прямо вводитъ насъ въ алхимическія вѣрованія нашихъ масоновъ: въ ней идетъ рѣчь о философскомъ камнѣ и его приготовленіи. Авторъ оговаривается, впрочемъ, что «рукодѣлье» такого камня познается не столько теоретически, сколько практически; это познаніе открывается лишь при помощи художника или даже Бога.

16-е правило псалтыри говоритъ о составныхъ частяхъ философскаго камня: «камень составленъ изъ сѣры и меркурія». Въ правилѣ 4-мъ меркурій опредѣляется какъ основная матерія всѣхъ тѣлъ: «философическое небо разрѣшаетъ всѣ металлы въ первое вещество (матерію) ихъ, то есть въ меркурія», — читаемъ мы здѣсь. Что же касается сѣры, то 58-е правило поясняетъ, что «сѣра мудрыхъ, тинктура и кисленіе (броженіе) значатъ одно и то же». Въ другихъ мѣстахъ книги говорится, что ни одно тѣло, въ томъ числѣ и серебро, не можетъ быть обращено въ золото, если предварительно не будетъ сдѣлано «текучимъ меркуріемъ». Этотъ меркурій долженъ быть затѣмъ варенъ, на свойственномъ ему огнѣ, съ сѣрою. Золото имѣетъ само въ себѣ чрезвычайно много богатствъ, которыя чрезъ «пріуготовленіе» могутъ быть обращены въ «силу кисленія (броженія)», т. е. въ сѣру, и чрезъ это умножены.

Обобщая свой взглядъ на элементы, на составныя части тѣлъ, химическая псалтырь ими объясняетъ явленія и человѣческой жизни, и жизни всего міра вообще. При этомъ надо замѣтить, что она не признаетъ различія духа

и матеріи, объединяя оба эти начала. «Сѣра есть душа; меркурій же есть вещество», — читаемъ мы въ правилѣ 39-мъ. А правила 42-е и 46-е учатъ, что «меркурій есть женское сѣмя всѣхъ металловъ и менструумъ ихъ»; «сѣра же злата и сѣра сребра суть истинныя мужскія сѣмена камня». «Мужъ и жена, т. е. ⊙ (сѣра) и меркурій, соединяются воедино»,—говоритъ правило 74-е. Въ правилахъ 11 и 145 сѣра и меркурій сближаются съ небесными тѣлами. По первому изъ нихъ, сѣра обозначена знакомъ солнца — ⊙, меркурій знакомъ луны — ☽; по второму — «меркурій есть стихія земли, къ которому принадлежитъ приложить одну грань ⊙» (знакъ, обозначающій въ символикѣ масонства и сѣру, и солнце). — Псалтырь сближаетъ еще золото съ кровью: «растопляемое злато можетъ превращено и въ кровь обращено быть» (прав. 7-е). — Особенное значеніе псалтырь придаетъ огню: въ 94-мъ правилѣ духъ отождествленъ съ теплотою — «духъ есть теплота» (а духъ, какъ мы видѣли ранѣе, тождественъ съ сѣрой). «Ядъ и нечистота прогоняются силою огня безъ всякаго прибавленія. Одинъ огонь сей все производитъ», — говорится въ 91 правилѣ; а раньше (въ правилѣ 90) пояснено, что «единый огонь все совершаетъ, улучшаетъ и исправляетъ». Правило 93 прибавляетъ къ этому, что «коль скоро при жизни и при рожденіи какія вещи огонь погаснетъ, толь скоро нападаетъ смерть на вещь ростущую». Вотъ почему приготовленіе философскаго камня совершается посредствомъ огня; правило 104 даетъ для этого такое наставленіе: «Изреченіе философовъ надлежитъ прилежно примѣчать: ибо чрезъ сублимацію разумѣютъ они разведеніе тѣлъ въ меркурія посредствомъ △ (т. е. огня) перваго степеня; сему послѣдуетъ вторая работа, которая есть напоеніе меркурія сѣрою: третіе — дѣланіе неподвижнымъ меркурія въ совершившемся и совершенномъ тѣлѣ».

Таково содержаніе «Химической псалтыри». Оно прямо указываетъ на грубо-матеріалистическія воззрѣнія масоновъ, на отождествленіе ими духа съ матеріей, на стремленіе ихъ къ матеріальнымъ благамъ жизни. Съ этимъ общимъ содержаніемъ «псалтыри» какъ-то совершенно не вяжется напечатанное въ концѣ ея нравственное наставленіе: «будь благороденъ, благочестивъ и богобоязливъ». Это наставленіе какъ будто прибавлено лишь для очистки совѣсти; оно — слабый отзвукъ прежнихъ стремленій масонства.

Обратимся къ другой изъ названныхъ выше орденскихъ книгъ: «*Апологія, или защищеніе ордена вольныхъ каменьщиковъ, написанныя братомъ****, членомъ Шотландской*** ложи, въ П****». Книга эта переведена съ нѣмецкаго и напечатана въ типографіи Лопухина въ 1786 году. Изъ «Предувѣдомленія» къ ней мы видимъ, что авторъ сильно увѣренъ въ себѣ, въ значеніи и убѣдительности своихъ доводовъ; онъ рѣшительно заявляетъ: «Съ достовѣрностью можно надѣяться, что по прочтеніи сея книжки никакое въ сердцѣ вкорененное предразсужденіе не останется безъ того, чтобъ оно во основаніи своемъ симъ защищеніемъ не было поколеблено». Въ томъ же «Предувѣдомленіи» заявляется, что сочиненіе написано человѣкомъ, занимающимъ въ орденѣ «знатное мѣсто и притомъ ученымъ перваго степени». Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ, что наши масоны, переведшіе и издавшіе книгу, считали ее важной, придавали ей значеніе; это заставляетъ и насъ признать ея значительность въ ряду книгъ масонской переводной литературы.

Въ первой части «Апологіи» дѣлаются возраженія противъ обвиненій на масоновъ. Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій основательны; другія, напротивъ, весьма слабы. Эти послѣднія говорятъ далеко не въ пользу ордена, можно сказать, даже свидѣтельствуютъ противъ него.

Остановимся сначала на доводахъ перваго рода. Въ отдѣленіи IX первой части книги авторъ говоритъ, что масоновъ обвиняютъ въ «смѣшеніи состояній, въ томъ, что они принимаютъ въ свое общество людей разнаго рода». На такое обвиненіе онъ отвѣчаетъ, что, во-первыхъ, къ таинствамъ масонскимъ допускаются только христіане, «а жиды, язычники и магометане въ оныхъ части не имѣютъ; сіе есть существенная невозможность: быть вольнымъ каменьщикомъ, а не быть христіаниномъ. Въ разсужденіи сихъ послѣднихъ (прибавляетъ онъ) нѣтъ у насъ различія, къ какой бы сектѣ, церкви или исповѣданію они ни принадлежали»; во-вторыхъ, если бы въ орденѣ было иначе, то онъ возбудилъ бы еще большія подозрѣнія и навлекъ на себя сильнѣйшія обвиненія:

«Ежели бы мы (говоритъ апологетъ масонства) только одних знатныхъ и въ тайномъ совѣтѣ государскомъ засѣдающихъ людей вмѣщали, что̀ бы сказалъ народъ? Обвиняли бы насъ въ суетной гордости. Мудрость и добродѣтель въ благородствѣ ли только? Сочли бы насъ желающими вползти ко двору и склонить министровъ на свою сторону, да, владѣя тайнами, овладѣть и государствомъ. Ежели бы члены наши были всѣ военные люди, не меньше бы было подозрѣніе. Не безъ причины попрекали бы насъ, что общество, состоящее изъ солдатъ и генераловъ, весьма государству опасно. Если бы мы всѣ были мѣщане, то и тогда не ушли бы отъ подозрѣнія; сказали бы: какой резонъ находятъ они отказывать доступъ служителямъ государей и защитникамъ государства? Развѣ принятіе ихъ подозрительно быть можетъ? Когда бы мы состояли только изъ духовныхъ, то и сіе не могло бы защитить, и прочіе члены государства не меньше бы чрезъ то питали къ намъ въ душѣ своей подозрѣнія. Ибо кое зло не предпринято рукою злыхъ Іез..., которые воздвигали народъ своимъ краснорѣчіемъ, а часто и суевѣріемъ? Есть ли бы одни подлые [1]) имѣли право быть масонами, то бы считали насъ невѣжами, мужиками, и тогда прямо сказали бы, что нѣтъ ничего опаснѣе скопища сего подлаго народа, составляющаго масонскую ложу».

Довольно удаченъ и отвѣтъ на обвиненіе масоновъ въ томъ, что они не приносятъ пользы государству. Въ VI отдѣленіи первой части авторъ указываетъ на дѣла благотворительности ордена. Упомянувъ, что справедливость

---

[1]) Т. е. простой народъ; простолюдины часто именовались въ XVIII вѣкѣ словомъ «подлые».

масонамъ отдаютъ только въ Англіи и Швеціи, онъ повѣствуетъ, что въ этой послѣдней странѣ братьямъ вольнымъ каменщикамъ пришлось много бороться съ подозрѣніями; но они, наконецъ, побѣдили ихъ и заслужили народную признательность.

«Учредили они великое дѣло—домъ воспитательный, кой мало себѣ подобныхъ имѣетъ, и есть всеобщее прибѣжище сирыхъ вдовъ. Позволено было имъ и въ церквахъ публично милостыню собирать. Знатные господа не устыдились предстоять въ передникахъ и просить помощи бѣднымъ у человѣколюбцевъ».

Приведенные примѣры защиты указываютъ на извѣстныя намъ свѣтлыя стороны масонства: на благотворительность и на братское сближеніе въ орденѣ людей разныхъ вѣроисповѣданій и разныхъ сословій.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются возраженія защитника вольнаго каменщичества на обвиненіе масоновъ въ «храненіи сокровеннаго», т. е. тайны (отдѣленіе III). И не столько неосновательны самыя эти возраженія, сколько странны и несочувственны высказываемыя по поводу ихъ воззрѣнія и стремленія, очевидно, усвоенныя авторомъ книги въ масонской средѣ. Вотъ его доводы въ защиту масонской тайны. Открытіе тайны не всегда бываетъ полезно. Если бы предположить (говоритъ онъ), что масоны владѣютъ способомъ дѣлать золото, то должны ли они открыть столь важное таинство людямъ? Конечно, нѣтъ, ибо отъ такого открытія произошли бы неисчислимыя бѣдствія:

«Скоро превращается сей благодатный даръ въ ужаснѣйшее наказаніе человѣческаго рода; вдругъ распространяются плачевныя онаго слѣдствія: цари низпадутъ отъ престоловъ своихъ, республики и государства рушатся, порядокъ, подчиненіе теряетъ силу, а, чтобы возвратить оныя, потребно взяться за жестокія орудія; науки исчезаютъ, коммерція прерывается, земледѣліе и скотоводство погибаетъ, никто другому служить не хочетъ. И самая бѣдность не была бы причиной толикихъ опустошеній, каковыхъ бы стало золото. Мидасово желаніе исполняется и съ печальными своими слѣдствіями. До чего не дотронемся, становится золотомъ, и всѣмъ прирастаютъ мидасовы уши, то есть со степени человѣческой низпадаютъ въ число безумныхъ скотовъ».

Такими запугивающими чертами нарисованная картина свидѣтельствуетъ о ревнивомъ желаніи масонства за собой однимъ сохранить корыстную тайну дѣланія золота; она свидѣтельствуетъ и о вѣрѣ масоновъ въ возможность такого дѣланія, или, по крайней мѣрѣ, о страстномъ желаніи ими матеріальныхъ благъ жизни. На то же страстное желаніе земныхъ благъ намекаетъ (какъ позволительно догадываться) и другой примѣръ, приводимый апологетомъ ордена въ доказательство необходимости сохраненія тайны:

«Ежели бы франкъ-масоны (говоритъ онъ) милостію государей уволь-нены были отъ податей, то было бы сіе для нихъ, конечно, милость царская. Но должно ли другихъ въ томъ участниками дѣлать? Каждый патріотъ будетъ отвѣтствовать, что нѣтъ. Сіе было бы злоупотребленіемъ милости, могущимъ подать случай ко многимъ безпорядкамъ».

Если и признать этотъ примѣръ совершенно отвлеченнымъ, т. е. не заподозрѣвать масоновъ въ реальномъ стремленіи къ пріобрѣтенію себѣ отъ государственной власти различныхъ льготъ и привиллегій, то, все-таки, онъ дурно рекомендуетъ орденъ: масоны, какъ мы видимъ, не прочь были бы, въ мечтахъ своихъ, выдѣлить себя изъ толпы, освободиться отъ общенародныхъ тягостей.

Съ дурной стороны рисуется намъ орденъ и въ третьемъ примѣрѣ апологета его тайны. Здѣсь масонское общество въ государствѣ сравнивается съ христіанами въ Турціи:

«Какъ ни увѣренъ каждый христіанинъ о божественности и пользѣ своей религіи (говоритъ авторъ книги), но не почли ли бы константинопольскихъ христіанъ безпокойными гражданами, ежели бы они во зло употребили свою вольность, предпріявъ тамо распространеніе своего закона».

Итакъ, масонъ находитъ, что христіане въ магометанской странѣ должны таить свое ученіе и не проповѣдовать его. Это безнравственное воззрѣніе совершенно согласно съ косностью масонства, съ его извѣстнымъ намъ нежеланіемъ бороться съ пороками и ложью.

Вторая часть «Апологіи», менѣе важная, заключаетъ въ себѣ разсужденіе о таинствахъ древнихъ народовъ, съ

цѣлью «подапія возможнаго понятія о таинствахъ масонскихъ». Авторъ говоритъ о мистеріяхъ у египтянъ и грековъ, то сближая съ ними масонскія тайны, то желая указать между ними разницу. Параллель эта выходитъ весьма неясной, потому что апологетъ ордена явно что-то скрываетъ, не хочетъ высказать, въ чемъ, впрочемъ, и самъ сознается. «Ахъ, ежели бъ могъ я открыть завѣсу (восклицаетъ онъ), сколь бы легко мнѣ было сіе показать!»—но «завѣсы» этой онъ такъ и не открываетъ. Не открываетъ онъ и многаго, извѣстнаго намъ теперь въ орденѣ; напр., онъ умалчиваетъ о фантастическихъ и странныхъ обрядахъ принятія въ масонство, въ различныя его степени; умалчиваетъ о безусловномъ повиновеніи младшихъ братьевъ старшимъ. Такая неискренность, разумѣется, вредитъ его собственному дѣлу, взятой имъ на себя защитѣ братьевъ франкъ-масоновъ.

Перейдемъ къ третьей изъ поименованныхъ книгъ: «*Масонъ безъ маски, или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно*. (Въ Спб. въ 1784 г., печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Геннинга)».

Сочиненіе это—измѣнническое; написавшій его масонъ отрекся отъ ордена и выдаетъ его тайны; онъ подсмѣивается надъ бывшими своими собратьями и, быть можетъ, даже озлобленъ на нихъ. Въ начинающемъ книгу обращеніи къ масонамъ онъ иронически говоритъ:

«Господа масоны! Я—бѣглецъ, оставившій братство ваше и вашу работу, дабы быть по прежнему профаномъ. Свѣтъ, коимъ вы меня озарили, не долженъ быть всегда подъ спудомъ и въ разсужденіи прочихъ ближнихъ нашихъ, но время уже просвѣтить онымъ и ихъ очи»...

Онъ оправдывается далѣе въ нарушеніи клятвы, или «торжественнаго обѣта» молчанія, который далъ, вступая въ братство:

«Въ томъ (говоритъ онъ) и совѣсть моя, и всѣ добродушные люди меня оправдаютъ. Обязательство свободное есть по истинѣ священное, но учинен-

ное при обнаженныхъ мечахъ и посреди храма ужаса есть не иное что, какъ поруганіе клятвы и жертва единаго токмо коварства и легковѣрія...»

Оканчивается обращеніе оригинальными словами: «Я есмь, государи мои, усердный таинствъ вашихъ предатель NN.—Лондонъ».

Все это (и измѣна автора ордену, и его иронія) можетъ возбудить подозрѣніе въ достовѣрности показаній книги. Но подозрѣнія эти оказываются неосновательными, и сочиненіе должно быть признано правдивымъ, потому что сообщаемое имъ подтверждается обнародованными уже въ настоящее время масонскими документами. Помимо этого, на правдивость автора «Масона безъ маски» намекаетъ «Предувѣдомленіе» къ книгѣ, гдѣ высказываются его общія воззрѣнія и его спокойное безпристрастіе. Являясь врагомъ масонства, авторъ не впадаетъ въ противоположную крайность—въ матеріализмъ; напротивъ, онъ врагъ и матеріалистическихъ ученій; онъ—человѣкъ видимо образованный и въ то же время вѣрующій:

«Буйная гордыня (говоритъ онъ) возобладала сердцами многихъ нынѣшнихъ мудрецовъ, коихъ изощренный разумъ, вооруживъ себя безстыдствомъ, стремится сильно противоборствовать самому важнѣйшему и утѣшительнѣйшему Божественному откровенію, однако же и имъ никто не чинитъ въ томъ преграды потому, что они суть лучшія орудія для утвержденія онаго. Спиноза, Махіавель, Гелвецій, Гюмъ, повторитель ихъ Волтеръ и другіе пособствовали ко утвержденію самоважнѣйшихъ истинъ вѣры болѣе, нежели препятствовали; ибо изъ писаній ихъ ясно видѣть можно, что сумрачный свѣтъ разума человѣческаго есть тьма противу лучей небеснаго свѣта, во Евангеліи сіяющаго и произведшаго въ великомъ Невтонѣ, премудромъ Локкѣ, славномъ Эйлерѣ, Галлерѣ и тысящѣ другихъ знаменитыхъ по учености и добродѣтельному житію мужахъ чистѣйшее благоговѣніе къ словесамъ и дѣяніямъ Христовымъ».

Защитникъ свободы мысли и слова, отстаивающій права на эту свободу и враждебныхъ ему по направленію писателей, авторъ «Масона безъ маски», по всей вѣроятности, знакомъ съ сочиненіями тѣхъ великихъ умовъ, о которыхъ онъ отозвался съ такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

Открывая масонскія тайны, онъ обѣщаетъ быть без-

пристрастнымъ, обѣщаетъ отдать «должное добродѣтели, а пороки обличить». И въ самомъ дѣлѣ, онъ указываетъ свѣтлыя стороны масонства. Онъ видитъ добро въ первоначальной основѣ ордена:

«Масонство (говоритъ онъ) было прежде сего собраніе людей избранныхъ, которыхъ дружба соединяла и поощряла взаимную подавать помощь другъ другу въ нуждахъ».

Основатель масонства, по его словамъ:

«коему должно приписывать по справедливости безсмертіе, имѣлъ просвѣщенный разумъ и чистое сердце. Онъ усмотрѣлъ, что всѣ люди равны и что ничего не достаетъ къ ихъ благополучію, какъ токмо чтобы они сами хотѣли онаго достигнуть чрезъ взаимную и искреннюю любовь. И поелику страсти человѣческія и достоинства препятствуютъ успѣху нашего благополучія, то онъ надѣялся, изгнавъ оныя, возвратить прежнюю неповинность».

Но масонство исказилось въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи:

«Мы теперь видимъ (продолжаетъ авторъ) пьянство и мотовство возрастающими при ихъ обществахъ и жадность къ корысти, которая хитро тутъ соединилась съ великимъ искусствомъ дурачить простаковъ, и сіе печальное злоупотребленіе должно почитать за слѣдствіе слабости человѣческой и несчастія временъ».

Не вѣря въ осуществленіе въ жизни первоначальныхъ идеальныхъ стремленій «основателя масонства», на которыя только-что указалъ, авторъ книги думаетъ, однако, что для масонства возможно въ будущемъ нравственное возрожденіе, хотя въ менѣе возвышенныхъ и въ болѣе близкихъ къ реальной дѣйствительности формахъ:

«Выключивъ (говоритъ онъ) изъ ложъ всѣ тайнообразія и частное корыстолюбіе ихъ предсѣдателей и нѣкоторыхъ засѣдателей, можно оныя почесть за изрядные аглинскіе клупы, въ кои собираются по вечерамъ всякаго рода люди: хлѣбники, пивовары, сапожники, портные, судьи, купцы, парламентскіе члены, священники, военачальники и другаго состоянія люди, пить хорошій портеръ и говорить съ совершенною свободою о торговлѣ, о вѣрѣ, о правительствѣ, о наукахъ, о художествахъ, словомъ о всемъ томъ, о чемъ токмо кто говорить желаетъ. Но сего нельзя скоро ожидать».

Послѣ всего этого мы вправѣ, кажется, довѣрять правдивости автора «Масона безъ маски». Къ сожалѣнію, онъ былъ только въ масонствѣ англійскомъ, и потому незнакомъ съ магіей, золотовареніемъ, исканіемъ философ-

скаго камня и т. п.; а извѣстная ему тайна ордена есть лишь легенда о построеніи Соломонова храма.

Содержаніе книги состоитъ въ изложеніи обрядовъ принятія въ различныя степени масонства, въ изложеніи символовъ ордена и въ описаніи засѣданія такъ-называемой столовой ложи; при этомъ приводятся рѣчи, произносившіяся въ ложахъ, и пѣвшіяся въ собраніяхъ братьевъ пѣсни.

Авторъ особенно вооружается противъ скрыванія масонами своихъ дѣйствій и воззрѣній; ему не нравятся орденскія «иносказанія», которыхъ, по его словамъ, «изобрѣли толикое множество, что для познанія всѣхъ оныхъ и для яснаго разумѣнія ихъ языка не менѣе потребно времени, какъ для китайскаго»; онъ подсмѣивается надъ масонскими пустыми обрядами, «кои можно (говоритъ онъ) назвать по справедливости ребячествомъ». (Предувѣд., стр. 3).

Разсказывая о принятіи въ «апрантивы», или ученики, онъ говоритъ, что вступающій подвергается обычнымъ въ этомъ случаѣ ребяческимъ формальностямъ: завязыванію глазъ, вожденію вокругъ ложи подъ лязгъ шпагъ надъ головой, подкладыванію подъ ноги разныхъ препятствій, такъ что бываетъ «принужденъ поднимать ноги на подобіе обучаемой въ манежѣ лошади». (Стр. 18). Вступленіе въ среду братьевъ сопровождается пролитіемъ крови и принесеніемъ страшной клятвы, или «присяги», о которой „со стыдомъ упоминаю я»,—говоритъ авторъ. Затѣмъ онъ приводитъ самую эту чрезвычайно интересную присягу; вотъ ея формула:

«Я клянусь предъ лицемъ великаго Зиждителя вселенныя, т. е. Бога, что никогда не открою таинствъ масонскихъ и масонства ни прямо, ни околичностію, ни изустно, ни на письмѣ, ни знаками, ни видомъ, ниже какимъ инымъ образомъ; въ противномъ случаѣ буди отсѣчена глава моя, исторжено сердце мое и выкинуты чревы мои и буди все тѣло мое сожжено и въ прахъ обращено и развѣяно вѣтромъ по землѣ, и буди память моя на вѣки истреблена отъ земли живыхъ. Въ томъ да поможетъ мнѣ Богъ и Святое Евангеліе. Аминь» (Стр. 21—22).

При вступленіи въ орденъ вновь принимаемый получалъ отъ «венерабля», или мастера ложи, двѣ пары бѣлыхъ перчатокъ («ихъ бѣлость есть знакъ чистыхъ и непорочныхъ обычаевъ масонскихъ», стр. 13): одну пару для себя, другую для той, «которую больше онъ любитъ». При этомъ «венерабль» говорилъ: «Мы чрезъ сіе хотимъ доказать красавицамъ, что имѣемъ должное къ нимъ почтеніе, и что не выпускаемъ ихъ изъ вида и при самыхъ своихъ таинствахъ; не допускаемъ же ихъ для того въ священный сей храмъ, что боимся ихъ заразъ и силы ихъ прелестей» (стр. 23). Эти интересныя пояснительныя слова Венерабля, приводимыя авторомъ «Масона безъ маски», весьма (замѣтимъ мимоходомъ) характерны: они свидѣтельствуютъ о нравственной слабости масонства, о полной неувѣренности братьевъ въ своей нравственной устойчивости.

Чрезвычайно замѣчателенъ разсказъ книги о такъ называемой «столовой ложѣ». Засѣданія подобныхъ ложъ были собственно пиршествами подъ покровомъ масонскихъ формъ. Различные предметы пира носили иносказательныя названія: стаканъ именовался пушкой, бутылка—боченкомъ, вино—краснымъ порохомъ, вода—бѣлымъ порохомъ.

Всякій «феръ» (разсказываетъ авторъ книги) имѣлъ предъ собою боченокъ съ краснымъ порохомъ и самъ заряжалъ свою пушку. За ужиномъ было много яствъ и питій и «ничего не доставало, кромѣ трезвости; тутъ та же волность ѣсть и говорить, какъ и у профановъ» (стр. 48); разница только въ томъ, что въ засѣданіи ложи читался масонскій катехизисъ. Вотъ повѣствованіе объ одномъ изъ такихъ засѣданій столовой ложи: венерабль, спросивши у «сюрвельяна» (надзирателя), у всѣхъ ли феровъ заряжены пушки, сказалъ:

«Феры мои, за здравіе князя N. N., великаго метера (мастера) всѣхъ ложъ англинскихъ... правую руку къ пушкѣ... подвинь пушку... прикла-

дывайся... пали... хорошо пали... разомъ, феры». Выпаливши, т. е. выпивши, каждый, по приказанію метера, «поставилъ твердо свою пушку на столъ, и всѣ вдругъ трижды по трижды ударили въ ладоши и, сжавши середніе персты съ большими, кричали такъ крѣпко горломъ, сколько можно болѣе кричать пьянымъ: гузе... гузе... гузе». «Потомъ заряжали пушки за здравіе всего государева дому, за венераблевъ всѣхъ ложъ, за нашего венерабля, за феровъ, посѣтившихъ ложу, за фера новопосвященнаго и за всѣхъ масоновъ. Сіи генеральные заряды не препятствовали тѣмъ, кои кто чинилъ за свои собственныя выгоды; ибо чѣмъ болѣе кто пьянъ, тѣмъ болѣе пить хочетъ». (Стр. 49—51). «Я думаю (прибавляетъ авторъ свое ироническое замѣчаніе), что масоны навсегда удержатъ сей порокъ профанской».

Сближеніе въ масонствѣ людей разныхъ сословій и состояній, равенство братьевъ, оказывалось на дѣлѣ мнимымъ и сопровождалось лицемѣріемъ, по свидѣтельству «Масона безъ маски»: первый братъ за столомъ, въ собраніи ложи, презрительно смотрѣлъ на низшаго себя на улицѣ и не снималъ передъ нимъ шляпы, «боясь будто, чтобы того не примѣтили профаны» (Стр. 55—56).

А между тѣмъ, будучи безсильнымъ подняться надъ обыкновенными пороками и слабостями жизни, масонство было гордо и воспитывало гордость въ своихъ членахъ. Авторъ разсматриваемой книги приводитъ изъ франкъ-масонскаго катехизиса интересное объясненіе буквы G. Сюрвельянъ (надзиратель) говоритъ, что она

«значитъ три вещи: слава, величество и землемѣріе, или пятая изъ наукъ: слава для Бога, величество для метера ложи, а землемѣріе для феровъ.» Венерабль спрашиваетъ: «Не значитъ ли она другаго чего»? Сюрвельянъ: «Большую вещь, нежели ты, трепочтенный». Венерабль: «Ахъ! что можетъ быть больше меня, который есть метеръ ложи правильной и совершенной». Сюрвельянъ: «Самъ Богъ, котораго имя God на англійскомъ языкѣ сія буква изображаетъ». (Стр. 84—85).

О гордости вольныхъ каменьщиковъ передъ профанами прекрасно свидѣтельствуетъ, между прочимъ, одна изъ приводимыхъ въ книгѣ масонскихъ пѣсенъ:

Днемъ
Съ фонаремъ въ Аѳинахъ
Ты искалъ человѣка,
Строгій Діогенъ;
Пройди домы
Всѣхъ такихъ, какъ мы,

Ты найдешъ человѣка
Въ каждомъ франкъ-масонѣ.

(Стр. 102).

Мы разсмотрѣли три переводныхъ масонскихъ сочиненія: одно догматическаго характера, одно написанное защитникомъ ордена и одно—его врагомъ. И знакомство только съ этими тремя книгами уже даетъ намъ возможность составить до нѣкоторой степени опредѣленное понятіе объ орденѣ. И апологетъ вольнаго каменьщичества и врагъ его (и этотъ послѣдній въ особенности), оба признаютъ, что въ основѣ ордена лежало доброе начало: масонство должно было сближать людей разныхъ сословій и состояній во имя природнаго человѣческаго равенства и братства, нарушаемыхъ въ обыкновенной жизни страстями; затѣмъ масонство считало своею обязанностью дѣла благотворенія. Но съ теченіемъ времени первоначальныя цѣли отступили на послѣдній планъ и братья каменьщики увлеклись, какъ говоритъ книга «Масонъ безъ маски», ребяческими обрядами, пустыми внѣшними формами, иносказаніями, въ орденъ зашли профанскіе пороки, въ засѣданіяхъ такъ называемыхъ столовыхъ ложъ устроивалось самыя обыкновенныя пирушки, равенство въ орденѣ людей разныхъ состояній стало мнимымъ, чисто формальнымъ; а между тѣмъ масонство возгордилось надъ профанами, надъ простыми смертными, не смотря на то, что само не было увѣрено въ своей нравственной состоятельности и устойчивости. «Химическая псалтырь» положительно, а «Апологія ордена вольныхъ каменьщиковъ» довольно опредѣленными намеками (и,—чтò особенно важно,—вырвавшимися невольно и безсознательно) свидѣтельствуютъ, что орденъ впалъ въ грубый матеріализмъ, выше всего поставилъ земныя блага, занялся отыскиваніемъ философскаго камня и, отстраняясь отъ борьбы за правду, сталъ, можетъ быть, мечтать о пріобрѣтеніи привиллегій себѣ въ государствѣ.

III.

Сочиненія русскихъ масоновъ: Шварца, Лопухина, Гамалѣя.

Наши русскіе масоны не ограничились переводами иностранныхъ орденскихъ сочиненій; они стали писать и сами. Главные наши писатели-масоны: Ив. Егор. Шварцъ, Ив. Влад. Лопухинъ, Сем. Ив. Гамалѣй. Это все лица, занимавшія важныя мѣста въ орденѣ; такъ, Шварцъ былъ, какъ извѣстно, главою русскаго масонства Екатерининскихъ временъ.

Иванъ Егоровичъ *Шварцъ*, нѣмецъ по происхожденію, пріѣхалъ въ 1776 году въ Москву юношей и прожилъ у насъ всю свою жизнь. Онъ искренно полюбилъ новое свое отечество и, можно сказать, обрусѣлъ у насъ, на Руси. Въ 1779 году онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи былъ ординарнымъ профессоромъ философіи. Человѣкъ высоко-образованный и хорошій, онъ принесъ много пользы русскому обществу и своими лекціями, и своею дѣятельностью въ «Дружескомъ Ученомъ Обществѣ». По этому Обществу онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ; они стали друзьями, и это обстоятельство подало поводъ думать, что ихъ сближало масонство и что Новиковъ игралъ важную роль въ нашемъ масонствѣ. Въ другомъ сочиненіи (о Новиковѣ) мнѣ приходилось говорить, на основаніи многихъ данныхъ противъ подобнаго заключенія; въ настоящее время прибавлю только, что самъ Шварцъ въ своихъ запискахъ[1]) положительно заявляетъ, что характеры его и Новикова не сходились ни въ чемъ, кромѣ любви къ просвѣщенію.

[1]) См. «Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета».

Не масонство (Новиковъ же былъ притомъ плохой масонъ), а просвѣщеніе и дѣла благотворительности сближали двухъ знаменитыхъ дѣятелей русской жизни.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли цѣликомъ сочиненія Шварца; мы имѣемъ только отрывки изъ нихъ да воспоминанія нѣкоторыхъ лицъ о его чтеніяхъ.

Въ журналѣ масона Лабзина «Сіонскій Вѣстникъ», въ февральской книжкѣ за 1818 годъ, напечатаны интересныя въ этомъ смыслѣ «Воспоминанія Лабзина». Мы видимъ изъ нихъ, что Шварцъ боролся съ матеріалистической философіей XVIII вѣка и производилъ своими словами сильное впечатлѣніе на слушателей. Авторъ воспоминаній разсказываетъ:

«Шварцъ въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ—разсѣять сіи восстающіе мраки и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ, и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями вспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ св. Библію».

Должно быть, подобнаго рода мысли, подобныя лекціи и сближали Шварца съ Новиковымъ.

Въ журналѣ «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ», издававшемся другимъ масономъ младшаго поколѣнія, Невзоровымъ, въ январской книжкѣ 1813 года, напечатаны отрывки изъ лекцій Шварца «о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ». (Отрывки изъ этихъ лекцій приведены также въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета» во 2 т.). Вотъ различіе, полагаемое Шварцомъ между тремя родами познанія:

«1) Познаніе любопытное (говоритъ онъ) разумѣется здѣсь не такое, которое было бы безполезно и удовлетворяло бы только такъ называемое въ общемъ смыслѣ любопытство. Нѣтъ. Здѣсь любопытнымъ познаніемъ названо такое, которое питаетъ нашъ умъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать, напр., отчего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и проч. сему подобное. Сіе познаніе удовлетворяетъ нашъ разумъ, увеличиваетъ силу духа; оно приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства жизни вѣчной. 2) Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. 3) Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно поучаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ... Я не отвергаю совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего; онѣ суть также дары, происходящіе отъ Бога, и человѣкъ, преданный Богу и стремящійся для ближняго къ наукамъ симъ, учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, черезъ которое Богъ помощію сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ себѣ привлекаетъ. Но я отвергаю совершеннѣйшую только на нихъ надежду и забвеніе черезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иначе что есть, какъ отвращеніе себя отъ дѣйствія Бога и учиненіе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій чрезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя».

Приведенныя мысли Шварца, равно какъ и воспоминанія о его лекціяхъ Лабзина, знакомятъ насъ нѣсколько съ философско-религіозными взглядами знаменитаго масона на человѣка, на жизнь и науку; но собственно масонскаго въ нихъ нѣтъ. На масонскую стихію въ чтеніяхъ Шварца мы имѣемъ лишь намекъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета». Неизвѣстный авторъ говоритъ:

«Сей возвышенный и рѣдкій чувствъ и онымъ надлежащаго испытатель не скрылъ отъ насъ подъ спудомъ того своего неоцѣненнаго таланта, когда имѣлъ онъ при университетѣ торжественную эстетико-критическую лекцію,— лекцію, возвышающую наши необдѣланныя и грубыя чувства къ тонкости живописи, къ стройности скульптуры, къ совершенству архитектуры, къ несомнительнѣйшимъ доказательствамъ геометріи, къ пріятности стихотворства, къ безпредѣльному порядку астрономіи, къ неудобопонятности анатоміи и физіологіи, къ справедливости физіогноміи и *хиромантіи, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное химіи* и другихъ премногихъ наукъ, руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльныя гармоніи, сокрытой въ нѣдрахъ таинственной природы».

Вотъ главныя, имѣющіяся у насъ въ печати свѣдѣнія о лекціяхъ Шварца, о его философскихъ взглядахъ. Всего этого, конечно, очень мало, чтобы можно было сдѣлать какія либо положительныя заключенія.

Нѣсколько болѣе знакомитъ насъ съ дѣломъ одна интересная рукопись, принадлежащая Румянцевскому и Публичному музеямъ въ Москвѣ. Она озаглавлена «*Переводъ съ записокъ И. Е. Ш.*» (т. е. Ив. Егор. Шварца) 1806 года [1]). Къ сожалѣнію, это не цѣльныя записки, какъ можно подумать, судя по заглавію, а отрывки, или, лучше сказать, конспектъ чтеній Шварца, должно быть, веденный для себя какимъ нибудь его слушателемъ. Изъ отрывочныхъ и не всегда ясныхъ замѣтокъ конспекта можно однако, сопоставляя ихъ и группируя, составить нѣчто, до нѣкоторой степени знакомящее насъ съ общимъ взглядомъ знаменитаго мистика и мыслителя, съ его міросозерцаніемъ. Вотъ существенныя мысли рукописи.

Предметъ нашъ здѣсь (говорится въ одномъ мѣстѣ конспекта) есть истины, и притомъ важнѣйшія истины, которыя еще не приведены въ систему науки. Всѣ эти истины относятся къ тремъ главнымъ «статьямъ»: 1) къ человѣку, 2) къ натурѣ, 3) къ Богу. «Что есть человѣкъ?» Апостолъ Павелъ говоритъ: есть человѣкъ тлѣнный, есть и нетлѣнный, внутренній и внѣшній, естественное тѣло изъ плоти и крови и духовное въ немъ сокровенное; по словамъ апостола, въ человѣкѣ три начала: *духъ*, воспріятый отъ Бога; *душа*, самостоятельная человѣческая стихія, и *тѣло*, полученное изъ натуры.

Ссылаясь на апостола Павла, рукопись обозначаетъ: 1 кор., 15; должно быть, это указаніе на 14 и 15 ст. 2-й главы 1-го посланія къ коринѳянамъ: «14) Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому

[1]) Входящій № рукописи 2,674. См. Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1879—1882 гг. М. 1884 г.

что онъ почитаетъ это безуміемъ; и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. 15) Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судитъ никто не можетъ».

«Что есть натура?» (читаемъ дальше въ рукописи). Она есть непрестанно движущаяся сила и страданіе; она всегда производитъ: 1) рожденіе, 2) бытіе, 3) уничтоженіе, или, правильнѣй, преобразованіе въ другіе виды.— Натуру человѣкъ познаетъ черезъ чувства, себя самого чрезъ самоощущеніе; но Бога какъ же? Богъ осязательно открываетъ Себя, во-первыхъ, въ натурѣ, которая есть образъ Его, во-вторыхъ, въ нашей совѣсти. Совѣсть же есть «въ чувствованіи самихъ себя нѣкоторая коренная сила, которою мы, какъ кажется, къ чему-то обязаны».

«Сія совѣсть не единородна есть теперешнему бытію нашему: часто противорѣчитъ она привлекательнѣйшимъ ощущеніямъ нашимъ, ощущеніямъ, въ которыхъ все существо наше, такъ сказать, истаеваетъ или растопляется. Наприм., въ любви къ дѣвицѣ, которая, подобно развертывающейся розѣ, включая въ себѣ всѣ красоты натуры, все ощущеніе или все чувство наше магнитообразно плѣняетъ, электризуетъ кровь нашу; тогда какъ мы мнимъ близкими быть къ мгновенію высочайшаго услажденія, тогда кричитъ она (совѣсть) намъ, то есть тому, кто еще не совершенный гнусный злодѣй есть: измѣнникъ! убійца! тать невинности! Но что же худаго находится въ невинномъ семъ желаніи?—говоритъ разумъ. Благо твоего (т. е. тебѣ) подобнаго творенія. Сіе первое вкушеніе яблока поведетъ ее отъ одной погрѣшности къ другой, до самыхъ ужаснѣйшихъ страстей... Се гласъ совѣсти противу всѣхъ софизмовъ разума и противу всего грядущаго (sic) [1]) чувства».

«Итакъ (заключается рѣчь о познаніи Бога), *совѣсть* наша, въ которой изобразилъ Богъ свою волю и наши обязанности, и *натура*, въ которой мы познаемъ премудрость Его и всемогущество, суть тѣ кладези, изъ коихъ мы можемъ почерпать познанія наши о Богѣ».

Нѣсколько раньше въ рукописи, человѣкъ, съ тремя началами его существа, изображенъ графически: два четыреугольника, одинъ надъ другимъ, соединяются углами; въ точкѣ ихъ соединенія проведена толстая короткая черта; продолжающіяся стороны обоихъ четыреугольниковъ образуютъ треугольники вверху и внизу; верхній упирается въ черту, надъ которой написано: «Духовный

---

[1]) Вѣроятно—грезящаго.

міръ. Небесное царство»; нижній — въ черту, подъ которой надпись: «Вещественный міръ. Тѣлесный міръ». Оба четыреугольника раздѣлены горизонтально, волнистыми линіями на треугольники. Такимъ образомъ весь рисунокъ представляетъ шесть треугольниковъ. Два среднихъ — собственно человѣческое начало, при нихъ сбоку написано: «Душа. Древо растетъ вверхъ и внизъ, такъ и человѣкъ растетъ вверхъ, въ вещественный міръ, и внизъ, въ духовный міръ. Чѣмъ крѣпче и сокообильнѣе корень древа, тѣмъ продолжительнѣе и безопаснѣе его пребываніе». Соотвѣтственно этимъ связямъ «души» съ двумя мірами въ верхнемъ изъ представляющихъ ее треугольниковъ написано: «Разумные духи, умственные; звѣздное разумѣніе»; въ нижнемъ — «Вещественные, ефирные духи; тончайшая соль-свѣта (sic)». — Два верхнихъ треугольника изображаютъ «*духъ*»; при нихъ сбоку написано: «Духъ, разумѣніе умственное. Мы сами образуемъ сего духа. Онъ лежитъ при рожденіи *въ возможности, а не въ дѣйствіи*» [1]). При двухъ нижнихъ треугольникахъ сбоку надпись — «*тѣло*»; внутри верхняго изъ нихъ читаемъ: «Организація, 3 начала ⊖ 🜍 ☿ (т. е. соль, сѣра, меркурій), бальзамъ жизни, жизненные духи»; внутри нижняго — «Матерія 4-хъ стихій».

Три начала: соль, сѣра и меркурій, и четыре стихіи: огонь, воздухъ, вода и земля, образующія человѣческое тѣло, по этому рисунку, указываютъ на соприкосновенность философіи Шварца съ масонствомъ. Но слѣдуетъ, однако, замѣтить, что и эти «начала», и эти «стихіи» масонскія Шварцъ относитъ лишь къ тѣлесной сторонѣ человѣка, а не отождествляетъ, напр., сѣру съ духомъ, подобно «Химической псалтыри Парацельса».

---

[1]) Другое мѣсто рукописи объясняетъ, что духъ есть въ «возрожденномъ человѣкѣ», а душа соотвѣтствуетъ «натуральному состоянію человѣка прежде обращенія его».

Три стороны человѣка: тѣло, духъ и душа, «противоборствуютъ одно другому (читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ рукописи); изъ всегдашняго противоборствія ихъ происходитъ наше нравственное страданіе». Человѣкъ есть троякій магнитъ: физическій, духовный, Божественный. Тѣло «пребываніе свое имѣетъ въ брюхѣ, въ кишкахъ»; духъ («метафизическое ощущеніе, звѣздный духъ») пребываетъ въ мозгу; душа («нравственное ощущеніе, внутренній человѣкъ») — въ сердцѣ. Соотвѣтственно различнымъ темпераментамъ, въ человѣкѣ преобладаетъ то или другое изъ этихъ началъ, или «ощущеній» (какъ выражается конспектъ): въ сангвиническомъ и флегматическомъ темпераментѣ — вещественное, чувственное ощущеніе; въ холерическомъ — звѣздное, умственное; въ меланхолическомъ[1]) — нравственное, совѣстное. «Однако жъ не безъ исключенія», — дѣлается тутъ же оговорка. — Есть также соотвѣтствіе между «сими ощущеніями» и возрастами человѣка: въ юности преобладаютъ ощущенія «стихійныя», въ мужествѣ — «звѣздныя», въ старости — «нравственныя». Упоминаніе темпераментовъ и придаваніе имъ такого важнаго значенія въ жизни человѣческой опять указываетъ намъ на соприкосновенность философіи Шварца съ масонскими воззрѣніями.

Соотвѣтственно тремъ началамъ въ человѣкѣ, есть въ мірѣ три свѣта: 1) свѣтъ натуры, свѣтъ тѣла, плоти; 2) свѣтъ душевный, разумъ; иначе: ангельскій свѣтъ, кабалистическій свѣтъ; 3) свѣтъ Божественный, Святой Духъ. Первый изъ нихъ есть «источникъ жизни всѣхъ сотворенныхъ матеріальныхъ вещей, истинная Potentia activa, дѣйствующая сила, истинная магнитная и электрическая сила. Онъ есть одежда Всемогущаго». Этотъ свѣтъ не зло, а добро; онъ «есть жизнь, радость, услажденій преисполненное ощущеніе. Во всѣхъ тваряхъ, гдѣ свѣтится,

[1]) Въ рукописи описка: «механическомъ».

онъ есть сладкое ощущеніе собственнаго бытія, или, по крайней мѣрѣ, покой и гармонія (золото — брилліанты)». «Князь тьмы», или «духъ міра сего»—врагъ этого «всюду проникающаго свѣта».«Князь и царство тьмы суть смерть, разрушеніе, тлѣнъ. Всѣ грубыя чувственныя наслажденія суть смерть и разрушеніе. Объяденіе, пьянство, невоздержаніе, болѣзнь, разслабленіе, проклинаніе собственнаго бытія суть плоды, или слѣдствія». Кто видитъ во всей природѣ сіяніе этого свѣта, кто знаетъ его силу и дѣйствіе, умѣетъ его «фиксировать и сосредоточить», тотъ— истинный знатокъ натуры, или, какъ древніе таковаго называли, *магъ*. Чрезъ этотъ свѣтъ мы познаемъ «вліяніе натуральнаго неба», языкъ натуры, «подлинную астрологію (звѣздословіе)» и проч. Но жить по одному этому свѣту значитъ жить поязычески.—Другой *свѣтъ, душевный*, свѣтитъ въ невидимыхъ тваряхъ: въ ангелахъ, въ душахъ человѣческихъ и во всѣхъ духахъ. Онъ «скоръ, проницающъ и проч., яко мысль». Этотъ «кабалистическій» свѣтъ научаетъ насъ понимать священное писаніе, разумѣть небесныя вещи, познавать Мессію и судьбы Божіи. Пророки говорили кабалистическимъ образомъ, и только кабалистическій духъ можетъ намъ «учинить ихъ вразумительными». Этотъ свѣтъ есть «сверхъестественное небо, рай, influentia divina, Божеское вліяніе». Чрезъ этотъ свѣтъ говорилъ Богъ съ Моисеемъ. Познающій этотъ ангельскій свѣтъ есть *кабалистъ*. «Сей свѣтъ блисталъ въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которые въ нагрудникѣ Соломоновомъ находились». Кто живетъ этимъ свѣтомъ,—живетъ похристіански.—Наконецъ, высшій свѣтъ—*божественный*. Кто его въ себѣ имѣетъ, тотъ истинный *Богословъ*; онъ въ Богѣ и Богъ въ немъ; онъ ощущаетъ присутствіе Бога, имѣетъ сверхъестественную силу и бесѣдуетъ съ Богомъ какъ съ другомъ своимъ.

Въ изложенномъ ученіи о трехъ свѣтахъ, мы опять

видимъ присутствіе масонской стихіи; здѣсь передъ нами магія и астрологія, воплощеніе, или отвердѣніе «свѣта природы» въ золотѣ и брилліантахъ. Умѣніе магами «фиксировать и сосредоточивать» этотъ свѣтъ значитъ, по всей вѣроятности, умѣніе приготовлять золото. Блистаніе «душевнаго свѣта» въ каменьяхъ нагрудника Соломонова, есть, конечно, тоже масонское вѣрованіе.

Ученіе о трехъ видахъ свѣта приводитъ насъ къ воззрѣнію Шварца на взаимныя отношенія *вѣры* и *знанія*. Мысли объ этомъ не развиты подробно въ разсматриваемомъ конспектѣ его чтеній; но по разнымъ отдѣльнымъ мѣстамъ рукописи можно видѣть, что вѣру Шварцъ ставилъ выше знанія, «ученіе сердечное» выше «ученія разума». «Истина не можетъ быть доказываема (училъ онъ), она есть воззрительна (созерцательна), ее чувствуютъ».

Сообразно съ тремя началами въ человѣкѣ, на землѣ есть три вида существъ или явленій: люди, животныя, растенія. Человѣкъ, живущій только тѣломъ, подобенъ растенію. «Кто предаетъ себя грубому, тѣлесному чувствованію, тотъ неспособенъ чувствовать душевно, напр. обжора».—Живущій только душою, а не духомъ, подобенъ животнымъ. И вотъ здѣсь мы встрѣчаемъ чрезвычайно странное поясненіе: «Кто предаетъ себя наружнымъ чувствованіямъ, напр., музыкѣ, разсматриванію живописи, обозрѣнію красивой стороны, тотъ перестаетъ размышлять». Въ этомъ поясненіи есть что-то общее съ замѣчаемыми у нашихъ масоновъ (напр., у Гамалѣя, у Лабзина) равнодушіемъ и даже порой враждебностью къ искусствамъ.—Наконецъ, кто живетъ духомъ, тотъ живетъ вполнѣ по-человѣчески; онъ господствуетъ надъ душою и тѣломъ; духъ дѣлаетъ человѣка господиномъ земли. «Кто отвлеченно размышляетъ, тотъ не чувствуетъ ничего наружнаго».

Должно быть, въ связи съ этими общими идеями

Шварца находится помѣщенное на 2-й страницѣ рукописи «Философское доказательство». Это—краткій конспектъ, вѣроятно, подробно изложенной Шварцемъ въ его лекціяхъ мысли, доказывающей существованіе духовнаго міра. Человѣкъ,—читаемъ мы здѣсь,—есть узелъ, «которымъ звѣриное царство связывается съ царствомъ духовъ». Рядъ твореній («тварей») никакъ не можетъ кончиться человѣкомъ: «если мы начнемъ отъ стихій, то находимъ непрерывный рядъ до человѣка; какъ можетъ сей престать съ человѣкомъ? человѣческій ли то смыслъ?» Затѣмъ слѣдуютъ краткія указанія на общія черты и различія царствъ природы: явленія, относящіяся къ «минеральному царству», состоятъ «изъ земли и жидкости». Въ «растительномъ царствѣ» мы видимъ опять землю и жидкость только «гораздо тончайшія». «Звѣриное царство» представляетъ тоже «землю и жидкость», но «въ наивысшей степени утонченныя, даже до краснаго и бѣлаго цвѣта утонченныя». Наконецъ человѣкъ заключаетъ въ себѣ «все вышеописанное» и, кромѣ того, *разумъ*, «который можетъ господствовать надъ чувствованіемъ, такъ что можетъ настоящую болѣзнь обезоружить, ежели то нужно къ собственному совершенству».

Кромѣ приведенныхъ общихъ положеній, въ конспектѣ лекцій Шварца есть еще рядъ мыслей, представляющихся намъ теперь отдѣльными идеями, хотя, по всей вѣроятности, онѣ въ самыхъ чтеніяхъ профессора не стояли такъ одиноко. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Шварцъ полагалъ, что современное состояніе человѣка въ нашей жизни есть состояніе паденія. Есть три класса, или категоріи «падшихъ духовъ» (читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ рукописи): 1) дьяволы, 2) души животныхъ или звѣрей и стихійныхъ духовъ, и 3) души человѣческія.—«Мы, люди,—гнилые смердящіе сосуды, въ которыхъ все доброе, все чистое дѣлается кислымъ и смрад-

нымъ». Истина рѣдко доходитъ чистой до нашихъ духовныхъ силъ: «Въ орудіяхъ чувствованія, которое окипѣчено, повреждено, въ силѣ воображенія, которое полно скверныхъ образовъ, въ смыслѣ, который рабъ грубой чувственности, она столь преоблачается, столь обезображивается, что всегда почти есть страшное чудовище, прежде нежели проникнетъ въ душу».. Но, впрочемъ, эти соображенія о человѣкѣ сопровождаются оговоркой: души человѣческія «имѣютъ уже Божественную искру свѣта въ себѣ, водителя, который поведетъ ихъ къ Богу—къ истинному источнику свѣта».

Читатель помнитъ воспоминаніе Лабзина, что Шварцъ въ своихъ лекціяхъ разбиралъ и опровергалъ ученія философовъ матеріалистовъ. Въ конспектѣ его чтеній мы находимъ нѣсколько отдѣльныхъ мыслей его о «системѣ Гельвеціевой». Гельвецій полагалъ (говоритъ нашъ мыслитель), что «человѣкъ есть махина подобная часамъ». Но этому противорѣчитъ существованіе въ человѣкѣ «всегда дѣятельныхъ» силъ—разума, воли. Гельвецій чувствовалъ, что пока мы не докажемъ, что такихъ «дѣятельныхъ силъ» нѣтъ, нельзя доказать и «механическаго существованія»; и потому онъ напередъ предположилъ, что нѣтъ въ человѣкѣ этихъ силъ, а находятся въ немъ только силы «страдательныя». Единою и главною силой въ человѣкѣ онъ считалъ «чувственное, вещественное ощущеніе»; умственность же и совѣсть, по его мнѣнію, суть только «послѣдствія, результаты», а такъ какъ чувственное ощущеніе—страдательно, то самобытная дѣятельность совершенно чужда человѣческой природѣ и приходитъ «извнѣ, снаружи». «Изъ этого перваго и ложнаго правила (заключаетъ Шварцъ) производитъ онъ прочія нелѣпости и утверждаетъ ихъ онымъ».

Въ другомъ мѣстѣ рукописи мы встрѣчаемъ возраженіе на педагогическіе взгляды Гельвеція. Шварцъ опро-

вергаетъ мысли, что «добродѣтели и благополучіе народа происходятъ не отъ святости его религіи, но отъ мудрости его законовъ», и что будто религія имѣетъ мало вліянія «на добродѣтели и блаженство народовъ». «Законы могутъ насъ принудить быть граждански добрыми, но не могутъ насъ сдѣлать чистыми сердцемъ (говоритъ нашъ писатель). Никакіе законы не могутъ насъ принудить къ любленію враговъ. Сіе можетъ только одна религія». И невозможно, чтобы «подлинно святая религія» не производила святыхъ послѣдствій; какъ можетъ доброе не производить добра? Истинная премудрость приходитъ отъ Бога, безъ Бога нѣтъ мудрости.

Еще въ одномъ мѣстѣ рукописи къ сказанному о Гельвеціи прибавлено, что ему послѣдуютъ, во-первыхъ, тѣ читатели, «которые сами не размышляютъ изъ лѣности»; во-вторыхъ, «тѣ, которые живутъ въ непрестанномъ разсѣяніи», и, въ-третьихъ «управлямые страстями. Въ страстяхъ человѣкъ не видитъ,—онъ пьянъ».

Въ заключеніе приведемъ еще два положенія изъ разсматриваемаго конспекта. Одно говоритъ, что не слѣдуетъ опровергать тѣхъ «теоретическихъ предразсудковъ», на которыхъ основываются «практическія истины». Напримѣръ, «добродѣтель безконечно награждаема бываетъ здѣсь и въ будущемъ мірѣ. Порокъ безконечно наказуемъ бываетъ здѣсь и въ будущемъ мірѣ. Сія истина есть вѣчная истина. Кто ее чувствуетъ, не будетъ ли тотъ стараться быть добродѣтельнымъ? Но какимъ образомъ возможно объяснить ее простолюдину, который не имѣетъ случая духъ свой образовать для такихъ отвлеченныхъ чувствованій? Персіанину объясняютъ ее узкимъ мостомъ, непросвѣщенному христіанину адскимъ огнемъ. Кто искореняетъ сіи предразсудки, толь мудро первыми великими учителями, яко символическія представленія употребленныя, тотъ есть злодѣй. Онъ разрушаетъ тѣ огненные

маяки, посредствомъ которыхъ милліоны душъ прибыли благополучно къ райской пристани».

Другое положеніе отвергаетъ существованіе случайностей въ жизни. «Нѣтъ никакого случая (говоритъ мыслитель); всѣ дѣйствія имѣютъ свою естественную причину. Но человѣческая лѣность и гордость выдумали слова, ничего не значущія, дабы избавить себя отъ изысканій, или чтобъ прикрыть свое невѣжество. Сколько бы человѣкъ пріобрѣлъ отъ того только, если бы онъ при всякомъ дѣйствіи отыскивалъ причину онаго, а не принималъ бы за нее самое ближайшее движеніе».

Вотъ главныя мысли, извлеченныя нами изъ «Записокъ» И. Е. Шварца. Нигдѣ, можетъ быть, масонство не является, какъ теоретическое ученіе, въ такомъ чистомъ, въ такомъ почти привлекательномъ видѣ, какъ здѣсь. Это потому, во-первыхъ, что умъ Шварца, какъ мы видимъ, былъ умъ не только сильный, но еще возвышенный и чистый; во-вторыхъ, потому, что масонству отведено было въ системѣ Шварца, какъ мы можемъ догадываться по конспекту его чтеній, очень скромное мѣсто. Шварцъ, какъ ясно изъ вышеприведеннаго, вѣрилъ въ магію и въ астрологію, въ четыре стихіи и три начала, въ отвердѣніе свѣта въ драгоцѣнные металлы и брилліанты, въ дѣланіе золота и т. д. Но все это, всѣ эти мечты масонства онъ относилъ лишь къ физической, къ матеріальной сторонѣ жизни. Области жизни «душевной» и «духовной» оставались у него чистыми отъ этихъ бредней; онъ объяснялъ ихъ, эти высшія стороны человѣческаго бытія путемъ здравой мысли, руководимой указаніями священнаго писанія; онъ не впадалъ въ тотъ грубый матеріализмъ, какой мы зачастую замѣчаемъ у нашихъ масоновъ и въ масонствѣ вообще, забывшемъ духъ въ своемъ увлеченіи матеріальными благами и отождествившемъ его съ плотью.

Менѣе симпатичной личностью, чѣмъ Шварцъ, пред-

ставляется намъ другой изъ нашихъ выдающихся масоновъ — *Ив. Влад. Лопухинъ,* человѣкъ, однако, очень хорошій, извѣстный своей благотворительностью, одинъ изъ дѣятелей «Дружескаго Ученаго Общества». Онъ написалъ нѣсколько масонскихъ сочиненій. Такъ, къ 1791 году относится его книга «Духовный рыцарь или ищущій премудрости», къ 1798 г. «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви...» (2-ое изд. въ 1801, 3-ье въ 1816), къ 1793 году — «Нравоучительный катехизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ». Остановимся на этомъ послѣднемъ, довольно характерномъ произведеніи[1]). Лопухинъ имѣлъ здѣсь въ виду защитить масонство отъ взводимыхъ на него обвиненій, и потому старается показать, что орденское ученіе совершенно согласно съ христіанствомъ. Истинный франкъ-масонъ отличается «духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ» (учитъ «Катехизисъ»). Цѣль ордена франкъ-масоновъ «та же, что и цѣль истиннаго христіанства». А главный долгъ истиннаго франкъ-масона — «любить Бога паче всего и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе по примѣру св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа ради своихъ братій».—Такъ какъ масоны наши въ эпоху написанія «Катехизиса» подозрѣвались въ политическихъ замыслахъ, то Лопухинъ старается защитить орденъ и въ этомъ отношеніи. Франкъ-масонъ «долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому», читаемъ мы въ отвѣтѣ на 17-й вопросъ. А на вопросъ 18-й: «Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?» «Катехизисъ» отвѣчаетъ: «Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти».

[1]) Оно напечатано въ книгѣ Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты», въ Приложеніяхъ, стр. 055 и слѣд.

Эти послѣднія разъясненія, касающіяся отношеній русскихъ масоновъ къ правительству, совершенно правдивы и искренни, какъ доказало произведенное въ началѣ 90-хъ годовъ слѣдствіе надъ Новиковымъ и его товарищами. Но другой вопросъ — былъ ли вполнѣ искрененъ Лопухинъ, когда увѣрялъ въ своемъ «Катехизисѣ», что масонство тождественно съ христіанствомъ и истинный масонъ есть не что иное, какъ истинный христіанинъ? По крайней мѣрѣ, съ увѣреніемъ, что масонъ отличается отъ немасона только духомъ христіанскаго собратства, не вяжутся вѣрованія Лопухина, что масонство владѣетъ тайнами дѣлать золото и приготовлять универсальное лекарство и т. д. Такое вѣрованіе не высказано въ «Катехизисѣ» прямо и искренно; но на него сдѣланы довольно опредѣленные намеки. На вопросъ 16-й: «Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить оное таинство?» (т. е. таинство масонское), — дается отвѣтъ:

«Онъ долженъ быть таковъ, что, хотя бы имѣлъ *способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ* по примѣру древнихъ праотцевъ, со всѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить, не помогая себѣ, жесточайшую боль и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи *способомъ производить богатства всего міра*, и, имѣя средство бесѣдовать съ ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника свѣта, и, имѣя съ Іисусомъ Навиномъ *силу остановить солнце* и съ Иліею *отверзать и затворять небо,* считалъ бы себя менѣе всѣхъ и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не желалъ наслаждаться и на все бы рѣшился, если бы оное потребно для исполненія воли небеснаго своего Владыки».

Кромѣ подобныхъ вѣрованій въ тайныя науки и сверхъестественныя знанія, которыми будто бы обладаютъ братья вольные каменщики (и которыми имъ не для чего обладать, если они дѣйствительно смиренные христіане и люди духовной жизни, какъ говоритъ Лопухинъ), въ «Нравоучительномъ катехизисѣ» есть и еще одна чисто масонская черта: проповѣдь безусловнаго повиновенія млад-

шихъ братьевъ старшимъ, того повиновенія, которое открывало доступъ въ орденъ плутамъ и шарлатанамъ и губило порой простодушныхъ людей. Въ 20-мъ вопросѣ читаемъ: «Какъ истинный франкъ-масонъ долженъ поступать съ подвластными ему?» и на это дается такой отвѣтъ:

«Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія».

Проповѣдуя вѣру въ тайныя науки, наслѣдованныя орденомъ отъ среднихъ вѣковъ, проповѣдуя слѣпое повиновеніе старшимъ братьямъ, масонство оказывалось зачастую безсильнымъ нравственно возвышать человѣка. Духовная слабость его ярко выразилась, напр., въ личности самого Лопухина. Это былъ человѣкъ добрый, совершавшій много благодѣяній; но орденъ, въ которомъ онъ былъ ревностнымъ братомъ, не могъ, однако, навести его на мысль, что крѣпостное рабство есть зло, требующее уничтоженія, и что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ, такъ же имѣетъ и смыслъ, и чувство; а между тѣмъ масонство проповѣдовало равенство людей. Въ своихъ «Запискахъ» Лопухинъ находитъ, что надо помедлить съ освобожденіемъ крестьянъ, и очень свысока смотритъ на простаго человѣка:

«Я первый, можетъ быть, желаю (говоритъ онъ), чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы. Очень естественно сожалѣть не совсѣмъ оправившихся больныхъ, что они могутъ лишь гулять въ больничномъ саду и пить и ѣсть только разрѣшенное лѣкаремъ; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною свободою для всѣхъ; но дать ее прежде времени было бы ихъ же уморить» [1].

---

[1]) «Записки» Лопухина (Чтенія въ Общ. ист. и древ., 1860 г., кн. II и III), стр. 158—159.

Иначе относился къ крестьянскому вопросу Семенъ Ивановичъ *Гамалѣй*. Когда ему однажды въ награду по службѣ хотѣли дать помѣстье, онъ отказался отъ этого, потому что не считалъ себя вправѣ владѣть подобными себѣ людьми. Это былъ человѣкъ добрый и незлобивый, чуждый себялюбія. Но онъ представляетъ собою примѣръ отвлеченной суровости мистицизма. Въ 1836 году, въ Москвѣ издана книга его писемъ [1]). О характерѣ этихъ писемъ свидѣтельствуютъ эпиграфы къ нимъ: «Читай такія книги, кои болѣе производятъ сердечнаго сокрушенія, нежели занятія», и другой: «Кто желаетъ достигнуть жизни внутренней и духовной тотъ долженъ по примѣру Іисуса Христа уклоняться отъ толпы» (изъ Ѳомы Кемпійскаго).— Наставленія, которыя даетъ Гамалѣй въ своихъ письмахъ, отличаются возвышеннымъ характеромъ, Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ во 2-мъ письмѣ, что добрыя дѣла важнѣе пріобрѣтенія знаній и чтенія книгъ:

«Понеже царство Божіе состоитъ не въ словахъ, а въ силѣ, то сколько бы мы ни читали, ни слышали, ни списывали, ни говорили и ни писали другъ къ другу, однако ежели не принудимъ себя исполнять самымъ дѣломъ то, что знаемъ уже, то не будетъ намъ никакой пользы отъ всего чтенія и говоренія».

Та же мысль развивается и въ письмѣ 41-мъ:

«Дружеское письмо ваше (обращается Гамалѣй къ какому-то своему корреспонденту) подаетъ мнѣ поводъ содержаніемъ своимъ сообщить вамъ мои мысли о той опасности, которой можетъ человѣкъ подвергать себя, когда читаемое въ книгахъ беретъ на свой счетъ и думаетъ, что и онъ самъ таковъ, какъ въ книгахъ написано. Но ежели бы онъ прежде осмотрѣлъ себя: гдѣ онъ сердцемъ находится, т. е. чего онъ всегда хочетъ и какою пищею питается, къ тому и принадлежитъ, а именно—земною ли, адскою ли, или небесною пищею; то не могъ бы толь скоро погрѣшить въ сужденіи и оцѣненіи себя самого, какъ то бываетъ. 1) Земною пищею разумѣется—похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, яко духъ сего міра. 2) Адская пища получается изъ четырехъ адскихъ стихій: гордости, корыстолюбія, зависти, гнѣва и проч. 3) Небесная или райская пища получается отъ Духа Христова, который описанъ во св. Евангеліи, и есть любовь, смиреніе, терпѣніе и проч. Сіи три обмысля, человѣкъ можетъ безопаснѣе судить и цѣнить себя, сколь ни хорошія книги онъ читаетъ, ибо не въ знаніи, но въ исполненіи и житіи важность состоитъ.

[1]) «Письма С. И. Г.» М. 1836 г.

Все это вѣрныя и прекрасныя мысли; но понятыя и примѣненныя односторонне, онѣ повели Гамалѣя къ суровому отрицанію искусства (мы видѣли, какъ, по свидѣтельству художника Витберга, равнодушно и скептически отнесся онъ къ его проекту храма Христа Спасителя, къ занятію искусствомъ вообще), повели, быть можетъ, и къ отрицанію серьезнаго значенія науки и литературы: по крайней мѣрѣ, у Гамалѣя мы не встрѣчаемъ ничего, подобнаго отношенію къ знаніямъ Шварца, сказавшаго, что «хотя они и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего», но они «суть также дары, происходящіе отъ Бога», и благодаря имъ, человѣкъ «учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, чрезъ которое Богъ помощію сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ себѣ привлекаетъ».

То же можно сказать и про взглядъ Гамалѣя на человѣческую природу. Шварцъ считалъ ее, въ ея современномъ земномъ состояніи, падшей, поврежденной, обезображенной; но при этомъ онъ признавалъ, что въ душѣ человѣческой есть, однако, «Божественная искра свѣта», которая и поведетъ человѣка къ Богу. Гамалѣй смотрѣлъ суровѣе и безотраднѣе:

«Легко человѣку догадаться (писалъ онъ въ 41-мъ письмѣ), отъ кого онъ имѣетъ въ себѣ добрыя мысли, сколько бы онѣ малы и скоры ни были. Ибо онѣ не человѣческія, но суть дары и дѣйствіе Духа Христова, благодати Божіей; поелику все доброе только отъ Бога приходитъ, а не отъ твари».

Это—опять правда; правда, что безъ благодати нѣтъ спасенія, и своею единичною человѣческою силой человѣкъ не придетъ къ полной истинѣ; но суровый мистикъ не видитъ и не признаетъ, что не одинъ же мракъ въ нашей душѣ, что есть въ ней то доброе начало, которое влечетъ насъ къ молитвѣ о благодати.

Та же отвлеченная суровость и въ ученіи Гамалѣя о смиреніи, о неосужденіи ближняго. Въ 16-мъ письмѣ мы читаемъ:

«Если вмѣсто любви къ нимъ (т. е. къ другимъ людямъ) дѣлаюся

судіею ихъ и еще строгимъ, не подозрѣвая себя, то я вступаю не въ мое дѣло, иду туда, куда не посланъ, учу, кого не долженъ... А для меня гораздо бы лучше было, ежели бы я старался исполнять прежде на себѣ тѣ истины, которыя уже удостоился познать; а потомъ и другимъ въ любви сообщать, *не негодуя* притомъ на нихъ, ежели они не исполняютъ по моему мнѣнію; ибо они своему Господу стоятъ или падаютъ, который и силенъ есть возставить ихъ; *а я не буду отвѣтствовать за нихъ, а за себя;* потому и полезнѣе мнѣ наблюдать за собою».

Конечно, «не судите—да не судимы будете»—истина великая и безспорная; но къ ней въ приведенныхъ словахъ нашего мистика примѣшалось и нѣчто другое: въ нихъ отрицается негодованіе, праведный и честный гнѣвъ, а слѣдовательно и смѣхъ и сатира (какъ его результатъ); въ нихъ неосужденіе ближняго переходитъ даже въ эгоизмъ, въ отрицаніе заботы о другихъ и отвѣтственности за другихъ передъ Богомъ, въ проповѣдь заботы только о своемъ личномъ спасеніи.

Замѣчательно, что самъ Гамалѣй не выдерживаетъ этого правила—не судить другихъ, не негодовать на нихъ. Повидимому противорѣча себѣ, но на самомъ дѣлѣ безсознательно вѣрный своему суровому и мрачному взгляду, онъ, напр., обрушивается упреками на одного своего знакомаго, обратившагося къ нему за совѣтомъ, какъ воспитывать дѣтей. Это въ письмѣ 4-мъ:

«Толикая нерѣшительность въ дѣлѣ, о которомъ вы могли (пишетъ нашъ мистикъ) размышлять нѣсколько лѣтъ съ самаго того времени, какъ записали дѣтей въ службу, открываетъ невыгодную для васъ сторону. Если вы, столько читая и прочитывая, въ сей малости не рѣшилися прибѣгнуть къ Источнику свѣта и совѣта, то какъ осмѣлиться въ бòльшемъ прибѣгнуть къ Нему?»

и т. д., слѣдуютъ упреки и угрозы наказаніемъ Божіимъ; а просимаго совѣта такъ и не дается: духъ любви уступилъ мѣсто одному негодованію.

Такова своеобразная личность Сем. Ив. Гамалѣя. — Дальнѣйшее изученіе нашего масонства и сочиненій нашихъ мистиковъ познакомитъ насъ, конечно, лучше съ ихъ личностями, выступятъ передъ нами изъ мрака прошедшаго и новые для насъ, еще неизвѣстные, или мало-

извѣстные люди. Настоящее сочиненіе не имѣетъ, разумѣется, въ-виду исчерпать вопросъ; его задачей было — сдѣлать лишь общія указанія на одинъ изъ своеобразныхъ и оригинальныхъ видовъ литературы Екатерининской эпохи, на одно изъ замѣчательныхъ ея направленій.

Въ-заключеніе укажемъ еще на масонскій журналъ, выходившій въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1784 году, и печатавшійся въ типографіи Лопухина. Это—«*Магазинъ свободно-каменьщическій*» содержащій въ себѣ: «*Рѣчи, говоримыя въ собраніяхъ; пѣсни, письма и другія разныя... писанія стихами и прозою; въ 7 томахъ, а каждый томъ въ 3 частяхъ состоящій*». По свидѣтельству обращенія издателя (или редактора) къ читателямъ, назначеніе этого журнала состояло въ томъ, чтобъ и принятые въ масонскій орденъ, и посторонніе могли почерпать изъ него истинныя свѣдѣнія о масонствѣ.

Характеръ журнала—нравоучительный. Въ статьѣ 1-го же №, озаглавленной «Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ свободнаго каменьщичества», сказано: «Орденъ долженъ брать прибѣжище единственно ко власти нравоученія, и потому долженъ онъ стараться содѣлывать членовъ чувствительными и добродѣтельными» (Стр. 30). Нѣсколько далѣе въ той же статьѣ читаемъ: «Все таинство масоновъ состоитъ въ символическомъ наставленіи, что мораль только есть истинная наука, а истинная добродѣтель только общественная» (Стр. 44). Но, поставляя такъ высоко нравоученіе и принижая предъ нимъ науку, журналъ, выражающій этимъ одинъ изъ основныхъ признаковъ масонства, свидѣтельствуетъ въ то же время о нравственной несостоятельности ордена, о недовѣріи масоновъ къ своимъ нравственнымъ силамъ. Въ той же статьѣ «Опытъ о таинствахъ» сказано про нравственные законы ордена: «Для сохраненія сихъ законовъ въ ихъ силѣ и для предупрежденія разрушеній нужно было от-

далить прекрасный полъ». Съ этой чертой масонства мы уже встрѣчались: она довольно ярко свидѣтельствуетъ о несостоятельности одностороннихъ увлеченій.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ журналѣ знакомую уже намъ по «Нравоучительному катехизису» Лопухина проповѣдь слѣпаго повиновенія младшихъ братьевъ ордена старшимъ. Первая же статья журнала озаглавлена: «Разсужденіе о повиновеніи, которое есть дѣятельное покореніе воли нашей волѣ мастеровъ нашихъ; гордость и непослушаніе суть причины заблужденій нашихъ и суть препятствія, которыя мы полагаемъ самопроизвольно на пути нашемъ къ истинѣ». Въ статьѣ проводится идея, что повиновеніе нужно главнымъ образомъ потому, что у каждаго человѣка есть врожденная склонность владычествовать надъ другими. Замѣчательно, однако, что и здѣсь масонскій журналъ впадаетъ, самъ того, конечно, не замѣчая, въ противорчіе. Уча смиренію, онъ презрительно и высокомѣрно смотритъ въ то-же время на простой народъ: тѣ люды опасны (говоритъ онъ), «которые умѣютъ возмущать глупыя и несчастливыя страсти простой толпы», и нѣсколько далѣе (въ той же статьѣ «Опытъ о таинствахъ»): «ложи каменьщиковъ никому, кромѣ черни, не затворены».

Гордость,—говоритъ масонство своимъ журналомъ,—есть одна изъ причинъ заблужденій нашихъ и одно изъ препятствій на пути къ истинѣ. Гамалѣй, какъ мы видѣли, назвалъ гордость одною изъ адскихъ стихій. И вотъ въ эту-то гордость и впадало масонство, само того не сознавая. «Магазинъ Свободно-Каменьщическій» готовъ былъ поставить орденъ выше не только «гражданскихъ законовъ», что̀ еще понятно, но и выше самой религіи. что̀ уже есть безумное тщеславіе.

«Основатели масонства (говорится въ статьѣ «Опытъ о таинствахъ») главною цѣлію поставили себѣ то, чтобы возвратить человѣковъ къ первой ихъ натуральной добротѣ и заставить законы натуры прозябнуть паки въ сердцахъ ихъ въ величайшемъ совершенствѣ. Сія была также цѣль религіи,

ее же стараются достигнуть и гражданскіе законы всѣхъ возможныхъ образовъ правленія. Можетъ быть, «Свободному только Каменьщичеству извѣстны были истинные къ достиженію сего способы» (28—29).

Итакъ, масонство полагало, что оно можетъ сдѣлать то, что не подъ силу религіи. Дальше этого гордость идти не можетъ, и не можетъ быть бо́льшаго противорѣчія, какъ между проповѣдью смиренія и подобнымъ тщеславіемъ.

Нѣкоторые писатели относятъ къ масонской литературѣ еще журналы Новикова: «Утренній Свѣтъ», «Вечернюю Зарю», «Покоящійся Трудолюбецъ». Но такое мнѣніе ошибочно. Въ журналахъ этихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько (очень немного) масонскихъ статеекъ; но общее ихъ содержаніе и направленіе совсѣмъ инаго характера. Относительно «Утренняго Свѣта», выходившаго сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ отъ 1777 по 1780 годъ, надо, впрочемъ, сказать, что онъ нѣсколько прикосновененъ къ масонству. Новиковъ сталъ издавать его вскорѣ по вступленіи своемъ въ орденъ, и нѣкоторыя масонскія идеи отразились въ немъ: такъ, въ «Утреннемъ Свѣтѣ» мы не встрѣчаемъ сатиры (отъ которой масонство отрекалось, какъ намъ извѣстно), не встрѣчаемъ статей по общественнымъ вопросамъ (въ чемъ сказалась извѣстная отвлеченность масонства, отчужденіе его отъ жизни); а главное—въ журналѣ очень много (особенно въ первыхъ книжкахъ) нравоучительныхъ сочиненій, и, что особенно важно, прекрасныхъ сочиненій, направленныхъ противъ матеріалистической философіи, доказывающихъ безсмертіе души, существованіе духовнаго міра. Въ своемъ журналѣ «Утренній Свѣтъ» Новиковъ извлекъ изъ масонства то, что въ немъ было хорошаго, и избѣжалъ его темной стороны, его нелѣпыхъ вѣрованій.

Познакомившись съ нѣсколькими сочиненіями русскихъ масоновъ, сдѣлаемъ нѣкоторыя общія заключенія о нихъ. Что мы встрѣчаемъ въ этихъ сочиненіяхъ?

Свѣтлая сторона масонства, проповѣдь нравственности, борьба съ матеріалистическими идеями вѣка нашли свое выраженіе главнымъ образомъ въ журналѣ Новикова «Утренній Свѣтъ» и затѣмъ въ лекціяхъ Шварца, опровергавшаго своею возвышенной философіей идеи мыслителей матеріалистовъ. Возвышенныя нравоучительныя мысли видимъ мы еще въ письмахъ Гамалѣя; но въ нихъ мораль получила такой суровый видъ, отличается такимъ мрачнымъ характеромъ, что переходитъ въ отрицаніе искусства, науки и даже человѣколюбія. Еще дальше идетъ въ этомъ направленіи журналъ «Магазинъ Свободно-Каменьщическій»: поставивъ мораль и смиреніе выше всего, онъ, самъ того не замѣчая, впалъ въ безумную гордость. Односторонность, къ которой масонство всегда было склонно, граничитъ съ его нравственной несостоятельностью. Мы видѣли боязнь масоновъ допустить въ свою среду женщинъ. Мы видѣли, что масонство очень легко впадало въ презрѣніе къ простому народу, не смотря на свою проповѣдь равенства и братства: «Магазинъ Свободно - Каменьщическій» презрительно смотрѣлъ на «чернь»; одинъ изъ лучшихъ масоновъ, человѣкъ несомнѣнно добрый, Лопухинъ, находилъ нужнымъ не освобождать народъ, а «обуздывать» его.

Мистическія и фантастическія вѣрованія масонства, вѣрованія въ магію, въ дѣланіе золота и универсальнаго лекарства и т. д. были обычными въ средѣ нашихъ писателей-масоновъ. На нихъ ясно намекаетъ Лопухинъ въ своемъ «Нравоучительномъ Катехизисѣ». Имъ преданъ былъ и возвышенный мыслитель Шварцъ, хотя, какъ мы видѣли, онъ и ограничивалъ нѣсколько эти вѣрованія, относя ихъ только къ матеріальной сторонѣ человѣческой жизни.

Наконецъ, еще замѣчательная черта масонства—проповѣдь повиновенія старшимъ братьямъ ордена встрѣчается

у Лопухина въ его «Катехизисѣ», въ журналѣ «Магазинъ Свободно-Каменьщическій». Это масонское повиновеніе, слѣпое и безусловное, близко граничащее съ рабствомъ, не вяжется съ орденской проповѣдью братства и равенства людей.

Интересны нѣкоторыя черты сходства между масонствомъ и матеріалистической философіей XVIII вѣка. Проповѣдь масонами повиновенія мастерамъ, которые пекутся о младшихъ братьяхъ (по «Катехизису» Лопухина), какъ о неразумныхъ дѣтяхъ; высокомѣрное отношеніе ордена къ «черни», къ простымъ людямъ, тоже какъ къ неразумнымъ дѣтямъ, или даже какъ къ нравственно и умственно больнымъ существамъ; гордость масонства, все это напоминаетъ одно изъ основныхъ положеній матеріалистической философіи — идею такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма», по которой грубыя и глупыя толпы народа и общества должны слѣпо руководиться волею единичныхъ просвѣщенныхъ личностей, философовъ.

Поставленіе масонами морали, нравоученія выше науки и искусства напоминаетъ намъ педагогическія воззрѣнія мыслителей XVIII вѣка: идеи Локка, Руссо, Вольтера, нашего Бецкаго и императрицы Екатерины, — идеи, по которымъ пріобрѣтеніе знаній есть послѣднее дѣло, по которымъ знанія поставлялись не только ниже благонравія, но и ниже вѣжливости.

Мистическія вѣрованія масонства, разумѣется, противоположны скептицизму философіи прошлаго столѣтія и ея матеріалистическимъ вѣрованіямъ. Но замѣчательно, однако, что въ результатѣ и свободное каменьщичество, и матеріалистическая философія пришли, съ своихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, къ одному и тому же выводу: къ практическому матеріализму.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Херасковъ и его журналъ «Полезное Увеселеніе».

Мистическо-нравоучительное направленіе выразилось, какъ мы видѣли, въ литературѣ Екатерининской эпохи цѣлымъ рядомъ масонскихъ сочиненій; русскіе мистики-масоны переводили множество вольно-каменьщическихъ книгъ и сами сочиняли масонскія произведенія. Если бы, однако, дѣло ограничилось этимъ, мистическо-нравоучительное направленіе не имѣло бы значенія въ нашей литературѣ или значеніе его было бы слишкомъ неважно. Но направленіе это сказалось и въ сочиненіяхъ другаго рода, не спеціально орденскихъ, оно захватывало въ свое теченіе выдающихся писателей, и это придаетъ ему особый интересъ, выдвигаетъ его на такое же мѣсто въ нашей литературной жизни, какое занимало противоположное ему по духу и содержанію скептическо-матеріалистическое направленіе.

Въ настоящее время можно указать, по крайней мѣрѣ, на одного выдающагося писателя Екатерининскихъ временъ, который посвятилъ свой талантъ и всю свою литературную дѣятельность на служеніе духу нравоученія и мистицизма. Писатель этотъ, теперь почти забытый, но въ свое время знаменитый и славный, — Михаилъ Матвѣевичъ *Херасковъ*, авторъ двухъ героическихъ поэмъ — «Россіада» и «Владиміръ», которыми нѣкогда гордились наши прадѣды и дѣды. Писатель этотъ былъ однимъ изъ выдающихся нашихъ масоновъ [1]).

Литературная дѣятельность Хераскова, если приложить къ ней безотносительную мѣрку, конечно, не вы-

[1]) «Творенія Хераскова» изданы въ XII т.—Краткая біографія и списокъ сочиненій Хераскова, М. Лонгинова, см. въ Рус. Архивѣ 1873 г.

держиваетъ критики; «творенія» превыспренняго пѣвца «Россіады» не представляютъ для насъ безусловнаго интереса: Херасковъ не обладалъ такимъ сильнымъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Фонвизинъ, котораго «Недоросль» и даже «Бригадиръ» нѣкоторыми сторонами своими остались безсмертными, какъ Державинъ, нѣкоторыя оды котораго, или, точнѣе сказать, нѣкоторыя строфы нѣкоторыхъ одъ котораго сохранили и до нашего времени свой поэтическій смыслъ, свою художественную красоту и значительность. Но въ историческомъ смыслѣ Херасковъ очень важенъ, какъ крупный и несомнѣнно даровитый дѣятель своей эпохи; не даромъ онъ пользовался славой не только въ своемъ поколѣніи, но и въ поколѣніяхъ дальнѣйшихъ: глава слѣдующаго за Екатерининской эпохой періода литературы, первый по времени замѣчательный русскій критикъ и начинатель нашей литературной критики — Карамзинъ почти благоговѣйно относился къ Хераскову и его сочиненіямъ, къ его поэзіи, въ безусловномъ достоинствѣ которой онъ даже не сомнѣвался.

Не задаваясь цѣлью изслѣдовать всю дѣятельность автора «Россіады» и «Владиміра», остановимся на нѣкоторыхъ его характерныхъ произведеніяхъ и посмотримъ, какъ выразилось въ нихъ то мистическо-нравоучительное направленіе, которое боролось въ нашей жизни и литературѣ Екатерининскихъ временъ съ направленіемъ, тоже пришедшимъ изчужи, но отличавшимся совсѣмъ инымъ духомъ и характеромъ, — съ направленіемъ скептическо-матеріалистическимъ.

Херасковъ — писатель плодовитый и чрезвычайно разнообразный: онъ писалъ журнальныя статьи, былъ поэтъ, или, точнѣе, стихотворецъ, сочинялъ романы, драматическія произведенія, но вѣнцомъ его творчества современники признавали двѣ обширныхъ эпопеи въ стихахъ — «Россіада» и «Владиміръ».

Съ января 1760 по іюнь 1762 года Херасковъ издавалъ журналъ «Полезное Увеселеніе», въ первые два года въ-видѣ еженедѣльныхъ тетрадокъ, въ послѣднее полугодіе ежемѣсячными книжками. Кромѣ самого издателя и его жены, въ «Полезномъ Увеселеніи» принимали участіе различные писатели того времени и, главнымъ образомъ, студенты Московскаго университета, гдѣ тогда Херасковъ былъ ассессоромъ конференціи (впослѣдствіи онъ былъ «кураторомъ» университета); подъ различными статьями журнала мы встрѣчаемъ подписи: Дениса и Павла Фонвизиныхъ, Василія Приклонскаго, Николая Поповскаго, Андрея Нартова, Ипполита Богдановича, Василія Санковскаго, Алексѣя Ржевскаго, Якова Булгакова, Дмитрія Аничкова и другихъ.

«Полезное Увеселеніе» переполнено нравоучительными сочиненіями. Въ этомъ сказалось масонство Хераскова. Извѣстно, что вольно-каменьщическій орденъ требовалъ отъ братьевъ масоновъ слѣдованія добродѣтели и проповѣданія ея. Но извѣстно также, что масонская проповѣдь добродѣтели была отвлеченной, и потому зачастую безплодной и безполезной. Орденъ не понималъ и не чувствовалъ, что любовь къ добру родственна съ гнѣвомъ и негодованіемъ на зло. Масонство зачастую учило, что не нужно бороться со зломъ; отсюда его отрицаніе сатиры, возвышеннаго и благороднаго смѣха. Боязнь судить человѣка, хотя бы и порочнаго, переходила, вслѣдствіе такой односторонности масонскихъ воззрѣній, въ снисходительное отношеніе къ порочному, а затѣмъ и къ самому пороку; благородная въ своей основѣ идея, что человѣкъ долженъ прежде всего смотрѣть на себя: нѣтъ ли въ его собственной душѣ зла,—переходила незамѣтно въ эгоистическую заботу только о себѣ, о своей личности, и освобождала эту личность отъ всякихъ попеченій и тревогъ за другихъ,—пусть они живутъ какъ хотятъ, только бы я былъ

спасенъ: одна изъ тончайшихъ уловокъ себялюбія и гордости. И вотъ все это мы и встрѣчаемъ въ «Полезномъ Увеселеніи»; мораль журнала—мораль отвлеченная и холодная: недостатокъ гнѣва приводитъ къ недостатку любви.

Приведемъ изъ «Полезнаго Увеселенія» примѣры масонскаго отреченія отъ борьбы со зломъ.—Въ 1-мъ № втораго года журнала (1761) помѣщено, между прочимъ, стихотворное письмо Нарышкина къ А. Р. (Ржевскому).

Коль слабъ нашъ, Р..., умъ!

восклицаетъ авторъ,—

въ порокахъ утопая,
Винимъ другихъ дѣла, себя не понимая.
Не лучше ли свои пороки примѣчать
И добродѣтелью ихъ тщиться исправлять?
. . . .
Увидя въ комъ порокъ, смѣемся и ругаемъ:
Не добродѣтель тѣмъ, мы зло лишь размножаемъ.
Когда бы истинно другъ друга всякъ любилъ,
И то бъ за первую на свѣтѣ должность чтилъ:
Увидѣвъ бы въ другомъ порокъ, онъ не смѣялся,
Но убѣгать того порока самъ старался...

Мысль—обоюдоострая: человѣколюбіе и смиреніе въ ней перепутываются съ эгоизмомъ и заботою только о себѣ. Для насъ теперь, послѣ поэзіи Гоголя, соединившей въ себѣ такъ ясно и просто смѣхъ и негодованіе съ любовью къ человѣку и тоской по идеалѣ, все это понятно; но предки наши, подъ вліяніемъ мистическихъ идей, путались въ подобныхъ вопросахъ. Дальше въ стихотвореніи Нарышкинъ еще болѣе путается, еще болѣе отступаетъ отъ нравственной истины: онъ начинаетъ бояться осуждать не только порочнаго человѣка, но и самый порокъ:

Но что я дѣлаю?—

восклицаетъ онъ,—

пороки осуждаю,
А самъ тѣмъ болѣе я въ оныхъ утопаю.
О слабость, бѣдное участіе людей!

и онъ ищетъ утѣшенія и отрады въ чувствѣ дружбы:

Будь исправителемъ пороковъ днесь моихъ!—

обращается онъ къ другу.

Въ отвѣтномъ письмѣ Ржевскаго къ А. Н. (Нарышкину) идея о терпимости ко злу развивается еще далѣе и логически приводитъ автора къ примиренію съ житейской пошлостью, съ человѣческими пороками, которые уже называются имъ не «пороками», а болѣе мягкимъ именемъ — «слабостями». — Ржевскій находитъ, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какъ думаютъ суровые обличители этихъ «слабостей». Ошибаются тѣ, кто зовутъ его раемъ и всѣмъ въ немъ довольны; но точно также находятся въ заблужденіи и не видящіе въ немъ блаженства, считающіе его жилищемъ несчастій. Непросвѣщеніе (по мнѣнію Ржевскаго, видимо понимающаго просвѣщеніе въ масонскомъ смыслѣ слова) есть причина ошибочности обоихъ взглядовъ, или, какъ онъ энергически выражается, «развратныхъ мнѣній».

Потщимся мы сего, Н..., избѣжать,
Потщимся инако, мой другъ, мы разсуждать,—

поучаетъ онъ: свѣтъ съ его пороками вовсе не такъ худъ и съ нимъ легко примириться:

Довольно въ свѣтѣ семъ утѣхъ для человѣка,
Для нашей бренности, для временнаго вѣка.
. . . .
Хоть слабостямъ и всѣ утѣхи тѣ причастны;
Но мы и рождены всѣ слабости подвластны.

Далѣе еще яснѣе:

Мы смертны: слабости нельзя намъ не питать;
Лишь мѣры въ слабостяхъ мы должны наблюдать,—

т. е. нечего человѣку бороться съ порокомъ: пороки, или «слабости», свойственны нашей природѣ; надо только заботиться, чтобы они не вышли изъ границъ, а были *умѣренны*,—и въ такомъ случаѣ они перестаютъ быть зломъ, и даже ведутъ человѣка къ счастью, тоже, конечно, умѣренному,—къ «утѣхамъ» земной жизни, утѣхамъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, а не фантастическимъ, о которыхъ «развратно» и безумно мечтаютъ тѣ люди, которые «въ небесахъ блаженствъ жилище чаютъ».

Истинный редакторъ своего изданія, Херасковъ хорошо понималъ, что̀ помѣщалъ въ немъ: онъ самъ былъ согласенъ съ мнѣніями своихъ сотрудниковъ, мнѣніями, подобными приведеннымъ. Въ напечатанномъ въ томъ же 1-мъ № «Полезнаго Увеселенія» на 1761 годъ «Письмѣ М. Х.» онъ говоритъ, что ошибался, думая прежде, будто полезно и нужно обличать пороки.

«Намѣреніе, которое мы имѣли при изданіи (пишетъ онъ про свой журналъ)... клонилося къ защищенію добродѣтелей, къ *обличенію пороковъ* и увеселенію общества. Все сіе имѣло ли свое дѣйствіе, сумнѣваюсь. Вижу я безпристрастными глазами и съ внутреннимъ сожалѣніемъ, что порокъ обличенъ мало... Или сила сочиненій развратныя сердца слаба поразить была, или вредныя страсти такъ отвердѣли, что ихъ ничто поколебать не можетъ»...

Въ этихъ словахъ еще нѣтъ отреченія отъ сатиры, отъ смѣха и негодованія: неуспѣхъ «обличенія пороковъ» Херасковъ, повидимому, готовъ объяснять или слабостью сатиры своего журнала, или закоренѣлостью людскихъ страстей. Но далѣе онъ переходитъ уже на иную почву, начинаетъ разсуждать въ иномъ духѣ.

«Сіе бы привело въ отчаяніе (пишетъ онъ), если бы размышленіе не подало нѣкоего удовольствія и ободренія духу»,

и поясняетъ, что «размышленіе» привело его къ сознанію необходимости отказаться отъ сатиры и заняться лишь прославленіемъ добродѣтели: пускай пороки гибнутъ сами собой, пусть ихъ поразитъ собственная злоба, а намъ нужно прославлять добродѣтель.—Справедливость требуетъ однако, замѣтить, что здѣсь Херасковъ не дошелъ до тѣхъ крайностей, какія мы видѣли у его сотрудниковъ— Ржевскаго и Нарышкина, т. е. до откровеннаго примиренія и дружества съ порокомъ.

Замѣчательно, что мистическій журналъ «Полезное Увеселеніе» въ своихъ отношеніяхъ къ сатирѣ и злу совершенно сошелся съ вольтеріанскимъ журналомъ «Всякая Всячина»: оба изданія рекомендуютъ терпимость къ порокамъ, оба называютъ ихъ мягко «слабостями», оба про-

повѣдуютъ примиреніе съ пошлостью и мысль, что при такихъ условіяхъ можно очень и очень счастливо, или точнѣе, весело прожить въ этомъ мірѣ, гдѣ «слабости», при надлежащей умѣренности, обращаются даже въ нѣчто пріятное и полезное; оба изданія, наконецъ, прикрываютъ все это, болѣе или менѣе безсознательно, требованіемъ прославленія добродѣтели. Отвлеченный идеализмъ масонства сошелся съ практическимъ матеріализмомъ вольтеріанства.

Но замѣчательно также, что оба изданія не выдержали строго своей идеи о ненадобности сатиры, о ея вредѣ: въ обоихъ журналахъ встрѣчается сатира, и иногда довольно мѣткая, преимущественно на подъячихъ. Мы видѣли это во «Всякой Всячинѣ». «Полезное Увеселеніе» точно также, какъ журналъ императрицы Екатерины, не выдержало, въ этомъ смыслѣ, своего направленія. Подъячіе осмѣяны въ немъ, напримѣръ, въ статьѣ «Правосудіе» (въ 3 № 1761 г.), въ статьѣ «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» (въ № 15). Въ этомъ послѣднемъ, сочиненномъ нѣкіимъ Приклонскимъ, Миносъ ведетъ бесѣду съ сошедшимъ въ область Аида подъячимъ о томъ, чѣмъ онъ занимался, живя на землѣ.

«Моя должность на томъ свѣтѣ была (объясняетъ подъячій)... писать крючки, брать акциденцію, и протчее тому подобное дѣлать».

Если, однако, въ журналѣ Хераскова нашли себѣ выраженіе ложныя стороны отвлеченнаго масонскаго идеализма, то въ немъ сказалось и то, что было истиннаго въ мистическо-нравоучительномъ направленіи. Это, во-первыхъ, осужденіе вражды народовъ, войны, завоевательныхъ стремленій; во-вторыхъ — возвышенная мысль, что счастіе человѣка состоитъ въ спокойствіи совѣсти.—Отрицательное отношеніе къ войнѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ «Рѣчи Скиѳскаго посла», помѣщенной въ 5 № журнала за 1761 годъ. А заканчивается этотъ годъ одой

Хераскова «На человѣколюбіе», гдѣ читаемъ такіе прекрасные стихи:

Щастье ль видишь въ полномъ цвѣтѣ,—
Сердце онымъ не круши:
Щастья нѣтъ инова въ свѣтѣ,
Какъ спокойствіе души.

II.

Комедіи Хераскова «Безбожникъ» и «Ненавистникъ».

Нравоученіе и мистицизмъ, проникающіе журналъ Хераскова, мы находимъ и въ его драматическихъ произведеніяхъ, напр., въ напечатанныхъ въ X т. «Россійскаго Өеатра» комедіяхъ «*Безбожникъ*» и «*Ненавистникъ*». Въ обѣихъ пьесахъ проводится нравственная идея, карается зло.

Первая изъ этихъ комедій представлена была въ первый разъ въ Москвѣ въ 1761 году, вторая—въ Петербургѣ въ 1779 году.—Какъ драматическія произведенія, съ художественной точки зрѣнія, обѣ комедіи чрезвычайно слабы, даже, можно сказать, нелѣпы: сколько-нибудь живыхъ лицъ, сколько-нибудь удачнаго очерка характеровъ въ нихъ нѣтъ, герои ихъ—невѣроятные злодѣи, носящіе къ тому же невозможныя имена: Змѣядъ, Руфинъ и т. п.

Главное лице комедіи «Безбожникъ» — Руфинъ — отъявленный негодяй: онъ губитъ своего брата посредствомъ подложнаго политическаго письма, губитъ невѣсту, друга. Но въ концѣ пьесы онъ получаетъ достойное возмездіе: злодѣянія его неожиданно открываются, и онъ проваливается сквозь землю, отъ удара карающаго грома, въ ту самую минуту, когда злобно и самонадѣянно грозилъ погубить всѣхъ своихъ враговъ.

Замѣчательно, что самъ Руфинъ сознаетъ испорченность своей натуры, сознаетъ и причины этой испорчен-

ности: онъ обвиняетъ отца за то, что тотъ не далъ ему правильнаго воспитанія; онъ говоритъ, обращаясь къ отцу:

Когда бъ ты молодость мою сперва берегъ,
И не испортилъ духъ мой въ дѣтствѣ ядомъ нѣгъ,
Когда бъ воздерживалъ мою опасну волю:
Не могъ бы я терпѣть безчестной смерти долю.

Онъ хочетъ даже убить отца за свое дурное воспитаніе, приведшее къ развращенію и гибели. — По ходу и направленію пьесы видно, что самъ Херасковъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ своимъ героемъ, т. е. причину его нравственнаго паденія видитъ въ дурномъ воспитаніи. Но интересно, что пострадавшимъ за зло, наказаннымъ за него является только Руфинъ, нравственная кара не постигаетъ его отца, котораго и герой пьесы, и самъ авторъ считаютъ, однако, главнымъ виновникомъ зла. Здѣсь мы видимъ намекъ на нѣкоторую путаницу въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Хераскова, или выражаемаго имъ мистическо-нравоучительнаго направленія.

Шаткость нравственныхъ воззрѣній яснѣе выступаетъ въ другой комедіи — «Ненавистникъ». Герой ея, носящій фантастическое имя Змѣядъ, тоже отъявленный злодѣй, какъ Руфинъ въ комедіи «Безбожникъ», и его также въ концѣ пьесы постигаетъ достойная кара, хотя и не сверхъестественная: правительство лишаетъ его чиновъ и предписываетъ ему безвыѣздно, до смерти, жить въ деревнѣ; тогда онъ самъ сознаетъ справедливость наложеннаго на него наказанія и говоритъ:

Цѣлую руку, мнѣ погибель подписавшу,
И сердцу моему раскаянье подавшу.
Казнитесь мною вы, и возлюбите честь,
Когда подобные мнѣ люди въ свѣтѣ есть.

Все это, и такое внезапное самосознаніе и самообвиненіе Змѣяда, и такое неожиданное сомнѣніе его: есть ли въ свѣтѣ подобные ему злодѣи, все это чрезвычайно наивно въ пьесѣ. Но еще болѣе наивна проводимая въ ней авторомъ идея, будто противъ обмана можно дѣйствовать

обманомъ, противъ зла можно бороться зломъ же. Здѣсь очень опредѣленно обнаруживается передъ нами путаница въ нравственныхъ воззрѣніяхъ представителя мистическо-нравоучительнаго направленія, та самая путаница, которую мы видѣли и въ журналѣ «Полезное Увеселеніе». — Герой комедіи Змѣядъ хочетъ, по своимъ разсчетамъ, жениться на хорошей молодой дѣвушкѣ Пріятѣ, дочери Здоруста. Любящій Пріяту, идеальный молодой человѣкъ Милатъ, желая разрушить козни Змѣяда, вкрадывается путемъ обмана въ его довѣріе, входитъ въ его домъ подъ именемъ Стовида и притворно беретъ на себя должность его шпіона; онъ говоритъ:

Теперь я покажусь Змѣяду крайне дружнымъ,
Покорнымъ, ласковымъ, привѣтливымъ, услужнымъ.
Для гордыхъ сладостенъ и нуженъ сей приманъ,
И должно выводить обманами обманъ.

Очевидно, что подобнымъ разсужденіямъ и намѣреніямъ своего идеальнаго героя симпатизируетъ самъ авторъ пьесы.

Но, отдаваясь во власть духу масонскаго, мистическо-нравоучительнаго направленія, увлекаясь имъ до крайности, Херасковъ остается, однако, русскимъ человѣкомъ, — и въ его пьесахъ мы вдругъ, неожиданно встрѣчаемся съ проявленіемъ народнаго начала. Это начало совершенно не вяжется съ общимъ содержаніемъ и строемъ мистическо-нравоучительныхъ произведеній. Но самъ авторъ этого не замѣчаетъ, потому что народность его непосредственная, инстинктивная, и сознаніе его даже совсѣмъ не на ея сторонѣ. — Въ комедіи «Ненавистникъ» мы видимъ непосредственно-народный взглядъ на семью и на отношенія дѣтей къ родителямъ; что этотъ взглядъ, высказываемый нѣкоторыми лицами пьесы, принадлежитъ и самому автору, ясно изъ того обстоятельства, что народное представленіе и изображеніе семьи онъ соединяетъ съ довольно остроумнымъ и живымъ осмѣяніемъ модныхъ

французскихъ нравовъ. Отецъ Пріяты Здорустъ говоритъ Змѣяду (за котораго по наивности своей хотѣлъ было выдать дочку):

О, дочка у меня воспитана нарочно
Какъ будто бы для васъ, умно и безпорочно;
Не станетъ мыкаться съ двора на дворъ она,
Кроить и въ пяльцахъ шить она пріучена.
Мы съ матерью ея какъ ласточки сидѣли,
Другъ съ другомъ обнявшись, да все въ окно глядѣли,
Такъ можно перенять ей что-нибудь у насъ!..
Да, правда, нониче дѣвицы-то у васъ
Гораздо сдѣлались, я слышу, поумнѣе,—
Выходятъ замужъ съ тѣмъ, чтобъ только жить вольнѣе,
И будто разлучать женитьба насъ должна;
Мужъ въ сторону пойдетъ и въ сторону жена;
Не видитъ по году супругъ свою супругу,
Лытаютъ да и въ вѣкъ не встрѣтятся другъ другу;
А дочка у меня не такъ пріучена,—
Что мужъ глава женѣ, всегда твердитъ она.

Съ неподдѣльнымъ юморомъ изображаетъ Херасковъ модные нравы на французскій ладъ въ притворныхъ и хитрыхъ наставленіяхъ Стовида Змѣяду, какъ пріобрѣсти расположеніе Пріяты. Путая своего мнимаго друга, Стовидъ учитъ его:

Старайся ты внушать,
Дабы понятія Пріятины смѣшать,
Что дѣтская любовь всего на свѣтѣ ниже,
Любовь къ родителямъ, любовь къ ея роднымъ,
Что это подлостью считается въ Парижѣ,
Что это свойственно мѣщанкамъ лишь однимъ;
Что власть похитили тогда отцы надъ нами,
Когда мы связаны бывали пеленами.
Что мы не родились для рабскихъ имъ услугъ;
Что мать помощница и что отецъ намъ другъ;
Что дочери должны отцамъ предпочитаться,
Затѣмъ что дѣлаютъ не рѣдко щастье имъ;
И такъ, родители должны имъ поклоняться.
(Дѣйств. 2, явл. 1-е).

Продолжая свою роль, обманывая и путая Змѣяда, Стовидъ въ 3-мъ дѣйствіи пьесы разсказываетъ ему мнимую сцену съ Пріятой, увѣряя, будто бы предложенныя имъ наставленія подѣйствовали на дѣвушку. Эта сцена тоже отличается истиннымъ юморомъ.

Михаилъ Матвѣевичъ
ХЕРАСКОВЪ.

Изд. Н. Г. Мартынова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 Января 1889 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., д. № 45).

Забредила она Парижемъ при началѣ
И молвила отцу: ахъ, батюшка, подалѣ!
Не знаются съ дѣтьми во Франціи отцы,
Тамъ руки цѣловать даютъ одни купцы,
И плюнула въ него, какъ будто не нарошно;
Взбѣсился нашъ отецъ, а дочкѣ стало тошно,
И чтобъ разстроенный желудокъ подкрѣпить,
Спросила у меня стаканъ воды испить.

Присутствіе въ душѣ Хераскова народныхъ началъ сказывается еще въ одной чертѣ пьесы «Ненавистникъ»: это сочувственный взглядъ автора на простой народъ; Херасковъ подсмѣивается надъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ простымъ людямъ, надъ мыслью нѣкоторыхъ своихъ героевъ, что думать и учиться есть право только знатныхъ людей.

Въ 8 явл. I-го дѣйствія пьесы Змѣядъ говоритъ Здорусту:

Прилично ль подлости писаніе умѣть,
И дѣлать цѣлый свѣтъ ученымъ и понятнымъ!
Разсудками сіять пристойно не беззнатнымъ.

Наивный Здорустъ соглашается съ его мнѣніемъ:

Вотъ такъ-то грамотѣ ребята у меня
Учились у дьячка; да стали день отъ дня
Вести себя въ селѣ и жить при домѣ гаже;
Сперва они ко лжи, потомъ привыкли къ кражѣ.
Такъ это ради слугъ живой примѣръ у насъ,
Чтобъ имъ не толковать, что ижица, что азъ.

«Конечно»,—подтверждаетъ Змѣядъ,—
просвѣщать не всякаго годится.

III.

Эпопеи Хераскова.

«Россіада».

Обратимся теперь къ главнымъ произведеніямъ Хераскова, къ двумъ его эпопеямъ—«Россіада» и «Владиміръ». Это—ложно-классическія поэмы, послѣднія по времени изъ цѣлаго ряда такихъ сочиненій, появившихся въ разныхъ европейскихъ литературахъ въ подражаніе Иліадѣ. —Предки

наши гордились, что только у грековъ да у насъ по двѣ «эпическихъ поэмы», между тѣмъ какъ у другихъ народовъ по одной. Время показало, что наши «Россіада» и «Владиміръ», какъ героическія поэмы, гораздо слабѣе всѣхъ другихъ. Но для насъ теперь онѣ интересны по инымъ причинамъ,—не какъ поэтическое изображеніе героизма русскаго народа, а какъ выраженіе мистическо-нравоучительнаго направленія въ литературѣ Екатерининской эпохи. На эту сторону произведеній современники Хераскова и ближайшее потомство не обращали вниманія, они не видѣли ея; а въ ней-то и все дѣло.

«*Россіада*» повѣствуетъ о взятіи Казани царемъ Іоанномъ Грознымъ. Это событіе Херасковъ счелъ величайшимъ, или однимъ изъ величайшихъ въ нашей исторіи, счелъ его достойнымъ служить содержаніемъ эпопеи, подобно тому, какъ Троянская война послужила содержаніемъ Иліады.— На эту грубую историческую ошибку поэта было уже не разъ указано въ нашей литературѣ. Подобныя ошибки очевидны и въ частностяхъ поэмы; онѣ объясняются, съ одной стороны, слабостью исторической науки у насъ во времена Хераскова, съ другой стороны—наивностью поэта, или, лучше сказать, того литературнаго направленія, котораго онъ былъ представителемъ. За исторической истиной Херасковъ и не гонялся, относясь къ ней довольно свободно и, по-нашему, странно. Въ «Историческомъ предисловіи» къ «Россіадѣ» онъ говоритъ слѣдующее:

«Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятуютъ мои Читатели, что какъ въ эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣеписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ». (Твор. Хераскова, т. I. стр. XIII).

Эти «украшеніе» и «созиданіе» состоятъ, главнымъ образомъ, въ идеализированіи личности героя произведе-

нія—Іоанна Грознаго. Въ «Историческомъ предисловіи», нѣсколько ранѣе приведеннаго мѣста, послѣ упоминанія о томъ, что Іоаннъ III свергъ иго татарское, встрѣчаемъ мы такого рода историческія соображенія о тогдашнемъ состояніи Россіи и о значеніи царствованія и дѣятельности царя Іоанна IV: при Іоаннѣ III (говоритъ Херасковъ)

«царство Казанское... еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство,— сія важная и крутая перемѣна произошла при внукѣ Царскомъ Іоаннѣ Васильевичѣ Второмъ, который есть Герой сея Поэмы... Иностранные писатели, сложившіе нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицаютъ. Самъ Петръ Великій за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь не свойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю историкамъ на размышленіе». (Стр. X и XI).

Впрочемъ, оговаривается поэтъ, самъ, быть можетъ, замѣчая свою идеализацію героя поэмы,

«впрочемъ, безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ проименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащаго въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются». (Стр. XI).

Такъ добродушно и наивно отнесясь къ Іоанну Грозному, Херасковъ идетъ въ этомъ направленіи и далѣе: онъ идеализируетъ и опричниковъ, кромѣшниковъ царя Ивана (перенося ихъ, притомъ, изъ позднѣйшей эпохи въ болѣе раннюю): онъ называетъ ихъ «цвѣтомъ Іоаннова войска».

«Россіада», согласно съ масонскими воззрѣніями своего автора, есть поэма поучительная и назидательная; и такою Херасковъ хотѣлъ ее сдѣлать совершенно сознательно: онъ хотѣлъ соединить воедино героизмъ и нравоученіе. Высказанный имъ въ предисловіи взглядъ на «эпическія поэмы» свидѣтельствуетъ, что онъ требовалъ отъ этого рода сочиненій поучительности. Съ такой точки зрѣнія онъ довольно наивно судитъ «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо; онъ говоритъ:

«Армида въ Тассовомъ «Іерусалимѣ», прекрасная волшебница Армида есть душа сей неоцѣненной поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода восхитительны,—но не суть назидательны». (Стр. XV).

За то же отсутствіе назидательности осуждаетъ нашъ авторъ и «Генріаду» Вольтера. Но замѣчательно, что въ его приговорѣ надъ этой послѣдней выказалось все могущество вліянія Вольтера на современниковъ: мистикъ и масонъ не можетъ въ концѣ концовъ осудить произведеніе генія XVIII вѣка и самъ увлекается имъ. Вотъ слова Хераскова о французской «эпической поэмѣ»:

«Вольтеръ начинаетъ свою Генріаду убіеніемъ Генриха III и оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной религіи въ другую,—но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ».

Нравоучительная идея проходитъ черезъ всю «Россіаду». Общій смыслъ поэмы, выраженный въ короткихъ словахъ, тотъ, что добродѣтель и правая вѣра торжествуютъ надъ зломъ и заблужденіями. Въ частностяхъ своего произведенія Херасковъ постоянно съ любовью останавливается на примѣрахъ добродѣтели, прославляетъ нравственно-доблестныя дѣла. Такъ, въ 1-й и 2-й пѣсняхъ поэмы онъ подробно разсказываетъ о душевномъ перерожденіи Іоанна подъ вліяніемъ Адашева и чудесныхъ явленій; въ 6-й пѣсни возвеличиваетъ вѣрность мужу супруги хана Исканора и изображаетъ мрачными красками мученія совѣсти ренегата Сафгира; въ 11-й пѣсни рисуетъ, какъ великіе примѣры, достойные подражанія, готовность князя Палецкаго предпочесть казнь отреченію отъ Христа, и милосердіе Іоанна, пожалѣвшаго казнить татарскихъ плѣнниковъ.

Смѣшивая задачи поэта и проповѣдника, Херасковъ подрываетъ, конечно, этимъ самъ поэтическое достоинство своего сочиненія: вмѣсто картинъ, образовъ, лирическаго выраженія чувствъ онъ даетъ читателю нравоучительныя разсужденія и аллегорическіе разсказы въ стихахъ; притомъ разсужденія и разсказы эти по большей части мно-

гословны и холодны, а стихи тяжелы и неуклюжи. Но, однако, есть въ поэмѣ мѣста, гдѣ слышится жизнь и воодушевленіе, и эти мѣста не лишены положительныхъ достоинствъ. Такъ, напримѣръ, въ 7-й пѣсни Херасковъ устами Адашева съ истиннымъ сердечнымъ негодованіемъ говоритъ о льстецахъ, окружающихъ престолъ. Адашевъ обращается къ царю съ такою рѣчью:

Смотри, о Государь! на подданныхъ твоихъ:
Ты, можетъ быть, считалъ въ довольствѣ полномъ ихъ;
Льстецы, которые престолъ твой окружали,
Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
Когда бы ты чужимъ повѣрилъ словесамъ,
На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
Ты, ставъ бы уловленъ сѣтьми совѣтовъ вредныхъ,
Льстецовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрѣлъ бѣдныхъ».

И нѣсколько далѣе:

«Когда бы, Государь, вельможамъ ты повѣрилъ,
И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ:
Чрезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ,
И поздно бъ ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
Стонали бъ камни здѣсь, земля бы трепетала,
А лесть бы и тогда тебѣ хвалы сплетала!
Когда бы въ праздности ты былъ сихъ бѣдъ творцемъ,
Тебя бы нарекли ласкатели отцомъ».

То, что было возвышенно и прекрасно въ идеяхъ мистическо-нравоучительнаго направленія и что мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Хераскова,—отрицательное отношеніе къ войнѣ и кровопролитію и признаніе суетою земнаго величія и богатства, — мы встрѣчаемъ и въ «Россіадѣ». Вотъ, напримѣръ, какими конечно, нѣсколько тяжелыми, но несомнѣнно возвышенными и одушевленными стихами изображается въ поэмѣ битва:

«Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И человѣчество забыли человѣки!
Что было бъ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
Отрубленна рука, кровавый мечъ держаща,
Ни страшная глава, въ крови своей лежаща,
Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ,

Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ.
За что бы не хотѣлъ герой принять короны,
То дѣлаетъ теперь для царства обороны».

(Твор. Хераскова, ч. I, утр. 217).

Также прекрасно и возвышенно высказываетъ Херасковъ, въ началѣ 1-й пѣсни и въ пѣсни 7-й, мысль о духовномъ равенствѣ людей, о тщетѣ земнаго блеска, о суетности земной жизни:

«Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ.
Великіе моря, лѣса и грады скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская исчезла яко дымъ.
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бъ лучей ничто не помрачало.
Не можетъ счастія не меркнуть красота,—
И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста!»

(Пѣснь 7-ая).

Въ началѣ 1-й пѣсни поэмы Херасковъ, слѣдуя правиламъ ложно-классической теоріи поэзіи, говоритъ о содержаніи своего произведенія, и при этомъ довольно своеобразно обращается съ воззваніемъ къ «вѣчности»:

«Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета,
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ,
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ
Гдѣ рядомъ предстоятъ послѣдній рабъ съ царемъ,
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ,
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей!»

Нѣсколько далѣе въ той же 1-й пѣсни тѣнь князя Александра Тверскаго «вѣщаетъ» царю Іоанну такого рода нравственную истину:

«Ты властенъ все творить, тебѣ вѣщаетъ лесть;
Ты—рабъ отечества, вѣщаютъ долгъ и честь».

(Пѣснь I, стр. 8).

Подобныя приведеннымъ возвышенныя мысли, будучи выраженіемъ, главнымъ образомъ, нравственной стороны того литературнаго и жизненнаго направленія, которому

служилъ Херасковъ, отчасти вытекали и изъ мистическихъ вѣрованій этого направленія. Мистицизмъ—явленіе обоюдоострое: порой приводитъ онъ къ идеямъ и представленіямъ мрачнымъ, грубымъ или наивно-смѣшнымъ, порой подымаетъ человѣка на духовную высоту.

Мистическое, чудесное, подобно тому какъ и нравоученіе, проходитъ черезъ все содержаніе «Россіады». Царю Іоанну являются въ видѣніяхъ князь Александръ Тверской, св. Софія; какой-то таинственный старецъ даритъ Іоанну чудесный щитъ, долженствующій направлять царя къ добру и потускнѣть отъ его порока. На помощь русскимъ войскамъ сходятъ съ неба св. братья князья Борисъ и Глѣбъ. Царица казанская Сумбека совершаетъ чары. И вотъ здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выступаетъ передъ нами отрицательная сторона мистицизма Хераскова: съ такимъ одушевленіемъ повѣствуетъ поэтъ о чарахъ Сумбеки, такъ серьезно противополагаетъ онъ имъ дѣйствіе Божіей благодати и силы, что читатель недоумѣваетъ: не вѣритъ волшебству и чародѣйству самъ авторъ поэмы, или наивно вѣритъ ему? Почти такое же недоумѣніе возбуждаютъ и на каждомъ шагу встрѣчающіяся въ поэмѣ олицетворенія отвлеченныхъ нравственныхъ понятій: трудно сказать, поэтическіе ли тропы и фигуры передъ нами, или искреннія вѣрованія автора? Олицетворенія эти по большей части неизящны и даже грубы. Вотъ, напримѣръ, какими чертами нарисовано «Безбожіе»:

«Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ,
Тамъ, всѣхъ источникъ золъ, Безбожіе живетъ;
Оно геэнскими окружено струями,
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мірѣ все покажется тому;
Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ,

Рукой писателей неблагодушныхъ водитъ
И, ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца».
(Ч. I, стр. 130).

Вотъ черты, указывающія, что «Россіада» по духу и содержанію своему есть поэма мистическо-нравоучительная.

Но, отдавшись, какъ истинный масонъ, всей душой такому направленію, Херасковъ и въ первой эпической поэмѣ своей все-таки остается русскимъ человѣкомъ и патріотомъ. Любовь къ родной землѣ проникаетъ все произведеніе, выражаясь не только наивностями (въ-родѣ того, что поэтъ заставляетъ убитыхъ татаръ лежать лицемъ внизъ, между тѣмъ какъ всѣ убитые русскіе лежатъ вверхъ лицемъ), но и серьезно, и порой горячо. Херасковъ имѣлъ право сказать про свою поэму въ предисловіи къ ней:

«Читатель! ежели, проходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и, наконецъ, въ сладостный восторгъ не придетъ,—не читай мою Россіаду—она не для тебя—писана она для людей, умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ». (Т. I, стр. XVIII).

«Владиміръ».

Другая эпопея—«Владиміръ»—написана Херасковымъ въ 1785 году, т. е. шестью годами позже «Россіады». Въ этотъ промежутокъ времени Херасковъ еще дальше ушелъ въ духѣ своего направленія. Содержаніе для «Владиміра» выбралъ онъ болѣе удачно, чѣмъ для первой поэмы: крещеніе князя Владиміра и русскаго народа есть дѣйствительно величайшее историческое событіе, и потому совершенно подходитъ къ одному изъ главнѣйшихъ требованій теоріи «эпической поэмы». Но, сочиняя «Владиміра», поэтъ уже мало думалъ о героическомъ и не заботился объ его изображеніи; у него были совсѣмъ другія

цѣли. «Владиміръ» есть поэма совершенно мистическая и аллегорическо-нравоучительная. Самъ авторъ въ предисловіи къ своему творенію выдѣляетъ его изъ ряда эпопей; онъ говоритъ:

«Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего Владиміра, тому совѣтую, наипаче юношеству, читать оную не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ, по большей части, битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается». (Творенія Хераскова, т. II, стр. II).

Поэтъ самъ довольно точно опредѣляетъ въ томъ же предисловіи общій смыслъ поэмы; онъ говоритъ, что старался въ ней разъяснить «сокровенныя чувствованія души, съ самой собою борющейся». — Въ концѣ предисловія онъ указываетъ на то, что, слагая свое твореніе, онъ пользовался и соотвѣтственными поставленной цѣли источниками:

«Многія духовныя книги въ моемъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованія съ цѣломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ познаяъ опытомъ».

Содержаніе поэмы «Владиміръ» въ краткихъ чертахъ таково: варягъ-христіанинъ убѣждаетъ князя Владиміра креститься. Жрецы, въ отмщеніе за это, убиваютъ варяга и его сына; изъ служителей язычества особенно выдаются своей ревностью чародѣй Зломіръ и верховный жрецъ Пламидъ. Между тѣмъ, въ душу Владиміра уже запало сѣмя духовной истины. Но жрецамъ помогаютъ сами боги: они собираются на совѣщаніе въ храмѣ сластолюбивой Лады, и здѣсь, по предложенію Перуна, рѣшаютъ дѣйствовать на Владиміра соблазнами любви. Они достигаютъ того, что Владиміръ, дѣйствительно, влюбляется въ красавицу Версону, у которой уже есть женихъ, христіанинъ какъ и она, Законестъ. Но, хотя страсть овладѣла-было душой князя, добро, однако, восторжествовало

въ ней: Владиміръ самъ способствуетъ браку Законеста и Версоны и отпускаетъ ихъ на свободу — жить, гдѣ они хотятъ. Счастливые супруги поселяются въ блаженной райской мѣстности на берегу Днѣпра, живутъ здѣсь вполнѣ духовной жизнью, и тѣла ихъ преображаются, просвѣтляются, дѣлаются сіяющими и прозрачными, какъ у Адама и Евы до грѣхопаденія.—Владиміру приходитъ однажды мысль посѣтить Законеста и Версону. Старецъ Идолемъ даетъ ему таинственный свѣтильникъ, который долженъ на пути предохранять князя отъ разныхъ соблазновъ, предотвращать эти соблазны, и Владиміръ пускается въ дорогу. Въ это самое время къ Кіеву приближается Киръ, «пастырь вѣрныхъ душъ», который идетъ къ князю Владиміру, чтобы просвѣтить его христіанскою вѣрой. Язычники направляютъ тогда всѣ свои силы противъ Кира, и Зломіру удается обмануть его и запереть въ пещеру. Но самъ апостолъ Андрей освобождаетъ его и приводитъ затѣмъ къ Законесту и Версонѣ. Между тѣмъ, Владиміръ на пути своемъ встрѣчается съ соблазнами: его пытаются увлечь три женщины—олицетворенія любостяжанія, гордости и плотоугодія; на него идетъ еще одно «чудовище», которому поэтъ даетъ имя — «умственность здѣшня міра»; но руководимый и спасаемый своимъ чудеснымъ свѣтильникомъ, Владиміръ побѣждаетъ враговъ, достигаетъ цѣли своего путешествія и встрѣчается съ Киромъ. Киръ разсказываетъ ему объ адѣ. Владиміръ задумывается, но еще колеблется принять христіанство: онъ говоритъ Киру, что народу тяжело будетъ разстаться съ вѣрой предковъ, и проситъ проповѣдника подождать «малое время».—По возвращеніи Владиміра въ Кіевъ изъ странствованія военачальникъ Рогдай требуетъ, чтобы князь предпринялъ походъ на Херсонесъ; онъ говоритъ, что греки хитры, что они грабятъ суда и пловцовъ россійскихъ, что они, «нарушивъ договоръ, Россіянъ въ плѣнъ

берутъ». Владиміръ соглашается съ Рогдаемъ, идетъ въ походъ, осаждаетъ городъ Херсонесъ, и вмѣстѣ съ этимъ сватается за сестру императоровъ византійскихъ—Анну. Греческая царевна согласна выйдти за Владиміра, но условіемъ брака ставитъ принятіе русскимъ княземъ христіанства. Тогда Владиміръ рѣшается, наконецъ, креститься. И вотъ настаетъ послѣднее испытаніе: Киръ приказываетъ князю идти въ полночь въ христіанскій храмъ, куда будетъ указывать ему путь звѣзда; онъ говоритъ:

«Гряди единъ въ нощи, гряди къ святому храму,
Звѣзда къ нему тебѣ явитъ дорогу пряму;
Но глазъ не обращай къ мірскимъ вещамъ назадъ:
Готовитъ новые тебѣ соблазны адъ».

(Ч. II, стр. 274).

Въ самомъ дѣлѣ, чародѣй Зломіръ входитъ въ соглашеніе съ Рогдаемъ, и они хотятъ помѣшать Владиміру найти истину. Имъ удается, принявъ видъ отшельниковъ, завлечь князя въ языческій храмъ, и тамъ они начинаютъ учить его, что онъ долженъ имъ повиноваться. Владиміръ, думавшій первоначально, что попалъ туда, куда посылалъ его Киръ, сознаетъ свою ошибку и не поддается соблазну. Побѣдивъ на дальнѣйшемъ пути еще рядъ искушеній, онъ наконецъ приходитъ въ просто устроенную, безъ всякой роскоши, христіанскую церковь. Лазурная завѣса скрываетъ отъ глазъ князя златой престолъ этого храма. Владиміра беретъ любопытство, и онъ отдергиваетъ завѣсу; въ тотъ же моментъ онъ теряетъ зрѣніе. Тогда настала минута полнаго его обращенія: князь приноситъ Богу искреннее раскаяніе въ грѣхахъ, зоветъ къ себѣ Кира. Крещеніе исцѣляетъ Владиміра, возвращаетъ ему зрѣніе. Затѣмъ повѣствованіемъ о бракѣ князя съ царевной Анной заканчивается поэма.

Херасковъ попытался нарисовать въ своемъ произведеніи характеръ князя Владиміра. Попытку эту нельзя назвать, съ художественной точки зрѣнія, удачной. Но

интересно посмотрѣть, какія черты отмѣтилъ авторъ въ героѣ поэмы.—Главные недостатки Владиміра-язычника—славолюбіе и женолюбіе; онъ

«То громъ войны любилъ, то женски красоты».

Но и тогда уже высокая душа его чувствовала ложь подобныхъ увлеченій; онъ говоритъ въ началѣ поэмы, раскаяваясь въ своихъ грѣхахъ:

«Князь ли я? Не князь я—подлый рабъ!
На тронѣ силенъ я, но въ духѣ малъ и слабъ;
Мнѣ ль властвовать людьми!.. собою не умѣю!
. . . .
Владѣтелемъ земнымъ я славлюся вотще;
Я только бѣдный есмь невольникъ подлой страсти;
Полночный Государь у слабыхъ женъ во власти!»

(Т. II, стр. 39).

Владиміръ отличается здравымъ практическимъ смысломъ и разумной осторожностью. На предложеніе варяга-христіанина принять «Христовъ законъ», онъ отвѣчаетъ:

«О старче! я есмь Царь, но есмь и человѣкъ;
Мнѣ трудно во плоти безгрѣшнымъ учиниться;
Но праведнымъ хощу закономъ просвѣтиться;
Достигнуть зрѣлости не можетъ вдругъ никто:
Потребны опыты и время мнѣ на то».

(Т. II, стр. 6).

По отношенію къ подданнымъ Владиміръ—князь добрый, кроткій и любящій. Вопросъ о принятіи истинной вѣры для него не личный только вопросъ, но дѣло народное; поэтъ говоритъ про него:

«Отъ подданныхъ любимъ, онъ подданныхъ любилъ:
Въ болѣзненномъ тогда страданьѣ возопилъ:
Тотъ подданныхъ врагомъ и недругомъ явится,
Кто можетъ ихъ спасти, но ихъ спасать не тщится!»

(Т. II, стр. 27).

Мистицизмъ и нравоученіе тѣсно и неразрывно сливаются въ поэмѣ «Владиміръ».—Когда мистицизмъ есть проявленіе истинной вѣры, тогда онъ, дѣйствительно, можетъ служить основаніемъ нравственности, правды; тогда онъ не противорѣчитъ и разуму. Иное совсѣмъ дѣло, когда мистицизмъ есть выраженіе вѣрованій ложныхъ и

фанатическихъ. И вотъ въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ и является, въ большинствѣ случаевъ, во второй эпопеѣ Хераскова. Мы видѣли въ «Россіадѣ» странное олицетвореніе поэтомъ отвлеченныхъ понятій въ грубыхъ и непривлекательныхъ образахъ. Странность такихъ олицетвореній еще ярче бросается въ глаза во «Владимірѣ». Вотъ, напримѣръ, какой образъ далъ Херасковъ ненависти:

«Тамъ ненависть людей, ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя;
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится
И паки пищею свирѣпства становится».
(2 пѣснь, стр. 17).

Особенно замѣчательно и любопытно, въ ряду подобныхъ олицетвореній, отношеніе автора «Владиміра» къ дѣятельности ума человѣческаго, къ духу любознательности и пытливости. Какъ ревностный масонъ, Херасковъ отрицательно смотритъ на эту сторону духовной жизни человѣка. Особенно ненавистенъ ему скептицизмъ; сомнѣніе считаетъ онъ порожденіемъ дьявола, грубѣйшей частью мнѣній врага человѣческаго рода. Въ 10-й пѣсни поэмы мы встрѣчаемъ стихи:

«О! кто чудовище такое породилъ?
Кто ввилъ его въ сердца и въ мысляхъ расплодилъ?
То видя злость свою врагъ Божій истощенну
И на главу его всю ярость обращенну,
Изъ мнѣніевъ своихъ грубѣйшу часть извлекъ,
Одушевилъ ее, сомнѣніемъ нарекъ;
И мрака въ пеленахъ едва она явилась,
О бытіи своемъ во свѣтѣ усомнилась.
Взирая на него, сего грѣха отецъ
Въ сомнѣніе пришелъ, что онъ ея творецъ;
Сомнѣнью тѣсенъ адъ, изъ бездны адской вскорѣ
На землю потекло и разлилось какъ море».
(Стр. 138).

И не только сомнѣніе, поэту ненавистна вообще «умственность» человѣческая. Вотъ ея образъ въ поэмѣ:

«Чудовище огонь и дымъ изъ устъ метало;
Коснувшись облаковъ главой своей, оно
Изъ тварей въ мірѣ всѣхъ казалось сложено;
Стихія бурныя въ немъ зрѣлися смѣшенны,

То живы видѣлись, то жизни вдругъ лишенны;
То будто чистый день сіяли красотой,
То нощи пасмурной мрачились густотой;
На немъ и рубища, на немъ была порфира,
Кто былъ то?—умственность была то здѣшня міра».
(6 пѣснь, стр. 80).

Ужаснымъ представляется Хераскову духъ «пытливости» человѣческаго разума; поэтъ высказываетъ такое убѣжденіе:

«Что тайнъ Божественныхъ завѣсой покровенно,
Въ то смертнымъ проникать грѣшно и дерзновенно».
(18 пѣснь, стр. 291).

Когда князь Владиміръ въ поэмѣ входитъ въ храмъ, гдѣ душа его должна просвѣтиться и очиститься, его начинаетъ одолѣвать страшное искушеніе:

«Въ немъ духъ пытливости разсудокъ возжигаетъ.
Представилъ сладкимъ онъ Адамовъ мрачный грѣхъ,
Естественнѣй другихъ, но пагубнѣйшій всѣхъ».
(18 пѣснь, стр. 290).

Идя по ложной дорогѣ, мистицизмъ эпопеи «Владиміръ» граничитъ съ фантастическими бреднями. Мы встрѣчаемъ въ поэмѣ масонскія вѣрованія, вѣрованія въ разложеніе (а слѣдовательно и приготовленіе) золота и серебра, въ алхимію, астрологію, магію. Старецъ Идолемъ ведетъ князя Владиміра въ идеальную страну, и князь видитъ тамъ удивительныя вещи и явленія:

«Тамъ солнечны лучи, во златѣ заключенны,
Блистаютъ, изъ цѣпей тѣлесныхъ извлеченны;
Освобожденная душа сребра видна,
Блистающая такъ, какъ свѣтлая луна;
Металлы, получивъ изъ плѣна ихъ свободу,
Изображаютъ тамъ одну кристальну воду;
Всѣ вещи видимы душевныхъ для очей
Во первобытности существенно своей».
(7 пѣснь, стр. 93).

Описывая языческіе обряды и осуждая ихъ, авторъ «Владиміра» высказываетъ мысль, что

«Не сокровенную, священную магію,
Но черную ввели язычники въ Россію»,
(Стр. 125)

т. е. онъ признаетъ существованіе и могучее дѣйствіе масонской магіи. Онъ признаетъ и вліяніе звѣздъ на дѣла человѣческія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ начало 6-й пѣсни поэмы:

«Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силу естества питаютъ круги звѣздны,
И перстомъ Божіимъ посѣянное въ нихъ
На шаръ земный течетъ росой влiянье ихъ»...
и т. д.

Подобныя мѣста эпопеи напоминаютъ намъ масонскія книги въ родѣ «Химической псалтыри», — книги, въ которыхъ орденское ученіе выразилось въ нелѣпыхъ крайностяхъ своихъ странныхъ вѣрованій.

Эти вѣрованія масоновъ, какъ мы знаемъ, граничатъ съ грубымъ матеріализмомъ. И дѣйствительно, въ эпопеѣ «Владиміръ» мы встрѣчаемъ (хотя и не часто) матеріализмъ не только въ масонскихъ формахъ, но и въ иномъ видѣ. Таково, напримѣръ, то мѣсто произведенія, гдѣ разсказывается, какъ юнаго князя Всеволода соблазняли ниры и красавицы. Только таинственное зеркало, которымъ обладалъ Всеволодъ, спасло его отъ искушеній: личную нравственную силу и доблесть человѣка Херасковъ считаетъ ничтожными передъ могуществомъ земнаго соблазна; онъ говоритъ:

«Опустимъ завѣсу для нашихъ скромныхъ глазъ,
Да прелесть здѣшнихъ мѣстъ не соблазняетъ насъ;
Мы добры съ твердыми, съ строптивыми слабѣемъ,
Притомъ и зеркала стальнаго не имѣемъ.
Когда бъ и Всеволодъ зерцала не имѣлъ,
Давно бы къ Нимфамъ онъ въ бесѣду полетѣлъ».
(12 пѣс., стр. 172).

Нравственная слабость масонства, его боязнь борьбы со зломъ и нежеланіе этой борьбы сказались здѣсь въ ревностномъ послѣдователѣ вольнаго каменьщичества Херасковѣ.

Но, не смотря на все это, не смотря на то, что эпопея «Владиміръ» далеко ушла въ духѣ ложной стороны мистическо-нравоучительнаго направленія, въ ней

выразились, однако, и тѣ свѣтлыя идеи направленія, которыя мы видѣли, напримѣръ, въ «Россіадѣ».—Авторъ «Владиміра» тоже высказываетъ порою, и притомъ съ истиннымъ одушевленіемъ, мысль о тщетѣ и суетности земныхъ благъ, всего земнаго и временнаго. Въ 14-й пѣсни описывается, какъ ночь, наступившая послѣ сраженія, скрыла подъ своимъ покровомъ и побѣдителей, и побѣжденныхъ, затмила славныя и неславныя дѣла; это наводитъ поэта на размышленіе о непрочности земнаго человѣческаго счастія; онъ говоритъ:

«Такъ міра при концѣ дѣянія людей
Лишатся всѣхъ торжествъ и пышности своей;
Все будетъ въ вѣчности разрушенно, смѣшенно;
Лишь сердце чистое не будетъ погашенно».

(Стр. 198).

Въ другомъ мѣстѣ поэмы, въ пѣсни 17-й, мы встрѣчаемъ возвышенную мысль:

«Почувствуй всякъ теперь, кто златомъ ослѣпленъ,
Коль бѣдный прахъ оно, какой при нуждѣ тлѣнъ».

(Стр. 261).

Суету и тлѣнъ видитъ Херасковъ и въ завоевательныхъ мечтахъ и стремленіяхъ героевъ. Юный сынъ Владиміра Всеволодъ нашелъ въ таинственной долинѣ камни съ надписями именъ знаменитыхъ воителей; между прочими прочелъ онъ и имя Александра Македонскаго. Великій герой Греціи вызвалъ изъ души поэта такіе стихи:

«Александръ, вселенной побѣдитель,
Спокойства своего и ближняго рушитель;
Ему казалася вселенная тѣсна,
Но скрыла прахъ его земли пядень одна».

(13-я пѣснь, стр. 183).

Непорочность и чистота сердца, — вотъ, по мнѣнію Хераскова, единственныя вѣрныя блага на землѣ. Для человѣка съ непорочнымъ сердцемъ пустыня обращается въ вертоградъ, темница и даже самый адъ—въ спокойствіе.

Земное величіе—тоже суета. «Пастырь вѣрныхъ душъ» Киръ говоритъ князю Владиміру:

«Душевной гордостью, о князь! прельщенъ не буди;
Предъ Божіимъ судомъ равны, равны всѣ люди:
Вельможа, рабъ и царь сіяютъ въ Богѣ тамъ;
Не по величеству, Онъ судитъ по дѣламъ».
(Стр. 114).

«Едину всѣмъ отверзъ Господь къ Себѣ дорогу,
Пастухъ и царь идутъ чрезъ тѣсны двери къ Богу.
. . . .
Люби, люби людей, терпи, храни смиренье,
Душа твоя и плоть получатъ озаренье».
(Стр. 117).

Если въ «Россіадѣ» замѣтна наивность историческихъ взглядовъ Хераскова, то эта наивность, конечно, должна была проявиться, и еще ярче, и во «Владимірѣ», поэмѣ аллегорическаго характера и совершенно мистической. Мы это и видимъ. Такъ, напримѣръ, Херасковъ совершенно убѣжденъ въ существованіи въ древней Руси организованнаго сословія жрецовъ; жрецы эти представляются ему чрезвычайно могущественными и притомъ обманщиками, лицемѣрно поддерживающими въ народѣ вѣру въ идоловъ. А самое язычество называетъ онъ суевѣріемъ. Поэтъ говоритъ про «Россіянъ»:

«Толика ихъ была велика слѣпота,
Что вѣра въ идоловъ казалась имъ свята;
Жрецы мечту сію питали лицемѣрствомъ,
Народъ поддерживалъ постыднымъ суевѣрствомъ».
(Пѣснь 4-я, стр. 42).

И боговъ у нашихъ предковъ Херасковъ зналъ больше, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности; въ поэмѣ упоминаются: Хорсъ, Семирглъ, Купало, Зничъ, Лада, Дажбо, Чернобогъ и другіе.

Въ признаніи жрецовъ сознательными обманщиками мистикъ Херасковъ сошелся съ разсудочными воззрѣніями вольтеріанцевъ. Интересно, что онъ сошелся съ вольтеріанцами и во взглядѣ на народъ и отношеніе къ нему царской власти. Народъ въ поэмѣ «Владиміръ» названъ «унылымъ рабомъ закоренѣлыхъ мнѣній»; народъ — это

стадо, царь—его стражъ; царь—вѣтвистое древо, народъ—его тѣнь.

Оканчивая разсмотрѣніе поэмы «Владиміръ», мы должны обратить вниманіе еще на одну, очень важную черту въ ней.

Не смотря на всю отвлеченность, на чрезвычайное отдаленіе отъ жизни своей второй эпопеи, Херасковъ, однако, и въ ней не могъ не проявить присутствія въ своей душѣ народныхъ началъ, хотя это проявленіе и не такъ ярко, какъ въ «Россіадѣ». Оно сказалось, во-первыхъ, въ любви поэта къ родному народу; такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ поэмы онъ высказываетъ увѣренность, что каждый русскій человѣкъ готовъ жизнью постоять за родину:

«Полночны жители такого свойства суть,
Что къ бранямъ завсегда у нихъ готова грудь;
Оставя въ полѣ плугъ, изъ самыхъ нѣдръ покоя
Преображается оратель во героя».

(Стр. 149).

Конечно, въ этихъ стихахъ Херасковъ довольно наивно изображаетъ русскихъ народомъ воинственнымъ; но въ нихъ несомнѣнно слышится вѣра въ родной народъ.

Другою народной чертой, проявившейся въ эпопеѣ, надо считать здравый смыслъ, трезвый умъ, сказавшійся въ осужденіи поэтомъ фанатизма, — осужденіи, которое можетъ показаться даже страннымъ послѣ всѣхъ тѣхъ мистическихъ бредней и фантастическихъ вѣрованій, которыми переполнена поэма.

Вотъ какъ разсказываетъ Херасковъ о фанатизмѣ (образъ котораго видѣлъ Владиміръ въ храмѣ) и о томъ, какъ князь отрекся съ негодованіемъ отъ служенія этому фанатизму. Негодованію Владиміра, очевидно, сочувствуетъ самъ поэтъ:

«Свирѣпый фанатизмъ въ десной рукѣ держалъ
Багровой кровію дымящійся кинжалъ;
Перуны грозные у ногъ его лежали,
Передъ лицемъ его поклонники дрожали;

Но взоромъ иногда онъ смертныхъ обольщалъ,
И вдругъ, нахмуривъ взоръ, клевретамъ такъ вѣщалъ:
Глаголамъ кто моимъ не внемлетъ и не вѣритъ,
Отринутъ будетъ мной и весь мой гнѣвъ измѣритъ...
. . . .
Владиміру гласятъ: отсель не исходи!
Къ стопамъ небеснаго могущества пади.
Владиміръ въ духѣ твердъ, Владиміръ не слабѣетъ,
И преклонить колѣнъ стремленья не имѣетъ;
Не благочестіе, развраты въ мракѣ зритъ.
«Не преклоню колѣнъ»!—отважно говоритъ.
«Христовъ законъ людей не тяготитъ, не мучитъ,
Онъ ближняго любить, не ненавидѣть учитъ;
Отколѣ взяли вы преданья таковы?
Мессія весь любовь, не милосерды вы».
(18-я пѣснь, стр. 282 и 283).

Таковъ Херасковъ въ главныхъ своихъ произведеніяхъ. Масонъ, сильно увлекшійся орденскимъ ученіемъ, онъ былъ въ своей литературной дѣятельности несомнѣннымъ, яркимъ и полнымъ представителемъ мистическо-нравоучительнаго направленія, пришедшаго къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ масонствомъ. Онъ увлекся всѣми существенными идеями и положеніями этого направленія, истинными и ложными, добрыми и злыми. Мы видѣли въ его сочиненіяхъ, съ одной стороны, ложный мистицизмъ, порой доходящій до грубыхъ мечтаній и вѣрованій крайняго масонства, отвлеченное нравоученіе, холодное и сухое, чуждающееся жизни, борьбы, гнѣва и негодованія, нравоученіе, впадающее въ проповѣдь эгоизма подъ видомъ боязни осудить ближняго; съ другой стороны, передъ нами высказывались въ его «твореніяхъ» и возвышенныя мысли о тщетѣ и суетности земнаго блеска, величія, славы, могущества и богатства, мысли о лжи завоевательныхъ стремленій и о духовномъ равенствѣ всѣхъ людей, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ...

Подобно своимъ литературнымъ товарищамъ, писателямъ современникамъ, увлекавшимся инымъ направленіемъ

умственной жизни, служившимъ скептическо-матеріалистическимъ идеямъ, Херасковъ доходилъ до крайности въ своемъ увлеченіи иноземными вліяніями и вѣяніями, въ своемъ примѣненіи этихъ вѣяній къ русской литературѣ и жизни. Но, подобно тому, какъ и тѣ писатели, увлекаясь чужимъ и искренно переживая его, Херасковъ оставался, однако, человѣкомъ русскимъ, не терялъ вполнѣ почвы подъ ногами: мы видѣли, въ самыхъ даже отвлеченныхъ и далекихъ отъ русской дѣйствительности произведеніяхъ его и теплую любовь къ родной землѣ, и выраженіе народныхъ началъ, безсознательно жившихъ въ его душѣ. Отъ этого выходили въ его сочиненіяхъ противорѣчія; но Екатерининская эпоха еще не была временемъ гармоническаго сліянія въ нашей литературѣ чужихъ, пришлыхъ стихій духовной жизни съ нашими родными. Этому препятствовала, конечно, и самая страстность, съ какой усвоивали себѣ и переживали въ своей душѣ чужія начала наши писатели. Но въ этомъ не было, однако, ошибки: чтобы усвоить доброе и полезное изъ чужой жизни, надо искренно и горячо пережить самую эту чужую жизнь; и если, переживая ее, мы не перестаемъ быть въ то же время самими собою, то въ концѣ концовъ чужое очистится въ насъ отъ того, что было въ немъ ложнаго, и сольется съ нашимъ роднымъ, помогши и ему освободиться отъ примѣси неправды. — Херасковъ увлекался до крайности пришлыми началами, какъ и другіе наши писатели... Но есть небезъосновательное мнѣніе, что и въ самой крайности увлеченій русскихъ людей сказывается одно изъ оригинальныхъ и самобытныхъ свойствъ нашей народности.

НЕПОСРЕДСТВЕННО-НАРОДНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Народность въ литературѣ.

Наша литература Екатерининскихъ временъ была несомнѣнно подъ сильнымъ воздѣйствіемъ западно-европейскихъ идей и литературныхъ явленій. Въ ней развивались и боролись, какъ мы видѣли, два направленія, возникшія подъ иноземными вліяніями: скептическо-матеріалистическое и мистическо-нравоучительное. То и другое выразились въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ произведеній, захватили въ свое теченіе нѣсколькихъ даровитыхъ писателей. Но отсюда еще никакъ нельзя заключать, что наша литература Екатерининскаго вѣка была подражательная. Наряду, параллельно съ направленіями иноземнаго характера въ ней жило и развивалось направленіе наше самобытное, русское, въ которомъ сказались духовныя начала, наслѣдованныя русскимъ обществомъ отъ предковъ, отъ Руси до-Петровской. Направленіе это было, какъ и все въ той литературной эпохѣ, безсознательнымъ. Но оно жило сильной жизнью и выразилось въ дѣятельности замѣчательныхъ писателей. Писатели—представители его были, однако, людьми, дѣйствовавшими

инстинктивно: вмѣстѣ съ народными началами мы видимъ въ ихъ сочиненіяхъ и идеи заимствованныя съ Запада (точно такъ же, какъ въ дѣятельности представителей скептическо-матеріалистическаго или мистическо-нравоучительнаго направленія мы видѣли и безсознательное выраженіе народныхъ началъ, какъ, напримѣръ, у императрицы Екатерины, у Хераскова). Три направленія литературы шли параллельно, порой враждебно сталкиваясь между собою, порой какъ-то странно сливаясь; литературныя личности съ опредѣленнымъ кругозоромъ идей, съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ еще въ ту пору у насъ не обозначались, и бывало, что одинъ и тотъ же писатель выражалъ въ своихъ сочиненіяхъ прямо противоположные другъ другу идеалы и взгляды; таковъ, напримѣръ, былъ Василій Майковъ.

Народная стихія въ литературѣ Екатерининскихъ временъ была непосредственно-народная, со всѣмъ добромъ и зломъ, со всею правдой и ложью, которыя есть въ народномъ началѣ; эту стихію не озаряло сознаніе носившихъ ее писателей. Жизненная сила входила въ литературную жизнь какъ бы сама собою, безъ провѣряющаго ее свѣта высшаго идеала.—Былъ тогда въ литературѣ и этотъ высшій идеалъ; но онъ сказывался въ дѣятельности не всѣхъ выдававшихся, даровитыхъ писателей, а лишь избранныхъ, о которыхъ рѣчь впереди; ихъ было только двое: безсознательный поэтъ Державинъ и сознательный носитель и проповѣдникъ высокихъ началъ, великій подвижникъ русскаго просвѣщенія—Новиковъ.

Народное направленіе... Здѣсь прежде всего является вопросъ: что̀ нужно разумѣть подъ народными началами въ литературныхъ произведеніяхъ? Народность въ литературѣ понимаютъ двояко: или какъ изображеніе народной, т. е. собственно простонародной, жизни, или какъ изображеніе жизни съ народной точки зрѣнія, когда пи-

сатель проникнуть народнымъ духомъ, народнымъ міросозерцаніемъ. Второе опредѣленіе, разумѣется, и шире, и вѣрнѣе, ибо первое говоритъ лишь о внѣшней сторонѣ дѣла, и можно, изображая народную жизнь, быть душею далекимъ отъ нея и не понимать ее; такъ, напримѣръ, комическія оперы прошедшаго вѣка рисовали русскихъ крестьянъ въ сантиментально-идиллическомъ свѣтѣ. Второе опредѣленіе относится къ сущности вопроса; притомъ оно заключаетъ въ себѣ и первое: нельзя не замѣтить, что обыкновенно, если уже въ литературу проникли народные взгляды, то писатели съ особенной любовью берутъ и содержаніе изъ народной жизни, хотя и далеко не исключительно изъ нея.

Но въ чемъ же состоитъ народное міросозерцаніе? какъ его опредѣлить? и гдѣ можно найти народные идеалы, народные взгляды?

Ихъ нужно искать, разумѣется, въ народномъ творчествѣ, въ народной поэзіи, и прежде всего, конечно, въ томъ видѣ этой поэзіи, который попреимуществу выражаетъ особенности народнаго характера, ибо слагался у народовъ въ ту пору, когда они уже опредѣленно обособились другъ отъ друга, т. е. въ богатырскомъ, или героическомъ эпосѣ. Народное значеніе нашего русскаго богатырскаго эпоса разъяснено цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ изслѣдованій. Здѣсь важны труды: гг. Буслаева, Ор. Миллера, Л. Майкова, Квашнина-Самарина, Веселовскаго, и друг. Первое по времени изслѣдованіе принадлежитъ Константину Аксакову, это—его превосходная статья «Богатыри временъ великаго князя Владиміра» [1]). По немногимъ еще тогда извѣстнымъ варіантамъ былинъ К. Аксаковъ опредѣлилъ особенности русскаго эпоса, и его сочиненіе можно назвать геніальнымъ прозрѣніемъ въ сущность дѣла.

[1]) Сочиненія К. С. Аксакова, т. I, М. 1861 г.

Посмотримъ же, какія народныя воззрѣнія можно подмѣтить въ нашихъ былинахъ?—Русскій богатырскій эпосъ высоко ставитъ семейное начало. Наши богатыри отличаются любовью и уваженіемъ къ родителямъ. Илья Муромецъ ѣдетъ на подвиги не иначе, какъ съ благословенія отца. Добрыня Никитичъ благоговѣйно уважаетъ мать; онъ простилъ Алешу Поповича за себя, когда тотъ хотѣлъ обманомъ жениться на его женѣ, Настасьѣ Микулишнѣ; но онъ не прощаетъ Алешу за то, что онъ заставилъ плакать его мать, привезя изъ поля ложное извѣстіе о Добрыниной смерти. Даже буйный новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ, не знающій удержа своей грубой силѣ и своимъ страстямъ, даже онъ уважаетъ мать: она одна только могла остановить устроенное имъ на Волховскомъ мосту смертное побоище, ея онъ послушался и укротилъ свое сердце; собираясь подъ-старость ѣхать въ Святую землю, онъ къ ней же пришелъ за благословеніемъ.—То же чувство уваженія и любви къ матери изображаетъ народъ и въ другомъ видѣ своей поэзіи, въ духовныхъ стихахъ; съ особенной симпатіей повѣствуется въ этихъ стихахъ о взаимной любви Сына—Христа и Матери Его—Пресвятой Дѣвы. Въ «Книгѣ Голубиной» есть такое высоко-поэтическое мѣсто о плакунъ-травѣ:

Почему плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати?
Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь Его пролили,
Мать Пречистая Богородица
По Іисусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну, по возлюбленномъ,
Ронила слезы пречистыя
На матушку, на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.

Въ Христѣ, въ идеалѣ всего добраго, народъ прежде всего видитъ горячо-любящаго сына. Въ стихѣ о Распятіи, страдая на крестѣ, Христосъ утѣшаетъ плачущую мать:

Не крoти, мати, своей красы,
Не скорби свое лицо бѣло,
Не слези свои очи ясны.
По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, мати, плачутъ рѣки и моря...

Онъ утѣшаетъ Пресвятую Дѣву предсказаніемъ своего воскресенія.—Въ стихѣ «О страшномъ судѣ» есть чудесный поэтическій эпизодъ въ такомъ же духѣ. Грѣшники просятъ обозрѣвающую адскія муки Богородицу ходатайствовать за нихъ предъ Сыномъ-Христомъ о прощеніи. Матерь Божія, сжалившись надъ ними, обращается съ молитвою къ Сыну:

Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать.

Помиловать грѣшниковъ, оказывается, можно не иначе, какъ посредствомъ новаго искупленія, новыхъ крестныхъ страданій, и, любящій сынъ, Христосъ готовъ ради матери на новыя муки на крестѣ. Но Онъ знаетъ, что эти муки будутъ тяжелы для нея, и, изъявляя согласіе простить грѣшниковъ, Онъ спрашиваетъ ее: да можешь ли видѣть Меня вторично распятымъ? Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ, что это свыше ея силъ; безконечно любящая мать, она еще до сихъ поръ не могла забыть крестныхъ мученій сына и не въ состояніи вновь выпить ту же горькую чашу; она отказывается отъ своего ходатайства за грѣшниковъ.

Иное изъ приведеннаго въ народной нашей поэзіи и не вымышлено самимъ русскимъ народомъ, а заимствовано отъ другихъ народовъ или изъ книжныхъ источниковъ. Но это не измѣняетъ существа дѣла; важенъ общій характеръ поэзіи; важно то обстоятельство, что на разсказахъ о взаимной любви сына и родителей народъ нашъ останавливается, самъ ли онъ придумалъ эти разсказы, или заимствовалъ ихъ, останавливается съ особенной любовью.

И то же глубокое сочувствіе къ семейному началу

видимъ мы и въ творчествѣ нашихъ поэтовъ. Вспомнимъ Пушкина. Въ «Онѣгинѣ», въ изображеніи семьи Лариныхъ, сквозь ироническое, повидимому, отношеніе къ этимъ простымъ людямъ слышится затаенная симпатія къ ихъ жизни, къ ихъ взаимной привязанности другъ къ другу. Уже въ первой главѣ романа поэтъ начинаетъ мечтать о томъ времени, когда примется за «поэму пѣсенъ въ двадцать пять», поэму съ мирнымъ семейнымъ характеромъ. А далѣе онъ положительно обѣщаетъ написать «романъ на старый ладъ».

Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ....

Исполненіемъ этого обѣщанія, выполненіемъ этой программы и явилась потомъ великая повѣсть «Капитанская дочка», эта (по справедливому выраженію Апол. Григорьева) семейная хроника, гдѣ съ такой любовью и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ нарисованы семейные нравы, безпредѣльная преданность другъ другу мужа и жены, безпредѣльная любовь ихъ къ дочери и дочери къ нимъ.

Чувство материнской любви и чувство любви сына къ матери—одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; это чувство вызвало изъ его души наиболѣе искреннія и сердечныя стихотворенія; такова, напримѣръ, элегія

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Подобнаго рода стихотвореній у Некрасова немало, и они представляютъ собою лучшія явленія его лирики.— Извѣстно, какое великое значеніе семейному началу придаетъ въ своемъ творчествѣ гр. Л. Н. Толстой, напримѣръ, въ повѣсти «Семейное счастье», въ романѣ «Война и миръ». Идеалъ жизни находитъ онъ именно въ семьѣ.

Другая характерная черта нашихъ народныхъ воззрѣній, опредѣленно, рѣзко замѣтная въ героическомъ эпосѣ, есть отсутствіе аристократизма.

Въ Кіевъ, къ князю Владиміру, послужить Русской землѣ, съѣзжаются богатыри съ разныхъ концовъ Руси. Богатыри эти вышли изъ разныхъ сословій. Изъ Новгорода пріѣхалъ Добрыня Никитичъ, витязь княжескаго рода, племянникъ Владиміра; изъ села Карачарова, изъ-подъ города Мурома прибылъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ; изъ Ростова пріѣхалъ Алеша Поповичъ, сынъ «соборнаго попа Ростовскаго»; изъ-подъ Кіева изъ своего помѣстья переселился въ стольный городъ помѣщикъ Чурило Пленковичъ; сидитъ на пиру у «ласковаго князя» и богатырь купеческаго рода—Иванъ Гостиный сынъ... И всѣхъ ихъ Владиміръ князь встрѣчаетъ ласково, всѣмъ имъ, безъ различія происхожденія, одинаковый почетъ

отъ князя. Обыкновенно Владиміръ предлагаетъ новопріѣхавшему богатырю занять за столомъ какое хочетъ мѣсто: или по роду, или по подвигамъ, или гдѣ придется; и обыкновенно богатырь избираетъ послѣднее. Наши витязи не тщеславятся своимъ родомъ, и почти всѣ между собою, не разбирая происхожденія, братья названные; такъ, въ знакъ братства помѣнялись крестами Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ; побратался Илья Муромецъ и съ Алешей Поповичемъ. И замѣчательно при этомъ, что главнымъ богатыремъ въ нашихъ пѣсняхъ является крестьянскій сынъ—Илья, и это главенство спокойно и безспорно признаютъ всѣ другіе витязи. На отсутствіе аристократизма въ нашемъ эпосѣ указываетъ и то обстоятельство, что у лучшихъ, у главныхъ изъ нашихъ богатырей нѣтъ дружины и нѣтъ слугъ; и Илья Муромецъ, и Добрыня Никитичъ сами все дѣлаютъ, сами работаютъ, защищая вѣру христіанскую и землю Русскую. Если же у такихъ богатырей, какъ Василій Буслаевичъ, Чурило Пленковичъ, есть дружина, если Алеша Поповичъ поработилъ себѣ глуповатаго Якима Ивановича и обращается съ нимъ, какъ со слугою, то эта черта властолюбія въ названныхъ богатыряхъ—вовсе не народная черта: и Василій, и Чурило, и Алеша Поповичъ не пользуются въ пѣсняхъ уваженіемъ народа и не стоятъ въ нашемъ эпосѣ нравственно высоко, они изображены эгоистами и пѣсни зачастую рисуютъ ихъ въ комическомъ освѣщеніи.—Замѣчательно, что въ древней Руси народные идеалы были и идеалами лучшихъ изъ князей; такъ, Владиміръ Мономахъ въ «Поученіи» совѣтуетъ дѣтямъ своимъ во все входить самимъ, самимъ все дѣлать, не полагаясь на слугъ.

У нашихъ поэтовъ тоже нѣтъ аристократическихъ тенденцій, нѣтъ даже въ такой ихъ благородной формѣ, какъ, напримѣръ, у Байрона, возвеличивавшаго въ своей поэзіи эгоистическую и гордую личность. Наши поэты,

напротивъ того, развѣнчиваютъ и изобличаютъ гордость и тщеславіе. Такъ, Пушкинъ развѣнчалъ своего Онѣгина, осудилъ его эгоизмъ судомъ поэтической правды. Изъ крупныхъ писателей нашихъ одинъ только Лермонтовъ не отличается этой нравственной ясностью взгляда; но и онъ, хотя увлекался Печоринымъ и идеализировалъ его гордость, безсознательно противоположилъ, однако, своему любимому герою добраго и простодушнаго Максима Максимыча.—Наши поэты отличаются любовью къ изображенію простыхъ и смиренныхъ людей; извѣстно, какъ такимъ людямъ сочувствуетъ, напримѣръ, графъ Л. Н. Толстой, только въ нихъ и видящій правду души человѣческой. Симпатіи къ такимъ людямъ начались въ нашей литературѣ давно, выразившись съ художественной яркостью еще въ «Капитанской дочкѣ» Пушкина.

Отсутствіе аристократизма, скептическое отношеніе къ человѣческой гордости тѣсно связаны въ нашемъ народномъ характерѣ съ одною изъ его главныхъ чертъ—добродушіемъ. И то же добродушіе сказывается въ предпочтеніи народомъ мирнаго земледѣльческаго труда военному дѣлу. Это мы видимъ въ богатырскомъ эпосѣ въ пѣсняхъ о старшихъ богатыряхъ. Пахарь Микула Селяниновичъ оказывается сильнѣе богатырей воиновъ-кочевниковъ Святогора и Вольги.—То же выражается и въ пѣсняхъ о богатыряхъ младшихъ. Главный изъ героевъ нашего эпоса Илья Муромецъ не любитъ войны; онъ, правда, всю жизнь проводитъ въ битвахъ, но онъ сражается не изъ любви къ бою, а лишь по необходимости, защищая родную землю отъ нападающихъ на нее враговъ; притомъ ему тяжело убивать людей: гдѣ можно, тамъ онъ щадитъ и врага, какъ, напримѣръ, пощадилъ Сокольника-охотника, показавъ только ему свою силу.—Добрыня Никитичъ тоже благодушенъ; есть прекрасная былина, гдѣ онъ горько плачется матери на свою судьбу, горько сѣтуетъ о томъ,

что родился богатыремъ и долженъ «вдовить молодыхъ женъ, заставлять сиротать малыхъ дѣтушекъ»; лучше бы родиться ему «горючимъ бѣлымъ камешкомъ» и лежать на днѣ рѣки.—Главными чертами характера человѣка, по народному воззрѣнію, должны быть доброта, кротость, спокойствіе. Личности не слѣдуетъ выдаваться впередъ гордо и самолюбиво, не слѣдуетъ искать счастья въ проявленіи своей доблести, а надо служить землѣ, народу; и только въ этомъ самоотверженномъ служеніи человѣкъ и можетъ найдти успокоеніе.

Такое успокоеніе въ тишинѣ, въ мирномъ теченіи общинной и семейной жизни тѣсно связано въ характерѣ нашего народа съ спокойной трезвостью ума, съ наклонностью къ добродушному и здоровому юмору. Смѣхъ въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ слышится часто и звучитъ жизнью; припомнимъ, напримѣръ, пѣсню о встрѣчѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ-поганымъ, или разсказъ былины о богатырской заставѣ, какъ хвастливый Алеша былъ побитъ заѣзжимъ богатыремъ.

Говорили мы тебѣ, Алеша, наказывали:
Не пей зелена вина, не ѣшь сладки кушанья...
«Напоилъ меня заѣзжій богатырь
Той ли шелепугой подорожною».

Изъ народной жизни смѣхъ перешелъ и въ нашу литературу; извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ въ ней юморъ, какую важную роль всегда играла въ ней сатира. Вспомнимъ Грибоѣдова съ его безсмертной комедіей, великаго поэта Гоголя, и еще раньше—князя Кантемира, Фонвизина, Новикова... Юморъ несомнѣнно долженъ быть признанъ одною изъ характеристическихъ особенностей русскаго народнаго характера.

Не смотря на такъ-называемую оторванность русскаго общества отъ народа, начавшуюся со временъ Петра, не смотря на подражательность, изъ нашего общества, въ сущности, никогда не исчезали народныя воззрѣнія и

идеалы; даже случалось, что иногда, въ моменты наибольшаго, повидимому, увлеченія чужимъ, мы были наиболѣе близки къ своему родному; подражаніе иной разъ было очень наивнымъ и чисто внѣшнимъ. Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ «Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» думаетъ, что у нашихъ дѣдовъ Екатерининской эпохи было больше связи съ народомъ, чѣмъ теперь у насъ. Знаменитый писатель прекрасно говоритъ про этихъ дѣдовъ и ихъ наряживанье въ иностранныя одежды: «Вся эта фантасмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ парикахъ и штиблетахъ,—все это, мнѣ кажется, были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуванье снизу, такъ что самъ народъ это иной разъ замѣчалъ и понималъ». Въ сущности же, на самомъ дѣлѣ, тогдашніе баре, «все-таки, были народу какъ-то милѣе теперешнихъ, потому что были свои».

Народная жизнь въ Екатерининскую эпоху жила еще въ дворянствѣ, и даже во дворцѣ императрицы Екатерины, въ формѣ обычаевъ, игръ, пѣсенъ.—Г. Безсоновъ въ своей статьѣ «О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины» [1]), говоря о происхожденіи тогдашнихъ сборниковъ пѣсенъ, или пѣсенниковъ, замѣчаетъ, что въ то время почти повсюду, во многихъ дворянскихъ и помѣщичьихъ домахъ, можно было слышать народныя пѣсни. Онѣ пѣлись и во дворцѣ. Императрица Екатерина, любившая народную поэзію, знала многія бытовыя пѣсни и даже былины (по крайней мѣрѣ, въ формѣ сказочнаго пересказа); извѣстно, какъ она любила пословицы, поговорки, народныя игры и гаданья.

Дѣти многихъ помѣщиковъ воспитывались тогда постаринѣ, въ сближеніи съ народомъ. Такъ, напримѣръ,

[1]) «Заря», 1869 г., № 3.

былъ воспитанъ Фонвизинъ (по его собственному свидѣтельству въ «Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»); благодаря подобному воспитанію, онъ и сдѣлался народнымъ писателемъ.

Неудивительно поэтому, что въ литературѣ Екатерининской эпохи мы встрѣчаемъ обширный рядъ произведеній, въ которыхъ безсознательно, инстинктивно, но въ то же время ярко и сильно выражаются народныя начала.

Эти народныя начала сказываются особенно въ комедіяхъ, въ сатирическихъ журналахъ, въ сочиненіяхъ публицистическихъ, преимущественно трактующихъ о крѣпостномъ правѣ, и, наконецъ, въ историческихъ произведеніяхъ. Будущія изслѣдованія, быть можетъ, откроютъ и еще виды литературы, въ которыхъ выражается тотъ же духъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Комедіи.

Комедіи Екатерининскихъ временъ отнюдь не должно смѣшивать съ такъ-называемыми «комическими операми». Эти послѣднія, соотвѣтствующія по своему содержанію и духу современнымъ опереткамъ, принадлежатъ къ скептическо-матеріалистическому направленію литературы. Онѣ и были разсмотрѣны авторомъ настоящаго сочиненія въ главахъ объ этомъ направленіи. Мы видѣли, что комическія оперы отличаются циническимъ взглядомъ на жизнь, легкомысленнымъ практическимъ матеріализмомъ; героемъ ихъ является всегда плутъ и негодяй, къ которому авторъ пьесы относится съ сочувствіемъ, обыкновенно поручая ему устроивать счастье хорошихъ людей; на жизненное зло пьесы этого рода смотрятъ съ самой

легкомысленной терпимостью, безпечно и весело, считая жизнь какою-то легкою шуткой. Совсѣмъ не то видимъ мы въ комедіяхъ; при несомнѣнномъ остроуміи изображенія общества, отношенія ихъ къ жизни серьезны и нравственны. Главный смыслъ ихъ — въ народности ихъ направленія; но такъ какъ народность взгляда ихъ авторовъ безсознательная, то въ нихъ мы видимъ и много подражательнаго; къ этимъ подражательнымъ, не самобытнымъ сторонамъ относятся: во-первыхъ, сантиментализмъ въ изображеніи любви, наивно-идиллическое представленіе крестьянскаго быта; во-вторыхъ, введеніе въ число дѣйствующихъ лицъ идеально-умныхъ и въ то же время плутоватыхъ слугъ. Эти слуги не занимаютъ въ комедіяхъ важнаго мѣста и не играютъ значительной роли; но, тѣмъ не менѣе, они служатъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между комедіями и комическими операми.

Народность въ комедіяхъ совершенно безсознательная и наивная. Выражается же она, съ одной стороны, отрицательно, въ осмѣяніи французомaніи русскаго общества, воспитанія на иностранный ладъ, щеголихъ и петиметровъ, съ другой стороны — положительно, въ инстинктивномъ сочувствіи авторовъ (сочувствіи, зачастую имъ самимъ неизвѣстномъ) простому народу, старинѣ, народнымъ взглядамъ и обычаямъ. Къ этой старинѣ и къ этимъ обычаямъ, къ традиціоннымъ воззрѣніямъ народа авторы комедій относятся совершенно непосредственно, безъ всякаго суда и поэтической оцѣнки; они одинаково сочувствуютъ всему народному—доброму и злому.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ чертъ замѣтны уже въ сочиненіяхъ Сумарокова; но въ его пьесахъ есть какая-то неясность: то онъ осмѣиваетъ комическія явленія новизны, напримѣръ, петиметровъ, то смѣется надъ родной стариною; онъ самъ хорошенько не знаетъ, къ чему при-

мкнуть. Та же неясность замѣчается и въ его отношеніяхъ къ народу.

Гораздо опредѣленнѣе и ярче все указанное выше сказалось у комиковъ собственно Екатерининской эпохи. (Сумароковъ—писатель еще предшествовавшаго, Ломоносовскаго періода).

Разсмотримъ нѣсколько комедій разныхъ авторовъ, въ поясненіе къ высказаннымъ выше общимъ положеніямъ.

Примѣрами пьесъ, сочувственно изображающихъ простыхъ людей, живущихъ по-старинѣ, по-народному, могутъ служить: «*Такъ и должно*», Веревкина, и «*Мотъ, любовью исправленный*», Лукина.—И Веревкинъ, и Лукинъ въ этихъ своихъ произведеніяхъ совершенно раздѣляютъ народныя воззрѣнія на бракъ, на семью [1]).

Комедія «*Такъ и должно*», въ 5-ти актахъ, напечатанная въ 15-й части «Россійскаго Өеатра» [2]), интересна, во-первыхъ, по живой и яркой картинѣ суда, изображеннаго въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ; во-вторыхъ, по очерку одного дѣйствующаго лица, дворянки Афросиньи Сысоевны, очерку, свидѣтельствующему о наивно-непосредственной народности автора. Воевода, сдѣлавшійся судьею по выходѣ изъ военной службы, ничего не понимаетъ въ дѣлахъ и спокойно, не думая, подписываетъ рѣшенія, постановляемыя «съ приписью подьячимъ» Урываемъ Алтынниковымъ; онъ скучаетъ и спитъ, пока этотъ Алтынниковъ читаетъ дѣла. «Полно, братъ, барабанить-то,—говоритъ онъ,—подавай-ка сюда, я подмахну. Вѣдь ты подпишешь же, такъ что тебѣ, то и мнѣ; по нашей бы по драгунской совѣсти сѣчь, рубить, жечь, потро-

---

[1]) Сочиненія и переводы Лукина и Ельчанинова. Изд. подъ ред. г. Ефремова, Спб. 1868 г.—Здѣсь-же ст. г. Пыпина «Владиміръ Лукинъ».—Въ Рус. Бес. 1860 г. № 1 ст. «М. И. Веревкинъ».

[2]) Россійскій Өеатръ или Полное собраніе всѣхъ Россійскихъ Өеатральныхъ сочиненій». Изданіе Россійской Академіи. Первая часть вышла въ 1786 году. Всѣхъ частей 43.

шить,—такъ то наше дѣло; а грамотку-та мы посреднему знаемъ; ты, чай, и крещенъ въ чернилахъ-та, такъ тебя не объѣдутъ» [1]).—Урывай Алтынниковъ — взяточникъ, но человѣкъ благочестивый, и потому убѣжденъ, что нажилъ деньги, хотя и взятками, однако, по милости Божіей. Вынимая изъ кармана и цѣлуя кошелекъ съ благопріобрѣтенными червонцами, онъ говоритъ: «Кабы этакая рыбка да почаще на удку, такъ бы велико имя Господне!» — и при этомъ онъ благочестиво крестится.

Главное и наиболѣе для насъ интересное лицо въ комедіи—старуха помѣщица Афросинья Сысоевна. Человѣкъ старинныхъ нравовъ и воззрѣній, она не нравится автору комедіи, какъ просвѣщенному европейцу; сознаніемъ своимъ онъ стоитъ противъ нея, и потому изображаетъ ее въ каррикатурномъ видѣ; она смѣшитъ своимъ невѣжествомъ, своимъ франтовствомъ; она не терпитъ книгъ, она бѣлится и румянится. Въ 1-мъ явленіи V-го дѣйствія она говоритъ про внучку:

Насилу-то на великую заставила я еіо прихолиться, чуденъ мнѣ еіо обычай: не любитъ пестраго платья! Нарумянится развѣ тогда, когда ей выѣхать, а о бѣлилахъ такъ и не заводи, одно утямила—книги да музыка, да и всіо тутъ, ужъ и то слава Богу, что рукодѣлье-та любитъ, этимъ она по мнѣ: съ молоду-та и я не сиживала безъ дѣла.

Затѣмъ Афросинья Сысоевна скупа, груба съ прислугой: она ругаетъ постоянно свою служанку Маланью, придирается къ ней и даже бьетъ ее.—Такъ не пожалѣлъ авторъ красокъ, чтобы представить свою героиню въ смѣшномъ видѣ. Но безсознательно сердце его лежитъ къ ней, къ этой женщинѣ на старый ладъ. Ея устами высказываетъ онъ порой свои задушевныя народныя убѣжденія; она въ комедіи прекрасно обличаетъ современное паденіе нравовъ, развратъ, паденіе семейнаго начала.

А всего несноснѣе (говоритъ Афросинья Сысоевна) эти проклятые развраты у людей, которымъ бы душа въ душу жить было надобно. Мужья женамъ невѣрны! Да за что имъ, окаяннымъ, и вѣрнымъ быть: наряды не

[1]) Россійскій Θеатръ, т. XV, стр. 210.

по достатку, за домомъ смотрѣть подло, коверканье да ломанье... истерики, обмороки да лихія болѣсти... Жены не любятъ мужей! Да какъ же ихъ, страдниковъ, и любить: карты да собаки, сутолпица да пирушки, рысканье за чужбинкой, а къ благословенному-та кусу такъ и губа у злодѣевъ не льнетъ. То и знаютъ, что цѣдятъ нажитое предками мозолью и пòтомъ. Одинъ подъ конецъ, другая подъ другой, да и ставятъ домикъ-атъ верьхъ дномъ... У эдакихъ отцовъ да матерей путное переймутъ дѣти. (I д., 5 явл.).

Афросинья Сысоевна по-старинѣ, наивно и непосредственно смотритъ на семейныя отношенія. Дѣти, по ея мнѣнію, обязаны безусловно и слѣпо повиноваться родителямъ, предоставя имъ даже думать за себя.—Молодой Доблестинъ любитъ внучку Афросиньи Сысоевны, Софью, и хочетъ спросить у дѣвушки, согласна ли она отдать ему свою руку.

Зачѣмъ тебѣ ее спрашивать? (останавливаетъ его старуха) И! свѣтъ мой! ея дѣло дѣвичье, такъ вить не сказать же ей: иду дескать за тебя! Да и смѣетъ ли она меня не послушаться?. (II д., 5 явл.).

Старуха не допускаетъ и мысли о какихъ либо сношеніяхъ Доблестина съ Софьей; увидя у внучки слугу Доблестина, Угара, она говоритъ ему сердито:

Да ты бы таки шелъ прямо ко мнѣ, а не къ Софьюшкѣ. Ея дѣло дѣвичье, господинъ твой вить ей еще чужъ чуженинъ, такъ не пристало тебѣ говорить съ чужими барышнями. А тебѣ (обращается она къ внучкѣ) кстати ли пускать къ себѣ пословъ отъ холостыхъ ребятъ. (I д., 5 явл.).

Но, не смотря на такую суровость у Афросиньи С... соевны сердце доброе; да и суров... о ея внѣш... такъ сказать, обрядная: сквозь не... и пробив... сочувственное отношеніе старухи ... дымъ л... ихъ взаимной привязанности; она ... а любо... и Доблестина. Когда молодой ... ъ пр... руки внучки и при этомъ ст... н... говоритъ, тревожась и волну...

Встань, сударь мой. Эдакая бѣда!... вить молвила, такъ, кажется бы, и ... мною не станетъ. Дай, батька, хоть ... детъ. (II д., 5 явл.).

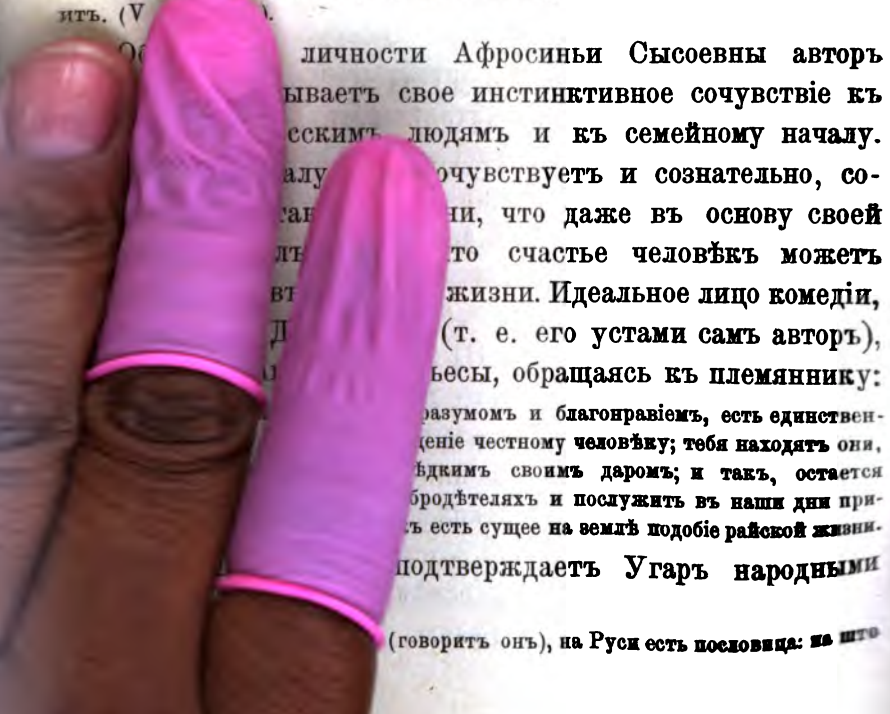
Въ этихъ словахъ сл... старухи: ей и хочется ... ваться на него, и жал...

плачетъ о предстоящей разлукѣ и, наконецъ, проситъ Доблестина жить послѣ брака вмѣстѣ съ нею, не увозить отъ нея Софью; при этомъ нѣжность къ горячо любимой внучкѣ переходитъ у нея и на будущаго мужа дѣвушки:

Эта одна надежда меня и утѣшаетъ, свѣтъ мой! (говоритъ она Доблестину). Ну, прости же, батюшка; тебѣ надобенъ покой; прости, голубчикъ мой, до завтра. (II д., 5 явл.).

И не только въ отношеніи къ Софьѣ, но и вообще въ жизни Афросинья Сысоевна человѣкъ въ-сущности добродушный и простой, умѣющій цѣнить людей и отдавать имъ должное. Когда Доблестинъ проситъ ее согласиться выдать за Угара ея служанку Маланью, она говоритъ въ отвѣтъ ему такія по внѣшности нѣсколько суровыя и какъ будто пренебрежительныя, но въ-сущности сердечныя и даже нѣжныя слова:

А мнѣ что въ этомъ? Пожалуй себѣ поди, много у меня эдакихъ; и держала-то ее вотъ для Софьюшки. Правда, что умѣетъ подать, принять и помочь въ одѣваньѣ: руки-та у ней, можно сказать, что золотыя. Съ Богомъ, свѣтъ мой, съ Богомъ! Угаръ у тебя малой доброй, человѣкъ человѣка стоитъ. (V



О … личности Афросиньи Сысоевны авторъ … ываетъ свое инстинктивное сочувствіе къ … сскимъ людямъ и къ семейному началу. … алу … очувствуетъ и сознательно, со… … ни, что даже въ основу своей … то счастье человѣкъ можетъ … жизни. Идеальное лицо комедіи, … (т. е. его устами самъ авторъ), … ьесы, обращаясь къ племяннику:

… разумомъ и благонравіемъ, есть единствен… … деніе честному человѣку; тебя находятъ они, … ѣдкимъ своимъ даромъ; и такъ, остается … бродѣтеляхъ и послужить въ наши дни при… … ъ есть сущее на землѣ подобіе райской жизни.

… подтверждаетъ Угаръ народными

… (говоритъ онъ), на Руси есть пословица: на што

кладъ, коли у мужа съ женой ладъ; а коли вамъ мало одной, такъ вотъ вамъ и другая: тамъ и свѣтъ, гдѣ въ семьѣ совѣтъ.

Самая мысль народными пословицами подкрѣпить идею пьесы указываетъ на народное направленіе Веревкина. Это направленіе сказывается и въ довольно остроумныхъ выходкахъ противъ подражательности русскаго общества. Умный слуга Угаръ, которому симпатизируетъ авторъ, такъ разсуждаетъ въ началѣ комедіи объ иностранцахъ и модныхъ нарядахъ на иностранный ладъ:

О, проклятые иностранцы! Вы да черти, знать, и созданы на пакости православнымъ христіанамъ: черти ставятъ душамъ, а вы кошелькамъ господъ нашихъ тенета; а бѣднымъ-та халуямъ, нашей братьѣ, такъ ужь матъ отъ вашихъ затѣй. Въ трескучіе морозы носи на головѣ исковерканный лоскутъ войлока; грѣшное тѣло одѣвай немного за колѣна, да и то, чтобы со всѣхъ сторонъ были дыры да прорѣхи. А объ ногахъ-то и рукахъ что уже и калякать... О! честные варяги, муфтамъ ли вы чета! О! блаженныя онучи, такой ли въ васъ слой, какъ въ чулкахъ! А лапотки голубчики, особливо въ дорогахъ-та, какъ васъ смѣнить съ басурманскою обувью! Да что и спрашивать; все стало не по старому: стой, какъ прикованной, гдѣ поставятъ; вожми брюхо, грудь выпять, протяни шею, какъ журавль; ходи—не стукни, не кашляй и не чихай громко, гляди весело, какъ бы у тебя по сердцу кошки не скребли. (I д., 1 явл.).

Комедія *Лукина: «Мотъ, любовью исправленный»* также съ народной точки зрѣнія изображаетъ семейное начало. Комедія эта, напечатанная въ 19-й части «Россійскаго Өеатра», представлена была въ первый разъ въ 1765 году. Въ художественномъ отношеніи она довольно слаба: лица ея—не живые люди, хотя, однако (за исключеніемъ Злорадова, представляющаго собою сочетаніе всѣхъ пороковъ), и не до такой степени каррикатурныя, какъ въ большинствѣ комедій XVIII столѣтія. Содержаніе пьесы состоитъ въ томъ, что нѣкто Добросердовъ, въ-сущности большой добрякъ, былъ мотомъ, но, полюбивши Клеопатру, молодую дѣвушку, возвышенно смотрящую на бракъ и семейныя отношенія, исправился. Идея пьесы—возвеличеніе крѣпости семейныхъ, родственныхъ связей. Параллельно съ этимъ, Лукинъ осмѣиваетъ въ своей комедіи французоманію и модные нравы.

Въ комедіи интересны три лица: княгиня, Клеопатра и слуга Добросердова Василій.—Княгиня—модная щеголиха, и авторъ рѣзко осмѣиваетъ ее. Напримѣръ, въ 8 явленіи I дѣйствія онъ заставляетъ ее говорить Добросердову: «Пойдемъ, мой свѣтъ, со мною! ты постоишь у моего туалета и скажешь, какой уборъ лучше ко мнѣ пристанетъ, я все надѣну, что тебѣ понравится; да мнѣ же при тебѣ и одѣваться пріятнѣе». — Интересно сдѣланное авторомъ при словѣ «туалетъ» наивное, но патріотическое примѣчаніе: «слово чужестранное говоритъ кокетка, что для нея и прилично; а ежели бы не она говорила, то, конечно бы, русское было написано».

Идеальное лицо комедіи молодая дѣвушка Клеопатра, любимая Добросердовымъ и сама его любящая, держится народныхъ воззрѣній на отношенія дѣтей къ родителямъ, младшаго поколѣнія къ старшему, одинаково сочувствуя и тому, что есть въ этихъ воззрѣніяхъ высокаго, нравственной устойчивости, крѣпости семейныхъ связей, и тому, что можно назвать въ нихъ грубымъ стѣсненіемъ молодой личности. Она (а слѣдовательно и самъ авторъ, скрывающійся за нею) смотритъ на жизнь съ непосредственно народной точки зрѣнія; замѣчательно, что Лукинъ указываетъ на тождество взгляда Клеопатры на бракъ со взглядомъ лица изъ народа—служанки Степаниды. Когда Добросердовъ хочетъ черезъ Степаниду предложить Клеопатрѣ бѣжать отъ тетки и тайно обвѣнчаться съ нимъ, Степанида говоритъ ему:

Хорошо, сударь, я все это здѣлаю, только сумнѣваюсь, чтобы Клеопатра согласилась: она дѣвица разумная и добродѣтельная и потому не скоро въ эдакое дѣло опустится, и какъ много васъ не любитъ, однако не захочетъ здѣлать повода къ своему поношенію. (I д., 6 явл.).

Такъ, дѣйствительно, и вышло. Отдавая отчетъ Добросердову въ исполненіи его порученія, Степанида разсказываетъ, какъ въ Клеопатрѣ боролись чувства любви и

того, что она считаетъ своимъ долгомъ, и какъ послѣднее чувство побѣдило:

Поди (говорила дѣвушка Степанидѣ)... Останься... Утѣшай меня... Нѣтъ! бѣги и обнадежь его, что я по смерть любить его стану, но ѣхать съ нимъ не могу. (III д., 2 явл.).

Самъ Добросердовъ, хоть и предлагалъ любимой дѣвушкѣ романическій побѣгъ, въ-сущности раздѣляетъ ея народныя чувства и воззрѣнія. Услыша отъ служанки объ отказѣ Клеопатры бѣжать, онъ говоритъ:

О, судьба! я долженъ тебя благодарить и жаловаться на твою суровость. Ты награждаешь меня самою добродѣтельною любовницею, но ты же ее отъемлешь и ввергаешь меня въ безконечныя бѣдствія! Я не могу съ нею разстаться и мнѣ моя жизнь безъ нея несносна будетъ. (III д., 2 явл.).

Отказъ Клеопатры обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ тайно отъ тетки, замѣнившей ей мать, есть главное дѣйствіе комедіи, по крайней мѣрѣ, главный характеристическій поступокъ того лица, которое можно назвать душою комедіи. Согласно съ этимъ, пьеса оканчивается нравоученіемъ, которое высказываетъ, обращаясь къ Добросердову, слуга его, Василій:

Намъ еще того лишь пожелать должно (говоритъ онъ), чтобы всѣ дѣвицы вашей любовницѣ уподоблялись.

Этотъ Василій, честный старикъ-слуга, любящій своего барина и вполнѣ преданный ему, походитъ на Пушкинскаго Савельича. Авторъ ему, видимо, сочувствуетъ. Въ этомъ сочувствіи сказались, конечно, симпатіи Лукина къ народу; но замѣчательно, однако, что въ то же время, онъ, какъ человѣкъ европейскаго просвѣщенія, смотритъ на народъ и съ нѣкоторымъ скептицизмомъ и даже высокомѣріемъ. Идеальный Добросердовъ (высказывающій, въ качествѣ резонера, взгляды автора пьесы) долго не можетъ повѣрить безкорыстію Василія и думаетъ, что тотъ дѣйствуетъ изъ личныхъ, своекорыстныхъ побужденій; Добросердовъ полагаетъ, что простому народу свойственно имѣть безнравственныя чувства; онъ говоритъ про Василія:

Хотя онъ мужикъ доброй, однако замерзѣлое въ ихъ родѣ мщеніе и злость остались. (II д., 6 явл.).

Даже когда онъ понялъ свою ошибку относительно Василія, онъ выражается, обращаясь къ этому послѣднему:

А ты, въ комъ я *необычайную твоему роду честь* вижу, не щади меня. Выговаривай, обвиняй, пристыжай и угнетай мою гордость. Я всего достоинъ. (IV д., 11 явл.).

Василій въ концѣ пьесы отказывается отъ вольности, даруемой ему бариномъ, отказывается и отъ богатства. Добросердовъ по этому поводу опять восклицаетъ:

О, рѣдкая въ человѣкѣ такова состоянія добродѣтель! Ты своею честностью меня удивляешь. (V д., 6 явл.).

Такое наивное удивленіе Добросердова, а слѣдовательно и автора комедіи, возможности добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ въ простомъ народѣ—свидѣтельствуетъ, что сердечныя симпатіи Лукина къ народу и народнымъ началамъ — совершенно инстинктивны, непосредственны и безсознательны.

Какъ въ комедіи «Такъ и должно» Веревкина осмѣяно неправосудіе, такъ и Лукинъ въ своей пьесѣ затрогиваетъ эту язву современной ему жизни: онъ изображаетъ между прочими лицами подьячаго Пролазина. Пролазинъ—ханжа и въ то же время готовъ на всякое подлое плутовство. Онъ научаетъ обратившагося къ нему за совѣтомъ, какъ можно избавиться отъ уплаты по векселю:

Можно отпереться отъ векселя (говоритъ онъ), сказать, что онъ не вашей руки, что развѣ васъ, пьянова напоивши, обманомъ подписать принудили, или что вы въ карты проиграли. А, наконецъ, ежели заимодавцы въ судъ съ вами пойдутъ, такъ тамъ не только что ничего не получатъ, коли я за васъ стану стряпать, но и сами тысячи по двѣ потеряютъ и вамъ еще безчестіе заплатятъ. (III д., 6 явл.).

Въ разобранныхъ комедіяхъ Веревкина и Лукина встрѣчается мимоходомъ, какъ мы видѣли, и осмѣяніе французоманіи русскаго общества. Это осмѣяніе нашей подражательности, одинъ изъ главныхъ признаковъ сочиненій съ народнымъ направленіемъ, въ нѣкоторыхъ комедіяхъ Екатерининской эпохи выступаетъ на первый планъ.

Таковы, напримѣръ, пьесы: *Николева* «Самолюбивый стихотворецъ» и *Хвостова* «Русскій Парижанецъ».

«*Самолюбивый стихотворецъ*», напечатанный въ 15-й части «Россійскаго Ѳеатра», написанъ въ 1775 году. Въ художественномъ отношеніи комедія эта слаба, слаба отсутствіемъ въ ней живыхъ лицъ, каррикатурностью, утрировкой въ изображеніи характеровъ; но она не лишена остроумія, и довольно живаго. Весьма забавно и комично нарисованъ въ ней петиметръ Модстрихъ.

Модстрихъ былъ въ Парижѣ и очень тщеславится этимъ; онъ думаетъ, что Парижъ его возвысилъ и облагородилъ.

Пусть прежде былъ я грубъ; но будучи въ Парижѣ...

говоритъ онъ.

Въ Парижѣ-то и сталъ еще къ скотамъ ты ближе,

прерываетъ его Надмѣнъ (стихотворецъ, въ лицѣ котораго авторъ хотѣлъ, кажется, изобразить въ комическомъ видѣ Сумарокова).

Въ тебѣ была душа: теперь лишь только паръ.

(I д., 6 явл.).

Модстрихъ, обидѣвшись на Надмѣна, хочетъ вызвать его на дуэль, но боится. Желая себя ободрить и пріучить свой духъ къ смѣлости, онъ устроиваетъ примѣрную дуэль со стуломъ.

Стой тутъ, бездѣльникъ! стой! я стану визави...

энергически обращается онъ къ деревянному сопернику.— Надмѣнъ такъ, нѣсколько грубо, но справедливо, характеризуетъ Модстриха:

О, гнусный петиметръ! французскій водовозъ!
Спесивъ, а нуженъ такъ, какъ въ улицахъ навозъ.
Парижемъ хвастаетъ... науки презираетъ...
А самъ... едва, едва часовникъ разбираетъ.

(I д., 7 явл.).

Въ такомъ же родѣ характеристику петиметра дѣлаетъ и служанка Марина, находящая, что онъ «у знатныхъ баръ въ передней бьетъ баклуши». Модстрихъ, дѣйстви-

тельно, живетъ праздно и безнравственно; у него нѣтъ чести, онъ клеветникъ, переносящій изъ дома въ домъ сплетни, усердно разсѣивающ ій ложные слухи, напримѣръ, про мартинистовъ; его можно назвать живою газетой новостей и модъ; онъ невѣжда, терпѣть не могущій книгъ и любящій только легкомысленное веселье.

Но, осмѣивая петиметра, слѣпо увлеченнаго Франціей, Николевъ къ самой Франціи относится не съ предубѣжденіемъ, и думаетъ, что Модстрихъ во многихъ своихъ недостаткахъ виноватъ самъ:

Какъ можно, кажется, тому уродомъ быть,
Кто ѣздилъ за море?

спрашиваетъ слуга Памфилъ служанку Марину; а умная Марина отвѣчаетъ ему:

Онъ ѣздилъ имъ прослыть:
Растресть послѣдній умъ, а вмѣсто просвѣщенья
Бездѣльническія присвоить ощущенья.
Не дѣлаетъ Парижъ слона изъ червяка,
Равно не здѣлаетъ разумнымъ дурака:
Дуракъ хоть цѣлый свѣтъ измѣряетъ шагами,
Онъ будетъ все дуракъ, да только съ сѣдинами.
(IV д., 1 явл.).

Впрочемъ, въ комедіи мы встрѣчаемъ и сатиру на французскіе нравы; авторъ вообще не симпатизируетъ Франціи и видимо полагаетъ, что посѣщеніе Парижа вредно русскимъ молодымъ людямъ. Онъ влагаетъ, напримѣръ, такія слова въ уста Модстриха, разсуждающаго о Надмѣнѣ:

Ругаетъ Францію, за что жъ? за то, что тамъ
Приносятъ въ жертву все роскошнымъ красотамъ:
Благопристойность, честь, прескушные законы;
Что моды тамъ всему и слава, и короны;
И онъ же говоритъ... какіе пустяки!
Что и во Франціи есть также дураки;
Что тамъ, равно какъ здѣсь, въ семьѣ не безъ урода;
Что глупость есть своя у каждова народа;
Что будто дамы тамъ въ нещастной тѣмъ судьбѣ,
Что дружбу ихъ дѣлятъ собачка и абе;
Въ Россіи, говоритъ, родиться не поносно;
За русской такъ языкъ вступается несносно,

Что выйдетъ изъ себя, затопаетъ ногой,
Кто скажетъ монъ-ами на мѣсто другъ ты мой.
(IV д., 4 явл.).

Въ противоположность Надмѣну, Модстрихъ презрительно относится ко всему родному, къ предкамъ своимъ, къ русскимъ людямъ вообще, которыхъ онъ считаетъ грубыми и глупыми. Про одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, Крутона, петиметръ выражается:

Онъ точно такъ смѣшонъ, какъ мой покойный дѣдъ,
Который цѣлый вѣкъ, и весь ужь бывши сѣдъ,
Имѣлъ лишь въ головѣ свой приступъ подъ Полтаву.
(IV д., 4 явл.).

А въ слѣдующемъ явленіи онъ еще опредѣленнѣе продолжаетъ про того же Крутона:

Чего жъ хотѣть? Русакъ... быть долженъ грубіянъ.
Въ немъ точно наши всѣ изображенны предки;
Но эти дураки становятся ужъ рѣдки.
Въ Россіи къ щастію довольно ныньче насъ.
Примѣромъ мы своимъ ее по всякой часъ
Отъ старыхъ грубостей, невѣжства очищаемъ,
Обычай, нравы, вкусъ—мы все преобращаемъ.

Будучи такого высокаго мнѣнія о себѣ и своихъ сотоварищахъ петиметрахъ и отличаясь честолюбіемъ и властолюбіемъ, Модстрихъ очень бы желалъ попасть ко двору и забрать въ свои руки власть: тогда бы онъ все въ Россіи передѣлалъ на модный ладъ, по иностранному. Вотъ какого рода разговоръ объ этомъ ведетъ онъ со служанкой Мариной:

Модстрихъ.
Признаться... дворъ мнѣ милъ,
И я инова бы... немножко... тамъ затмилъ.
Марина.
Всегда, сударь, отъ тьмы затмѣніе приходитъ.
Модстрихъ.
И есть ли дворъ въ талантахъ честь находитъ,
То я... безъ хвастовства... быть долженъ при дворѣ.
Марина.
А, кажется, кротамъ приличнѣй быть въ норѣ.
Модстрихъ.
Тотчасъ бы все прошло въ Россіи...
Марина.
Не по русски,

И были бъ тамъ узды, гдѣ нужны недоуздки.

Модстрихъ.

Конечно, душенька!.. и въ этомъ мнѣ повѣрь,
Что все бы шло не такъ, какъ въ ней идетъ теперь.

Увлеченный Франціей, Модстрихъ жениться хочетъ не иначе, какъ на француженкѣ. Но на бракъ онъ смотритъ совершенно по-модному, какъ на связь самую непрочную и даже какъ на что-то комическое; только приданое невѣсты цѣнитъ онъ въ бракѣ, и по этой лишь причинѣ готовъ жениться на Миленѣ. Разсуждая о женитьбѣ, онъ говоритъ:

Однако... скоро я разстануся съ женой;
Женою не могу такъ глупо я плѣняться,
Чтобъ весь мнѣ сталъ Парижъ, какъ русскому, смѣяться.
(IV д., 4 явл.).

Еще опредѣленнѣе выражается онъ о томъ же предметѣ въ 5-мъ дѣйствіи:

Она (т. е. Милена) мнѣ надоѣстъ, влюбяся безразсудно
И будучи женой... женой!.. какъ это дроль!
Жена и мужъ!... смѣшна... смѣшна обоихъ роль!
И если бъ тутъ еще не вмѣшивалось слово...
То есть приданое, и было бъ не готово,
То мужу бѣдному пришлося бы тогда
Съ своей мадамою хоть въ петлю отъ стыда!
Безъ денегъ намъ жена вторая лихорадка,
И будь красавица, жить съ нею право гадко!

Противникъ брака въ возвышенномъ смыслѣ, Модстрихъ отличается модной наклонностью къ волокитству, и его можно назвать утонченно-развратнымъ волокитой, потерявшимъ притомъ вкусъ ко всему естественному и простому.

Имѣя мастерство еще пригожей быть,
На что терять? На что въ красавицахъ не слыть?

разсуждаетъ онъ,—

Однако, многія... искусство умножая,
Натуру портятъ, тѣмъ украсить воображая.
Иная хоть лицомъ... немножко и смугла,
Но въ ней такая тѣнь... что тотчасъ въ мигъ зажгла!
Признаться надобно... мнѣ милы всѣ турчанки.
(V д., 1 явл.).

Очень недурно нарисованъ петиметръ и въ комедіи *Хвостова «Русскій Парижанецъ»*, написанной въ 1783 году [1]). Нелѣпая какъ драматическое произведеніе, пьеса эта имѣетъ для насъ интересъ по двумъ изображеннымъ въ ней лицамъ, самыя имена которыхъ указываютъ на ихъ характеры или направленіе—Франколюбъ и Русалей. Выразителемъ мнѣній автора является въ комедіи резонеръ Благоразумъ; этотъ резонеръ, чуждый грубаго суевѣрія старины и въ то же время далекій отъ пристрастія къ Франціи, сравниваетъ Франколюба и Русалея и отдаетъ послѣднему предпочтеніе. Благоразумъ, какъ вообще резонеры нашихъ комедій прошедшаго вѣка, лице не живое; но изображеніе Русалея и особенно Франколюба не лишено жизненности и нѣкотораго остроумія.

Франколюбъ бредитъ Франціей и, кромѣ нея, знать ничего не хочетъ. Онъ не желаетъ служить въ Россіи. На вопросъ Благоразума (которому онъ доводится племянникомъ)—какою службой онъ хотѣлъ бы заняться?—онъ отвѣчаетъ:

Когда бъ французскіе здѣсь царствовали нравы,
И покупать чины имѣли бы мы правы,
Тогда бъ я полкъ купилъ, а безъ того нейду.
(I д., 1 явл.).

Онъ не желаетъ и жениться на русской дѣвушкѣ; онъ говоритъ слугѣ своему Прогляду:

Нельзя мнѣ здѣсь жениться.
Какъ сильно бы ни могъ Миленой я плѣниться,
Хотя бъ меня всего любовь взяла во власть,
И тутъ препятства всѣ моя имѣла бъ страсть.
. . . .
. . . . Чтобы не быть смѣшнымъ уродомъ
Предъ просвѣщеннѣйшимъ въ подсолнечной народомъ,
Чтобъ не гремѣлъ о мнѣ Парижъ молвою весь,
Чтобъ пальца на меня французъ не пялилъ здѣсь,
Чтобъ на дѣтей моихъ не пасть тому позору,
Что ихъ...

---

[1]) «Россійскій Ѳеатръ», ч. 15.

Прогллядъ.

Какого вы боитеся укору?

Франколюбъ.

Что не француженка ихъ мать. Нѣтъ, Франколюбъ
Не будетъ, никогда не будетъ столько глупъ.
Довольно имъ стыда, что и отецъ ихъ Русской.
Ты вѣдай, что женюсь на дамѣ я французской;
Она въ дорогѣ; ужь и домъ для ней готовъ.
Ты изъ моихъ поймешь намѣреніе словъ:
Не сильная любовь, не прелести виною,
Я не красой прельщенъ, француженкой одною.

(I д., 3 явл.).

Эту француженку онъ, оказывается, выписываетъ въ Россію, не видавъ ея и совсѣмъ ея не зная; но онъ совершенно увѣренъ въ ея высокихъ достоинствахъ:

Узнаю, какъ женюся,—

(говоритъ онъ)

Я, взявъ француженку, никакъ не ошибуся.

(I д., 3 явл.).

Въ ожиданіи же этой «французской дамы», своей будущей жены, онъ, слѣдуя моднымъ нравамъ, помодному ухаживаетъ за кокеткой Жеманихой. Жеманиха—щеголиха, увлеченная Франціей, ея языкомъ и модами. Интересенъ и характеренъ происходящій между ними любовный разговоръ. Жеманиха спрашиваетъ Франколюба о причинѣ его горя. Петиметръ отвѣчаетъ ей:

Madame! ты смерть даешь: судьбина непреклонна.

Жеманиха.

Такъ знай же ты, что я сама амбиціонна.
Я разсержусь...

Франколюбъ (въ сторону).

Идетъ на уду рыба къ намъ.

(къ Жеманихѣ)

Увы! къ какимъ меня женируешь словамъ!

Жеманиха.

Не продолжай свою ты молчаливость люту,
Или передъ тобой je meurs въ сію минуту.

(I д., 8 явл.).

Франколюбъ, будучи невѣжественнымъ, не терпя образованія, никогда не читая книгъ, уважаетъ только моды. Изъ-за нихъ онъ и благоговѣетъ передъ изобрѣтающей ихъ

Франціей. Францію ставитъ онъ по этой причинѣ выше всѣхъ странъ міра. Узнавъ изъ газетъ, что англичане одержали побѣду надъ французскимъ флотомъ, онъ выходитъ изъ себя:

> Пускай (восклицаетъ онъ) другой народъ такъ много бъ возвышался,
> Но Англія! купцы, гдѣ только школы, флотъ,
> Въ которой нѣтъ никакъ французскихъ новыхъ модъ
> Гдѣ лишь отъ грубости вся происходитъ слава,
> Какъ можетъ побѣдить французовъ та держава?
> У насъ въ ушахъ жужжитъ всечастно ихъ Невтонъ,—
> Великой человѣкъ, кабы французъ былъ онъ!
> (III д., 5 явл.).

Авторъ пьесы, рисуя своего Франколюба, пытался быть вѣрнымъ дѣйствительной жизни и избѣгнуть односторонности и утрировки; потому онъ оставилъ своему герою искру совѣсти.

> Нѣтъ, быть я не хочу безчестнымъ никогда,—
> (II д., 6 явл.).

говоритъ Франколюбъ. И согласно съ этимъ онъ испытываетъ тяжелое чувство, когда Проглядъ разсказываетъ ему, какъ онъ укралъ у Скрягина, отца его, шкатулку съ драгоцѣнными вещами. — Хвостовъ проводитъ въ своей комедіи ту мысль, что Франколюбъ испорченъ неправильнымъ воспитаніемъ; за это онъ и винитъ (устами резонера Благоразума) отца его Скрягина. Интересенъ оправдательный отвѣтъ этого послѣдняго:

> Иль хочешь ты, чтобъ я тогда попалъ въ уроды?

(говоритъ онъ),—

> Всѣ ѣздили въ Парижъ,—такіе были годы.
> (I д., 5 явл.).

Общее поклоненіе всему французскому увлекало всѣхъ; даже скупой отецъ Франколюба не пожалѣлъ денегъ на отправку сына въ столицу модъ. Замѣчательны въ пьесѣ дальнѣйшія оправдательныя слова Скрягина,— замѣчательно, что онъ нашелъ себѣ и утѣшеніе въ благопріобретенныхъ его сыномъ воззрѣніяхъ, вслѣдствіе чего и не раскаивается, что далъ ему воспитаніе на иностранный ладъ:

Василій Васильевичъ
КАПНИСТЪ.

Изд. Н. Г. Мартынова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 Января 1889 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., д. № 45).

Во Франціи (говоритъ онъ) Франколюбъ занять довольно могъ
Вещей, которы намъ и въ мысль не попадаютъ.
. . . .
. . . . Онъ далъ большой урокъ для насъ:
Слугъ взрютилъ на воду и запретилъ имъ квасъ,
Ихъ держитъ не на щахъ, на луковомъ бульіонѣ;
Поставлю и своихъ я на французскомъ тонѣ.
Зимой шубъ не давай, съ весны корми травой
Ну, какъ же не умно?...

(I д., 5 явл.).

Франколюбъ научился заграницей (какъ мы видимъ) презрительно смотрѣть на простой народъ и притѣснять его. Приведенныя слова, кромѣ указанія на эту черту характера петиметра, заключаютъ въ себѣ еще сатиру на самое Францію, выраженіе недовольства автора пьесы нравами и образомъ жизни французовъ.

Лицемъ совершенно противоположнымъ Франколюбу является въ комедіи — Русалей. Это — русскій человѣкъ стариннаго покроя, непосредственный, простодушный и вмѣстѣ грубый. Онъ воспитывался въ родной семьѣ по старинѣ и былъ матушкинымъ сынкомъ.

Ты думаешь (говоритъ онъ Франколюбу), что я рѣшотными питался?
Ошибся ты, вить я подъ матушкою росъ;
Какъ птичка по утру прочистишь только носъ,
Анъ тутъ и ситникъ ужъ и молочко готово;
А тамъ пшеничнаго, такъ и пошелъ здорово
Хоть сучку погонять, или хоть въ городки,
Иль въ сваичку, а тамъ готовы ужъ блинки,
Ватрушки, соченьки, да и еще съ припіокой;
За то, смотри, каковъ я сталъ въ плечахъ широкой.

(III д., 8 явл.).

Кромѣ матери, за Русалеемъ ходила въ дѣтствѣ няня, дочь кучера Мартына. Эта няня знала всевозможныя примѣты, повѣрья и суевѣрья и была мастерица объяснять сны.

Русалей грубовато смотритъ на женщину; заставъ Франколюба на колѣняхъ передъ Жеманихой, онъ восклицаетъ въ наивномъ негодованіи:

Какъ! на колѣнахъ! какъ, предъ бабой и вдовой!
Какъ не задавитъ васъ, проклятыхъ, домовой!
Какъ мать сыра-земля отъ васъ не провалится?
(I д., 9 явл.).

Ненавидя все иностранное, онъ грубо называетъ иноземцевъ собаками:

Что пса, что нѣмца вить не пустятъ въ церковь къ намъ,
Такъ какъ же нѣмцовъ, васъ, не примѣнять ко псамъ?
(I д., 9 явл.).

говоритъ онъ Франколюбу.

Но онъ въ-сущности человѣкъ добрый; онъ, напримѣръ, искренно и сердечно желаетъ помочь племянницѣ выйдти замужъ за любимаго ею человѣка (Честона); когда она хотѣла-было встать за это передъ ними на колѣни, онъ ее останавливаетъ:

Грѣхъ, грѣхъ, предъ Богомъ стань и не теряй ужъ словъ,
Я для тебя, мой другъ, исполнить все готовъ.
(I д., 10 явл.).

Авторъ пьесы относится къ Русалею сочувственно; онъ такъ характеризуетъ его словами Благоразума:

Онъ честенъ, справедливъ, незлобивъ, милосердъ,
Хорошій братъ, сынъ, другъ, во обѣщаньяхъ твердъ;
Всѣ качества суть сіи Русака прямаго.
(II д., 3 явл.).

Послѣдній стихъ свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ автора комедіи къ Россіи, объ его горячемъ и даже исключительномъ патріотизмѣ.—Хвостовъ понимаетъ возможную пользу путешествій, когда человѣкъ ѣдетъ заграницу изучать нравы чужаго народа, его законы и вкусы, его умъ; онъ понимаетъ, что русскіе молодые люди иной разъ сами виноваты, что испортились во Франціи,—

На время свой народъ съ тѣмъ оставляемъ мы,

(говоритъ онъ),—

Чтобъ въ чужестранцахъ зрѣть ихъ нравы, ихъ умы,
Ихъ вкусъ, законы ихъ, ихъ знаньемъ просвѣтиться
И совершеннѣе домой бы возвратиться.
Въ Парижѣ кто сидѣлъ лишь у торговки модъ,
Извѣстенъ ли тому французскій сталъ народъ?
(I д., 5 явл.).

Но онъ въ-сущности противъ путешествій молодыхъ

людей въ Парижъ: онъ убѣжденъ, что Парижъ дѣлаетъ ихъ нравственными уродами и лишаетъ качествъ «русака прямаго». Благоразумъ говоритъ Скрягину:

Пусть міръ дурачится,—ты будь въ разсудкѣ строгъ.
Пусть учатся болтать, безпутствовать въ Парижѣ,
Ты бъ сына здѣсь училъ: рубашка къ тѣлу ближе.
(I д., 5 явл.).

Отношенія Благоразума къ Франціи вообще скептическія; сравнивая Францію съ древней Россіей, онъ говоритъ:

За суевѣріе какъ дѣлать намъ упреки,
Когда во Франціи лились кровавы рѣки?
Тамъ суевѣріе съ невѣжествомъ сліясь,
Дерзало самую разрушить царства связь;
И какъ ворожеи маршальши Анкръ сожженье
Не сильно ль доказать французовъ заблужденье?
(II д., 3 явл.).

Онъ очень радуется, что у насъ на Руси часъ-отъ-часу уменьшается, какъ онъ вѣритъ, увлеченіе всѣмъ французскимъ, что мы начинаемъ, наконецъ, думать безъ французовъ.

Таковы взгляды Благоразума. Но замѣчательно, что рядомъ съ этимъ резонеръ Хвостова выражаетъ иной разъ и такія мысли, которыя ужъ никакъ нельзя назвать народными. Чрезвычайно странны его отношенія къ народу въ слѣдующихъ, напримѣръ, стихахъ:

Вѣрь, какъ бы ни была страна просвѣщена,
Ума народнаго не важная цѣна.

Слова эти какъ будто произнесены слѣпымъ послѣдователемъ западническаго направленія... Но, впрочемъ, не трудно замѣтить по пьесѣ, что западничество Хвостова— внѣшнее и напускное: въ немъ зачастую виденъ непосредственный русскій человѣкъ, даже не затронутый рефлексіей; напримѣръ, въ его взглядѣ на отношенія дѣтей къ родителямъ. Идеальная Милена (выражающая своими разсужденіями, какъ лице резонерствующее, воззрѣнія самого автора), Милена такъ говоритъ служанкѣ Проводѣ, предложившей ей тайкомъ уйдти отъ матери, чтобы обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ:

Чтобъ отъ тебя впередъ не слышать мнѣ о томъ!
Какъ мнѣ озлобить мать? я чту ее безмѣрно.

(I д., 10 явл.).

и нѣсколько далѣе такъ опредѣляетъ свои нравственныя правила въ отношеніяхъ къ матери:

Конечно, матушкѣ покорность всю явлю,
Но лишь не измѣню тому, кого люблю.

(III д., 2 явл.).

Остановимся еще на двухъ, слабыхъ въ художественномъ отношеніи, но характерныхъ комедіяхъ неизвѣстнаго автора: «Лжецъ» и «Домашнія несогласія». Въ этихъ пьесахъ выражается наивный и грубый взглядъ на семейныя отношенія и родственныя связи; это—крайнія проявленія непосредственно-народнаго направленія.

Комедія «*Лжецъ*», въ 5-ти дѣйствіяхъ, напечатанная въ 12-ой части Россійскаго Θеатра, интересна идеализаціей купеческаго сословія. Такая идеализація,—замѣтимъ мимоходомъ,— не случайность, а имѣетъ двѣ причины: во-первыхъ, купеческое сословіе приравнивалось у насъ въ Екатерининскія времена къ такъ-называемому «третьему» сословію, о которомъ въ XVIII вѣкѣ такъ много говорили и писали; во-вторыхъ, наши писатели народнаго направленія думали, что въ купеческой средѣ наиболѣе сохранились народныя свойства и черты характера.

Нѣкто Пантелей является въ комедіи идеализированнымъ купцомъ. Онъ человѣкъ необычайной честности:

Гдѣ ты слышалъ, чтобы купцы обманами разбогатѣли? Вѣрность торговли на одной честности основана (говоритъ онъ сыну). Бездѣльнику никто вѣрить не можетъ. Безпутство наружу выходитъ рано или поздно. Ложью и обманомъ не разбогатѣетъ никто. (V д., 4 явл.).

Пантелей благородно вооружается противъ роскоши:

Роскошь у всѣхъ умножилась (негодуетъ онъ). Иный съ доходомъ тысячи рублей старается жизнь свою распорядить противъ того, у котораго десять тысячъ; а сей тянется наравнѣ быть съ имѣющимъ въ-пятеро больше его дохода. (III д., 1 явл.).

Онъ—врагъ и чиновническаго тщеславія, и взяточничества. Несочувственно относится онъ къ словамъ ассесора Баланцова:

Разсуди самъ, господинъ Пантелей; какъ же мнѣ имѣть меньше кушанья за столомъ, людей на дворѣ и лошадей на конюшнѣ, когда ровные мнѣ имѣютъ въ-сравненіи моей братьи. (III д., 1 явл.).

Въ отвѣтъ на удивленный вопросъ того же Баланцова—почему теперь все стало такъ дорого? — Пантелей съ негодованіемъ говоритъ, что причина этого — взятки: пока товаръ везется въ города, купцамъ приходится дѣлать излишніе расходы: «Тому подай, другому поднеси». Баланцовъ возражаетъ: «Не велѣно, сударь, давать; не велѣно подносить ни тому, ни другому».—«Знаю, сударь (говоритъ честный купецъ), да не велѣно и брать, ни принимать; а, всетаки, берутъ и принимаютъ» (III д., 1 явл.).

Идеальный Пантелей высказываетъ въ пьесѣ взгляды свои на семейное начало (и въ этомъ—главный интересъ для насъ комедіи). Взгляды Пантелея—непосредственно-народные, и съ ихъ свѣтлой стороною—требованіемъ неизмѣнности чувства, крѣпости брачныхъ узъ, и съ ихъ наивной грубостью—отнятіемъ всякой самобытности, всякой мысли и воли у молодаго поколѣнія:

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ (говоритъ Пантелей) молодые люди такъ плохо думаютъ, что до свадьбы своей дождаться не могутъ, а нѣсколько времени спустя многіе разводятся. Сіе происходитъ отъ того, что болѣе слѣдуютъ слѣпой страсти, нежели родительскимъ совѣтамъ. Отцы лучше знаютъ, что дѣтямъ надобно, нежели молодые люди сами. (IV д., 11 явл.).

На заключеніе брака Пантелей смотритъ попросту, постаринѣ; на вопросъ сына своего Леона: «Какъ-же мнѣ жениться, не видавъ невѣсты?»—онъ наивно-простодушно отвѣчаетъ: «Увидишь при сговорѣ. Въ старину-то и все бывало такъ, а живали не хуже нынѣшняго». (IV д., 11 явл.).

Наивно грубы и воззрѣнія Пантелея на воспитаніе, на отношенія къ слугамъ: «По нашему,—говоритъ онъ, — какъ тумака дашь, такъ съ дѣтей и слугъ проказы всякія какъ рукой сниметъ». (V д., 1 явл.).

Въ разсужденіяхъ и словахъ Пантелея, которому видимо сочувствуетъ авторъ пьесы, сказались взгляды самого этого писателя, взгляды на-столько непосредственные и

наивные, что онъ заставляетъ иной разъ своего героя горячо симпатизировать даже такимъ народнымъ обычаямъ, которые должны бы вызывать лишь смѣхъ, какъ, напримѣръ, обычай просить за все про все на водку. Леонъ мало, только денежку, далъ на водку извозчику, съ которымъ пріѣхалъ. Вслѣдствіе этого между имъ и недовольнымъ извозчикомъ происходитъ такого рода разговоръ:

Извозчикъ. Какъ-ста, баринъ, тебѣ не стыдно, что ты на вино далъ денежку.

Леонъ. На вино тебѣ дать зависитъ отъ моей воли; а ты тѣмъ будь доволенъ, что я тебѣ даю.

Извозчикъ. Въ передъ, окромѣ хромыхъ кляченокъ, тебѣ не впрягу, будь увѣренъ.

Пантелей, случайно слышавшій этотъ разговоръ, негодуетъ на молодаго человѣка (въ которомъ онъ еще не узналъ сына). «Если бъ это былъ мой сынъ, — говоритъ онъ,—то бъ я его умѣлъ унять».

Комедія «*Домашнія несогласія*», напечатанная въ той же 12-й части Россійскаго Θеатра, принадлежитъ, конечно, тому же автору, что и предшествовавшая пьеса,— нѣкоторыя дѣйствующія лица носятъ тѣ же имена и фамиліи, какъ въ комедіи «Лжецъ»: Баланцовъ, Пантелей, Потапъ, Мавра и другіе [1]). Незамысловатое содержаніе комедіи состоитъ въ изображеніи ссоры между нѣкіимъ Осмининымъ и его невѣсткой, — ссоры, происшедшей вслѣдствіе ссоры слугъ. Главное лицо пьесы Пантелей, являющійся примирителемъ родственниковъ, благоговѣйно уважаетъ семейныя и вообще родственныя связи и ставитъ ихъ выше всего. Осмининъ назвалъ ему своего племянника Романа дуракомъ. Пантелей говоритъ на это: «Что дѣлать? Вы, однако, въ свѣтѣ кромѣ сего племянника не имѣете». Когда Осмининъ не хочетъ оставить племяннику наслѣдство и утверждаетъ, что онъ вправѣ

---

[1]) Написана пьеса, по всей вѣроятности, въ 1772 или 1773 году. Это видно изъ того, что въ ней, между прочимъ, говорится о чтеніи «Живописца», а Новиковскій «Живописецъ» выходилъ въ эти годы.

завѣщать свое имѣніе чужимъ, Пантелей съ неудовольствіемъ замѣчаетъ:

Вы всегда грозите свое имѣніе оставить чужимъ... Вы съ своимъ имѣніемъ можете дѣлать, что заблагоразсудится, но разумные и разсудительные люди въ справедливости и законахъ своему хотѣнію находятъ границы. Для чего вамъ отнять у племянника и отдать чужимъ? Положимъ, что вы опасаетесь неблагодарности вашего племянника. Но кто вамъ порукою, что чужіе почтительнѣе къ вамъ будутъ, нежели родные? (I д., 5 явл.).

Для водворенія мира въ семьѣ Пантелей предлагаетъ Осминину даже оказать несправедливость къ слугѣ: «Невѣстка болѣе стоитъ уваженія,—говоритъ онъ,—нежели простой слуга».

Слабая въ литературномъ отношеніи, комедія «Домашнія несогласія» главнымъ образомъ интересна по яркому выраженію въ ней крайней грубости и наивности стариннаго взгляда на отношенія дѣтей и родителей. Въ 7-мъ явленіи II дѣйствія Осминина говоритъ своей дочери Дарьѣ:

Что это за рѣчи у васъ нынѣ: взоръ мой плѣнился, перемѣнить милаго на немилаго? Умныя дѣвушки идутъ за кого отцу и матери угодно. Насъ выдавали такъ въ наше время, что и жениха до вѣнца въ лицо не увидишь, а тебя фатою закутаютъ такъ хорошо, что на другой день рада, рада, какъ тебѣ кто изъ знакомыхъ скажетъ, съ кѣмъ переночевала; а нынѣ какъ прихотливы дѣвицы стали, что уже и материной волѣ противятся.

Слова эти такъ наивно-непосредственны и грубы, что едва ли можно думать, что имъ сочувствуетъ авторъ пьесы; вѣрнѣй, кажется, предположить, что въ нихъ заключена иронія; на это намекаетъ самый ихъ гиперболизмъ.

Важное мѣсто среди нашихъ комедій прошлаго столѣтія занимаютъ пьесы *Княжнина*. Но считать этого писателя представителемъ народной комедіи, какъ это часто думаютъ, никакъ нельзя. Разбирая одинъ изъ литературныхъ видовъ скептическо-матеріалистическаго направленія — комическую оперу, авторъ настоящаго сочиненія имѣлъ случай разобрать двѣ пьесы Княжнина: «Сбитеньщикъ» и «Несчастье отъ кареты». Обѣ пьесы — несомнѣнныя оперы-буффъ. Мы видѣли въ нихъ и плута

героя, устроивающаго счастье добродѣтельныхъ людей, и легкомысленно-примирительный взглядъ на житейскую пошлость, и цинизмъ нравственныхъ воззрѣній. Правда, въ пьесахъ этихъ есть и народное начало, напримѣръ, въ осмѣяніи французоманіи помѣщика, задумавшаго купить модную карету, въ сочувственномъ изображеніи народной жизни; но и то и другое стоитъ у Княжнина не на первомъ планѣ, а народная жизнь, кромѣ того, представлена невѣрно, въ идиллическомъ свѣтѣ.

Остановимся еще на комедіи того же писателя «*Хвастунъ*» (написанной въ 1786 году) [1]. Она интересна съ одной стороны по нѣкоторымъ, встрѣчающимся въ ней народнымъ чертамъ, съ другой стороны потому, что довольно опредѣленно выражаетъ общіе взгляды автора.— Нѣкто Верхолетъ выдаетъ себя за графа, чтобы жениться на богатой дѣвушкѣ Миленѣ; но онъ обманывается въ разсчетѣ, и въ концѣ пьесы порокъ наказанъ правительствомъ: въ 5-мъ дѣйствіи на сцену является «благочинный» и раскрываетъ всѣ продѣлки мнимаго графа, хвастуна. Смыслъ комедіи нравоучительный:

Теперь-то вижу я,
Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

Такими словами заканчиваетъ пьесу служанка Марина, которая до разъясненія обмана хвастуна питала надежду выйдти замужъ за слугу мнимаго графа и зажить съ нимъ припѣваючи.

Народными чертами въ комедіи можно признать осмѣяніе французскихъ модъ и сочувственное указаніе на деревенскую правдивость. — Дядя «Хвастуна», помѣщикъ Простодумъ, пріѣхавшій изъ деревни въ столицу, никакъ не можетъ узнать слугу племянника — Полиста, потому что тотъ одѣтъ и напудренъ по модѣ. Самъ Полистъ отрицательно относится къ модѣ и французамъ; онъ говоритъ:

[1]) Соч. Княжнина. Изд. Смирдина. Спб. 1847 г. т. I.

Вотъ что, французы, вы надѣлали со мною!
Отъ желтой, сударь, ихъ причинныя муки
Такіе вышли мнѣ ужасные крюки.
Французамъ да чертямъ лишь можно такъ штукарить,
Чтобъ даже въ моду ввесть и пудру въ печкѣ жарить,
И ею волоса природны засыпать
На то, чтобъ не могли наслѣдника узнать.

(I д., 2 явл.).

Простодумъ—человѣкъ простой и прямой;

Въ деревнѣ живучи, мы вашихъ модъ не знаемъ,

(говоритъ онъ),—

Бездѣльниковъ всегда плутами называемъ.
Вотъ такъ у насъ въ глуши.

(I д., 2 явл.).

Но, впрочемъ, особеннаго сочувствія къ простодушію деревенскихъ помѣщиковъ Княжнинъ въ своей пьесѣ не выражаетъ; онъ скорѣй склоненъ указывать на темныя стороны ихъ нравовъ. Такъ, напримѣръ, онъ заставляетъ Простодума мечтать о сенаторствѣ въ надеждѣ, что можно будетъ, сдѣлавшись сильнымъ человѣкомъ, поприжать своихъ сосѣдей.

Я сердцемъ (говоритъ онъ) лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня, равно какъ скотъ мой, жмутъ.
Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ
И какъ на собственныхъ на ихъ косить лугахъ.

(III д., 8 явл.).

Свои собственныя воззрѣнія Княжнинъ высказалъ (по обыкновенію комиковъ XVIII вѣка) устами резонера — Честона. Это—воззрѣнія благороднаго и просвѣщеннаго человѣка: Честонъ — честно служитъ, не толкается въ передпихъ «знатныхъ особъ», «не ловитъ достоинствъ чрезъ подлости». Но опредѣленныхъ народныхъ чертъ въ его поступкахъ и разсужденіяхъ не замѣтно; народность сказывается развѣ лишь въ его протестѣ противъ родовой гордости; онъ говоритъ въ 3 явленіи III дѣйствія:

Въ родъ титла государь заслугамъ отдаетъ,
Чтобъ славину предку былъ потомковъ равенъ родъ;

И всякій человѣкъ, породой отличенный,
Быть долженъ гражданинъ заслугами отмѣнный;
А въ прочемъ родъ—ничто, и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.

Личность и воззрѣнія Княжнина выразились также во взглядахъ молодой дѣвушки—Милены. Милена романически смотритъ на жизнь, вѣритъ въ родство душъ...

И спорить объ этомъ я стану до конца,
Что другъ для друга есть рожденныя сердца,

(говоритъ она),—

Они должны къ себѣ взаимно устремиться
И въ сердце, наконецъ, едино превратиться.
Тогда такой союзъ есть небо на земли,
Предъ счастьемъ ихъ ничто и сами короли.
(IV д., 3 явл.).

Верхолетъ, уже уличенный во лжи и обманѣ, но еще не теряя надежды жениться на Миленѣ, говоритъ ей:

Условье съ матушкой положено у насъ,
Исполнить матери вамъ надобно приказъ.

А Милена возражаетъ ему съ свой точки зрѣнія:

То правда, матушкѣ угодно это стало,
Но сердце мнѣ любить Замира приказало.

Въ этихъ словахъ мы видимъ несочувствіе автора пьесы старинному русскому обычаю — безпрекословнаго повиновенія дѣтей въ дѣлѣ любви и брака родительской волѣ. — Отмѣтимъ еще одну черту: совершенно западноевропейскій взглядъ Княжнина на честь, на point d'honneur. Резонеръ Замиръ говоритъ про Верхолета:

Клевещетъ только онъ и взводитъ на другихъ
Всѣ мерзки низости прегнусныхъ чувствъ своихъ,
И если шпагою его зовутъ къ отвѣту,
То смѣлъ онъ обижать, а драться сердца нѣту!

и нѣсколько далѣе:

Но знайте же вы то, что я, каковъ ни есть,
Но выше я всего одну считаю честь.
(IV д., 7 явл.).

Не меньшее, если не большее, чѣмъ Княжнинъ, значеніе имѣетъ въ исторіи нашей комедіи *Капнистъ*, авторъ знаменитой въ свое время «*Ябеды*».—Комедія эта можетъ быть названа пьесой въ народномъ духѣ, во-

первыхъ, по ея мѣткому, здравому, чисто-народному юмору, во-вторыхъ,—по трезвому реализму изображенія въ ней жизни. Она написана въ 1796 году, а напечатана въ 1798, съ посвященіемъ императору Павлу [1]. — Въ художественномъ отношеніи «Ябеда» произведеніе довольно слабое; но она замѣчательна по своему общественному значенію, по своему содержанію и благородной идеѣ. Нѣкто Праволовъ хочетъ оттягать имѣніе у Прямикова; онъ заводитъ тяжбу, задариваетъ чиновниковъ, и дѣло рѣшается въ его пользу. Но сенатъ, возстановляя правосудіе, отдаетъ самихъ чиновниковъ подъ судъ. Этимъ оканчивается пьеса; но авторъ, однако, не такъ простодушенъ, чтобы повѣрить погибели взяточниковъ: онъ вмѣстѣ съ своимъ резонеромъ Добровымъ думаетъ, что

Съ уголовною гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живетъ за-панибрата.

«Ябеда» имѣла большой успѣхъ, и успѣхъ вполнѣ заслуженный: она отразила въ себѣ дѣйствительную жизнь (въ ней даже прямо изъ дѣйствительности взяты нѣкоторые факты судебныхъ рѣшеній), она дала прекрасную картину нравовъ чиновничьяго міра, раскрыла одну изъ главныхъ язвъ русскаго общества. На-сколько пьеса жизненна, это видно, между прочимъ, изъ того, что иныя ея выраженія обратились въ пословицы, какъ, напримѣръ: «законы святы, да исполнители лихіе супостаты». Такихъ мѣткихъ, несомнѣнно остроумныхъ выраженій въ ней много. Ѳекла, жена предсѣдателя гражданской палаты, говоритъ:

Да что противу насъ кто можетъ доказать?
Кого мы безъ суда имѣнія лишили?
Кого не по словамъ закона раззорили?

(IV д., 3 явл.).

Резонеръ Добровъ замѣчаетъ Аннѣ, служанкѣ, когда

[1] Сочиненія Капниста, изд. Смирдина, Спб. 1849 г. Есть и отдѣльное изданіе «Ябеды», Спб. 1798.—Изд. «Ябеды» г. Суворина: Спб. 1884 г.

та начала прибирать комнату послѣ попойки членовъ гражданской палаты:

Напрасные труды! не токмо что простыя,
Но цѣлый хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ черпъ останется, хоть мой во Іорданѣ.
(V д., 1 явл.).

Кромѣ общественнаго значенія, «Ябеда» имѣетъ еще и значеніе историческое: есть историческая связь между нею и великой общественной комедіей нашего времени—«Доходнымъ мѣстомъ» Островскаго, въ которомъ также нарисована яркая картина чиновничьяго быта, чиновничьей неправды. Сходство этой стороны пьесъ идетъ до подробностей: и Островскій, какъ Капнистъ, изображаетъ, напримѣръ, пирушку своихъ героевъ на наворованныя деньги. Великій современный поэтъ имѣлъ въ виду пьесу Капниста, когда сочинялъ свою комедію: онъ вложилъ въ уста пришедшаго въ отчаяніе Жадова пѣсню прокурора Хватайки, одного изъ героевъ «Ябеды», пѣсню тоже почти перешедшую въ поговорки.

Характеры дѣйствующихъ лицъ «Ябеды» очерчиваются въ разговорѣ Доброва съ Прямиковымъ. Добровъ поясняетъ.

Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Онъ и ошибкою дѣлъ прямо не вершилъ,
Онъ съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Онъ и законами лишь беззаконье удитъ.

«А члены?»—спрашиваетъ Прямиковъ.

Одинъ членъ (отвѣчаетъ Добровъ) вѣчно пьянъ и протрезвленья нѣту,
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страстный.

А засѣдатели?—продолжаетъ спрашивать собесѣдникъ. Добровъ отвѣчаетъ:

Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать,—
Такъ что жъ? лихъ та бѣда, что не горазцъ читать.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ.
Что душу бы свою на карту просадилъ.

А прокуроръ?

> О, прокуроръ!
> Чтобъ въ риему мнѣ сказать,—существеннѣйшій воръ.
> Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
> Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ метитъ онъ далеко;
> Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.

А что скажете о секретарѣ?—продолжаетъ Прямиковъ.

> Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ

(опредѣляетъ его Добровъ),—

> Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
> Подчиститъ протоколъ, или листъ прибавитъ смѣло,
> Иль стибритъ документъ—его все это дѣло.
> (I д., 1 явл.).

Въ комедіи особенно замѣчательны по реализму и яркости изображенія жизни двѣ сцены.—Въ одной авторъ показываетъ намъ пирушку приказныхъ. Чины гражданской палаты пьютъ, ведутъ цинически-откровенную бесѣду о своихъ «грѣшкахъ», острятъ. Предсѣдатель Кривосудъ проситъ прокурора Хватайко спѣть что-нибудь. Хватайко сперва скромно отговаривается, но потомъ запѣваетъ пѣсню своего сочиненія:

> Бери, большой тутъ нѣтъ науки!
> Бери, что можно только взять!
> На что жь привѣшены намъ руки,
> Какъ не на то, чтобъ брать?

и всѣ подхватываютъ хоромъ: «брать, брать, брать!»

> *Кривосудъ.*
> Эй, браво! хорошо!
> *Хватайко.*
> Вѣдь самъ сложилъ словца.
> *Бульбулькинъ* (одинъ изъ членовъ).
> Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца.
> (III д., 6 явл.).

Другая сцена изображаетъ засѣданіе палаты по дѣлу Праволова съ Прямиковымъ. Секретарь читаетъ приговоръ чуть не по складамъ и безъ соблюденія знаковъ препинанія. Судьи слушаютъ небрежно, или лучше — совсѣмъ не слушаютъ чтенія: одинъ изъ членовъ говоритъ о винѣ, другой заявляетъ о пріѣздѣ какого-то гвардейскаго офицера и что было бы недурно обыграть этого офицера въ

карты... Потомъ всѣ, не прочитывая приговора и даже не глядя на него, подписываютъ его, и затѣмъ съ добродушно-цинической шуткой объявляютъ Прямикову.

Къ числу піесъ съ народнымъ характеромъ можно отнести и комедіи императрицы Екатерины: «О время!», «Имянины г-жи Ворчалкиной» (гдѣ такъ комически изображены петиметры и осмѣяны дурные помѣщики). Но объ этихъ піесахъ уже было сказано при обзорѣ всей литературной дѣятельности императрицы Екатерины.

Въ концѣ прошлаго вѣка началъ писать комедіи и *И. А. Крыловъ*. Но такъ какъ лучшая пора его дѣятельности относится уже къ Александровской эпохѣ и онъ— одинъ изъ главныхъ дѣятелей слѣдующаго литературнаго періода, то и не будемъ останавливаться на его пьесахъ. Должно только упомянуть здѣсь о первой изъ нихъ. Это— «*Кофейница*», написанная въ 1783 или 1784 году [1]). Авторъ (бывшій тогда еще почти мальчикомъ) назвалъ ее—комическою оперой. И въ самомъ дѣлѣ, въ ней какъ будто есть черты этого вида литературы: героемъ ея является плутъ-приказчикъ. Но нравственныя воззрѣнія Крылова были выше, чѣмъ у его предшественниковъ — сочинителей комическихъ оперъ: плутъ герой не устроиваетъ въ «Кофейницѣ» счастья хорошихъ людей и не торжествуетъ, а напротивъ—наказывается. Уже въ этомъ еще дѣтскомъ произведеніи Крылова можно подмѣтить зачатки народнаго направленія будущаго знаменитаго писателя.

II.

Д. И. Фонвизинъ.

Разсматривая комедіи Екатерининской эпохи, мы не останавливались до сихъ поръ на комедіяхъ Фонвизина,

---

[1]) Она напечатана въ 6 томѣ Сборника отдѣленія рус. яз. и словесн. Академіи наукъ.

занимающихъ, очевидно, первое мѣсто среди современныхъ имъ пьесъ. Но талантъ Фонвизина такъ великъ, и литературная дѣятельность его такъ важна, что на этой дѣятельности слѣдуетъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, во всемъ ея объемѣ. Многія произведенія Фонвизина имѣютъ несомнѣнно художественное значеніе; нѣкоторыя изъ нихъ сохранили это значеніе даже до нашего времени, оказались безсмертными...

Литература о Фонвизинѣ довольно велика [1]; но самые замѣчательные или интересные отзывы о немъ мы находимъ у трехъ писателей: князя П. А. Вяземскаго, Бѣлинскаго и Достоевскаго.

Князь Вяземскій написалъ объ авторѣ «Недоросля» большую книгу («Фонъ-Визинъ», Спб., 1848) [2]. Книга эта отличалась многими достоинствами; но точка зрѣнія ея—крайняя западническая; авторъ несправедливо, рѣзко, даже грубо обвиняетъ Фонвизина, за его письма изъ путешествія, въ фанатической будто бы ненависти къ Франціи. Князь Вяземскій говоритъ, что нашъ путешественникъ за границей «смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями проповѣдуетъ выгоду невѣжества»; въ его отзывахъ видны будто бы «желчь и даже изступленіе»; онъ изображаетъ все «гнусными красками»; притомъ его «злословіе — холодно и сухо» и «отзывается нравоученіемъ холоднаго декламатора». — Совсѣмъ иначе посмотрѣлъ на дѣло Бѣлинскій; Бѣлинскій былъ западникъ во всю свою жизнь, но западникъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ князь Вяземскій. Онъ говоритъ о письмахъ Фонвизина:

«Читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшной картинѣ французскаго общества, такъ мастерски нарисованной

[1] Собраніе сочиненій Фонвизина, изданіе Глазунова, подъ редакціей г. Ефремова. Спб. 1866.—Здѣсь и перечень статей о Фонвизинѣ.

[2] См. также Собр. соч. кн. П А. Вяземскаго, т. V. Спб. 1880.

нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами французы, далеко былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота» (Соч. Бѣлинскаго, т. 8, изд. 1874 г., стр. 112).

Бѣлинскій не написалъ о Фонвизинѣ большой критической статьи; но онъ говоритъ о немъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ [1]). Въ началѣ дѣятельности Бѣлинскій былъ нѣсколько холоденъ къ знаменитому комику, не находилъ достаточно художественности въ его произведеніяхъ, считая его юморъ холодною сатирой. Позже, перешедши отъ романтизма и отвлеченной философіи къ критикѣ исторической и публицистической, Бѣлинскій перемѣнилъ свой взглядъ, и поставилъ Фонвизина довольно высоко, оцѣнивъ общественное значеніе его комедій.—Но самое замѣчательное, что было только писано у насъ о Фонвизинѣ, это маленькая по объему, но глубокая по содержанію замѣтка о немъ Достоевскаго въ сочиненіи: «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ». Достоевскій былъ замѣчательный литературный критикъ— и прекрасно подмѣтилъ въ душѣ Фонвизина борьбу непосредственно-народныхъ началъ съ пришлыми изчужи идеями. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь впереди.

Сила таланта Фонвизина была огромная, такъ что этой силѣ не соотвѣтствовали даже, были узки для нея тѣ рамки непосредственно, инстинктивно-народнаго направленія, въ которыя была заключена дѣятельность высоко-даровитаго писателя. Но сама личность этого писателя была наивна и нѣсколько легкомысленна. — Фонвизинъ подъ конецъ жизни только сталъ понимать все значеніе литературы, а прежде онъ цѣнилъ ее мало. Въ «*Челобитной Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ Писателей*» онъ жалуется на «знаменитыхъ невѣждъ, забывшихъ, что умы ихъ жалованные, а не родовые, и постановившихъ между собою всякое знаніе, а особливо

---

[1]) См. тт. 1, 6, 8, 11 и 12 «Сочиненій» Бѣлинскаго.

словесныя науки почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ», и проситъ «повелѣть грамотныхъ людей по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы они, служа Россійской Музѣ *на досугѣ*, могли главное жизни своей время посвятить на дѣло для службы ея величества». Отсюда видно, что Фонвизину казалось, будто литературныя занятія дѣло не важное, и во всякомъ случаѣ ниже государственной службы: имъ можно посвящать только досуги.

Сатира Фонвизина часто была сатирой безсознательной; за смѣхомъ знаменитаго комика иной разъ не крылось ясной мысли; онъ самъ не всегда сознавалъ—надъ чѣмъ и во имя чего онъ смѣется. Серьезность и возвышенность его юмора иной разъ подрывалась его же собственнымъ резонерствомъ. Въ художественно нарисованныхъ лицахъ «Недоросля» Фонвизинъ прекрасно обличалъ суровыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; но онъ самъ же подрывалъ свое благородное обличеніе личностью резонера Правдина, въ которомъ воплотилъ парадоксальную мысль, что для облегченія крестьянъ нѣтъ непремѣнной надобности освобождать ихъ, а достаточно учредить надъ дурными помѣщиками надзоръ добродѣтельныхъ чиновниковъ, какъ будто можно было найдти достаточное количество такихъ чиновниковъ и какъ будто эти чиновники могли повсюду розыскать зло, какъ будто ничто не могло отъ нихъ скрыться.—Фонвизинъ, не смотря на свой здравый смыслъ и простое, доброе сердце, дорожилъ преимуществами привиллегированнаго сословія. Его Стародумъ говоритъ въ одной сценѣ «Недоросля»: «Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ, подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю». «Я видѣлъ (говоритъ самъ Фонвизинъ въ «Письмѣ къ господину сочинителю «Былей и Небылицъ»), въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе... Я видѣлъ отъ почтенныхъ пред-

ковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце». Значитъ, если бъ онъ видѣлъ раболѣпствующими *не*-дворянъ, то это не растерзало бы его сердца.—Въ комедіи «Выборъ гувернера» резонеръ Нельстецовъ высказываетъ такія мысли. «Необходимо надобно, чтобы одна часть подданныхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ нибудь жертвовала, слѣдственно равенство состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыселъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія... всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена въ жертву другой». И потому законодателю остается лишь (по мнѣнію Нельстецова) «расчислить такъ, чтобы число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется».—Человѣкъ ума яснаго и просвѣщеннаго, Фонвизинъ находилъ, однако, что просвѣщеніе не всегда полезно, не всегда возвышаетъ душу. Устами Стародума высказываетъ онъ, напримѣръ, такую идею: «Имѣй сердце, имѣй душу — и будешь человѣкъ во всякое время... На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы». (III д., 1 явл.). Въ этомъ предпочтеніи благонравія образованію сказалось вліяніе на нашего писателя педагогическихъ идей XVIII вѣка. Человѣкъ съ народнымъ складомъ души, человѣкъ непосредственный, Фонвизинъ, однако, самымъ наивнымъ образомъ подчинялся иной разъ иноземнымъ вліяніямъ. Такъ, не смотря на свою вѣру и религіозность, онъ въ нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) сочиненіяхъ своихъ является скептикомъ, легко смотрящимъ на жизнь. Въ написанномъ въ 1763 году «*Посланіи къ слугамъ своимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*» онъ, задавая слугамъ вопросъ: «на что сей созданъ свѣтъ?» заставляетъ ихъ легкомысленно-весело разсуждать, въ-родѣ Петрушки:

Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаютъ того ни умный, ни дуракъ.

Не умѣя разрѣшить вопросъ, слуги просятъ его самого дать объясненіе, — и онъ отвѣчаетъ имъ въ томъ же легкомысленномъ тонѣ:

А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
И самъ не знаю я, на что̀ сей созданъ свѣтъ!

Въ своемъ «*Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ*» Фонвизинъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о силѣ вліянія на него матеріалистическихъ идей французской философіи. Онъ разсказываетъ, что былъ одно время, въ молодости, членомъ кощунственнаго общества. А между тѣмъ онъ выросъ въ отцовскомъ домѣ среди набожныхъ нравовъ и обычаевъ; у нихъ въ семьѣ, напримѣръ, часто совершались домашнія богослуженія, за которыми Денисъ Ивановичъ, еще ребенкомъ, исполнялъ обязанности чтеца. — Поэтическое чутье часто подсказывало Фонвизину истину, но легкомысленное желаніе смѣшить читателей и зрителей приводило его къ утрировкѣ, къ каррикатурѣ и заставляло смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нельзя было смѣяться. Такъ, въ комедіи «Бригадиръ» онъ всѣми силами старается представить въ смѣшномъ видѣ старуху бригадиршу, къ которой въ-сущности лежитъ его сердце, и идеализируетъ по-оранжерейному воспитанную Софью, потому что считаетъ себя просвѣщеннымъ европейцемъ, которому стыдно сочувствовать глупой русской бабѣ.

Въ 1764 году, Фонвизинъ написалъ комедію «*Бригадиръ*», которая и дала ему славу, сдѣлала его знаменитымъ писателемъ.—Комедію эту нельзя, конечно, назвать вполнѣ самобытной: по постройкѣ своей, по развитію дѣйствія она—подражаніе иностраннымъ пьесамъ. Не говоря

уже о томъ, что лица ея, какъ во всѣхъ комедіяхъ XVIII столѣтія, раздѣляются на порочныхъ и добродѣтельныхъ (или резонеровъ), лица эти еще расположены въ симметрическомъ порядкѣ: бригадиръ влюбленъ въ совѣтницу, совѣтникъ влюбленъ въ бригадиршу; изъ этого сплетенія обстоятельствъ выходятъ внѣшне-комическія столкновенія; комизмъ окончанія пьесы тоже внѣшній, такъ сказать, водевильный. Но, не смотря на эти недостатки, «Бригадиръ» есть, все-таки, сочиненіе въ народномъ духѣ и притомъ весьма замѣчательное. Народность комедіи Фонвизина выразилась, во-первыхъ, въ изображеніи характера простой старинной русской женщины бригадирши; во-вторыхъ, въ остроумномъ осмѣяніи петиметровъ, щеголихъ, французоманіи русскаго общества.

Два характера ярко и, можно сказать, художественно (хотя не въ равной мѣрѣ) нарисовалъ Фонвизинъ въ «Бригадирѣ»: Акулины Тимоѳеевны (бригадирши) и сынка ея Иванушки.

Отношенія поэта къ первому изъ этихъ лицъ не совсѣмъ ясны: инстинктивно сочувствуя народнымъ основамъ характера бригадирши, онъ сознаніемъ своимъ стоитъ противъ нея, какъ человѣкъ, дорожащій своимъ европейскимъ развитіемъ. Онъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для представленія Акулины Тимоѳеевны дурой; онъ впалъ даже при этомъ въ чрезвычайную утрировку и каррикатуру. Бригадирша невѣроятно глупа и также невѣроятно скупа. Она считаетъ грамматику совершенно ненужной книгой, потому что за нее надо заплатить «гривенъ восемь». Она очень пугается и тревожится, услышавъ слово «потерялъ», и совершенно успокоивается, узнавъ, что рѣчь идетъ о потерѣ Иванушкой ума. «Онъ потерялъ умъ, ежели онъ былъ» (говоритъ бригадиръ). «Тьфу, какая пропасть! слава Богу! (отдыхаетъ бригадирша). Я было обмерла, испугалась, думала, что и впрямь не пропало ль

чего нибудь». Акулина Тимоѳеевна грубо, по-старинному смотритъ на бракъ и на отношенія дѣтей къ родителямъ: «Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту (говоритъ она сыну), твое дѣло—жениться».—Но, не смотря на все это, не смотря на явное желаніе автора представить свою героиню въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, онъ не могъ, однако, какъ художникъ, не нарисовать въ ней и такихъ чертъ, которыя заставляютъ насъ относиться къ ней съ сочувствіемъ и показываютъ, что она скорѣй положительный типъ, чѣмъ отрицательный. Бригадирша оказывается доброй и любящей женой и хорошимъ человѣкомъ, совершенно чуждымъ эгоизма. Семейное положеніе ея было очень тяжелое:

О, Иванушка! Богъ милостивъ (говоритъ она, обращаясь къ сыну). Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Но, покорная и преданная жена, незлобивая и добродушная женщина, она все прощаетъ, все забываетъ. И это не только по любви и уваженію къ своему мужу и командиру, а и потому еще, что думаетъ не о себѣ одной, что видитъ и понимаетъ страданія другихъ, что не считаетъ даже себя вправѣ быть счастливѣе себѣ подобныхъ. Случайно въ разговорѣ вспомнила она, какъ однажды мужъ такъ толкнулъ ее въ грудь, что она насилу вздохнула.

— Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ? (спрашиваетъ Добролюбовъ).

— Такъ и жить (отвѣчаетъ бригадирша, обращаясь къ Софьѣ). Развѣ я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ бывало нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздиловъ...

и она разсказываетъ съ глубокимъ состраданіемъ и сочувствіемъ, какъ тяжела была жизнь жены этого Гвоздилова. (Д. IV, явл. 2).

Преданная и терпѣливая жена, бригадирша является передъ нами и нѣжной матерью: она безгранично любитъ

своего недостойнаго сына, любитъ до наивной готовности покривить даже для него душою. — Женщина необразованная и недалекая, она обладаетъ, однако, здравымъ смысломъ, и потому отличается даже нѣкоторой свободой воззрѣній. По поводу замѣчанія совѣтника, что у Бога «всѣ власы главы нашея изочтены суть», бригадиръ выражаетъ сомнѣніе, что изочтены и у простыхъ людей, а бригадирша говоритъ ему:

Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ—офицеры всѣ въ одномъ рангѣ. (I д., 1 явл.).

Инстинктивное сочувствіе Фонвизина народнымъ чертамъ характера бригадирши показываетъ намъ, что знаменитый комикъ нашъ былъ человѣкъ русскій въ душѣ; а то обстоятельство, что онъ эти черты оставлялъ какъ будто въ тѣни и какъ будто готовъ былъ затушевать ихъ преувеличеннымъ изображеніемъ иныхъ чертъ, говоритъ о его безсознательности. Любя въ тайнѣ души свою героиню, поэтъ не смѣлъ (въ качествѣ просвѣщеннаго европейца) самому себѣ признаться въ этомъ. Эту наивность въ Фонвизинѣ, эту борьбу въ немъ инстинктивныхъ симпатій съ сознательнымъ отношеніемъ къ жизни, прекрасно подмѣтилъ Достоевскій.

Этотъ человѣкъ (говоритъ про Фонвизина авторъ «Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ») по своему времени былъ большой либералъ. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней Потемкина, но только-что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка француз не имѣетъ» да еще имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе... Почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманнаго европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ Фонвизинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую онъ до того уже подделывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя та говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее, всетаки, сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой дурой, даже дурной женщиной сдѣлалъ, а, всетаки какъ будто боялся и даже худо-

жественно невозможнымъ почелъ, чтобы такая фраза изъ устъ благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобы ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить, это чрезвычайно любопытно и интересно тѣмъ, что написано безъ всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...«у насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ по прозванію Гвоздиловъ; жена у него такая была изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной; такъ, вѣришь ли, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало,—въ чемъ душа останется, а не дай, не вынеси за што. Ну, мы, наше сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

«*Софья.* Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

«*Бригадирша.* Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншѣ».

Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у Фонвизина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе.

Французоманію русскаго общества своего времени Фонвизинъ обличаетъ живыми очерками характеровъ петиметра Иванушки и щеголихи совѣтницы.

Иванушка, воспитанный по модѣ въ Парижѣ (куда отправили его, увлеченные общимъ примѣромъ, родители, хотя сами были простыми русскими людьми на старый ладъ), Иванушка вернулся на родину совершеннымъ дуракомъ, не развившись умственно, а напротивъ оглупѣвъ подъ руководствомъ своего ментора французскаго кучера, не знавшаго грамотѣ; этимъ менторомъ Иванушка очень доволенъ, и совѣтуетъ всѣмъ уважать французскихъ учителей. Родину свою, все русское, Иванушка презираетъ, отъ Франціи же онъ въ восхищеніи.

Тѣло мое (говоритъ онъ) родилось въ Россіи, это правда; однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

— Однако, ты, всетаки, Россіи больше обязанъ, нежели Франціи (замѣчаетъ на это отецъ). Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Вотъ, батюшка (продолжаетъ Иванушка), теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

— Ну, не прямой ли ты болванъ? (восклицаетъ бригадиръ) я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ!

Глупость Иванушки замѣтили уже въ Парижѣ; онъ

разсказываетъ, что тамъ въ обществѣ, вездѣ, куда онъ ни приходилъ, восхищались его разговоромъ, слушали его и объ немъ говорили, причемъ

«у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ (объясняетъ онъ), что они обо мнѣ думаютъ».

Глупость, а также отсутствіе всякихъ нравственныхъ правилъ и чувствъ выражаются въ отношеніяхъ Иванушки къ родителямъ, которыхъ онъ и не уважаетъ, и не любитъ. Узнавъ, что отецъ его также влюбленъ въ совѣтницу, онъ хочетъ вызвать отца по-модному на поединокъ. «Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur»,—говоритъ онъ бригадиру въ другомъ случаѣ, и поясняетъ, что «когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ», то и онъ, Иванушка, не обязанъ отцу ни «малѣйшимъ респектомъ».—Взгляды Иванушки на бракъ и на отношенія дѣтей къ родителямъ—самые модные. На слова совѣтника: «Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ», Иванушка возразилъ:

Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Иванушка не даромъ плѣнился совѣтницей, съ которой совершенно согласенъ во мнѣніи, что кружева украшаютъ голову лучше знаній, а также и въ томъ, что крестьяне—существа достойныя презрѣнія,— совѣтница однихъ съ нимъ взглядовъ на жизнь, на Россію, на Францію, на моды. Она кокетка, щеголиха, пристрастная ко всему иноземному, и женщина, легко смотрящая на обязанности супруги. Она—прекрасный образецъ внѣшняго усвоенія западно-европейской цивилизаціи, или, лучше сказать, усвоенія ея ложныхъ сторонъ. Все родное, особенно крестьянъ, трудомъ которыхъ живетъ, она презираетъ.

— Пожалуй, скажи мнѣ (спрашиваетъ ее бригадирша), что у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами?

— Шутишь, радость моя (отвѣчаетъ совѣтница), я почему знаю, что ѣстъ вся эта *скотина!*

Очень интересенъ языкъ, которымъ говоритъ совѣтница,—модное, или «щегольское нарѣчіе»:

Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? (обращается она къ мужу). Опомнись, полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Фонвизинъ нарисовалъ въ своихъ произведеніяхъ нѣсколько образцовъ кокетокъ, вродѣ совѣтницы. Такова, напримѣръ, княгиня Халдина (въ сочиненіи «*Разговоръ у княгини Халдиной*»), имѣющая обыкновеніе одѣваться при мужчинахъ.

Извините меня, сударь, что глупость людей моихъ заставила васъ сидѣть въ скукѣ,

обращается она къ Здравомыслову, ожидавшему въ ея гостиной, пока она была занята своимъ туалетомъ, и затѣмъ кричитъ на горничную: «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться!»

— Да вѣдь стыдно, ваше сіятельство! (возражаетъ горничная).

— Глупа, радость! (негодуетъ на нее за этотъ отвѣтъ княгиня). Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего нибудь стыдиться.

Въ этомъ же «Разговорѣ у княгини Халдиной» Сорванцовъ разсказываетъ о другой модной щеголихѣ—своей теткѣ; она выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать, и вѣрную супругу, за добрую хозяйку и набожную женщину, а на самомъ дѣлѣ больше всего заботилась о томъ, чтобы дѣти были подальше отъ нея и не безпокоили ее:

«крикъ малолѣтнихъ дѣтей ей нестерпимъ (говоритъ Сорванцовъ), хотя она нимало не скучаетъ лаяніемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки, коихъ держитъ непрестанно подлѣ себя».

Что же касается супружеской вѣрности, то тетка Сорванцова, по его свидѣтельству, можетъ гордиться ею лишь на словахъ: она лицемѣрно не прощаетъ никакой слабости женщинамъ, а между тѣмъ ея послѣдній сынъ какъ двѣ капли воды походитъ на живущаго у нея въ домѣ гувернера Шевалье Какаду. — Про этого Шевалье Какаду воспитанникъ его Сорванцовъ разсказываетъ слѣ-

дующее (характеризуя его и подобныхъ ему наставниковъ иностранцевъ):

«Онъ вселялъ въ сердца наши ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь къ французамъ. Сей образъ наставленія есть обыкновенная система большей части чужестранныхъ учителей. Шевалье нашъ былъ надменень, хвастливъ и неблагодаренъ. Надменность его состояла въ томъ, что онъ хозяевъ и слугъ за людей не считалъ. По его словамъ, онъ зналъ всѣ науки, которыя и намъ показать обѣщалъ. Особенно въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ выдавалъ себя за мастера... Я думаю, что нашъ Шевалье и самъ не умѣлъ грамотѣ, ибо я его ни за книгой, ни съ перомъ въ рукахъ никогда не видывалъ».

Какаду—одинъ изъ нѣсколькихъ, изображенныхъ Фонвизинымъ иностранныхъ гувернеровъ. Въ комедіи «*Выборъ гувернера*» мы встрѣчаемъ подобнаго этому Какаду учителя француза Пеликана. Резонеръ комедіи дворянскій предводитель Сеумъ разсказываетъ графинѣ Самодуровой про Пеликана, что «сей пустоголовый французъ» былъ, по всей вѣроятности, подлѣкаремъ въ какой нибудь богадѣльнѣ во Франціи, и «умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, но больше ничего не знаетъ». Пріѣхавъ въ Россію, онъ сдѣлался учителемъ въ дворянскомъ домѣ. По представленію Сеума намѣстникъ прогналъ его изъ своего намѣстничества, считая «такихъ побродягъ зловредными отечеству».

Еще типъ подобнаго же учителя встрѣчаемъ мы въ «Недорослѣ»; это — нѣмецъ Вральманъ, бывшій прежде кучеромъ у Стародума и нанявшійся потомъ, за неимѣніемъ кучерскаго мѣста, въ учителя къ Митрофанушкѣ Простакову, котораго взялся обучать пофранцузски, понѣмецки и всѣмъ наукамъ, но на самомъ дѣлѣ ничему не учитъ, ибо самъ ничего не знаетъ. Вральманъ притомъ и нечестный человѣкъ: зная слабость Простаковой къ сыну, онъ потворствуетъ его лѣности, мѣшаетъ заниматься другимъ учителямъ... Замѣчательно, что Вральмана пригласили въ наставники къ сыну Простаковы, люди на старый ладъ, не знающіе иностранныхъ языковъ и ничего

вообще иностраннаго. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ подобно бригадиру, отправившему своего Иванушку въ Парижъ, по общему обычаю, увлеченные общею модою. Такъ бывало и въ жизни; Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что къ одному помѣщику нанялся въ учители чухонецъ, выдавшій себя за француза, и научилъ дѣтей его чухонскому языку вмѣсто французскаго.

Личность Вральмана приводитъ насъ къ комедіи «*Недоросль*», главному произведенію Фонвизина. «Недоросль» относится къ 1782 году, и появился въ свѣтъ 16 годами позже «Бригадира», когда талантъ поэта уже вполнѣ развился; это и отразилось на самой комедіи: она по содержанію серьезнѣе «Бригадира», и драматическое дѣйствіе развивается въ ней проще и естественнѣе, въ ней нѣтъ искусственно придуманныхъ, такъ сказать, водевильныхъ столкновеній. Но, впрочемъ, и въ ней большую роль играютъ случайности; такъ, напримѣръ, развязка пьесы, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго, есть своего рода deus ex machina; она производится не ходомъ обстоятельствъ, а волею Стародума, по праву родства, или волею Правдина, по силѣ закона.

Дѣйствующія лица «Недоросля», какъ и «Бригадира», какъ и вообще комедій XVIII вѣка, раздѣляются на порочныхъ и резонеровъ. Первая группа можетъ быть еще подраздѣлена на лицъ комическихъ, художественно обрисованныхъ поэтомъ, каковы, напримѣръ, Простакова, Митрофанъ, Скотининъ, и на лицъ каррикатурныхъ, изображая которыхъ, Фонвизинъ, по своей наклонности къ шаржу, впалъ въ преувеличеніе, таковы—Простаковъ, Кутейкинъ и нѣкоторые другіе.

Главное лице комедіи—Простакова: отъ нея зависятъ въ пьесѣ всѣ и все; она управляетъ и домомъ, и мужемъ, и сыномъ, и крестьянами. Авторъ обрисовалъ свою героиню очень обстоятельно и многосторонне; Простакова

представлена намъ въ комедіи и какъ мать, и какъ жена, и какъ помѣщица; мы знакомимся и съ ея воспитаніемъ въ домѣ отца ея—Скотинина.

Въ «Бригадирѣ» Фонвизинъ осмѣялъ воспитаніе по модѣ, на французскій ладъ; въ «Недорослѣ» мы видимъ сатиру на воспитаніе по-старинѣ, воспитаніе, ограничивающееся питаніемъ ребенка, закармливаніемъ его и пріученіемъ къ праздности и лѣни. Простакова любитъ сына: заботится, чтобы онъ не былъ утомленъ, чтобы онъ больше ѣлъ, хлопочетъ объ его будущей служебной карьерѣ, о томъ, чтобы женить его на богатой невѣстѣ; она дерется за него съ братомъ—Тарасомъ Скотининымъ, и т. д., и т. д., на каждомъ шагу проявляетъ она свою нѣжность къ Митрофанушкѣ; но нѣжность эта и любовь—совершенно животныя; не даромъ Простакова сама сравниваетъ себя съ собакой:

У меня материно сердце (говоритъ она). Слыхано ли, чтобы сука щенятъ своихъ выдавала? (Д. III, явл. 3).

Она нисколько не думаетъ и не заботится объ умственномъ развитіи сына. Нанявъ ему учителей, она сама не даетъ имъ заниматься дѣломъ. Она презираетъ образованіе, не только науки, но и простую грамотность; съ негодованіемъ говоритъ она, по поводу полученія Софьей письма отъ дяди:

Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

И Митрофана она воспитываетъ какъ дѣвушку: 16-лѣтній юноша, онъ съ указкой въ рукахъ еле разбираетъ часословъ, повторяя слова вслѣдъ за учителемъ; да и такое упражненіе въ чтеніи Простакова останавливаетъ, когда вбѣжавшій Вральманъ заявилъ опасеніе, что ребенка могутъ замучить россійскою грамотой, между тѣмъ какъ дворянинъ можетъ и безъ нея «авансировать» въ свѣтѣ. Вральману, какъ ничему не учащему ребенка и другимъ учить мѣшающему, Простакова покровительствуетъ: онъ и жалованья получаетъ въ 30 разъ больше, чѣмъ Ку-

тейкинъ и Цифиркинъ, онъ и обѣдаетъ за столомъ съ господами, съ нимъ и обращаются вѣжливо.—Присутствуя на урокѣ ариѳметики, Простакова не даетъ сыну рѣшить ни одной задачи, и заканчиваетъ ариѳметическія упражненія Митрофанушки заявленіемъ, что ариѳметика и наука-то пустая: нѣтъ денегъ, такъ и считать нечего, а есть деньги, такъ сочтемъ и безъ нея. Въ такомъ же родѣ замѣчаніе дѣлаетъ она и о географіи на устроенномъ Стародумомъ и Правдинымъ по ея просьбѣ экзаменѣ Митрофана (географія оказывается наукой не дворянской, ибо если дворянинъ захочетъ куда ѣхать, то извозчикъ свезетъ «куда изволишь»,—острота, заимствованная, какъ извѣстно, Фонвизинымъ изъ повѣсти Вольтера Jeannot et Colin, но очень подошедшая къ нашей жизни [1]). Тутъ же на экзаменѣ, заявивъ, что, конечно, все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка, Простакова произноситъ при сынѣ и окончательный приговоръ образованію вообще: «Безъ наукъ люди живутъ и жили», говоритъ она, подкрѣпляя свою общую мысль ссылкою на примѣръ своего отца, который «не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить» и былъ воеводою. «Да что за радость и выучиться-то?» — продолжаетъ она: — «кто посмышленнѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность».—Глубоко въ душу Митрофанушкѣ западаютъ такія наставленія; и если онъ еще учится, то учится только, «для виду», какъ выразилась сама Простакова, прося его заняться, пока отдыхаетъ Стародумъ), и при первомъ же случаѣ заявляетъ свой протестъ знаменитою угрозой, вошедшей въ поговорку: «не хочу учиться—хочу жениться!»

[1]) Заимствованія Фонвизина изъ иностранныхъ литературъ указаны въ соч. г. Алексѣя Веселовскаго: «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ». М. 1883 г.—См. также въ книгѣ кн. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ». Спб. 1848, и въ ст. г. Галахова. «Идеалъ нравств. достоинства человѣка по понятію Фонъ-Визина». (Библ. Зап. 1858 г. № 13).

Мѣшая сыну учиться, Простакова мѣшаетъ ему быть и хорошимъ человѣкомъ, сама портитъ его: учитъ быть непочтительнымъ къ отцу, грубымъ съ нянькой Еремѣевной, которая жизни для него не жалѣетъ, грубымъ съ учителями, — «ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича!»—выражаетъ она свое неудовольствіе Цифиркину, когда тотъ обидѣлся словами Митрофана: «Ну, ты, гарнизонная крыса, поворачивайся, задавай зады!»— «Найдешь деньги—ни съ кѣмъ не дѣлись, всѣ себѣ возьми, Митрофанушка»,—говоритъ Простакова по поводу одной задачи на урокѣ. Наконецъ, она учитъ сына возмутительному дѣлу—насильно увезти Софью и насильно съ ней обвѣнчаться.—Развращенный такими наставленіями и совѣтами, баловствомъ и потворствомъ, Митрофанъ въ концѣ концовъ отплачиваетъ матери неблагодарностью, отталкивая ее въ рѣшительную минуту, когда, лишенная власти, она, въ отчаяніи, въ немъ одномъ ищетъ утѣшенія. Она бросается къ нему со словами: «Одинъ ты у меня остался, Митрофанушка!» А онъ холодно ее останавливаетъ: «Да отвяжись, матушка! какъ навязалась!» Даже желѣзные нервы Простаковой не выдерживаютъ—и она падаетъ безъ чувствъ въ обморокѣ.

Въ этой прекрасной сценѣ выказался съ полною силой серьезный комизмъ пьесы: безсознательно портя сына, Простакова и не догадывалась, что готовитъ себѣ не утѣшеніе, а несчастье, она и поражена постигшей ее неожиданностью для нея, и недоумѣваетъ...

Не будемъ говорить о Простаковой, какъ о женѣ: мужъ ея изображенъ такимъ безвольнымъ и такимъ глупымъ существомъ, что теряетъ всякое подобіе человѣка и обращается въ грубую каррикатуру.

Но чрезвычайно замѣчательно изображеніе Простаковой какъ помѣщицы. Здѣсь Фонвизинъ поднялъ благородный голосъ въ защиту крѣпостнаго крестьянина, ко-

торому такъ невыносимо тяжело жилось въ Екатерининскія времена.

Все сама управляюсь, батюшка (говоритъ Простакова Правдину). Съ утра до вечера какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка! (II д., 5 явл.).

Простакова бранитъ и бьетъ слугъ своихъ втеченіи всей комедіи. Портнаго самоучку Тришку ругаютъ за то, что онъ сшилъ кафтанъ Митрофанушкѣ, по мнѣнію Простаковой, слишкомъ узкимъ; Еремѣевну бранятъ за то, что она не дала «ребенку» утромъ «шестой булочки», послѣ того какъ онъ пять «скушать изволилъ», предварительно объѣвшись наканунѣ вечеромъ за ужиномъ. Еремѣевну бьютъ постоянно; ей, по ея словамъ, приходится «по пяти рублей на годъ да по пяти пощечинъ на день». «Нажалуюсь матушкѣ, такъ она тебѣ изволитъ дать таску повчерашнему», — грозитъ нянькѣ Митрофанушка, когда та уговариваетъ его: «да поучись хоть немножко!» (II д., 4 явл.).—Когда не удалось увезти Софью, Простакова хочетъ «за слугъ приниматься»... Дѣйствуя такъ, она въ то же время и теоретически оправдываетъ свои дѣйствія. «Мастерица толковать указы!»—замѣчаетъ Стародумъ, когда она ссылается на указъ Петра III «о вольности дворянства», объясняя его какъ разрѣшеніе помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами все что хотятъ. «Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ!» —сокрушается она въ концѣ комедіи въ отвѣтъ на утѣшенія Стародума, что она почувствуетъ себя лучше, «потерявъ силу дѣлать другимъ дурно».—Признавая неограниченныя права за помѣщиками, Простакова крестьянъ считаетъ не людьми, а какими-то безправными существами, стоящими чуть не ниже животныхъ: они, напримѣръ, по ея мнѣнію, не имѣютъ права быть больными. Услыхавъ, что служанка «Палашка» захворала, лежитъ и бредитъ, она кричитъ въ комическомъ негодованіи: Лежитъ? Ахъ, она, бестія! Лежитъ! Какъ будто благородная!.. Бредитъ,

бестія, какъ будто благородная!» (III д., 4 явл.).—Такъ смотря на крестьянъ и такъ обращаясь съ ними, Простакова, совершенно согласно съ этимъ, и раззорила ихъ; еще въ началѣ комедіи она проситъ достойнаго братца своего Скотинина поучить ее собирать оброкъ (онъ славится какъ мастеръ этого дѣла). «Съ тѣхъ поръ (говоритъ она) какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже собрать не можемъ. Такая бѣда!»

Фонвизинъ не ограничился очеркомъ характера своей героини въ настоящемъ, — онъ очень искусно показалъ намъ и образованіе этого характера. Въ 3-мъ актѣ, а потомъ въ сценѣ экзамена Митрофана, г-жа Простакова разсказываетъ объ отцѣ своемъ и о томъ, какъ ихъ, дѣтей, вели въ дѣтствѣ. Старикъ Скотининъ, чоловѣкъ невѣжественный и даже безграмотный, былъ взяточникъ и скупецъ и любви къ дѣтямъ не чувствовалъ, не заботился о нихъ; они росли, какъ грибы въ лѣсу: изъ 18 человѣкъ остались въ живыхъ только двое, остальные — кто съ колокольни свалился, кто угорѣлъ въ банѣ, кто нечаянно отравился. Не только дочку, но и сына, Тараса, онъ ничему не училъ; «прокляну (говорилъ онъ) ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ». Ни Простакова, ни братъ ея не видѣли въ дѣтствѣ свѣтлаго примѣра, не видѣли къ себѣ любви, — и сердца ихъ очерствѣли еще въ юности. Если Простакова, не смотря на это, любитъ своего сына, то такое чувство, какимъ бы ни было оно изуродованнымъ и ложно направленнымъ, есть, все-таки, ея личное достоинство.

Въ этомъ отношеніи Митрофанушка составляетъ совершенную ей противоположность: онъ видѣлъ къ себѣ любовь и ласку матери; но его сердце оказалось холоднымъ и эгоистичнымъ; въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ еще ниже матери. Кстати будетъ сказать нѣсколько

словъ о немъ,—его личность обрисована авторомъ весьма художественно. Имя Митрофана давно стало синонимомъ глупости. И въ самомъ дѣлѣ, онъ совсѣмъ не умѣетъ думать; признаваемый матерью за ребенка, онъ, 16-тилѣтній юноша, самъ считаетъ себя дитятей и, перепуганный Скотининымъ, бросается къ старухѣ-нянькѣ съ крикомъ: «Мамушка, заслони!» Онъ ничего не знаетъ, онъ не можетъ даже повторить словъ, съ которыми мать приказала ему обратиться къ Стародуму, глупо переспрашиваетъ и глупо говоритъ: «ты мнѣ второй отецъ, дядюшка!» Но его глупость—благопріобрѣтенная, а не прирожденная; объ этомъ свидѣтельствуетъ его находчивая хитрость: онъ, напримѣръ, такъ умѣетъ притворяться, пока ему это выгодно, любящимъ сыномъ, что обманываетъ не только мать, но можетъ ввести въ заблужденіе искусствомъ игры и читателя или зрителя комедіи. Типъ Митрофана такой живой и яркій, что онъ не только не умеръ донынѣ, но, можно сказать, сдѣлался безсмертнымъ; самое имя Митрофанъ, отождествившись съ потерявшимъ прежнее значеніе словомъ «недоросль», обратилось въ имя нарицательное.

Не будемъ останавливаться на характеристикѣ другихъ порочныхъ лицъ комедіи; а обратимся къ ея резонерамъ.—Резонеры комедій прошедшаго вѣка, такъ для насъ скучные, очень нравились публикѣ своего времени. Въ «*Письмѣ къ Стародуму*» (сочиненіи, предназначенномъ для журнала «Другъ честныхъ людей») Фонвизинъ положительно говоритъ, что «Недоросль» обязанъ своимъ успѣхомъ, главнымъ образомъ, личности Стародума. XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ разсудочности и резонерства. Но и для насъ резонеры имѣютъ значеніе и представляютъ интересъ, только интересъ совсѣмъ другаго рода—историческій: выражая мнѣнія автора пьесы, они знакомятъ насъ съ его міровоззрѣніемъ, съ его взглядами и чувствами,

съ его характеромъ.—Между резонерами «Недоросля» первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Стародуму. Это—любимая личность Фонвизина: задумавъ въ концѣ жизни издавать сатирическій журналъ, поэтъ далъ ему названіе «Стародумъ, или Другъ честныхъ людей». Въ разсужденія этого своего резонера Фонвизинъ вложилъ задушевнѣйшія свои мысли; онъ такъ любилъ его, что даже съумѣлъ придать ему нѣкоторую художественную жизненность; Стародумъ не-такъ отвлечененъ, какъ другіе резонеры.

Въ разсужденіяхъ Стародума сказались симпатіи и взгляды кореннаго русскаго человѣка, человѣка родной старины.—Самое имя его указываетъ, что онъ думаетъ по-старому; впрочемъ, онъ тяготѣетъ душою не къ древней старинѣ, а къ старинѣ Петровской; онъ предпочитаетъ время великаго царя своему, потому что тогда было «проще» и люди дѣло дѣлали, а не выслуживались происками: «тогда (говоритъ онъ) придворные были воины, да воины не были придворные».—Въ характерѣ Стародума нѣтъ эгоизма. Онъ постоянно высказываетъ ту идею, что человѣкъ долженъ трудиться не для себя, а на общую пользу; выйдя въ молодости въ отставку, потому что его, заслужившаго награду, обошли ею, а наградили даромъ товарища его, сына «случайнаго» человѣка, онъ теперь обвиняетъ себя за такой поступокъ; «лучше быть безъ вины обойдену, чѣмъ безъ заслугъ пожалованну», говоритъ онъ, думая, что человѣкъ долженъ забыть себя, служа общему дѣлу.—Совершеннно согласно съ этимъ, Стародумъ добръ; онъ прощаетъ Простакову, когда та лишилась власти дѣлать зло и проситъ о помилованіи; онъ даже сострадаетъ ей, когда Митрофанушка грубо высказалъ свою холодность къ ней, останавливаетъ и упрекаетъ безсердечнаго недоросля.

«Не тотъ богатъ (говоритъ Стародумъ), который отсчитываетъ деньги, чтобы прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго».

Спокойствіе и самообладаніе, такъ гармонирующія съ добродушіемъ, также отличительныя черты Стародума; «у меня правило—ничего съ перваго побужденія не начинать»,—говоритъ онъ.—Взгляды его на любовь, на бракъ, на семейныя отношенія—чисто русскіе взгляды. Любовь, по его мнѣнію, должна быть спокойной, но неизмѣнной и вѣчной; въ такомъ духѣ даетъ онъ совѣты Софьѣ, подготовляя ее къ замужеству. Онъ негодуетъ на современные браки, которые заключаются не по сердечной любви и уваженію другъ къ другу, а по разсчету, негодуетъ на современную порчу нравовъ. Въ нынѣшнихъ брачныхъ союзахъ,—говоритъ онъ,—

«вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость... Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли». (IV д., 2 явл.).

Идеалъ жены, какъ онъ нарисованъ Стародумомъ, напримѣръ въ «*Отвѣтѣ Софьѣ*» (предназначавшемся для «Друга честныхъ людей»),—совершенно русскій: жена должна отличаться добротой, смиреніемъ и самоотверженіемъ (это напоминаетъ намъ Бригадиршу).

Человѣкъ съ яснымъ и здравымъ умомъ, Стародумъ совершенно чуждъ аристократическихъ тенденцій и не цѣнитъ и не уважаетъ знатности рода. Онъ говоритъ, что

«разсчитываетъ степени знатности по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ для себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются у него въ передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами». (IV д., 2 явл.).

Здравый умъ сказывается и въ остроумномъ подсмѣиваньѣ его надъ Скотининымъ, и въ его отношеніяхъ къ французской философіи XVIII вѣка. Объ этой послѣдней онъ разсуждаетъ весьма трезво; онъ говоритъ, что философы вѣка «искореняютъ предразсудки», но вмѣстѣ съ тѣмъ «воротятъ съ корня добродѣтель».

Таковъ Стародумъ въ его разсужденіяхъ. Мы видимъ, что за любимымъ резонеромъ Фонвизина кроется русская душа самого поэта съ ея народными чувствами и воззрѣніями.—Но Фонвизинъ былъ прикосновененъ къ европейскому просвѣщенію, увлекался нѣкоторыми идеями вѣка, самъ того не сознавая; и вотъ почему онъ не выдерживаетъ образа Стародума и приписываетъ своему любимцу черты ему несвойственныя, наивно не догадываясь о вытекающемъ отсюда противорѣчіи. Стародумъ разсуждаетъ о воспитаніи подъ очевиднымъ вліяніемъ идей западно-европейскихъ педагоговъ-мыслителей: воспитаніе ставитъ онъ безконечно выше образованія, находя, что «умъ, коли онъ только умъ,—сущая бездѣлица» и что прямую цѣну уму даетъ только благонравіе, безъ котораго просвѣщеннѣйшій умница—«жалкая тварь». Ложь здѣсь, конечно, не въ томъ, что признается неправдою, зломъ одностороннее развитіе человѣка, развитіе одного ума, а въ томъ, что умъ и образованіе считаются чѣмъ-то мелкимъ и неважнымъ. Народные педагогическіе взгляды Новикова (какъ мы знаемъ) придавали одинаковое значеніе уму и сердцу человѣка, образованію и воспитанію, ставя то и другое во взаимную зависимость. — Отсутствію въ Стародумѣ аристократическихъ тенденцій противорѣчатъ его разсужденія на рыцарскій ладъ о дворянскомъ достоинствѣ. «Дворянинъ не достойный быть дворяниномъ—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю»,—говоритъ онъ.—Въ этихъ словахъ весьма наивно дворянское достоинство поставлено выше достоинства человѣческаго. Выше было указано, что такъ разсуждалъ иногда Фонвизинъ и отъ своего лица.

Несравненно менѣе замѣчательны другіе резонеры комедіи. Отвлеченность ихъ вредитъ поэтическимъ достоинствамъ пьесы и даже ея благородной сатирѣ: мы видѣли выше, что возвышенное обличеніе Фонвизинымъ неправды крѣпостнаго права подрывается личностью чиновника

Правдина: нѣтъ необходимости освобождать крѣпостныхъ, когда можно сдержать произволъ помѣщиковъ неусыпнымъ бюрократическимъ надзоромъ (говоритъ самое существованіе этой личности въ комедіи).—Но художественное чувство автора «Недоросля» было, однако, такъ сильно, что выражалось порой даже въ изображеніи подобныхъ отвлеченныхъ личностей, или точнѣе въ изображеніи ихъ отношеній къ другимъ лицамъ, какъ напримѣръ, въ той сценѣ, гдѣ Правдинъ отнимаетъ власть у Простаковой и велитъ Скотинину предупредить другихъ ихъ родственниковъ—«чему они подвержены». Фонвизинъ заставляетъ въ эту минуту Правдина (обращая его почти въ живое лице) усомниться въ силѣ своихъ распоряженій:

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу ихъ, чтобъ они людей...
Правдинъ. Побольше любили, или-бъ по крайней мѣрѣ...
Скотининъ. Ну...
Правдинъ. Хоть не трогали.
Скотининъ. (отходя). Хоть не трогали.

Художественное чувство поэта поправило здѣсь ошибку его отвлеченнаго сознанія, его резонерства.

Главное произведеніе Фонвизина, комедія «Недоросль» даетъ намъ возможность опредѣлить и самый характеръ Фонвизинскаго смѣха. Смѣхъ бываетъ различный: иногда онъ кипитъ негодованіемъ (какъ въ «Горе отъ ума» Грибоѣдова), иногда онъ проникнутъ печалью, скорбью о падшемъ человѣкѣ и сквозь него слышатся слезы (таковъ юморъ великаго Гоголя). Въ Фонвизинскомъ смѣхѣ нѣтъ негодованія и скорби; но онъ отличается спокойной трезвостью и спокойнымъ добродушіемъ. Поэтъ не возбудитъ въ читателѣ гнѣва и негодованія къ своимъ порочнымъ героямъ; но отъ него не укроется ни одинъ изъ ихъ недостатковъ, и всѣ эти недостатки нарисованы въ смѣшномъ, въ комическомъ видѣ, всѣ ихъ покаралъ смѣхъ здраваго ума.

Такимъ, какъ въ «Недорослѣ» и «Бригадирѣ», этотъ

смѣхъ является и въ другихъ сочиненіяхъ Фонвизина. Особенно силенъ онъ и ярокъ въ небольшихъ статейкахъ, заготовленныхъ для журнала *«Стародумъ, или другъ честныхъ людей»*. Журналъ этотъ поэтъ предполагалъ издавать въ 1788 году; но это не было ему дозволено. «Здѣшняя полиція воспретила печатаніе «Стародума», и такъ я не виноватъ, если онъ въ публику не выйдетъ»,—писалъ Фонвизинъ графу П. И. Панину, 4-го апрѣля 1788 года, изъ Петербурга, возвратившись изъ своего втораго путешествія по Европѣ [1]). Содержаніе «Друга честныхъ людей» должно было быть чрезвычайно разнообразнымъ и дѣльнымъ. Издатель предполагалъ преслѣдовать въ немъ своею сатирой всевозможные пороки современнаго ему общества: казнокрадство, взяточничество и праздность чиновниковъ, высокомѣріе и произволъ сильныхъ людей, придворныхъ, ихъ пустоту и мотовство, современную распущенность нравовъ, невѣжество, суровость къ крестьянамъ дурныхъ помѣщиковъ.—Въ «Разговорѣ у княгини Халдиной», въ образѣ княгини изображена модная щеголиха, а въ Сорванцовѣ—незнакомый съ законами и дѣлопроизводствомъ судья, который спитъ за судейскимъ столомъ во время засѣданія.—Въ чрезвычайно остроумной перепискѣ Взяткина съ покойнымъ его превосходительствомъ, произведеннымъ въ большой чинъ и посаженнымъ знатнымъ судьей «безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго», прекрасно осмѣяна чиновничья кривда. Взяткинъ проситъ у сильнаго человѣка мѣстъ: для сына своего Митюшки, который уже въ молодые года обнаружилъ замѣчательныя способности — «сочинилъ совсѣмъ новаго рода сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять одну и ту же вещь неоспоримо повелѣвается», и для ассесора

[1]) Соч., стр. 355.

Простофилина, «котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста»; Простофилинъ, въ случаѣ полученія новаго мѣста, дастъ (по словамъ Взяткина) клятвенное обѣщаніе, «что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себя въ состояніе въ непродолжительномъ времени достойно и праведно возблагодарить его превосходительство».—Чрезвычайно яркими чертами нарисовано невѣжество въ перепискѣ съ «московскимъ профессоромъ» помѣщика Дурыкина, ищущаго учителя для своихъ дѣтей. Въ полномъ блескѣ невѣжества долженъ былъ явиться читателямъ и старый ихъ знакомецъ Тарасъ Скотининъ въ его письмахъ къ сестрѣ Простаковой. Душевно огорченный смертью своей любимой пестрой свиньи Аксиньи, смотря на которую онъ «истинно умирать учился», Скотининъ чуть было не впалъ въ отчаянье; но нашелъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что «прилѣпился къ нравоученію», т. е. сталъ «исправлять березой» «нравы своихъ крѣпостныхъ людей»; онъ проситъ Простакову присылать къ нему ея людей для исправленія, обѣщая, что онъ «на свою руку охулки не положитъ» и всегда радъ доказывать, что онъ—ея достойный братъ.— Въ «Всеобщей придворной грамматикѣ» очень остроумно люди раздѣляются на «гласныхъ, безгласныхъ» и «полугласныхъ», а слова на: односложныя (такъ, князь, рабъ), двусложныя (силенъ, случай, упалъ), «троесложныя» (милостивъ, жаловать, угождать) и многосложныя (высокопревосходительство); чаще всѣхъ спрягается глаголъ «быть должну», ибо «какъ у Двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ», и рѣдко употребляется въ прошедшемъ времени, «ибо никто долговъ своихъ не платитъ».

Сатира журнала «Стародумъ» имѣла очень серьезную подкладку. Въ этомъ журналѣ Фонвизинъ хотѣлъ быть не только юмористомъ, но и публицистомъ. Въ самыхъ

сатирическихъ статьяхъ есть мѣста совершенно серьезныя по тону; таково, напримѣръ, разсужденіе Сорванцова о взяточничествѣ въ «Разговорѣ у княгини Халдиной»:

«Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 рублей. Скажите мнѣ ради Бога: какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бъ и не хотѣлъ, невольно долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ. Вѣдь не всѣ судьи таковы, какъ нашъ г. Безкорыстъ. Онъ взятокъ никогда не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду».

Есть у Фонвизина и чисто-публицистическое сочиненіе, — это его знаменитые «*Вопросы*», посланные въ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» и появившіеся тамъ (въ 1783 году) вмѣстѣ съ «Отвѣтами» императрицы Екатерины. — «Вопросы» касаются серьезныхъ явленій общественной жизни (заключая въ себѣ, впрочемъ, по цензурнымъ условіямъ времени, лишь намеки, а не обстоятельное развитіе мыслей автора).—Государственной службѣ, судебной и административной, посвящено нѣсколько вопросовъ. «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?» — (читаемъ мы во 2-мъ изъ нихъ). — «Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ», — отвѣтила императрица. Но Фонвизинъ, судя по другимъ «вопросамъ», по «Другу честныхъ людей» и инымъ его сочиненіямъ, думалъ иначе и подразумѣвалъ возможность иного отвѣта: оттого, что истинная служба не всегда цѣнится, а возвышаются люди происками и случаями.—«Отчего въ прежнія времена (говорится въ вопросѣ 15-мъ) шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?» — «Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли»,—отвѣтила императрица, прибавивъ замѣчаніе (свидѣтельствующее объ ея неудовольствіи на вопросителя): «сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши

не имѣли; буде же бы имѣли, то начали бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ». — Къ службѣ же относится и вопросъ 11-й: «Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?» Вопросъ этотъ, очевидно, заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ; очевидно, Фонвизинъ хотѣлъ сказать, что эти знаки почестей не заслужены. Но недовольная императрица сочла нужнымъ отвѣтить иначе, защитивъ служилое сословіе: «Оттого, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели».

Вопросы Фонвизина показываютъ, что поэтъ придавалъ большое значеніе общественному мнѣнію. Въ вопросѣ 9-мъ онъ сѣтуетъ на недостатокъ его у насъ: «Отчего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ почетными людьми?» Императрица отвѣтила съ своей точки зрѣнія: «Оттого, что на судѣ не изобличены». Но Фонвизинъ понималъ дѣло шире: онъ думалъ, что не изобличенный на судѣ можетъ быть, тѣмъ не менѣе, осужденъ общественной совѣстью.—Уваженіе къ общественному мнѣнію сказалось и въ желаніи гласности суда. Въ 5-мъ вопросѣ мы читаемъ: «Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Въ этихъ словахъ выразилось и пониманіе значенія печати, значенія литературнаго слова. (Въ противоположность тому, что мы видѣли въ «Челобитной Россійской Минервѣ»). Здѣсь кстати будетъ привести слова Стародума изъ его письма, предназначавшагося для «Друга честныхъ людей»:

«Свобода писать... поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага... такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». И оттого «въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству». (Соч., 230 стр.).

Фонвизинъ сочувствовалъ самодѣятельности общества, желалъ ея расширенія, желалъ участія общества въ законодательствѣ: въ 10-мъ вопросѣ онъ говоритъ: «Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?» Но этотъ вопросъ былъ встрѣченъ неблагосклонно: императрица уже измѣнила въ эту пору свои былые взгляды на свободу слова, на общество и его права. Созвавшая нѣкогда комиссію выборныхъ для сочиненія Уложенія, императрица теперь гнѣвно отвѣтила на приведенный вопросъ: «отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго». — Кстати будетъ, по поводу отношеній Фонвизина къ свободѣ слова, вспомнить одно выраженіе «Стародума» въ его письмѣ («Другъ честныхъ людей»): «Какого рода и силы было бы Россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ». Слова эти—какъ будто мимоходомъ высказанный намекъ на желаніе представительнаго правленія.

Таковы мнѣнія Фонвизина какъ публициста. Императрица, какъ видимъ, отнеслась къ нимъ неблагосклонно,—и авторъ «вопросовъ» какъ будто испугался. Вслѣдъ за появленіемъ ихъ въ «Собесѣдникѣ», вмѣстѣ съ «отвѣтами», онъ прислалъ въ редакцію журнала статью: «*Къ г. Сочинителю Былей и Небылицъ*», гдѣ выражаетъ сожалѣніе, что не умѣлъ выполнить добраго намѣренія и дать вопросамъ «приличнаго оборота». Онъ говоритъ, что рѣшилъ «заготовленные еще вопросы отмѣнить», чтобы не быть невинно обвиняему въ свободоязычіи и не подать другимъ повода къ этому свободоязычію, которое всей душой ненавидитъ.

«Всякое ваше неудовольствіе (пишетъ Фонвизинъ), мною въ совѣсти моей ничѣмъ не заслуженное, если какимъ нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю мою жизнь за перо не приниматься» (Соч., стр. 211).

Но испугъ Фонвизина былъ, кажется, вовсе не такъ великъ, какъ обыкновенно думаютъ; въ немъ, должно быть, было много формальнаго, условнаго. По крайней мѣрѣ, пользуясь благосклоннымъ отвѣтомъ императрицы на вопросъ: «отъ чего тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» («Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было»), Фонвизинъ въ этой же самой статьѣ «Къ г. Сочинителю Былей и Небылицъ» очень обстоятельно развиваетъ идею этого вопроса (что̀ нѣсколько противорѣчитъ намѣренію отказаться впередъ отъ всякихъ вопросовъ):

«Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду (пишетъ онъ), что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія... Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся... Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ» и т. д.

Желаніе обществу самодѣятельности, придаваніе большаго значенія общественному мнѣнію, все это, такъ противорѣчащее философской идеѣ просвѣщеннаго деспотизма, возвеличивавшей значеніе личности, все это свидѣтельствуетъ о народности характера Фонвизина. О томъ же, можно сказать, говоритъ и его наклонность къ разработкѣ общественныхъ вопросовъ: надъ подобною работой много потрудилось позднѣйшее славянофильство, котораго Фонвизинъ былъ однимъ изъ предвозвѣстниковъ, какъ писатель народнаго направленія.

Народность личности Фонвизина, а вмѣстѣ и наивная непосредственность этой личности, ярко выразились въ его *письмахъ* изъ-за границы къ роднымъ и къ графу П. И. Панину. Письма эти — въ высшей степени замѣчательны, и не только въ біографическомъ отношеніи, не только въ историческомъ (какъ прекрасный историческій матеріалъ), а и въ отношеніи литературномъ: это остро-

умные, подчасъ весьма художественные очерки чужой жизни, нравовъ разныхъ народовъ.

Большая часть писемъ относится къ Франціи, передовой странѣ тогдашней Европы.—Никакъ нельзя согласиться съ княземъ Вяземскимъ, что нашъ путешественникъ смотрѣлъ на эту страну враждебно и глазами предразсудка.—Фонвизинъ вынесъ изъ своего путешествія по Франціи убѣжденіе, «что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди». (Соч., стр. 444). Но, во-первыхъ, этотъ выводъ его относится не къ одной Франціи; а, во-вторыхъ, онъ писалъ изъ Парижа (графу Панину, 20 (31) марта 1778 года) также и слѣдующее:

«Не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещися вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе, однако жъ, не ослѣпляетъ меня до того, чтобы не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави».

Фонвизинъ видитъ во Франціи больше дурнаго, чѣмъ хорошаго; но въ разныхъ письмахъ своихъ онъ указываетъ въ ней и много, по его мнѣнію, прекраснаго. Такъ, онъ говоритъ (и не разъ), что французскому характеру свойственна доброта, что французы—«нація просвѣщенная, чувствительнѣйшая и человѣколюбивая»; онъ восхищается французской комедіей, французскимъ краснорѣчіемъ, фабриками и мануфактурами; какъ на предметъ достойный почтенія, указываетъ онъ на французскій патріотизмъ:

«Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго человѣка, который не имѣлъ бы вѣрнаго пропитанія; да къ тому-жъ всѣ они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сіе похвальное чувство вкоренено, можно сказать, во всемъ французскомъ народѣ... Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно и коли что всѣмъ принимать здѣсь надобно, то, конечно, любовь къ отечеству и государю своему». (Соч., стр. 438).

Фонвизинъ признаетъ и существованіе во Франціи истинныхъ, хорошихъ ученыхъ; онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ Руссо [1]).

[1]) Соч. Фонвизина, Спб., 1866 года. Письма къ Панину, стр. 339, 341, 342, 350, 351. Письма къ роднымъ: стр. 427, 436, 438, 442, 444 и 445.

Можно ли послѣ этого говорить о предубѣжденіи? Если и было въ Фонвизинѣ предубѣжденіе, то въ пользу Франціи, и только увидя ее своими глазами, онъ разочаровался въ ней: «Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи», писалъ онъ изъ Парижа въ мартѣ 1778 года. (Соч., стр. 436).

Есть, однако, въ его письмахъ изъ-за границы, такъ строго осуждающихъ Европу, и что-то ложное.—Но это ложное не въ томъ, что онъ видитъ въ Европѣ, и особенно во Франціи, болѣе худаго, чѣмъ хорошаго, — такъ оно было и на самомъ дѣлѣ: нравы на Западѣ въ XVIII вѣкѣ стояли очень низко,—и не въ томъ, что онъ смотритъ на Европу съ точки зрѣнія, во многомъ напоминающей современное славянофильство:

«Если здѣсь прежде насъ жить начали (пишетъ онъ Булгакову изъ Монпелье 25 января (5 февраля) 1778 года), то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ». (Соч. стр. 272—273).

Въ подобныхъ мысляхъ нашего путешественника много и много вѣрнаго. — Если же что ошибочно, или ложно въ его воззрѣніяхъ и приговорахъ, то это наивная непосредственность его взгляда на западную жизнь: онъ совершенно не понималъ той идеи скептицизма, которою жила современная ему Европа, не видѣлъ свѣтлыхъ сторонъ философіи вѣка, того, что въ ней было «освободительнаго»; онъ смотрѣлъ на Западъ съ точки зрѣнія до-Петровской Руси, съ точки зрѣнія непосредственно народной. Оттого, по справедливому замѣчанію Достоевскаго, «хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади... но только-что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами».

Но должно сказать, что многое и очень многое за границей онъ подмѣтилъ и умно, и остроумно, и вѣрно.

Главные пороки современныхъ ему французовъ (по его указанію): невѣжество, легкомысліе, нравственная распущенность и самомнѣніе.

Невѣжество выражается въ двухъ противоположныхъ явленіяхъ—въ суевѣріяхъ и въ вольнодумствѣ:

«При невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко. Оно сопровождается еще ужаснымъ суевѣріемъ... таково почти все дворянство и большая часть другихъ состояній... Впрочемъ тѣ, кои предуспѣли какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей—или рабство, или наглость разума». (Соч., стр. 325—326).

Легкомысліе французовъ привело къ тому, что вѣжливость замѣнила добродѣтели; такая вѣжливость «совершенно отвращаетъ господъ французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія». (Соч., стр. 328). Согласно съ этимъ, болтливость замѣнила разумъ: „мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро» (329). Подъ разумомъ французы понимаютъ одно только его качество—«остроту»:

«не требуя отнюдь, чтобы она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій безъ выключенія, слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ, однако жъ, весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables (стр. 337).

Больше всего любятъ во Франціи — «вѣсти»; онѣ составляютъ душевную пищу парижанъ, равнодушныхъ ко всему остальному, кромѣ нихъ.—Больше всего французы боятся быть смѣшными:

«Ridicule всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякій убѣгаетъ его общества» (337).

Забава есть единственный предметъ желаній француза, который, къ тому же, «всегда молодъ», и изъ молодости «переваливается вдругъ въ дряхлую старость» (344).

«Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться» (342).

Воспитаніе во Франціи «пренебрежено до невѣроятности»; оттого въ такой модѣ петиметры, которые считаютъ признакомъ хорошаго тона—говорить грубо, ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкать всякаго, кто встрѣтится; смѣяться громко безъ малѣйшей причины; «словомъ—дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ» (345).

Нравственная распущенность дошла во Франціи до высшей степени. Мода царитъ, и чтобы не отстать отъ нея, жертвуютъ всѣмъ:

«Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы» (351—352).

Обманъ не считается дурнымъ дѣломъ: «обмануть не стыдно, но не обмануть глупо» (342). Деньги — первое божество. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что «подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ» (328). Отсутствіе нравственныхъ идеаловъ привело просвѣщенную націю къ варварству:

«Здѣсь за все про все аплодируютъ, даже до того, что если казнятъ какого нибудь несчастнаго и палачъ хорошо повѣситъ, то вся публика аплодируетъ битьемъ въ ладоши палачу точно такъ, какъ въ комедіи актеру» (436).

Внѣшность замѣнила всякія внутреннія достоинства: «Изгнано изъ сердецъ всякое сострадавіе къ своему ближнему. Всякій живетъ для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность—все это считается химерою. Напротивъ того, всѣ сентименты обращены въ одинъ пунктъ, т. е. ложный point d'honneur. Наружность здѣсь все замѣняетъ»... (439).

Самомнѣніе и тщеславіе французовъ дошли до крайности:

«Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ своею провинціею... По ихъ мнѣнію, имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужеземному состоитъ не въ другихъ словахъ,

какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais mon compliment (Вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго; поздравляю васъ!) (336).

Путешественникъ нашъ коснулся въ своихъ письмахъ и государственныхъ учрежденій Франціи; съ этой стороны, по его мнѣнію, три зла подтачиваютъ жизнь: откупъ (даже хлѣбъ на откупу), продажа чиновъ и должностей, и маіоратъ, производящій бѣдность дворянства и тщеславную гордость и праздность духовенства изъ младшихъ братьевъ, подкрѣпляемаго роднею при дворѣ и содержащаго народъ въ суевѣріи.

Такими мрачными красками изобразилъ Фонвизинъ нравы Франціи. Можетъ быть, здѣсь есть нѣкоторое преувеличеніе; но что эти краски не ложныя, объ этомъ, кромѣ художественности самыхъ очерковъ нашего путешественника, свидѣтельствуетъ сходство этихъ очерковъ съ тѣмъ, что говоритъ о современной ему французской жизни Жанъ-Жакъ Руссо въ своей «Исповѣди»: великій французскій писатель рисуетъ эту жизнь, можетъ быть, еще въ болѣе мрачномъ цвѣтѣ. — Вспомнимъ кстати и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» Достоевскаго; описанія и разсказы знаменитаго романиста о наполеоновской Франціи въ этомъ, одномъ изъ лучшихъ его произведеній очень напоминаютъ намъ слова путешествовавшаго въ Екатерининскія времена автора «Недоросля».

О философахъ Франціи Фонвизинъ отзывается въ своихъ письмахъ очень рѣзко. Такъ, въ апрѣлѣ 1778 года, онъ писалъ изъ Парижа:

«Видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ... Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ». (Соч., стр. 438).

Еще рѣзче выражается онъ въ письмѣ изъ Ахена (къ гр. Панину, отъ 18-го (29-го) сентября 1778 г.):

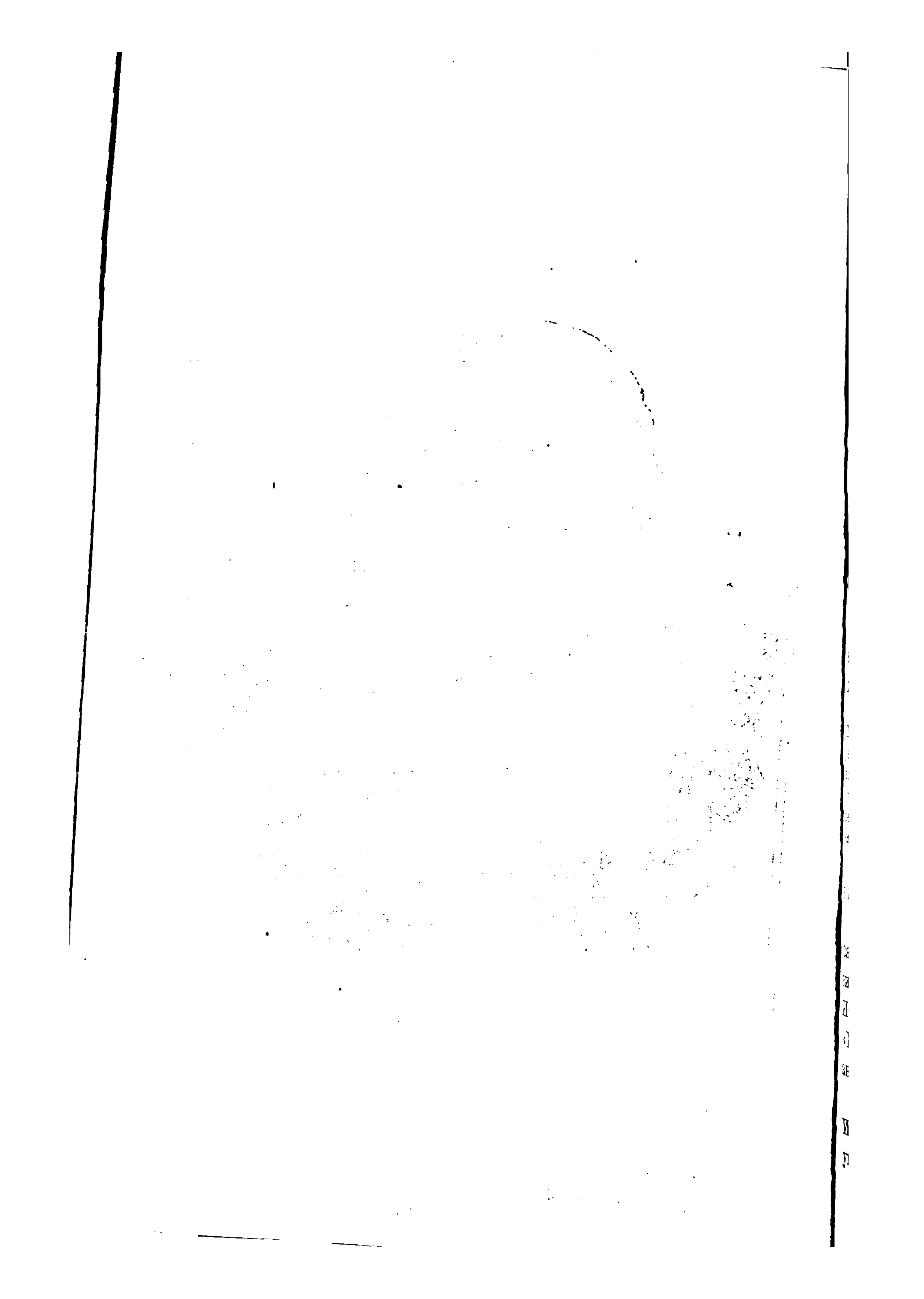
«Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка: д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе

Денисъ Ивановичъ
ФОНВИЗИНЪ.

Изд. Н. Г. Мартынова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 Января 1889 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., д. № 45).



ке шарлатаны, какихъ видѣлъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присоединяетъ безпримѣрное тщеславіе». (Соч., стр. 343).

Далѣе онъ разсказываетъ, что нѣкоторые изъ философовъ заискивали у путешествовавшаго тогда за-границей Зорича, брата фаворита, надѣясь черезъ него получить подарки отъ русскаго двора.

Въ отзывахъ Фонвизина объ энциклопедистахъ, конечно, поражаетъ наивность непосредственнаго человѣка, не понимающаго значенія скептицизма... Но и въ нихъ есть доля истины: большинство философовъ XVIII вѣка не отличалось нравственностью, и многіе изъ нихъ были корыстны и заискивали у сильныхъ міра. Руссо въ «Исповѣди» тоже очень скептически смотритъ на многихъ знаменитыхъ мыслителей своего времени.—Притомъ же слова Фонвизина о нихъ вовсе не легкомысленное и поверхностное осужденіе; онъ очень серьезно вдумывался въ данномъ случаѣ въ то, что говорилъ:

«Вся система нынѣшнихъ философовъ (писалъ онъ, напримѣръ, графу Панину) состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи; но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собой возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью?» (Соч., стр. 343—344).

Религіозная русская душа сказалась въ этомъ здравомъ и спокойномъ разсужденіи.

Наконецъ, нужно замѣтить, что, отрицательно относясь къ нравственной сторонѣ энциклопедистовъ, Фонвизинъ признавалъ ихъ сочиненія умными. Въ письмахъ изъ Италіи онъ ставитъ въ укоръ этой странѣ, что тамъ «Вольтеръ, нашъ любимый Руссо и почти всѣ умные авторы запрещены».

Кромѣ Франціи, Фонвизинъ посѣтилъ Германію и Италію. Письма изъ этихъ странъ менѣе блестящи и остроумны, но тоже весьма замѣчательны.

Къ нѣмцамъ нашъ писатель отнесся сочувственнѣе, чѣмъ къ французамъ:

«По истинѣ сказать (писалъ онъ къ роднымъ изъ Монпелье 31-го декабря (11 января) 1777 г.), нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними». (Соч. 428).

Но, однако, и на нѣмцевъ онъ посмотрѣлъ въ-сущности отрицательно. Остроумно посмѣялся онъ, напримѣръ, надъ ихъ педантизмомъ. 22-го ноября (3 дек.) 1777 года, онъ писалъ изъ Монпелье графу Панину:

«Поѣхалъ я въ Лейпцигъ, но уже не засталъ ярмарки. Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить полатыни, чему, однако, во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ, Лейпцигъ доказываетъ, что ученость не родитъ разума». (Соч., стр. 320).

«У насъ все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы»,—такое впечатлѣніе вынесъ Фонвизинъ изъ своего путешествія по Германіи. (Письмо къ роднымъ изъ Нюренберга, отъ 29-го августа (9 сент.) 1784 года, стр. 456).

Италія очень ему не понравилась, т. е. собственно итальянцы. Въ письмѣ къ роднымъ изъ Рима (отъ 7-го (18-го) декабря 1784 года) онъ говоритъ:

«Надобно исписать цѣлую книгу, если разсказывать всѣ мошенничества и подлости, которыя видѣлъ я съ пріѣзда моего въ Италію. По истинѣ сказать, нѣмцы и французы ведутъ себя гораздо честнѣе. Много и между ними бездѣльниковъ, да не столько и не такъ безстыдны». (Соч., стр. 481).

Образъ жизни итальянцевъ показался ему «свинскимъ», общество итальянское скучнымъ, ибо не съ кѣмъ «слово промолвить»: изъ ста человѣкъ не выберешь двухъ умныхъ. Невѣжество итальянцевъ поразило его; въ письмѣ изъ Рима отъ 7-го (18-го) декабря 1784 года онъ говоритъ:

«Въ Пизѣ есть университетъ; но Богъ знаетъ, что тутъ дѣлаютъ: профессоры кромѣ италъянскаго языка не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ, что за Альпійскими горами дѣлается. Есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхали» (Соч., стр. 483).

Развращеніе нравовъ, по словамъ Фонвизина, въ Италіи несравненно сильнѣе, чѣмъ въ самой Франціи:

«Здѣсь день свадьбы есть день развода. Какъ скоро дѣвушка выйдетъ замужъ, то тутъ же надобно непремѣнно выбрать ей cavaliere servente, который съ утра до ночи ни на минуту ее не оставляетъ... При размолвкѣ съ любовникомъ или чичисбеемъ, первый мужъ старается ихъ помирить, равно и жена старается наблюдать согласіе между своимъ мужемъ и его любовницею... Изъ сего происходитъ, что здѣсь нѣтъ ни отцовъ, ни дѣтей. Ни одинъ отецъ не почитаетъ дѣтей своей жены своими...... Въ Генуѣ... если публика увидитъ мужа съ женою вмѣстѣ, то закричитъ, засвищетъ, захохочетъ и прогонитъ бѣднаго мужа». (Соч., стр. 478—479).

Убійство, мошенничество, обманъ—самыя обыкновенныя явленія въ Италіи (увѣряетъ нашъ путешественникъ). Злость и мстительность, соединенныя съ величайшею трусостью,—отличительныя черты характера итальянцевъ. «Во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ между чернью нѣтъ человѣка, который бы не носилъ съ собою большаго ножа, одни для нападенія, другіе для защищенія». (Соч., стр. 480).

Обзоръ главныхъ сочиненій Фонвизина показалъ намъ, что этотъ крупный, выдающійся писатель былъ вполнѣ русскій человѣкъ по характеру, и притомъ съ непосредственно-народнымъ направленіемъ въ своей литературной дѣятельности. — Народность сказывается и въ его прекрасномъ осмѣяніи французоманіи русскаго общества, и въ спокойномъ и добродушномъ характерѣ его тонкаго, мѣткаго юмора, и въ томъ идеалѣ человѣка, который онъ показалъ намъ въ разсужденіяхъ и поступкахъ своего любимаго резонера-Стародума.

Пушкинъ совершенно справедливо выразился о Фонвизинѣ въ одномъ письмѣ къ брату (гдѣ говоритъ, что фамилію автора «Недоросля» слѣдуетъ писать однимъ словомъ):

«что онъ за нехристь? онъ русскій, изъ перерусскихъ русскій».

Остановимся еще немного на автобіографическомъ сочиненіи «*Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ*»: сочиненіе это поясняетъ намъ, какъ образовался характеръ Фонвизина.—«Чистосердечное признаніе» написано имъ, конечно, подъ вліяніемъ «Испо-

вѣди» Руссо; только нашему автору не удалось, къ сожалѣнію, довести свой разсказъ дальше юности.

Семья Фонвизиныхъ была семья благочестивая; у нихъ въ домѣ часто совершались богослуженія, за которыми отецъ заставлялъ маленькаго Дениса Иваныча читать Священное писаніе; онъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ священную исторію. Случалось часто Денису Иванычу слушать и народныя сказки, отъ пріѣзжавшаго изъ деревни крѣпостнаго мужика ихъ. — Подъ вліяніемъ домашняго воспитанія въ характерѣ Фонвизина развились — благочестіе, мягкость и доброта сердца, скромность, здравый умъ.

Писать свою автобіографическую исповѣдь онъ началъ по возвышенному религіозному побужденію:

«да не будетъ въ признаніяхъ моихъ (говоритъ онъ) никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззаконія моя азъ возвѣщу*. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: *Господи! не уклони сердца моего въ словеса лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою*» (Соч., стр. 527).

Здѣсь кстати будетъ привести (изъ «*Разсужденія о суетной жизни человѣческой*») слова смиренной покорности поэта Божіей волѣ, когда его постигла подъ конецъ жизни тяжкая болѣзнь:

«Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги, части употребленія языка: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде*. Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія... Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не перестану до конца жизни моей восклицать: *Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!*» (Соч., стр. 264).

Мягкость сердца и здравый умъ унаслѣдовалъ Фонвизинъ отъ своего отца. Онъ разсказываетъ, что отецъ былъ человѣкъ характера вспыльчиваго, но не злопамятнаго, и съ крѣпостными людьми обходился кротко,—

«не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей». (Соч., стр. 529).

Кромѣ человѣколюбиваго отношенія къ крестьянамъ, у отца же научился Денисъ Иванычъ и смотрѣть на

дуэль, какъ на дурное дѣло, подобное самовольной, помимо законовъ, кулачной расправѣ.

Фонвизинъ скромно смотрѣлъ на себя какъ на писателя; онъ разсказываетъ, что одинъ изъ его школьныхъ товарищей высоко ставилъ его талантъ; онъ (замѣчаетъ поэтъ) такъ и

«умеръ съ тѣмъ, что я родился быть великимъ писателемъ; а я съ тѣмъ жить остался, что ему въ этомъ не вѣрилъ и не вѣрю» (Соч. 537).

Нравственные задатки, пріобрѣтенные въ домѣ отца, спасли потомъ молодаго писателя отъ нравственнаго паденія, грозившаго ему въ обществѣ легкомысленныхъ вольтеріанцевъ, въ которое онъ попалъ юношей. Воспитаніе на старинный ладъ, вліяніе церкви и народной поэзіи сдѣлали его вполнѣ русскимъ человѣкомъ.

Подводя въ немногихъ словахъ итоги сказаннаго объ авторѣ «Недоросля» и «Бригадира», повторимъ еще разъ, что это былъ писатель народный, но народность его наивная и непосредственная.—И ни въ чемъ, можетъ быть, такъ не сказалась эта непосредственность его, какъ въ наивной готовности подчиниться внѣшнимъ образомъ тому духу западно-европейской образованности, котораго въ сущности чуждалась его душа. Такъ, сердечно-вѣрующій человѣкъ, онъ одно время мучился религіознымъ скептицизмомъ, возникшимъ въ его умѣ вслѣдствіе «безбожнической бесѣды» одного вольтеріанца.—Но всѣ эти наносныя вліянія и вѣянія, хоть и отразились, и довольно ярко, въ его творчествѣ, остаются, однако, для этого творчества чѣмъ-то внѣшнимъ, легко спадающей скорлупой.

Переполняя образцовую рѣчь своихъ резонеровъ галлицизмами, испещряя этими галлицизмами и свои письма (гдѣ, напримѣръ, употребляются слова: офрировалъ, вояжъ, импонировать, аттенція, инвитація и т. д.), онъ, однако, отлично владѣлъ русскимъ языкомъ, о чемъ положительно свидѣтельствуетъ прекрасный языкъ его комическихъ лицъ

и самыя его письма. — Выставляя разныхъ Добролюбовыхъ, Правдиныхъ, и тому подобныхъ на иноземцевъ похожихъ резонеровъ своими показными идеалами, презрительно осмѣивая старинныхъ русскихъ людей, вродѣ бригадирши, — онъ, однако, не цѣнилъ и не понималъ скептицизма, и не только осмѣялъ нашу французоманію, но съ удовольствіемъ осмѣялъ и самихъ французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что мы, русскіе, «больше люди», чѣмъ они. Когда ему пришлось вполнѣ серьезно высказать свои взгляды, онъ создалъ резонера Стародума, чувствующаго и думающаго порусски и энергически протестующаго противъ философіи вѣка.

То же обстоятельство, что исключительно-національное направленіе литературы въ Екатерининскую эпоху имѣло въ числѣ своихъ представителей такой могучій талантъ, какъ творца «Недоросля», показываетъ намъ, что, не смотря на всѣ увлеченія русской жизни западными идеями и началами, этой жизни не грозила опасность оторваться отъ родной почвы и обратиться къ мертвому космополитизму.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сатирическіе журналы.

Кромѣ комедій, исключительно національное направленіе литературы выразилось еще въ нѣкоторыхъ *сатирическихъ журналахъ*.

Мы познакомились выше съ журналомъ «Стародумъ, или другъ честныхъ людей», который задумывалъ издавать подъ конецъ жизни Фонвизинъ.—Можетъ быть, еще ярче, чѣмъ въ этомъ изданіи, народное направленіе сказалось въ сатирическихъ журналахъ Новикова: «Трутень»

(1769—1770 гг.), «Живописецъ» (1772—1773 гг.) и «Кошелекъ» (1774 г.). Чрезвычайно остроумно осмѣиваетъ Новиковъ, во имя нравственной высоты древней русской жизни, современные ему нравы, нравы петиметровъ и щеголихъ, явившихся у насъ вслѣдствіе слѣпой и неразумной подражательности русскаго общества. — Съ народной точки зрѣнія ратуютъ «Трутень» и «Живописецъ» за крѣпостныхъ крестьянъ, живыми красками рисуя ихъ тяжелую участь и осмѣивая суровыхъ помѣщиковъ; за сатирой этого рода кроется благородная мысль о необходимости освобожденія крестьянъ.

Не будемъ останавливаться на журналахъ Новикова: ихъ слѣдуетъ разсматривать въ связи со всею вообще дѣятельностью знаменитаго поборника просвѣщенія.

Но, кромѣ названныхъ изданій Фонвизина и Новикова, народнаго направленія придерживались и еще нѣкоторые журналы. Въ 1769 году сталъ выходить, какъ извѣстно, цѣлый рядъ сатирическихъ листковъ; починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ, издававшей «Всякую всячину». Автору настоящаго сочиненія приходилось уже говорить, что нѣкоторые изслѣдователи литературы Екатерининской эпохи смѣшиваютъ журналы 1769 года, признавая во всѣхъ ихъ одно и то же направленіе. Но это большая ошибка. При обозрѣніи литературы скептическо-матеріалистическаго направленія мы видѣли, что къ числу изданій и сочиненій, выражавшихъ это направленіе, принадлежатъ: «Всякая всячина» и «Ни то ни сьо», журналъ крайне отрицательнаго характера.—Другіе журналы были въ другомъ духѣ. И между ними народное направленіе мы видимъ въ изданіяхъ: Чулкова «И то и сьо» и неизвѣстнаго редактора «Смѣсь».

Обратимся къ первому изъ нихъ. Подробное заглавіе его: «*И то и сьо.* Строками служу, бумагой бью че-

ломъ, а обое вообще извольте покупать, купивъ же считайте за подарокъ, для тово, что не большова оное стоитъ». Издатель «И того и сего», Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ, извѣстенъ какъ собиратель этнографическихъ матеріаловъ, любитель народныхъ пѣсенъ. Журналъ выходилъ втеченіи всего 1769 года (начиная съ конца января) по вторникамъ, по полулисту, или 8 страницъ, въ номерѣ. Сатира его—простодушно-наивная, неглубокая, отчасти даже отвлеченная; но симпатичная.—Въ первыхъ же номерахъ Чулковъ хотѣлъ опредѣлить характеръ своего изданія—какъ веселаго и безобиднаго чтенія для удовольствія.

«Я предпріялъ увеселять тебя и шутить передъ тобою столько, сколько силы мои позволять, единственно для той причины, чтобъ заслужить твою благосклонность»,—

съ такими словами обращается къ читателю редакторъ въ статьѣ «Поздравленіе съ Новымъ годомъ», напечатанной въ «первой недѣлѣ». Согласно съ этимъ въ журналѣ постоянно встрѣчаются примѣры легкой сатиры, соединенной съ довольно наивнымъ нравоученіемъ.—О безобидномъ и скромномъ характерѣ смѣха сатиры «И того и сего» говорится во 2 № въ статьѣ безъ заглавія; здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ и, между прочимъ, сказано:

«Я пишу на произволящаго, ни о комъ самолично не говорю и никого именемъ не называю, мѣряю дѣла аршиномъ, такъ, какъ купцы товары, и оцѣняю ихъ не слишкомъ дорого, за смѣхомъ за море не ѣжжу, а шучу около себя, вреда и убытку не приношу моему отечеству, наукъ не ломаю и языка нашего не порчу, такимъ образомъ опасаться меня не должно, а развѣ надобно мнѣ что нибудь присовѣтовать по пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше того».

Но, однако, въ журналѣ мы встрѣчаемъ не только смѣхъ для увеселенія, а и живую и мѣткую насмѣшку надъ современными пороками. Такъ, онъ осмѣиваетъ французоманію русскаго общества, пристрастіе къ модамъ, модную, развратную жизнь. Напримѣръ, въ № 1, въ упомянутой уже статьѣ «Поздравленіе съ Новымъ годомъ» авторъ говоритъ:

«Я не столько уменъ, какъ другіе; однако, человѣкъ доброй обѣщался поучить меня нѣсколько, и дѣло остановилось только затѣмъ, чтобы порядиться съ нимъ, сколько онъ возьметъ за мѣсяцъ за ученье. Человѣкъ онъ взрослый и весьма искусный парикмахеръ, онъ безъ всякой ошибки разчесываетъ волосы и говоритъ, что имѣетъ къ тому природное дарованіе, увѣрялъ меня нѣкогда, что словесныя науки гораздо меньше стоятъ, нежели волосоподвивательное искусство. Сперва было. я тому не вѣрилъ, но онъ убѣдилъ меня весьма сильными доказательствами, которыхъ никакъ отразить не можно: сказывая, что азбуку, часословъ и псалтырь выучилъ онъ въ полгода, а подвивать волосы учился невступно двенадцать лѣтъ, но и теперь ставитъ не весьма завидные кудри».

Въ 31-й недѣлѣ журнала во 2-й эпитафіи осмѣивается, правда въ очень дубоватыхъ стихахъ, щеголиха, «прекрасная дѣвица», которая

Когда жила, любила дурака,
Невѣжу, простяка,
Безмозглаго дѣтину,
А по-просту сказать, двуногую скотину,
Потратила и честь, и разумъ для амура;
Поэтому она, безъ всякихъ забобонъ,
Такая-жь, какъ и онъ—
И шаль, и дура!

Подобныя «дуры» явились у насъ, по мнѣнію Чулкова, вслѣдствіе французскаго воспитанія.

Затѣмъ журналъ осмѣивалъ взяточничество. Напримѣръ, въ 32-й недѣлѣ напечатана элегія «Крючкотворецъ или взяткобратель». Подьячій-взяточникъ жалуется здѣсь на недостатокъ доходовъ и съ тоскою вспоминаетъ о прежнихъ, счастливыхъ временахъ:

Такой ли долженъ быть моихъ пожитковъ плодъ,
Когда со всѣхъ сторонъ ко мнѣ ходилъ народъ?
Съ слезами милости моей они просили
И невозбранно мнѣ подарки приносили.
До перваго часа въ Приказѣ я бывалъ,
А послѣ онаго до вечера смекалъ,
На сколько въ этотъ день подарковъ получилъ,
И сколько я скупыхъ тюрьмою проучилъ.
Законъ мнѣ былъ одинъ,—чтобъ ближнимъ помогать
И ихъ имѣніе побратски раздѣлять.
Для пользы общества трудился несказанно,
А за труды мои я бралъ безперестанно.

Такъ долгъ твердилъ уму,
Что даромъ услужить не можно никому,
Когда не хочешь взд̂ѣть презр̂ѣнную суму.
А нын̂ѣ, о напасть! о случаи суровы!

Подьяній говоритъ, что онъ лучше готовъ утопиться, удавиться, опиться, нежели отказаться брать взятки.

Народный характеръ придаетъ журналу Чулкова и любовь издателя къ пословицамъ; ихъ встрѣчается въ журналѣ довольно много, и онѣ обыкновенно удачно выбраны и умѣло употреблены.

Отмѣтимъ еще симпатичную черту изданія: «И то и сьо» сочувствовало образованію и людямъ, стремящимся къ нему. Такъ, напримѣръ, въ одной статьѣ съ состраданіемъ разсказывается о молодомъ человѣкѣ, котораго отецъ избилъ за его желаніе учиться.

Общій тонъ журнала, какъ сказано выше, веселый; но этотъ тонъ нарушается грустнымъ окончаніемъ. Послѣдняя статья послѣдняго нômера—эпитафія, въ которой авторъ обращается отъ лица изданія къ читателю съ такимъ печальнымъ воззваніемъ:

Прохожій, если ты съ умомъ,
Вздохни,—однако, не о томъ,
Что я уже скончался,—
Вздохни, что ты еще на свѣтѣ семъ остался.

Въ этихъ словахъ слышно какъ будто какое-то разочарованіе въ жизни, какое-то недовольство... Сатирическіе журналы Новикова умирали не своею смертью; объ изданіи Чулкова, повидимому, нельзя сказать этого: его вышло 52 номера, т. е. именно столько, сколько было обѣщано редакціею. Но нельзя, однако, не замѣтить, что въ №№ 51 и 52 (появившихся въ одномъ выпускѣ) страницы 9 и 10 совершенно пусты. Г. Неустроевъ (авторъ «Историческаго розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ») полагаетъ, что или изъ этихъ страницъ исключенъ текстъ по отпечатаніи листа, или онѣ были оставлены пустыми для рукописныхъ вставокъ того, что ока-

залось неудобнымъ напечатать. Весьма возможно, что цензура наложила руку на журналъ Чулкова.

Другой изъ поименованныхъ журналовъ съ народнымъ направленіемъ носилъ названіе «*Смѣсь*» и также издавался въ 1769 году (начиная съ 1-го апрѣля). Журналъ этотъ серьезнѣе, нежели «И то и сьо». Издатель его неизвѣстенъ и его приписывали одно время Новикову. Но это совершенно неосновательно. Во-первыхъ, въ «Смѣси», въ 20-мъ листѣ, напечатано письмо къ издателю съ приложеніемъ письма къ издателю «Трутня» (т. е. къ Новикову); въ послѣднемъ письмѣ воздаются похвалы «Трутню», а въ первомъ говорится, что самъ «Трутень» этого письма не принялъ; отсюда ясно, что издатель «Смѣси» и Новиковъ два разныя лица. Во-вторыхъ, въ «Смѣси» слишкомъ много переводныхъ статей; редакторъ самъ заявляетъ въ предъувѣдомленіи: «Я, набравшись чужихъ мыслей и видя нынѣ много періодическихъ сочиненій, вздумалъ писать смѣсь, о которой вольно всячески судить». Это очень не похоже на Новикова, всегда думавшаго и дѣйствовавшаго самобытно. Въ 4 № «Смѣси», въ отвѣтъ на напечатанное письмо Боголюбова (гдѣ «Смѣсь» называлась дочерью или внучкой «Всякой всячины»), говорится: «Мимоходомъ дамъ примѣтить читателю, что справедливѣе назвать «Смѣсь» дочерью тѣхъ сочиненій, коихъ видны въ ней переводы».

Не должно, однако, отсюда заключать, что «Смѣсь» была лишена оригинальности. Не смотря на множество переводныхъ статей, журналъ этотъ издавался въ народномъ духѣ. Это, вѣроятно, и было причиной приписыванія его Новикову.

Мы встрѣчаемъ въ немъ осмѣяніе французомапіи, модъ и модныхъ нравовъ русскаго общества.—Такъ, въ 1-мъ № напечатана статья: «Происхожденіе, польза и употребленіе опахала», гдѣ авторъ подсмѣивается надъ моднымъ

пристрастіемъ къ вѣерамъ. Въ такомъ же родѣ статья: «Защищеніе румянъ».—Петиметровъ, щеголей журналъ изображалъ довольно остроумно. Статья безъ заглавія (въ первыхъ номерахъ) очень живо рисуетъ модные разговоры петиметровъ въ церкви, ухаживанія ихъ за щеголихами. Въ «Письмѣ къ издателю» (напечатанномъ въ 13-мъ листѣ) изображенъ петиметръ, говорящій лишь фразы о любви и очень похожій на искусно сдѣланную куклу. «Вотъ, г. издатель (говоритъ авторъ), до какого совершенства дошло въ Россіи искусство. Дѣлаютъ машины весьма похожія на людей». Къ этому редакція отъ себя прибавляетъ примѣчаніе: «Если вы будете такъ разсматривать всѣхъ людей, какъ разсматривали сію куклу, то я думаю, что найдете много ей подобныхъ».

Журналъ сочувствовалъ древней Руси и обличалъ новомодные нравы во имя древнихъ русскихъ добродѣтелей. Въ «Письмѣ Самоглота» (въ 19-мъ листѣ) говорится:

«Мы сперьва были просты, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ, но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ петиметровъ, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперьва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками; сверхъ же сего пудримся и спрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лутче ли мы нашихъ предковъ? Конечно, всякой бы глубокомыслящей человѣкъ и самъ бы Аристотъ удивился нашему превращенію. Я думаю, не легко было господамъ французамъ передѣлать насъ на свой ладъ: мы много походили на грубыхъ древнихъ римлянъ и почитали Катоновы добродѣтели».

Кромѣ подобнаго рода статей, народное направленіе журнала выражается въ сильномъ сочувствіи его простому народу и въ осмѣяніи родовыхъ предразсудковъ, дворянской гордости и спеси. Въ листѣ 25-мъ напечатана статья «Рѣчь о существѣ простаго народа». Въ этой «Рѣчи» авторъ иронически доказываетъ, что у простаго народа не можетъ быть ни разума, ни добродѣтели, «за тѣмъ, что добродѣтели присвояются однимъ благороднымъ».

«Простолюдины безразсудны; они справедливы, вѣрны, набожны и ис-

полняютъ многія похвальныя дѣла; но не разсуждаютъ, для чего сіе дѣлаютъ и какая имъ отъ того происходитъ польза.... Ударь крестьянина, то онъ бросится самъ на тебя, такъ точно, какъ дикой звѣрь. Но благородная душа иногда и снесетъ отъ тебя обиду, дабы по времени тебѣ хорошенько отомстить; или, вынувъ шпагу, честно тебя заколетъ... Простые разбойники грабятъ, терзая людей, на подобіе тигровъ, и ихъ за то наказываютъ. Но разумные люди знаютъ, что надобно имѣть хорошій чинъ, защиту и мѣсто, и тогда уже начинаютъ грабить».

Авторъ статьи говоритъ, что онъ просилъ анатома изслѣдовать головы крестьянина и знатнаго человѣка, и изслѣдованіе привело къ такимъ заключеніямъ:

«Крестьянинъ умѣлъ мыслить основательно о многихъ полезныхъ вещахъ. Но въ знатной головѣ анатомъ нашелъ весьма неосновательное размышленіе: требованіе чести безъ малѣйшихъ заслугъ, высокомѣріе, смѣшанное съ подлостью, любовныя мечтанія, худое понятіе о дружбѣ и пустую родословную».

Таково направленіе «Смѣси», направленіе, повидимому довольно опредѣленное.—Но въ журналѣ замѣчается нѣкоторая двойственность. Такъ, не всегда выдерживается въ немъ сочувствіе простому народу; напримѣръ, въ «Волшебной сказкѣ» (напечатанной въ 5-мъ листѣ) народъ именуется «подлымъ», и авторъ не видитъ въ немъ высокихъ нравственныхъ качествъ: онъ полагаетъ, что простая дѣвушка не устоитъ передъ обаяніемъ золота; волшебница, помогая петиметру, обращаетъ его въ молодаго купчика, даетъ ему мѣшокъ денегъ и затѣмъ съ увѣренностью говоритъ: «ты теперь вѣрно понравишься своей любовницѣ».—Сочувствуя древнимъ русскимъ началамъ, журналъ въ то же время высказываетъ идеи, совершенно не гармонирующія съ этими началами. Таково, напримѣръ, странное отношеніе къ женщинѣ въ одной статьѣ 24-го листа, гдѣ, по поводу Бризеиды Гомера, авторъ говоритъ, что женщинамъ свойственно любить военныхъ. Въ этой же статьѣ выражается какое-то, совершенно не свойственное русскому духу, благоговѣніе къ военному дѣлу.—Въ журналѣ слышится порой и раціонализмъ, хотя въ слабой степени. Напримѣръ, авторъ одной статьи 14-го листа, говоря о древнихъ «загадкахъ» и «іероглифахъ», съ увѣ-

ренностью полагаетъ, что образное выраженіе идей явилось въ жизни народовъ позже отвлеченнаго; «нахожу (говоритъ онъ), что загадки употребительны съ того времени, какъ люди, оставя ясныя природныя выраженія, полюбили темныя и витіеватыя нарѣчія».

Эта двойственность въ журналѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ былъ, не смотря на народность своего направленія, подъ иностранными вліяніями. «Смѣсь» не даромъ назвала себя дочерью тѣхъ сочиненій, коихъ переводы въ ней видны».

Изученіе нашей журналистики прошлаго вѣка, быть можетъ, откроетъ народное направленіе и еще въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Екатерининской эпохи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Сочиненія о крѣпостномъ правѣ.

Кромѣ комедій и журналовъ, народное направленіе литературы выразилось еще въ цѣломъ рядѣ очень интересныхъ и важныхъ *сочиненій о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ*, сочиненій публицистическихъ и историческихъ.

Положеніе крестьянъ въ Екатерининскія времена было очень печальное, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ записки современниковъ и другіе историческіе источники.— Добрынинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что модная роскошь и развратъ помѣщиковъ, которые онъ видѣлъ во время путешествія со своимъ архіереемъ, были «очень яснымъ таинствомъ плоти и крови измученныхъ крестьянъ».—А какъ крестьянъ мучили суровые помѣщики, это видно, напримѣръ, изъ Фонвизинскаго «Недоросля».

Авторъ комедіи смѣшитъ своею Простаковой; но если бъ онъ обрисовалъ ее серьезнѣе, она походила бы на знаменитую Салтычиху, заключенную за жестокое обращеніе съ крѣпостными; не даромъ же Фонвизинъ называетъ ее «фуріей, адскимъ порожденіемъ».—Отъ чиновниковъ крестьяне терпѣли, можетъ быть, не меньше, чѣмъ отъ помѣщиковъ; этимъ объясняется возмущеніе заводскихъ крестьянъ въ началѣ царствованія Екатерины. Пугачевскій бунтъ былъ также вызванъ ненормальнымъ положеніемъ крѣпостныхъ людей. Руничъ говоритъ (въ своихъ запискахъ), что бунтъ произошелъ отъ ненависти бѣглецовъ, помѣщичьихъ крестьянъ.—Императрица, должно быть, сознавала причины обоихъ бунтовъ; усмиреніе и того, и потомъ другаго она поручила А. И. Бибикову, который умѣлъ пріобрѣтать довѣріе крестьянъ кроткими мѣрами. Изъ писемъ Бибикова къ женѣ видно, какъ тяжело было его дѣло по усмиренію Пугачевскаго возстанія. «Душою размученъ отъ разныхъ обстоятельствъ, о чемъ говорить некогда и не по что» (писалъ онъ, между прочимъ, можетъ быть, намекая на причины бунта). Бибиковъ умеръ, не успѣвъ довести дѣло до конца, и возстаніе возгорѣлось снова. На мѣсто его былъ выбранъ П. И. Панинъ. Руничъ разсказываетъ, что Панинъ, когда ввели въ его пріемную пойманнаго Пугачева, «въ ужасномъ рыданіи... востревоженіи духа своего... воскликнулъ: Боже милосердый! во гнѣвѣ Твоемъ праведно наказалъ Ты насъ симъ злодѣемъ!» Потомъ онъ велѣлъ вывести Пугачева и,— повѣствуетъ Руничъ,—сказалъ рѣчь дворянамъ о поведеніи ихъ относительно крестьянъ. Быть можетъ, Панинъ указалъ въ этой рѣчи, что причины бунта крылись въ неправдѣ самыхъ отношеній дворянъ къ крестьянамъ, въ неправдѣ крѣпостнаго права.—Въ первые годы своего царствованія императрица Екатерина желала освобожденія крѣпостныхъ (объ этомъ положительно свидѣтель-

ствуютъ пропущенныя статьи «Наказа»); но она не привела своихъ желаній въ исполненіе, вѣроятно потому, что слишкомъ мало было людей, сочувствующихъ этому. Въ «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія» депутаты отъ козловскаго дворянства Коробьинъ, отъ гороховецкаго дворянства Протасовъ и маршалъ комиссіи Бибиковъ, предлагавшіе улучшеніе участи крѣпостныхъ людей, потерпѣли неудачу. А когда читался въ собраніи депутатовъ указъ о торговлѣ, купцы возбудили ходатайство, чтобы и имъ тоже, какъ дворянамъ, позволено было владѣть крестьянами. Въ Екатерининскую эпоху крѣпостные не могли дождаться свободы, потому что даже иные лучшіе люди того времени считали свободу для нихъ преждевременной и опасной. Извѣстный масонъ и благотворитель Лопухинъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что «народъ требуетъ обузданія для собственной его пользы», и что для сохраненія «общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ». Онъ сравниваетъ крестьянъ съ не совсѣмъ оправившимися больными, которымъ можно гулять только въ больничномъ саду; дать крестьянамъ полную свободу значило бы ихъ же уморить.— Сильнѣе и ярче всего презрѣніе общества XVIII вѣка къ простымъ людямъ сказалось въ наименованіи ихъ «подлыми» людьми. Этимъ словомъ называетъ крестьянина даже Полѣновъ, въ-сущности другъ народа, въ своемъ сочиненіи «О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи».

Въ 1768 году Вольное Экономическое Общество въ С.-Петербургѣ предложило на конкурсъ тему: *о поземельной собственности крестьянъ*. Въ отвѣтъ на это было прислано много сочиненій, русскихъ и иностранныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны произведенія: Вольтера, Беарде-Делабе (де л'Аббе) и нашего законовѣда Полѣнова. Первое и послѣднее были удостоены почетнаго отзыва;

но высшая награда была присуждена *Беарде Делабе* [1]). Французскій авторъ проводитъ въ своемъ сочиненіи ту мысль, что какъ естественное право человѣка, такъ и государственная польза требуютъ, чтобы крестьяне были освобождены. Но онъ тутъ же дѣлаетъ, подрывающую эту мысль, оговорку. По его мнѣнію, крестьянъ прежде надо подготовить къ освобожденію посредствомъ воспитанія; въ противномъ случаѣ вольность послужитъ только во вредъ и обществу, и самимъ крестьянамъ. Авторъ считаетъ крестьянъ дѣтьми, дикарями, даже «самодвижущимися машинами», поэтому полагаетъ, что освободить ихъ въ подобномъ состояніи, это все равно, что спустить медвѣдя съ цѣпи.—Сочиненіе Беарде-Делабе нельзя считать выраженіемъ исключительнаго взгляда отдѣльной личности: въ немъ отразились вообще воззрѣнія философіи XVIII вѣка съ ея аристократическимъ характеромъ. Мы знаемъ, какъ смотрѣлъ на народъ Вольтеръ. Его сочиненіе, присланное въ Вольное Экономическое Общество, не требуетъ освобожденія крестьянъ, а только допускаетъ его, если сами помѣщики пожелаютъ въ этомъ дѣлѣ послѣдовать примѣру государя; и во всякомъ случаѣ,—думаетъ Вольтеръ,—крестьяне не должны имѣть поземельной собственности,—имъ достаточно рукъ, чтобы работать. Объ этомъ и вообще о взглядахъ Вольтера на народъ было подробнѣе говорено въ другой части настоящаго сочиненія.—*Ж. Ж. Руссо*, такъ рѣзко расходившійся съ Вольтеромъ и энциклопедистами, нѣсколько иначе смотрѣлъ на народъ и его освобожденіе. Но въ-сущности его взгляды, въ данномъ случаѣ, таковы же, какъ и воззрѣнія Беарде-Делабе. Особенно опредѣлено они выразились въ «*Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa réformation projetée. En avril 1772*». Руссо называетъ здѣсь крестьянъ существами подобными намъ, т. е. обра-

[1]) Труды Вольнаго Экономическаго Общества, 1768 г., т. 8.

зованнымъ людямъ, признаетъ ихъ даже самою здоровою частью государства, и потому считаетъ необходимымъ освободить ихъ. Въ главѣ 13-й онъ говоритъ, что для прогрессивнаго движенія государства впередъ необходимо «открыть двери рабамъ къ пріобрѣтенію вольности».—Но всѣ эти благородныя мысли свои знаменитый философъ-романтикъ самъ же подрываетъ противорѣчащими имъ оговорками. Руссо находитъ, что свобода тяжела для рабовъ, что прежде, нежели тѣла, надо освободить ихъ души. Въ 6-й главѣ сочиненія онъ такъ разсуждаетъ:

«Я боюсь пороковъ и подлости рабовъ. Свобода есть пища вкусная, но трудно переваримая; нужны хорошіе желудки, чтобы ее перенести... Величавая и святая свобода! если бы эти бѣдные люди могли тебя знать, если бы они знали... насколько твои законы болѣе суровы, чѣмъ иго тирановъ», они «боялись бы тебя во сто разъ больше, чѣмъ рабства». «Освободить народы... великое и прекрасное дѣло, но дерзкое и опасное»; надо «прежде всего сдѣлать (рабовъ) достойными свободы и способными перенести ее».

Въ 13-й главѣ книги Руссо предлагаетъ такой проектъ освобожденія крѣпостныхъ. Надо прежде всего (говоритъ онъ) составить «реестръ крестьянъ, которые отличились хорошимъ поведеніемъ, хорошимъ обрабатываніемъ полей, хорошими нравами»; потомъ изъ этихъ крестьянъ должно постепенно освобождать извѣстное число, вознаграждая за это помѣщиковъ разными льготами, преимуществами, чтобы «освобожденіе раба было для помѣщика почетно и выгодно, а не тягостно». Такъ разсуждалъ Руссо.—Сочиненіе Беарде Делабе очень близко къ этимъ разсужденіямъ.

Иначе думалъ нашъ русскій писатель *Полѣновъ*. Въ своемъ произведеніи «*О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи*» [1]) онъ посмотрѣлъ на дѣло трезвѣе. Мрачными красками рисуетъ онъ положеніе крестьянъ и предсказываетъ возможность народныхъ возмущеній, какъ слѣдствіе этого положенія; не свободу считалъ онъ опасной, а крѣпостную зависимость. Пугачевскій бунтъ былъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1865 годъ, № 3.

исполненіемъ его предсказаній.—Но интересно, что Полѣновъ, требуя освобожденія, все-таки, не можетъ отказаться отъ нѣкоторой власти помѣщиковъ надъ крестьянами: по его мысли, крестьянинъ долженъ непремѣнно одинъ день въ недѣлю работать на помѣщика, и это право можетъ быть продано помѣщикомъ кому угодно. Говоря объ осуществленіи своихъ идей, Полѣновъ замѣчаетъ,что «это должно совершаться медленно и постепенно, ибо извѣстно, что сего вдругъ безъ великой опасности произвести въ дѣйство не можно и многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа».

Гораздо лучше видѣлъ истину въ этомъ дѣлѣ *Радищевъ*. Въ знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» (1790 года) онъ говоритъ о необходимости освобожденія одновременно всѣхъ крестьянъ волею верховной власти и о необходимости надѣленія освобожденныхъ землею. Онъ высказалъ тѣ два основныхъ принципа крестьянской реформы, которые и были черезъ 70 лѣтъ дѣйствительно положены въ ея основаніе. Личность Радищева чрезвычайно интересна и характерна, равно какъ и его сочиненія. Воспитанникъ иностранной философіи, онъ былъ въ то же время кореннымъ русскимъ человѣкомъ въ душѣ; но онъ никогда не умѣлъ примирить въ себѣ противорѣчій и жилъ въ постоянной путаницѣ различныхъ идей и направленій. Преобладающее, однако, начало въ его литературной дѣятельности—начало народное. Сочиненіямъ и характеристикѣ этого писателя посвящаемъ мы особый отдѣлъ настоящей главы.

Увлеченный многими идеями философовъ XVIII вѣка, не изъ ихъ философіи, однако, почерпнулъ Радищевъ свою благородную мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ.—Точно также не изъ этой философіи, хотя и увлекался тоже многими ея положеніями, взялъ мысли о крестьянахъ и

Болтинъ, авторъ «*Примѣчаній на исторію Древнія и Нынѣшнія Россіи г. Леклерка*» [1]). Въ своихъ «Примѣчаніяхъ» на Леклерка Болтинъ представляетъ проектъ освобожденія крѣпостныхъ людей. Въ вопросѣ о крѣпостныхъ и ихъ освобожденіи Болтинъ нѣсколько путается, впадаетъ въ противорѣчія; но эти колебанія-то его и представляютъ для насъ особенный интересъ, потому что служатъ указаніями — какія идеи и откуда зарождались въ нашемъ историкѣ.—Онъ сочувственно цитируетъ мысли Руссо, что «свобода есть вкусная, но неудобоваримая пища», что «прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже тѣла» [2]); но онъ не соглашается съ мнѣніемъ знаменитаго мыслителя, что нужно освобождать крестьянъ постепенно, сообразно съ ихъ поведеніемъ. Подобный планъ онъ считаетъ невозможнымъ и убѣжденъ, что дать свободу надо всѣмъ и одновременно.— Весьма важно замѣтить, что необходимость освобожденія Болтинъ выводитъ изъ своего изученія русской исторіи. Онъ говоритъ, что вольность высоко цѣнилась въ древней Руси, и указываетъ въ подтвержденіе на договоръ Игоря съ греками, на указъ 1559 года, полагающій смертную казнь за умышленіе на вольность.—Сравнивая Россію съ Франціею, онъ утверждаетъ, что рабство не было у насъ такъ сурово, какъ во Франціи. — Во II-мъ томѣ своего обширнаго сочиненія [3]) онъ представляетъ интересный историческій очеркъ закрѣпощенія крестьянъ. Въ началѣ крестьяне были (говоритъ онъ) вольны, и не было и донынѣ нѣтъ никакого закона, дѣлающаго ихъ крѣпостными. До прикрѣпленія къ землѣ, до уничтоженія Юрьева дня, помѣщики не имѣли права требовать съ нихъ больше, чѣмъ слѣдовало по условію. Даже послѣ прикрѣпленія къ

---

[1]) Примѣчанія на исторію «Древнія и Нынѣшнія Россіи» г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ, 2 т., 1788 годъ.

[2]) Томъ I, стр. 236. [3]) Томъ II, стр. 208—248.

землѣ помѣщики не имѣли права продавать крестьянъ; этотъ гнусный обычай (а не законъ) утвердился только съ теченіемъ времени.

Не только по взгляду на крестьянскій вопросъ, но и по другимъ его мыслямъ Болтинъ можетъ быть названъ писателемъ народнаго направленія. Его можно считать однимъ изъ начинателей нашего позднѣйшаго, очень важнаго, литературнаго направленія—славянофильства. Очень похожи на позднѣйшія славянофильскія воззрѣнія его взгляды на древнюю Русь, на ея вѣче, на отношенія между княземъ и вѣчемъ, на русскій народный характеръ (отличительными качествами котораго Болтинъ считалъ: мягкость, наклонность къ семейной жизни, терпимость), его сравненіе русскаго народа съ народами Запада, его взгляды на общину и крестьянскій міръ, на Петра Великаго; передъ Петромъ онъ, правда, благоговѣлъ, но нѣкоторымъ его реформамъ не сочувствовалъ, какъ, напримѣръ, перенесенію столицы изъ Москвы въ Петербургъ.

Нѣчто похожее на славянофильство есть (хотя въ слабой степени) и у другого извѣстнаго историка Екатерининскихъ временъ—*князя Щербатова*. Онъ тоже можетъ быть до нѣкоторой степени причисленъ къ писателямъ, въ дѣятельности которыхъ выражаются народныя начала. Симпатіи князя Щербатова къ родной старинѣ и народу сказались не столько въ его «Исторіи», сколько въ статьяхъ публицистическихъ, гдѣ онъ высказываетъ свое неудовольствіе, или негодованіе на паденіе нравовъ современнаго общества.—Въ «*Письмѣ къ вельможамъ, правителямъ государства*» [1]) онъ негодуетъ на сильныхъ людей, притѣсняющихъ народъ, и сочувствуетъ этому послѣднему, не смотря на свой аристократизмъ. Въ трактатѣ «*О поврежденіи нравовъ въ Россіи*» [2]) онъ, какъ человѣкъ,

---

[1]) «Русская Старина» 1872 года, январь. [2]) «Русская Старина» 1870 года начиная съ іюля, и 1871 года іюнь.

воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, энергично указываетъ, съ точки зрѣнія этихъ правилъ, на современный развратъ общества. Онъ говоритъ, что сближеніе съ Европой поправило нашу внѣшность, но разрушило древнюю нравственность. Князь Щербатовъ представляется въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ непосредственнымъ, наивнымъ русскимъ человѣкомъ со многими его достоинствами и со многими недостатками.

II.

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

«Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого-же мы будемъ помнить?» (Пушкинъ. 1823 г. Письмо къ Бестужеву. «Рус. Арх.» 1866 г., стр. 1209).

«Картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану тераться въ-слѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ». (Пушкинъ. 1834 г. «Мысли на дорогѣ. VIII. Мѣдное». Соч. П-на, изд. 1887 г., V, стр. 234).

«Путешествіе въ Москву... есть... очень посредственное произведеніе, не говоря даже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны». (Пушкинъ. 1836 г. «Александръ Радищевъ». Соч. Пушкина. V, стр. 355).

«Въ ней (т. е. въ книгѣ Радищева) есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній». (Тамъ же, стр. 356).

«Не можемъ въ немъ не признать... политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». (Тамъ же, стр. 352).

«вслѣдъ Радищеву восславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

(Пушкинъ. 1836 г. Одинъ изъ варіантовъ «Памятника» См. кн. «А. С. Пушкинъ. I. М. 1881 г.» Прилож.).

Приведенные эпиграфы изъ Пушкина показываютъ, какъ противорѣчивы и неясны были разновременныя и даже одновременныя воззрѣнія великаго писателя на Радищева. Эти колебанія мысли поэта служатъ прекрас-

нымъ выраженіемъ неясности взглядовъ русскаго общества и русской литературы на автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ у насъ борются восторженныя симпатіи къ нему съ несочувственнымъ на него взглядомъ; до сихъ поръ не вполнѣ выяснена мѣра вліянія на него иностранныхъ идей, съ которыми онъ освоился во время своего ученія за-границей; до сихъ поръ остается въ тѣни вопросъ — было ли въ немъ и его сочиненіяхъ что-нибудь народное, русское [1]).

Сочиненія Радищева замѣчательны не только по своей печальной судьбѣ, но и потому еще, что въ нихъ мы видимъ выраженіе самыхъ противуположныхъ и даже противорѣчащихъ идей. Воспитанникъ германскаго университета, знакомый близко со всею мудростью XVIII-го вѣка и увлеченный ею, Радищевъ былъ въ то-же время коренной русскій человѣкъ въ душѣ. Не было въ Екатерининскую эпоху ни одного писателя, въ дѣятельности котораго замѣчалось бы такое необыкновенное смѣшеніе разнородныхъ направленій, въ душѣ котораго уживались бы такъ странно идеи, заимствованныя изчужи съ

---

[1]) Главныя сочиненія о Радищевѣ и матеріалы для его біографіи: Свитокъ Музъ, кн. 2, Спб. 1803 г. Ст. *Борна.*—Рус. Вѣстн. 1858 г. № 23, «А. Н. Радищевъ», ст. *сына его Павла,* съ примѣч. Лонгинова.—Библіогр. Зап. 1859 г. № 17, ст. *Лонгинова* «Рус. студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проэктѣ Радищева».— Чтенія въ общ. ист. и древ. 1865 г. кн. 3.—Архивъ кн. Воронцова, кн. 5 и 12.—Вѣст. Евр. 1868 г. № 5, ст. *А. Н. Пыпина* «Крыловъ и Радищевъ».—Тамъ же, № 7, ст. *А. П—на* объ изданіи «Путешествія» въ 1868 г. Шигинымъ.—Рус. Стар. 1872 г. № 11, Зап. *Н. А. Радищева* о жизни отца. — Рус. Арх. 1879 г. № 12, записки *Ильинскаго.*—Рус. Стар. 1882 г. № 9, изслѣд. *В. Е. Якушкина* «Судъ надъ рус. писателемъ въ 18 вѣкѣ. Къ біографіи Радищева».—Чтенія въ общ. ист. и древн. 1886 г. т. II, ст. *В. Е. Якушкина* «Радищевъ и Пушкинъ».—Сборникъ 2 отд. Ак. Н. т. XXXII, № 6, ст. *М. И. Сухомлинова* «А. Н. Радищева, авторъ Путешествія изъ Спб. въ М.» (отд. изд. 1883 г.). — Рецензія этого соч. г. Сухомлинова въ Ист. Вѣст. 1883 г. № 12, *А. И. Незеленова.* (См. въ настоящей книгѣ приложеніе II).— Предполагавшееся изданіе сочиненій Радищева, подъ ред. *П. А. Ефремова,* Спб. 1872 г.—

инстинктами и мыслями непосредственнаго русскаго человѣка, уживались не сливаясь въ одно стройное міросозерцаніе и не уступая мѣста другъ другу, а какъ-то постоянно борясь, безъ всякаго перевѣса въ ту или другую сторону, причемъ объ этой борьбѣ не зналъ (т. е. не сознавалъ ее ясно) самъ носившій ее въ душѣ.

Главное изъ сочиненій Радищева—*«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»*. Въ сочиненіи этомъ есть изумительныя противорѣчія, чрезвычайныя странности, которыя и служатъ, конечно, причиной неяснаго пониманія личности Радищева и которыя, по всей вѣроятности, также были главной причиной опалы на него. Но объ этомъ послѣ. Прежде всего остановимся на главномъ содержаніи «Путешествія».

Книга эта есть собственно рядъ публицистическихъ статей о различныхъ предметахъ: о литературѣ, цензурѣ и, главнымъ образомъ, о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ. Отдѣльныя главы сочиненія носятъ названія различныхъ станцій между Петербургомъ и Москвою.

Радищевъ яркими, и можетъ быть нѣсколько грубыми и рѣзкими, чертами рисуетъ тяжелое, безотрадное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: непомѣрность ихъ труда, безправіе ихъ, бѣдность, жестокость помѣщиковъ.

Участь помѣщичьяго крестьянина гораздо тяжелѣе судьбы крестьянина государственнаго. Въ главѣ «Любань» Радищевъ разсказываетъ, что видѣлъ крѣпостныхъ, работающихъ на помѣщика шесть дней, а на себя только въ праздникъ.

«Сравнилъ я (говоритъ онъ) крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что хочетъ ихъ господинъ. Одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы» [1]).

---

[1]) «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». 1790 г. въ Санктпетербургѣ.—Новое изданіе «Путешествія» (въ ограничен. числѣ экземпляровъ) сдѣлано г. Суворинымъ въ 1888 г.—Было еще плохое изд. Шигина въ 1868 г.

Въ главѣ «Вышній Волочекъ» авторъ обращается къ своему читателю:

«Не пòтомъ-ли, не слезами-ли и стенаніемъ утучнялись нивы, на которыхъ хлѣбъ выросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ родившихся на нивѣ, казенной называемой, или по крайней мѣрѣ на нивѣ оброкъ своему помѣщику платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна лежащаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаяніе, на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ Своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ».

Въ этой-же главѣ разсказывается о помѣщикѣ, который лишилъ крестьянъ и «малаго участка» земли для того, чтобы они постоянно работали только на него.

«Варваръ! (восклицаетъ Радищевъ) не достоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кто его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ и считаемъ, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобъ одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи?».

Въ «Черной Грязи» Радищевъ видѣлъ свадьбу, совершаемую противъ воли брачущихся, по самовластію помѣщика.

«И сіе называется (восклицаетъ онъ) союзомъ божественнымъ! и богохуленіе сіе остается на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!»

Въ главѣ «Мѣдное» (къ которой сочувственно отнесся Пушкинъ) Радищевъ повѣствуетъ о томъ, какъ продавался домъ дворянина и вмѣстѣ съ домомъ 6 человѣкъ крестьянъ, между которыми были:

«старикъ лѣтъ 75, унесшій на плечахъ изъ строю раненаго своего господина и сдѣлавшійся потомъ дядькою своего молодаго барина; старуха 80 лѣтъ, кормилица матери своего молодаго барина; молодица 18 лѣтъ, обезчещенная господиномъ, которая держала на рукахъ младенца, плодъ обмана и насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго отца».

Радищевъ указываетъ на то, что крестьяне, какъ онъ выражается, «мертвы въ законѣ», имъ запрещено жаловаться на помѣщиковъ. Въ мѣстечкѣ «Едрово» путешественникъ слышалъ разсказъ, какъ во время пугачевскаго бунта крестьяне тащили на судъ Пугачева помѣщика, омерзившаго 60 дѣвицъ.

«Глупые крестьяне! (говоритъ онъ) вы искали правосудія въ самозван-

цѣ! но почто вы не повѣдали сего законнымъ судіямъ вашимъ! Они бы предали его гражданской смерти и вы бы невинны осталися. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкій взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнилъ и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе. Но крестьяне въ законѣ мертвы!»

Эту-же мысль авторъ развиваетъ въ главѣ «Пешки»:

«Помѣщикъ въ отношеніи крестьянина (поясняетъ онъ) есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ».

Для полноты картины крестьянской жизни Радищевъ. въ той-же главѣ «Пешки», описываетъ курную избу и рисуетъ бытъ крѣпостнаго человѣка. Пушкинъ отнесся къ этому какъ къ каррикатурѣ, и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что авторъ «Путешествія» впалъ въ преувеличеніе, обобщивши частный, мѣстный фактъ. Но признать этотъ фактъ ложью, конечно, нельзя.

«Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянской избы (говоритъ Радищевъ). Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ по немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ, по крайней мѣрѣ, поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимой и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустые шти); деревянная чашка и кружки тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотать воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества».

«Звѣри алчные, піявицы ненасытныя! (заканчиваетъ Радищевъ негодующимъ восклицаніемъ эту печальную картину). Что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ... Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но сколько способовъ отъяти ее у него постепенно; съ одной стороны почти всесиліе, съ другой — немощь беззащитная».

Какъ неизбѣжный и необходимый выходъ изъ невозможнаго положенія, созданнаго крѣпостнымъ правомъ, Радищевъ предлагаетъ въ главѣ «Хотиловъ» проэктъ

освобожденія крестьянъ. Онъ указываетъ на грозящую России безъ этой мѣры возможность народныхъ возмущеній; онъ напоминаетъ пугачевскій бунтъ.

«Прельщенные грубымъ самозванцемъ (говоритъ онъ про возмутившихся тогда крестьянъ) текутъ ему во слѣдъ и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе».

Какой-же это проэктъ Радищева? Какіе онъ указываетъ пути освобожденія?

Императрица Екатерина думала, что Радищевъ хотѣлъ возмущенія крестьянъ. На справедливость такого подозрѣнія повидимому намекаетъ мысль, мимоходомъ высказанная въ главѣ «Мѣдное», что свободы крестьянъ можно ждать не отъ помѣщиковъ, а отъ самой тягости порабощенія.—Но не эта мысль (притомъ же не совсѣмъ и ясная) проведена въ проэктѣ, далекомъ отъ революціонныхъ стремленій.

Радищевъ ждалъ и желалъ освобожденія крестьянъ силою верховной власти; онъ былъ увѣренъ, что наши государи понимали необходимость освобожденія и желали его.

«Мудрые правители нашего народа (говоритъ онъ), истиннымъ подвиваемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить предѣлъ стоглавому сему злу (т. е. рабству). Но державные ихъ подвиги утщетилися извѣстнымъ тогда гордымъ своими преимуществами въ государствѣ нашемъ чиносостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ».

Замѣчательно, что и противъ дворянства, враждебнаго, по его мнѣнію, освобожденію, Радищевъ не хотѣлъ дѣйствія одной силы; онъ пытается повліять на «сердце дворянина».

Онъ, какъ увидимъ, придавалъ большое значеніе въ жизни человѣка чувству; въ предисловіи къ своему «Путешествію» онъ говоритъ, что книга его написана именно съ цѣлью (и прибавимъ — съ надеждою, а можетъ быть и съ увѣренностію) повліять на сердце помѣщиковъ.

«Неужели мы будемъ чужды (обращается онъ въ проэктѣ къ своимъ собратьямъ по сословію) ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жало-

сти, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды братнія, и оставимъ на глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношеніе дальнѣйшаго потомства треть цѣлую общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжелыхъ узахъ рабства и неволи?»

Онъ называетъ «звѣрскимъ» обычаемъ порабощать себѣ подобныхъ, говоритъ, что обычай этотъ родился въ знойныхъ странахъ Азіи и недостоинъ насъ, славянъ, сыновъ славы; онъ воспринятъ нами, когда мы поражены были «мракомъ невѣжества», но къ стыду нынѣшняго разумнаго времени, удержался и до сего дня.

Крѣпостное право вредно не только для крестьянина, но и для помѣщиковъ.

«Нѣтъ ничего вреднѣе (пишетъ Радищевъ), какъ всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе. Съ одной стороны родится надменность, а съ другой—робость».

Радищевъ полагалъ, что освобожденіе крестьянъ, имѣющее совершиться волею верховной власти, должно быть соединено съ земельнымъ надѣломъ.

«Колико мы удалились (читаемъ въ проэктѣ) отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но работая ниву чуждую зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго!» «Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?»

Освобожденіе, по мысли друга Радищева (отъ лица котораго предлагается проэктъ), должно быть выполнено не разомъ, а съ нѣкоторою постепенностью, чтобы не быть насильственнымъ, потому что «вышняя власть не достаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно». Автору проэкта хочется, значитъ, чтобы дворянство участвовало въ освобожденіи не однимъ своимъ противодѣйствіемъ. Путь правительственныхъ мѣропріятій предлагается такой: прежде всего надо остановить дальнѣйшее развитіе рабства, для чего должно раздѣлить крестьянъ на сельскихъ и домашнихъ (т. е. дворовыхъ) и запретить «поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы», подъ страхомъ освобожденія. Затѣмъ

надо дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ не испрашивая на то согласія господина. Далѣе, слѣдуетъ признать собственностью крестьянъ «удѣлъ земли ими обработываемой» и «надлежитъ крестьянину судиму быть равными ему». Потомъ, какъ послѣдній шагъ передъ полнымъ и обязательнымъ освобожденіемъ, должно крестьянину «дозволить пріобрѣтать землю и вольность, платя господину за отпускную извѣстную сумму». Наконецъ законодатель уничтожитъ совершенно рабство; Радищевъ влагаетъ въ уста его будущее восклицаніе: «Изчезни варварское обыкновеніе, разрушься власть тигровъ!»

Такова сущность мыслей Радищева о крѣпостномъ правѣ и его уничтоженіи. Автору настоящей статьи могутъ возразить, что въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» есть идеи другаго рода, не вяжущіяся съ приведенными положеніями и выписками, идеи революціоннаго характера, которыя и были, вѣроятно, главною причиною осужденія книги. Возраженіе это будетъ въ нѣкоторой мѣрѣ справедливо, и авторъ уже оговорился, что книга Радищева исполнена странныхъ противорѣчій. Но объ этихъ противорѣчіяхъ рѣчь впереди. Прежде всего надо выяснить одинъ порядокъ мыслей разбираемаго писателя.

Передъ нами теперь опредѣленный взглядъ Радищева на крѣпостное право и его проэктъ освобожденія крестьянъ. Спрашивается: этотъ взглядъ и этотъ проэктъ навѣяны иностранными идеями освободительной философіей XVIII-го вѣка, съ которой Радищевъ былъ знакомъ? или явились изъ глубины русской души нашего писателя, изъ его наблюденій надъ русской дѣйствительностью?

Едва ли слѣдуетъ колебаться въ отвѣтѣ. Можно признать, конечно, основательнымъ замѣчаніе г. Алексѣя Веселовскаго въ его книгѣ «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», что Радищеву однимъ изъ поводовъ «къ рѣзкимъ обличительнымъ картинамъ стариннаго по-

мѣщичества и крестьянскаго безправія» послужило сочиненіе аббата Рейналя «Исторія обѣихъ Индій» (только это, разумѣется, не единственный поводъ, какъ думаетъ, г. Веселовскій); можно признать, что на внѣшнюю форму «Путешествія въ Москву», на юморъ и чувствительность его повліяло «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Но основы взгляда Радищева на освобожденіе крѣпостныхъ людей, на путь этого освобожденія, очевидно, не заимствованы изъ Европы (Самъ г. Веселовскій, при всемъ своемъ западничествѣ, ставитъ Радищева выше Стерна и Рейналя). Корифеи французской литературы XVIII-го столѣтія, выразители мысли своей эпохи думали совсѣмъ иначе объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ нашъ писатель.

Радищевъ хотѣлъ освобожденія волею верховной власти и притомъ съ надѣломъ землею (т. е. того, чтó дѣйствительно и совершилось въ наши дни).

Вольтеръ въ своемъ сочиненіи, присланномъ въ Петербургское Вольное Экономическое Общество на конкурсъ по вопросу о поземельной собственности крестьянъ, говоритъ, что дворянъ не слѣдуетъ принуждать къ освобожденію рабовъ, а надо предоставить это дѣло на ихъ волю, на ихъ усмотрѣніе; и во всякомъ случаѣ (утверждаетъ онъ) въ государствѣ должно быть сословіе, все богатство котораго состоитъ лишь въ рукахъ предназначенныхъдля работы [1]).

Радищевъ предлагалъ начать освобожденіе тотчасъ же, считая рабство опаснымъ. Руссо (въ своемъ проэктѣ освобожденія въ «Considèrations sur le gouvernement de Pologne») напротивъ выражалъ мысль, что освобожденіе опасно и и что слѣдуетъ рабовъ прежде приготовить образованіемъ къ принятію вольности, слѣдуетъ прежде «освободить души» крестьянъ, а потомъ уже тѣла [2]).

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ настоящемъ сочиненіи на стр. 23—24. (Въ доп. къ сдѣланнымъ тамъ ссылкамъ укажемъ соч. В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ 18 и въ перв. пол. 19 в.» Спб. 1888 г. т. I). [2]) См. въ наст. сочиненіи стр. 305—306.

Интересно, что въ проэктѣ Радищева, въ его мысляхъ вообще о крѣпостномъ правѣ есть нѣкоторое сходство съ запиской Ю. Ѳ. Самарина «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ», запиской, которая играла такую большую роль въ дѣйствительной жизни. Не говоря уже объ основныхъ положеніяхъ реформы, сходство замѣчается и въ подробностяхъ. Самаринъ развивалъ мысль, что крѣпостное право вредно не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ; мы видѣли у Радищева намекъ на то-же. Самаринъ доказывалъ, что оброчное положеніе легче барщиннаго; то-же говорилъ Радищевъ. Самаринъ предлагалъ начать реформу съ остановленія дальнѣйшаго развитія крѣпостнаго права, между прочимъ съ запрещенія переводить крестьянъ съ земли во дворъ; мы видѣли то-же у Радищева (Славянофилы отказались, впрочемъ, потомъ, какъ извѣстно, отъ постепенности въ реформѣ). Разумѣется только, что то, что у Самарина развито глубоко и подробно, у Радищева является лишь въ видѣ намековъ, порой довольно неопредѣленныхъ [1]).

Не смотря на все вышесказанное, несомнѣнно, однако, что Радищевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ иностранныхъ идей. Какъ извѣстно, онъ былъ въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія посланъ, вмѣстѣ съ Кутузовымъ, Ушаковымъ и другими молодыми людьми, въ Лейпцигскій университетъ «для обученія на казенномъ иждивеніи». — Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, именно въ «*Житіи Ушакова*» [2]), Радищевъ разсказываетъ, что нѣкто Ѳ. возбудилъ въ немъ страсть къ чтенію, давъ книгу Гельвеція «О разумѣ» (De l'esprit):

«Мы читали... сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научалися».

---

[1]) Соч. Ю. Ѳ. Самарина, т. II, М. 1878 г.

[2]) Полн. Собр. соч. Радищева, въ 5 тт., 1806—1811 гг., т. V.

Конечно, послѣ Гельвецiя принялись наши юноши и за другихъ философовъ XVIII-го вѣка. — Влiянiе этихъ мыслителей, и свѣтлой, и темной стороны ихъ ученiя (преимущественно послѣдней), очень замѣтно во всѣхъ сочиненiяхъ Радищева. Это влiянiе (кромѣ дѣйствiя на «Путешествiе въ Москву» названныхъ выше сочиненiй Стерна и Рейналя) сказывается: въ скептицизмѣ нашего писателя, въ педагогическихъ его идеяхъ, въ проводимой имъ теорiи эгоизма, въ цинизмѣ и т. д.

Скептицизмъ выразился и въ философскомъ сочиненiи Радищева «О человѣкѣ, его смертности и безсмертiи», и, можетъ быть, еще сильнѣе въ «Путешествiи»: съ сомнѣнiемъ смотритъ здѣсь нашъ авторъ на Ветхiй Завѣтъ, на древнюю исторiю. — Въ главѣ «Торжокъ» онъ высказывается враждебно противъ вселенскихъ соборовъ и противъ духовенства.

«Священнослужители (говоритъ онъ) были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческiй... они подстригали ему крылiе, да не обратитъ полетъ свой къ величiю и свободѣ».

Вселенскiе соборы «у истины отнимали сильную опору— различiе мнѣнiй, пренiя и невозбранное мыслей своихъ изрѣченiе».

«Мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенiю Никейскаго собора, предавшему Арiево ученiе проклятiю, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженiе, а того, кто оныя книги имѣть будетъ, на смерть. Императоръ Θеодосiй II проклятыя книги Несторiя велѣлъ всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ то же положено о писанiяхъ Евтихiя. Въ Пандектахъ Юстинiановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшенiя. Несмысленные! не вѣдали, что истребляя превратное или глупое истолкованiе Христiанскаго ученiя и запрещая разуму трудиться въ изслѣдованiи какихъ-либо мнѣнiй, они останавливали его шествiе... Кто можетъ за то поручиться, что Несторiй, Арiй, Евтихiй и другiе еретики быть бы могли предшественниками Лютера, и если бы вселенскiе соборы не были созваны, чтобы Декартъ родиться могъ десять столѣтiй прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!»

Какъ духовныя лица, такъ и древнiе цари и вожди племенъ представляются Радищеву сознательными обманщиками людей (иногда обманывающими съ доброй цѣлью

иногда съ дурной). Въ древности, во времена грубости народовъ, главнѣйшее, почти исключительное значеніе имѣлъ (говоритъ онъ) внѣшній блескъ.

«Нума могъ грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Егерія наставляла его въ его законоположеніяхъ... Магометъ могъ прельстить скитающихся Аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрыжали заповѣдей на горѣ среди блеску молній. Но нынѣ буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій» (Гл. «Выдропустъ»).

Въ главѣ «Путешествія»—«Крестьцы» изображена сцена разставанія отца съ сыновьями, и въ ней Радищевъ высказываетъ свой *взглядъ на воспитаніе.* Взглядъ этотъ во многомъ близокъ къ воззрѣніямъ Руссо. Здѣсь проводится мысль, что человѣкъ долженъ самъ доходить до познаній, а воспитатель можетъ лишь помогать ему въ этомъ, указывая умственные пути.

«Во младенчествѣ и отрочествѣ (говоритъ отецъ дѣтямъ) не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или мыслями чуждыми, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли нетвѣрдя (sic), какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока якова. Слѣдуя сему правилу, доколѣ силы разума не были дѣйствующи, не предлагалъ я вамъ понятія о Всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетеся разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога...»

Въ одномъ только Радищевъ отступилъ отъ воспитательной теоріи Руссо: онъ признаетъ полезнымъ обучать дѣтей музыкѣ.

Вліяніе Руссо сказалось и во *взглядѣ* нашего писателя *на чувство:* сердце человѣка (читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ «Путешествія», въ гл. «Любань») есть «первенственное уложеніе». Онъ придаетъ «страстямъ» первостепенное значеніе въ жизни человѣка; не надо отстраняться отъ страстей:

«Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самой природой. Когда чувства наши, внѣшнія и внутреннія, ослабѣваютъ и при-

тупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснулъ бы онъ въ бездѣйствіи».

Чувство утѣшаетъ человѣка въ его скорбяхъ и даетъ ему счастье.

«Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду» говоритъ Радищевъ въ посвященіи своего «Путешествія» А. М. Кутузову. Въ этомъ посвященіи авторъ объясняетъ самый фактъ написанія «Путешествія» своею вѣрою въ силу и значеніе чувства: онъ думалъ, какъ уже сказано выше, возбудить чувство жалости въ помѣщикахъ, и тѣмъ способствовать облегченію тяжкой участи крестьянъ.

Не изъ Руссо, конечно, но несомнѣнно изъ европейскихъ философовъ заимствовалъ Радищевъ и свою *теорію эгоизма*. Всего ярче и сильнѣе высказана эта теорія въ вышеупомянутой главѣ «Крестьцы».

«Когда я угощаю пришельца (читаемъ мы здѣсь), когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу лижущему мою десницу, — ихъ ли ради сіе дѣлаю? Отраду, увеселеніе или пользу въ томъ нахожу мою собственную».

Даже воспитаніе, даваемое человѣкомъ дѣтямъ своимъ, выходитъ (по Радищеву) изъ эгоистическихъ побужденій. Эгоизмъ руководитъ всѣми дѣйствіями и поступками нашими.

Наконецъ у писателей матерьялистовъ научился Радищевъ тому *цинизму*, который сильно проявился въ его жизни въ молодости, а потомъ перешелъ и въ сочиненія.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ сказка, которую онъ озаглавилъ «*Бова, повѣсть богатырская стихами*» [1]). Сочиненіе это не сохранилось до нашего времени вполнѣ. Написано было его 11 пѣсенъ и начата 12-я, а до насъ дошло лишь—вступленіе, 1-я пѣснь и планъ всей повѣсти. Содержаніе сочиненія взято изъ народныхъ сказокъ; но къ народу авторъ относится въ немъ пренебрежительно. Впрочемъ видно, что онъ знакомъ съ русскими сказками, слыхалъ даже, можетъ быть, о старшихъ богатыряхъ (такъ, напримѣръ, Полканъ не совѣтуетъ

[1]) «Собр. соч. Радищева», М. 1806 —1811 гг. Ч. I.

Бовѣ сражаться съ нимъ, какъ въ былинахъ Святогоръ Ильѣ Муромцу); и въ одномъ мѣстѣ повѣсти пробивается совсѣмъ ужь не западный взглядъ на такъ-называемую «честь», на point d'honneur:

«Кто знаетъ сколь строги законы чести (иронически говоритъ Радищевъ [1]), тотъ знаетъ, что рыцарскихъ правилъ ослушаться было нельзя. Да и нынѣ, когда свинья тебя толкаетъ рыломъ, то тяни вонъ шпагу и колись такъ честь повелѣваетъ».

Но главное содержаніе повѣсти, духъ ея составляетъ не народность, а беззастѣнчивый цинизмъ, подобнаго которому не можетъ и представить современная литература. Особенно грязны повѣствованія о любви старухи-стряпухи, о похожденіяхъ Мелетрисы и Бовы и т. д.—Радищевъ самъ въ своемъ сочиненіи указываетъ—кому онъ слѣдовалъ въ цинизмѣ: его сказка есть подражаніе «Орлеанской дѣвственницѣ» Вольтера:

«О Вольтеръ, о мужъ преславный!

(восклицаетъ нашъ писатель).

Еслибъ можно Бовѣ было
Быть похожу и кое-какъ
На Жанету, дѣвку храбру,
Что воспѣлъ ты; хоть мизинца
Ея стоить;—еслибъ можно,
Чтобъ сказали: Бова только
Тоща тѣнь ея,—довольно!
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянный
Возгнѣздился бъ въ Пантеонѣ».

Въ своемъ сочиненіи «*Житіе Ушакова*» [2]) Радищевъ разсказываетъ, что этотъ его товарищъ умеръ заграницей отъ развратной жизни, убитый болѣзнью, которая была «неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій». Къ подобной жизни «пріучило его юныя чувства обращеніе въ большомъ свѣтѣ». Нравы тогдашняго европейскаго общества, гармонировав-

[1]) Тамъ же, стр. 15.

[2]) Соч. Радищева, т. V. Также: Осмнадц. вѣкъ, кн. I (2-е изд., 1869 г.), стр. 228.

шіе съ матерьялистической философіей времени, подѣйствовали соблазняющимъ образомъ не только на Ушакова, но и на Радищева. Въ жизнеописаніи своего погибшаго товарища Радищевъ высказываетъ и свои взгляды на любовь, на молодость; эти взгляды оказываются такими же чувственными, какъ воззрѣнія Ушакова.—Въ «Путешествіи» Радищевъ сокрушается о своемъ прежнемъ развратѣ. Нѣкоторые намеки показываютъ, что этотъ развратъ до женитьбы доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Бурная и безнравственная жизнь привела Радищева къ дурной болѣзни (Императрица Екатерина въ своихъ замѣчаніяхъ на «Путешествіе» не преминула указать на это обстоятельство). Радищевъ высказываетъ горькое сожалѣніе о томъ, что, быть можетъ, болѣзнь эта перешла отъ него къ дѣтямъ и была причиной ранней, безвременной смерти горячо-любимой жены. Въ главѣ «Яжелбицы» мы читаемъ такое его обращеніе къ дѣтямъ:

«О чада души моей!.. колико согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденіе... согрѣшихъ предъ вами, отравивъ жизненные ваши соки, до рожденія вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравіе и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ источаяся въ веселіи преселился въ чистое ея тѣло и отравилъ непорочные ея члены».

Слова эти—покаянный вопль души, чистосердечное сокрушеніе; но, несмотря на это, слѣды привычки къ безнравственной жизни, къ цинизму замѣтны и въ «Путешествіи»: слишкомъ уже освоился Радищевъ съ жизненнымъ матерьялизмомъ. Такъ, въ главѣ «Подберезье» мы видимъ яркое выраженіе циническаго пристрастія автора къ чувственнымъ удовольствіямъ. Говоря о мартинистахъ. которымъ, какъ мистикамъ, онъ, скептикъ, конечно, не могъ сочувствовать, Радищевъ, между прочимъ, выражается:

«Нѣтъ, мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу не малое услажденіе чувствъ. И покаюсь тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвоч-

кою и усну упоенный сладострастьемъ въ объятiяхъ ея, нежели зарывшись въ Еврейскiя или Арабскiя буквы, въ цыфири или Египетскiе iероглифы потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованiй, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ Витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность и душенька моя набродится до сыта».

Таковы идеи и чувства, развившiяся въ душѣ Радищева подъ иностранными влiянiями. Эти влiянiя, какъ видимъ, были сильны.

Но, тѣмъ не менѣе, Радищевъ оставался кореннымъ русскимъ человѣкомъ, и, на-ряду съ приведенными воззрѣнiями, мы видимъ у него чисто *русскiя мысли, инстинкты и стремленiя.*

Скептикъ, отрицающiй соборы, онъ, однако, съ торжествомъ заявляетъ, въ главѣ «Хотиловъ», о превосходствѣ православiя надъ другими вѣроисповѣданiями:

«Неизвѣстны намъ (т. е. русскимъ), говоритъ онъ, вражды, столь часто людей раздѣлявшiе за ихъ исповѣданiе, неизвѣстно намъ въономъ и принужденiе».

Человѣкъ ума трезваго и здраваго, человѣкъ вѣрующiй, Радищевъ одинаково строго относится и къ суевѣрiю, и къ вольнодумству. Въ католицизмѣ онъ видѣлъ гордость и суевѣрiе; прямымъ послѣдствiемъ протестантства, его окончательнымъ развитiемъ считалъ онъ отрицанiе вѣры. Если и не такъ опредѣленно формулировалъ онъ подобную мысль, то, по крайней мѣрѣ, ясный намекъ на нее виденъ въ слѣдующихъ словахъ главы «Подберезье» (гдѣ говорится о движенiи идей въ исторiи):

«Христiанское общество въ началѣ было смиренно, кротко», потомъ «вознесло главу, устранилось отъ своего пути, вдалося суевѣрiю». «Лютеръ началъ преобразованiе... стало изчезать и суевѣрiе; истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденiй, но недолго пребывала въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности. Дошедъ до краевъ возможности вольномыслiе возвратится вспять. Сiя перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслiя, но многiе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрiю. Разверни новѣйшiя таинственныя творенiя, возмнишь быти во времена схоластики и словопрѣнiй».

Къ древней Руси, къ простому народу, къ его поня-

тіямъ и нравамъ, къ народной поэзіи Радищевъ относится сочувственно.—Въ одной изъ первыхъ же главъ «Путешествія» («Тосна») онъ подсмѣивается надъ хвастовствомъ породою.—Въ жизни и нравахъ нашихъ предковъ онъ видитъ демократическія начала, признаваніе вреда наслѣдственности дворянства.

«Вводя нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши (читаемъ мы въ главѣ «Выдропускъ», въ проэктѣ уничтоженія придворныхъ чиновъ) непослѣднимъ способомъ почли къ тому умаленіе права дворянства. Полезно въ государствѣ въ началѣ своемъ, личными своими заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностью, и сладкій при насажденіи, его корень произвелъ, наконецъ, плодъ горькій».

(Надо, впрочемъ, замѣтить, что довольно неясно—о чемъ именно говоритъ здѣсь Радищевъ).

На простой народъ нашъ писатель смотритъ съ симпатіей. Онъ указываетъ въ народномъ характерѣ кротость, незлобіе. Онъ умѣлъ подмѣтить, что крестьянка, жалуясь на голодъ, произноситъ укоризны помѣщику безъ гнѣва (гл. «Пешки»). На терпѣливость и выносливость народа онъ тоже обратилъ вниманіе: «русскій народъ очень терпѣливъ и терпитъ до самой крайности» (гл. «Зайцово»).—Нравственное и семейное чувства въ народѣ выше, сильнѣе, чѣмъ въ образованномъ классѣ, по мнѣнію Радищева (гл. «Едрово»); онъ глубоко сочувствуетъ народной любви къ семейной жизни. Въ немъ и самомъ сильно семейное начало: мы видѣли это выше въ его горькихъ сѣтованіяхъ о своемъ быломъ развратѣ, увидимъ далѣе въ философскомъ сочиненіи «О человѣкѣ»; то-же сказывается всюду, напримѣръ, въ «*Эпитафіи Аннѣ Васильевнѣ Радищевой*», гдѣ онъ тоскуетъ о женѣ и питаетъ себя надеждой загробной жизни, въ которой соединится съ нею. «Эпитафія» оканчивается стихами:

«Тронись, любезная, стенаніями друга!
Се предстоитъ тебѣ въ объятьяхъ твоихъ чадъ!
Не можешь коль прейти свирѣпыхъ смерти вратъ,
Явись хотя въ мечтѣ, утѣши тѣмъ супруга!»

Радищевъ не закрываетъ, однако, глазъ и на темныя стороны народной жизни: съ порицаніемъ говоритъ онъ о народномъ суевѣріи, о неровныхъ (въ отношеніи лѣтъ) бракахъ; мрачными и комическими чертами рисуетъ онъ купеческіе нравы.

Надо, впрочемъ, сказать, что порою писатель нашъ смотритъ на народъ какъ бы сквозь иностранныя очки Такъ, Пушкинъ подмѣтилъ навѣянную, по его мнѣнію «Вертеромъ» сантиментальность въ гл. «Клинъ», гдѣ идетъ рѣчь о слѣпомъ старикѣ, поющемъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ: крестьяне плачутъ, а Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ, восклицая: «О природа, колико ты властительна!» [1]. — Сочувствуя вообще простымъ людямъ (какъ мы видѣли), Радищевъ вдругъ въ одномъ мѣстѣ «Путешествія» выражаетъ высокомѣрное отношеніе къ народу, удивляясь вѣрности слова, даннаго крестьянкой:

«Крестьянка вѣрна пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что *хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно*» («Зайцово»).

Такая двойственность въ отношеніяхъ къ народу объясняется вообще непримиренной двойственностью въ душѣ писателя.

Воспитанникъ французской мысли, Радищевъ, однако (и это опять-таки свидѣтельствуетъ о его русской душѣ), смотритъ на Францію безпристрастно. Онъ смѣется надъ современной ему модой въ русскомъ обществѣ брать дѣтямъ гувернеровъ-французовъ. Онъ не ослѣпленъ и французской революціей (хотя, какъ увидимъ, и увлекся ею отчасти):

«Нынѣ (говоритъ онъ), когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, ценсура во Франціи не уничтожена». «Народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ доселѣ ихъ государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали подъ судъ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія» («Торжокъ»).

---

[1] Соч. Пушкина, изд. 1887 г., т. V, стр. 231.

Очень интересенъ *взглядъ* Радищева на самодержавіе, *на царскую власть* у насъ. Онъ находитъ, что

«въ самодержавномъ правленіи она одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна» («Спасская Полѣсть»).

Мы видѣли, что освобожденія крестьянъ Радищевъ ждалъ именно отъ царской власти. Но эта власть крѣпка лишь тогда, по его мнѣнію, когда основана на любви подданныхъ, на предоставленіи имъ свободы мысли: робкія правительства боятся за себя.

«Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности истинной любви, общаго блага возникъ, не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно; не возлюбится ли любящій искренно?» («Торжокъ»).

Въ другой главѣ («Спасская Полѣсть») странница Прямовзора совѣтуетъ царю:

«Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ тебя не тебя любятъ, но любятъ отечество...... не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своея позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои».

Конечно, изъ всего этого не вполнѣ ясно воззрѣніе Радищева на царскую власть; но однако можно, кажется, предполагать, что когда Радищевъ писалъ приведенныя слова, передъ нимъ рисовался идеалъ царя въ духѣ древней Руси (какъ по крайней мѣрѣ объясняется взглядъ на царскую власть древняго русскаго человѣка славянофилами).

Радищевъ вообще стоялъ за свободу мысли и слова. Свои соображенія по этому предмету онъ сгруппировалъ въ главѣ «Путешествія»—«Торжокъ», гдѣ мы встрѣчаемъ разсужденія *о цензурѣ* и исторію ея. Иныя мысли нашъ писатель высказываетъ здѣсь отъ себя, другія заимствовалъ изъ Гердера.

«Ценсура (говоритъ онъ) сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего нерѣдко бываютъ кривыя ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калѣка».

«Послушаемъ Гердера», предлагаетъ Радищевъ, и приводитъ изъ нѣмецкаго писателя, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ областяхъ истины, въ царствѣ мысли и духа, не можетъ ни какая земная власть давать рѣшеній, и не должна; не можетъ того правительство, менѣе еще ценсоръ, въ клобукѣ ли онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судія, а отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. Исправленіе можетъ только совершиться просвѣщеніемъ; безъ главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога... Чѣмъ государство основательнѣе въ своихъ правилахъ... тѣмъ менѣе можетъ оно позыбнуться и стрястися отъ дуновенія каждаго мнѣнія... тѣмъ болѣе благоволитъ оно къ свободѣ мыслей... Губители бываютъ подозрительны... Явной мужъ, творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ, допуститъ о себѣ глаголъ всякій... Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, дабы могъ объяти мнѣнія всѣхъ».

«Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, да дастся судъ по формѣ».

Свободу религіозной мысли Радищевъ основывалъ на уваженіи къ религіи, на увѣренности въ силѣ истины, на идеѣ, что вѣра не нуждается въ земномъ матерьяльномъ покровительствѣ.

«Если (говоритъ онъ) безумецъ въ мечтаніи своемъ не токмо въ сердцѣ, но громкимъ гласомъ речетъ «нѣсть Бога»; въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается громкое и поспѣшное ехо «нѣсть Бога, нѣсть Бога». Но чтожъ изъ того. Ехо, звукъ, ударитъ въ воздухъ, позыблетъ его и изчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ него. Но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится; урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ?»

Радищевъ разсуждаетъ далѣе, что у насъ, на Руси, «аѳеистовъ», т. е. заблуждающихся въ метафизикѣ, очень мало, во всякомъ случаѣ несравненно менѣе, нежели раскольниковъ, заблуждающихся «въ трехъ пальцахъ». Если же послѣднимъ, по ихъ множеству, дозволяется «служеніе», то

«для чего не дозволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ».

Говорятъ обыкновенно, что всѣ эти идеи о свободѣ мысли и совѣсти Радищевъ взялъ изъ иностранной литературы, изъ иностранной жизни. Богъ вѣсть! Самъ онъ, какъ мы видѣли, отсутствіе принужденія въ вѣрѣ указывалъ именно у насъ на Руси, въ православіи. Его идеалъ царя, на-сколько можно объ этомъ идеалѣ дога-

дываться, заключалъ въ себѣ представленіе о самодержавіи, основывающемся на свободѣ мысли и слова подданныхъ. — Идея о свободѣ слова и совѣсти, во всякомъ случаѣ, не менѣе русская, чѣмъ иноземная. Не даромъ она всегда была однимъ изъ основныхъ положеній славянофильства.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что въ душѣ Радищева жили самыя противорѣчивыя воззрѣнія: на-ряду съ идеями скептической философіи XVIII-го столѣтія мы видимъ у него взгляды непосредственно-русскаго человѣка, инстинктивно, а порой и сознательно любящаго особенности своей земли и своего народа.

Скептикъ — и православно вѣрующій человѣкъ, приверженецъ теоріи эгоизма—и въ то же время способный понимать и цѣнить народное незлобіе и терпѣніе, циникъ— и нѣжный, любящій семьянинъ, въ немъ все это уживалось, перепутывалось и боролось. И едва ли онъ самъ вѣдалъ о такой борьбѣ.

Яркое выраженіе противорѣчій видимъ мы и въ его интересномъ философскомъ сочиненіи: «*О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи*» [1]). Сочиненіе это написано было въ Сибири, въ Илимскомъ острогѣ. Оно составлено на основаніи многихъ философскихъ трактатовъ (Радищевъ ссылается самъ на Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Ньютона, Гельвеція); но въ немъ есть и собственныя мысли нашего писателя. Скептицизмъ перемѣшивается здѣсь съ сердечными чаяніями вѣрующаго человѣка, горячо любящаго своихъ дѣтей.

Сочиненіе и написано Радищевымъ для дѣтей, чтобы дать имъ истинное понятіе о духовности человѣка; оно вызвано изъ души семейнымъ чувствомъ автора. Въ началѣ онъ обращается къ дѣтямъ съ такими словами:

---

[1]) Полн. собр. соч. Радищева, т. II.

«Въ необходимости лишиться можетъ быть навсегда надежды видѣться съ вами, я уловить хочу, пускай неясность и неочевидность, но хотя правдоподобіе или же токмо единую возможность, что нѣкогда и гдѣ—невѣдаю, облобызаю паки друзей моихъ и скажу имъ (какимъ языкомъ—теперь не понимаю): люблю ихъ по прежнему!»

Сочиненіе раздѣляется на четыре книги. Первая посвящена разсмотрѣнію человѣческой природы, способностей души человѣка. Что касается познавательной способности, то Радищевъ, слѣдуя Локку, думаетъ, что намъ нельзя проникнуть въ сущность вещей, что человѣкъ можетъ достовѣрно знать только о томъ, что «принадлежитъ чувствамъ». Взглядъ же автора на чувство матерьяленъ (можетъ быть безсознательно для него самого). Начало чувства и начало мысли, по опредѣленію Радищева, «находятся въ тѣлесности». Напримѣръ, любовь онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Какъ кусокъ хлѣба, тобою поглощенный, превратится въ органъ твоея мысли, тако любовь, пріявъ начало въ тѣлесности, въ дѣйствіи своемъ столько же далеко отстоитъ отъ начала своего, какъ кусокъ снѣдаемый, отъ дѣйствія мозга въ мысленной силѣ» (стр. 14—15).

Опредѣляя различіе чувства любви у человѣка и у животнаго, Радищевъ недалекъ отъ взгляда Вольтера и матерьялистовъ-философовъ на любовь, какъ на чувство совершенно матерьяльное.

Во второй книгѣ философскаго трактата нашъ писатель, слѣдуя своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ, что не надо «отягощать разсудка» юношества «готовыми размышленіями», а должно предоставлять молодымъ людямъ до всего доходить самимъ, приводитъ мнѣнія деистовъ и ихъ доказательства смертности души. Это обстоятельство, равно какъ, вѣроятно, и содержаніе первой книги сочиненія побудили Пушкина сказать про разсужденіе «О человѣкѣ»: «Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма» [1]).

[1]) Соч. Пушкина, т. V (изд. 1887 г.), стр. 354 («Александръ Радищевъ»).

Вотъ доводы деистовъ, приводимые Радищевымъ: различіе между духомъ и матеріей (говорятъ эти мыслители) только кажущееся, въ дѣйствительности его не существуетъ; оно происходитъ просто отъ различнаго объясненія однѣхъ и тѣхъ же причинъ. Защитники противорѣчія между тѣломъ и духомъ утверждаютъ, что «вещественность» не можетъ мыслить и чувствовать, а духъ не имѣетъ свойствъ матеріи, т. е. не занимаетъ пространства, не имѣетъ образа, не имѣетъ свойствъ дѣлимости, твердости и инерціи («бездѣйствія»). Но деисты, опровергая эти взгляды, говорятъ, что надо отнять отъ вещества раздѣлимость безъ конца и твердость (вмѣсто послѣдней существуютъ силы притяженія и отталкиванія), а потомъ и бездѣйствіе (ибо въ природѣ ничего нѣтъ въ бездѣйствіи). Такимъ образомъ за матеріей останутся: непроницаемость, протяженность, образъ (т. е. опредѣленная протяженность) и движеніе. Но всѣ эти свойства есть и у «мысленности»: она непроницаема, ибо мысленности двухъ головъ не въ одномъ мѣстѣ; она протяженна и имѣетъ образъ, ибо у нея есть опредѣленное мѣсто — мозгъ. Съ другой стороны—свойства духа: жизнь и чувство есть и въ матеріи, — гдѣ огонь, тамъ и жизнь, а чувство находится въ родственномъ отношеніи съ электричествомъ.

Свое изложеніе идей деистовъ о душѣ Радищевъ оканчиваетъ словами:

«Доводы ихъ суть блестящи и, можетъ быть, убѣдительны. Возвѣся по силѣ нашей обѣ противоположности, я вамъ оставлю избирать, любезные мои, тѣ, кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, утѣшеніе вливающему въ душу скорбящую» (стр. 117).

Т. е. ему утѣшительно думать, что человѣкъ, лишенный на землѣ «утѣхъ», возродится въ будущей жизни «на радость и на воздаяніе добродѣтели».

«Ужель гонители Сократа на равную съ нимъ участь осуждены, ужель ничтожество есть жребій всѣхъ добродѣтельныхъ и злощастныхъ?» (стр. 193—194).

Подобныя мысли суть выраженія непосредственной

сердечной вѣры Радищева, жившей въ его душѣ вопреки скептицизму и наклонности къ матерьялизму.

Третья книга сочиненія заключаетъ въ себѣ (въ противоположность второй) доказательства безсмертія души. Радищевъ раздѣляетъ эти доказательства на нѣсколько родовъ. Первый родъ онъ называетъ метафизическимъ: скачковъ въ природѣ (разсуждаетъ онъ) не бываетъ, въ ней все—непрерывная цѣпь; какъ ночь и день смѣняются между собою, такъ смерть и жизнь; если въ жизни есть зародышъ смерти, то въ смерти заключается, вѣроятно, зародышъ жизни.

Другое доказательство нашего безсмертія Радищевъ выводитъ изъ «восходящей постепенности» всѣхъ существъ, отъ камня до человѣка, который «познаетъ уже первую всему причину». Въ этой постепенности развитія міра остановка невозможна: одной стороной связанный съ низшей природой, человѣкъ другой стороной своей долженъ быть связанъ съ міромъ духовъ, и душа наша умереть не можетъ, а будетъ продолжать свое движеніе по пути усовершенствованія.

О безсмертіи свидѣтельствуютъ затѣмъ, по мнѣнію Радищева, «чувственные доводы»: мысль есть нѣчто отдѣльное отъ чувства (вопреки Гельвецію); она сравниваетъ получаемое чувствами и не только создаетъ понятія, но и повелѣваетъ ими, т. е. человѣкъ можетъ творить. При покоѣ внѣшнихъ чувствъ, во время сна мы, однако, живемъ мыслью; лунатикъ, чувства котораго находятся въ бездѣятельности, вождается душою. Мысль можетъ въ одну минуту вмѣстить происшествія цѣлыхъ столѣтій. О безсмертіи души говорятъ также: наше самопознаніе, отличающее насъ отъ животныхъ, и даръ рѣчи, слово, которое «есть нѣчто живое, до тѣла нашего вовсе не касающееся; слово идетъ въ душу, звукъ въ ухѣ исчезаетъ» (стр. 211).

Наконецъ, четвертый рядъ доводовъ Радищева (онъ особенно интересенъ) основывается на мысли, что власть души надъ тѣломъ превышаетъ власть тѣла надъ душою. Душа можетъ причинять болѣзнь и излечивать ее; человѣкъ можетъ преодолѣвать недугъ: Руссо больной не перестаетъ писать и работать. Человѣкъ въ состояніи забывать свою тѣлесность; Радищевъ указываетъ на примѣры самоотверженія, на Курція, на христіанскихъ мучениковъ, на дикарей, смѣло смотрящихъ въ глаза смерти. Но самое замѣчательное, что онъ приводитъ здѣсь въ пользу своей мысли, это указаніе на два выдающихся явленія человѣческой жизни: «пустынножительство», аскетизмъ, и платоническая любовь. Пустынножители (говоритъ нашъ писатель) умерщвляютъ свою плоть; хотя

«умерщвленіе страсти совершенное есть уродство: ибо противорѣчитъ цѣли естественной; но есть явное и сильное доказательство власти души надъ тѣлесностью. Если бы и душа была тѣлесности дѣйствіе и произведеніе организаціи, то примѣры толикаго безумія не могли быть никогда. И се видишь, что и въ самомъ отчужденіи разсудка душа дѣйствуетъ въ слѣдствіе особыхъ правилъ и не тѣлесно» (стр. 79—80).

«Возьмемъ въ примѣръ, продолжаетъ нашъ авторъ, наитѣлеснѣйшую изъ страстей, любовь. Кто не знаетъ, что любовь платоническая на землѣ есть бредъ, что источникъ и цѣль любви суть тѣлесны? Но вообрази себѣ все, что человѣкъ любви ради подъемлетъ; пройди примѣры многочисленные, гдѣ любовь, отдѣляяся своего начала, гдѣ цѣль свою теряя изъ виду, даетъ душѣ влюбленной (ей! душа влюбленная есть) столь силу превосходную, энергію толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мысленна. А дабы убѣдиться, что страсть есть дѣйствіе и дѣйствіе ея (т. е. души) единственное, то сколь скоро тѣло становится части причастно, то страсть исчезаетъ. Изъ сего судить можемъ, чѣмъ предметъ страсти менѣе вещественъ есть, тѣмъ она живѣе быть можетъ и продолжительнѣе» (стр. 80—81).

Замѣчательно въ выписанныхъ словахъ, что, приводя въ доказательство безсмертія души могущественные доводы, указывая на аскетизмъ и на духовную любовь и, очевидно, въ глубинѣ сердца сочувствуя этимъ явленіямъ человѣческой жизни и безсознательно понимая ихъ, Радищевъ въ то-же время называетъ аскетизмъ «уродствомъ», безразсудствомъ, платоническую любовь—бредомъ, и съ спокойной

увѣренностью утверждаетъ, какъ нѣчто неподлежащее сомнѣнію, что источникъ и цѣль любви тѣлесны, что вообще естественная цѣль человѣка—въ тѣлесномъ бытіи. Удивительное противорѣчіе религіознаго человѣка съ возвышенными стремленіями въ глубинѣ души — и скептика, подчиняющагося матеріалистической философіи своего времени. Удивительное, притомъ, непониманіе въ себѣ этого противорѣчія!

Таковъ и былъ Радищевъ вездѣ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Онъ громоздилъ противорѣчія на противорѣчія, самъ того не сознавая и не видя. Таковъ онъ и въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву».

Въ четвертой книгѣ своего философскаго трактата Радищевъ высказываетъ догадки о будущей жизни человѣка послѣ земной смерти. Онъ думаетъ, что эта жизнь будетъ выше земной, потому что въ природѣ все стремится къ усовершенствованію, и душа наша, къ тому же еще сдѣлавшись свободнѣе по разрушеніи тѣла, будетъ совершенствоваться въ загробномъ мірѣ.—Что касается вопроса о возмездіи, то нашъ писатель предполагаетъ, что и добродѣтель и порокъ получатъ возмездіе въ самихъ себѣ:

«Почто искать намъ рая, почто нисходить намъ въ адъ, одинъ въ сердцѣ добродѣтельнаго, другой живетъ въ душѣ злыхъ» (стр. 140).

Обратимся, наконецъ, къ неразъ уже упомянутымъ *противорѣчіямъ* главнаго сочиненія Радищева — «Путешествія». О нѣкоторыхъ изъ нихъ было говорено выше; остается сказать о важнѣйшемъ.

Мы видѣли, что освобожденія крестьянъ Радищевъ ждалъ отъ верховной власти; мы видѣли его общій взглядъ на самодержавіе, на царскую власть на Руси. Все это показываетъ, что авторъ «Путешествія» былъ далекъ отъ революціонныхъ замысловъ и стремленій.—А между тѣмъ въ томъ же «Путешествіи» онъ напечаталъ оду «*Вольность*», въ которой выражается сочувствіе революціи,

воспѣвается кровавый бунтъ. Параллельно съ этимъ черезъ книгу проходитъ рядъ отдѣльныхъ выраженій, повидимому свидѣтельствующихъ о враждебномъ отношеніи автора къ царской власти; напримѣръ, въ «Словѣ о Ломоносовѣ» (въ гл. «Черная Грязь») мы встрѣчаемъ мысль, что самая лестная похвала для человѣка: «се исторгнувшій громъ съ небеси и скиптръ изъ рукъ царей». Есть въ книгѣ выраженія еще болѣе рѣзкія.

Конечно, императрица Екатерина была недовольна и проэктомъ Радищева освобожденія крестьянъ, и его картинами быта крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ (она въ это время уже отказалась отъ былыхъ своихъ замысловъ освобожденія крѣпостныхъ людей, или улучшенія ихъ участи); но должно быть наибольшее ея негодованіе возбудили именно вышеуказанныя выходки противъ царской власти. Выходки эти чрезвычайно странны, потому что совершенно не вяжутся, не имѣютъ ничего общаго съ основною идеей всего сочиненія, съ его главнымъ содержаніемъ. Онѣ объясняются податливостью Радищева на различныя вліянія. Воспитанникъ философіи XVIII-го вѣка, онъ невольно отозвался сочувствіемъ на идеи и кровавые факты французской революціи, не замѣчая, что все это совсѣмъ не согласуется со многими коренными его убѣжденіями.

Не замѣтила этого или не обратила на это вниманія и императрица Екатерина. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ (7-го іюля 1790 г.), что она назвала Радищева бунтовщикомъ хуже Пугачева. Въ своихъ замѣчаніяхъ на его книгу императрица говоритъ, что онъ имѣлъ намѣреніе взбунтовать крестьянъ. Это, конечно, ошибка, такого намѣренія у Радищева не было; но императрица имѣла основаніе сказать, что она видитъ въ его сочиненіи вліяніе французской революціи. Радищевъ самъ подалъ поводъ Екатеринѣ думать, что онъ «не любитъ царей и поэтому при-

дирается къ нимъ». Императрица даже «усумнилась (какъ она выразилась), не сдѣлана ли ему мною какая обида».

Въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи Радищевъ говоритъ (и вѣроятно искренно), что «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости почерпнулъ» онъ «читая разныхъ писателей и ни съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ чтобы прослыть хорошимъ писателемъ».

Отданный подъ-судъ, Радищевъ былъ приговоренъ уголовною палатой къ смертной казни. Приговоръ о немъ, какъ о дворянинѣ, повергнутъ былъ на благоусмотрѣніе государыни, и она замѣнила казнь ссылкою въ Сибирь.

Проѣздомъ черезъ Тобольскъ Радищевъ написалъ стихи:

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду».

Онъ правъ, конечно, говоря, что пострадалъ за истину (какъ пострадалъ за нее же черезъ два года другой, болѣе замѣчательный писатель и человѣкъ—Новиковъ). Но это еще вопросъ—приговорилъ ли бы его судъ къ смертной казни, если бы въ его книгѣ было одно только дѣло и не было «дерзновенныхъ выраженій?»

«Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь дерзка, смѣла и сумасбродна»,

выразился (говорятъ) Державинъ.

Что особенно странно въ «Путешествіи» Радищева, что особенно поражаетъ съ психологической точки зрѣнія, это — какъ онъ рѣшился выпустить въ свѣтъ книгу съ вышеуказанными «неприличной смѣлости» (какъ онъ самъ опредѣлилъ) выраженіями о царской власти? Какъ онъ не догадался, что эти выраженія несомнѣнно повредятъ не только ему и его сочиненію, но и задуманному имъ доброму дѣлу—облегченію участи крестьянъ?

Пушкинъ говоритъ про Радищева [1]), что можетъ быть онъ самъ «не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ». «Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ; не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить?» «Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія... Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви».

Удивляясь поступку Радищева, великій поэтъ, со свойственнымъ ему глубокимъ психологическимъ чутьемъ, между прочимъ высказалъ и такую мысль: если «перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства... если подумаемъ — какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ *сумашедшаго*» [2]).

Нечаянно высказанная геніальнымъ писателемъ догадка, быть можетъ, и поясняетъ все дѣло. Не былъ ли Радищевъ, этотъ «фанатикъ», поступившій, очевидно, очертя голову, непостижимо опрометчиво, не былъ ли онъ человѣкомъ одержимымъ маніей?

Наклонность къ маніи у него несомнѣнно была.—Такъ, можно замѣтить, что его всю жизнь преслѣдовала idée fixe—

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. 1887 г. т. V «Александръ Радищевъ», стр. 352, 355, 356.
[2]) Тамъ-же, стр. 351—352.

постоянная мысль о самоубійствѣ. Пушкинъ, разсказавъ о сочиненіи Радищева «Житіе Ушакова» и упомянувъ, что Радищевъ не согласился дать яду умирающему товарищу, молившему объ этомъ, говоритъ: «но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.» — И въ самомъ дѣлѣ, въ «Путешествіи» Радищевъ не разъ говоритъ о самоубійствѣ; онъ даже рекомендуетъ его дѣтямъ. Въ главѣ «Крестьцы» онъ совѣтуетъ сыну:

«Если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, вспомни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти отъ тебя тщатся, — умри».

Если будешь совершать злыя дѣла, и, вспомня обо мнѣ, не поколеблешься, — «се сталь, се отрава», «умри на добродѣтель». Въ другой главѣ, разсказывая о насильственной свадьбѣ крестьянина, совершенной по самовластію помѣщика, Радищевъ съ горечью замѣчаетъ, что молодой новобрачный былъ слабъ духомъ — не умѣлъ умереть.

Самъ Радищевъ окончилъ жизнь, если основываться на показаніи его сына, самоубійствомъ. Освобожденный Павломъ изъ заточенія и опредѣленный императоромъ Александромъ I на службу въ Комиссію составленія законовъ, онъ однажды испугался возможности повторенія ссылки, испугался даже безъ достаточныхъ основаній, вслѣдствіе только словъ графа Завадовскаго: «эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по-прежнему! или мало тебѣ было Сибири» [1]). Этотъ испугъ и разрѣшился отравленіемъ — Радищевъ выпилъ большой стаканъ крѣпкой водки.

Русскій человѣкъ, съ инстинктивно жившими въ немъ народными чувствами и воззрѣніями, Радищевъ въ то-же время былъ увлеченъ идеями философіи XVIII-го вѣка. Но у него не хватило силы примирить къ себѣ противо-

[1]) Тамъ-же, стр. 354.

положныя начала, привести ихъ къ гармоническому единству. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно изъ этихъ началъ не сдѣлалось и преобладающимъ въ его душѣ. Мало того—онъ даже не сознавалъ въ себѣ ихъ борьбы, и жилъ въ ихъ непримиренномъ противорѣчіи какъ въ туманѣ, путаясь и мѣшаясь на каждомъ шагу. Человѣкъ даровитый и искренній, онъ былъ одною изъ скорбныхъ жертвъ великой переходной эпохи, эпохи начала сліянія нашихъ старыхъ народныхъ основъ жизни съ пришедшими къ намъ съ Запада новыми для насъ идеями.

Разсмотрѣвъ рядъ сочиненій съ народнымъ характеромъ, сдѣлаемъ теперь, въ немногихъ словахъ, выводы изъ всего сказаннаго выше.

Во 1-хъ, оказывается, что народное направленіе въ литературѣ Екатерининской эпохи особенно богато произведеніями и выдающимися писателями. Оно выражается въ цѣломъ рядѣ комедій, сатирическихъ журналовъ, публицистическихъ, историческихъ и другаго рода сочиненій. Главные представители его: поэтъ съ огромнымъ талантомъ Фонвизинъ, замѣчательный публицистъ Радищевъ и историкъ-славянофилъ Болтинъ.

Во 2-хъ, весьма замѣчательно то обстоятельство, что всѣ писатели этого направленія выражаютъ народные взгляды и чувства безсознательно, инстинктивно. Они сочувствуютъ простымъ русскимъ людямъ, русской старинѣ, роднымъ обычаямъ и нравамъ, потому что они сами—русскіе люди. Но сознаніе ихъ зачастую расходится съ ихъ непосредственнымъ чувствомъ. Авторы комедій, напримѣръ, въ формѣ своихъ произведеній явно подражаютъ иностраннымъ оригиналамъ; Фонвизинъ старательно проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ идеи французскихъ и англійскихъ педагоговъ, и его резонеры (за исключеніемъ

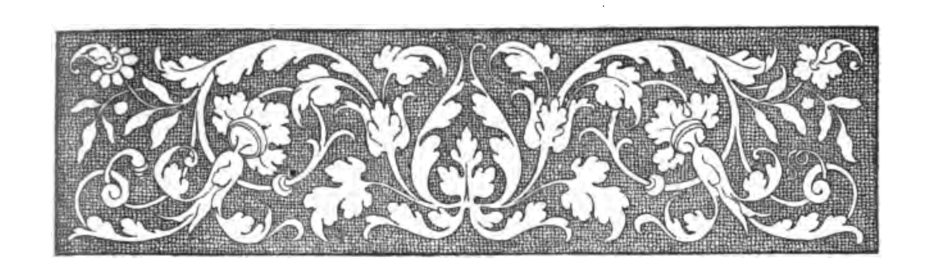
Стародума)—совершенные иностранцы; Радищевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Гельвеція, Руссо, Вольтера и другихъ философовъ и до конца жизни не смогъ примирить воспринятыхъ отъ нихъ идей съ дорогими ему русскими чувствами и мыслями; у Болтина преклоненіе передъ Руссо испортило проектъ освобожденія крестьянъ.

Но, въ 3-хъ, несмотря на это, названные писатели сдѣлали много для развитія и укрѣпленія народной идеи въ нашей литературѣ и жизни: а) они представили цѣлый рядъ болѣе или менѣе художественно нарисованныхъ русскихъ типовъ; б) они осмѣяли съ замѣчательнымъ юморомъ французоманію русскаго общества; в) они подмѣтили (какъ, напримѣръ, Болтинъ и Фонвизинъ) темныя стороны жизни западно-европейскихъ народовъ; г) они сказали горячее слово за крестьянъ, за ихъ свободу (въ этомъ отношеніи первое мѣсто, очевидно, принадлежитъ Радищеву); д) наконецъ, они, главнымъ образомъ Болтинъ, подмѣтили отличительные признаки нашего народнаго характера и нашей исторіи.

Такая ихъ дѣятельность не могла пройдти безъ сильнаго вліянія на общество. И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ что комедіи въ театрѣ смотрѣлись охотно, публика ихъ любила, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ «Драматическій словарь» 1787 года; журналы читались также охотно («Живописецъ», напримѣръ, выдержалъ нѣсколько изданій); Фонвизинъ былъ въ большой славѣ, и огромное вліяніе его на общество не можетъ подлежать сомнѣнію. Радищевъ и Болтинъ не пользовались, конечно, такой популярностью, но и они не прошли безслѣдно. Хотя «Путешествіе» Радищева разошлось въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, но ссылка, а затѣмъ смерть его надѣлали много шуму и вызвали сочувствіе къ нему общества; на его смерть писались стихи; а вскорѣ затѣмъ послѣдовало изданіе его сочиненій. «Примѣчанія на исторію Леклерка»

Болтина читались, вѣроятно, съ охотою, ибо дѣды наши дорожили національною честью.

Все это приводитъ насъ къ отрадному заключенію, что, при всемъ безуміи увлеченія нашего общества Екатерининскихъ временъ иноземнымъ, русскія начала были въ немъ, однако, очень сильны, связь съ историческимъ прошлымъ не прерывалась и духу древней русской жизни не грозила опасность изсякнуть въ жизни новой.



ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Окончивъ обзоръ *трехъ направленій* въ нашей литературѣ Екатерининской эпохи (скептическо-матерьялистическаго, мистическо-нравоучительнаго и непосредственно-народнаго), подведемъ *общіе итоги*.

Эти направленія развивались (какъ мы видѣли) не въ преемственной хронологической послѣдовательности, а шли параллельно, одновременно. Развитіе ихъ обнимаетъ періодъ около 30 лѣтъ.

Въ 60-хъ годахъ являются первыя произведенія, носящія на себѣ явные признаки того или другаго изъ трехъ направленій. Такъ, въ 1767 году выходитъ въ свѣтъ «Наказъ»; съ 1760 года до 1763 Херасковъ издаетъ журналъ «Полезное Увеселеніе»; въ началѣ 60-хъ годовъ появляются первыя народныя комедіи (напр. въ 1762 г. «Такъ и должно» Веревкина).—Развитіе направленій завершается въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ: *скептическо-матерьялистическаго* — послѣдними комическими операми (напр. «Матросскія шутки» относятся къ 1788 г.); *мистическо-нравоучительнаго* — русскими оригинальными масонскими сочиненіями Лопухина, Гамалѣя и другихъ (въ 90-хъ годахъ); *народнаго* направленія—сочиненіемъ Болтина (его «Примѣчанія» вышли въ 1788 г.), «Путешествіемъ» Радищева (въ 1790 г.) и комедіей Капниста «Ябеда» (въ 1796 г.).—Дѣятельность

трехъ главныхъ писателей, представителей направленій: *имп. Екатерины, Хераскова* и *Фонвизина* обнимаетъ весь періодъ ихъ развитія.

Три направленія литературы Екатерининской эпохи не только шли параллельно, но они сталкивались между собою, иногда — враждебно, чаще — сближаясь и даже сливаясь одно съ другимъ. Одни и тѣ-же писатели совмѣщали въ своихъ произведеніяхъ разныя начала.— Представитель скептическо-матерьялистическаго направленія Майковъ писалъ, напр., вдохновенные идеалистическіе гимны. Императрица Екатерина, ученица энциклопедистовъ, вносила въ свои пьесы народные обычаи, пѣсни, сказки, а въ міросозерцаніи своихъ комедій, осмѣивавшихъ французоманію, была близка къ «Живописцу» Новикова. Мистикъ Херасковъ былъ горячій патріотъ, и въ своихъ поэмахъ прославлялъ русскую исторію, русскихъ людей. Непосредственный русскій человѣкъ, не хотѣвшій видѣть свѣтлыхъ сторонъ заграничной жизни, Фонвизинъ придерживался иностранныхъ педагогическихъ взглядовъ, и резонеровъ своихъ выкраивалъ по иностраннымъ образцамъ. Создавшій чисто русскій проектъ освобожденія крестьянъ, Радищевъ, человѣкъ непосредственно вѣрующій и хорошій семьянинъ, былъ проникнутъ и темными и свѣтлыми сторонами философскаго ученія 18-го вѣка: скептицизмъ выразился въ его философскомъ трактатѣ «О человѣкѣ», а въ сказкѣ «Бова», и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Путешествія» замѣтенъ цинизмъ. Болтинъ, постигшій русскимъ чувствомъ и здравымъ смысломъ духъ русской исторіи, подчинялся сознательно, какъ-бы вопреки своей природѣ, идеямъ отлично извѣстныхъ ему философовъ 18-го вѣка.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ литературѣ Екатерининской эпохи царствуетъ хаосъ, совершается, какъ будто безпорядочное, броженіе разныхъ идей. Развитіе

общества шло въ ту пору безсознательно, инстинктивно.— Но этотъ хаосъ носилъ въ себѣ зародыши жизни, а не смерти и разложенія. Страстно и искренно отдаваясь приходившимъ изъ Европы чужимъ началамъ, русское общество того времени не переставало однако-жь быть русскимъ, и чужія идеи, дѣйствительно, а не внѣшнимъ только образомъ, усвоиваемыя нами, становились нашимъ достояніемъ; онѣ не уничтожали природной нашей сущности, а сливались съ нею. Сліяніе это совершалось безсознательно и таинственно, т. е. органически, какъ совершается всякій живой процессъ въ природѣ. Изъ этого процесса должно было выйдти нѣчто новое.

И дѣйствительно, новая идея явилась—въ литературной дѣятельности Новикова. Въ 80-ые годы Новиковъ, уже ранѣе пережившій разсмотрѣнныя нами направленія, принялся за изданіе журналовъ послѣдняго періода своей дѣятельности, которые и внесли новую мысль въ сознаніе общества.

Новиковъ, такимъ образомъ, по смыслу своей дѣятельности, стоитъ *внѣ* направленій Екатерининской эпохи. Внѣ этихъ направленій стоитъ и высокій по задаткамъ своего творчества, но слабый сознаніемъ поэтъ Державинъ.

Литературная дѣятельность *Новикова* началась въ 1769 году, послѣ того какъ комиссія о составленіи проекта новаго уложенія прекратила свои занятія; въ этой комиссіи Новиковъ, какъ извѣстно, занимался, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами по гвардейской службѣ, веденіемъ протоколовъ засѣданій; здѣсь онъ имѣлъ, конечно, случай и возможность познакомиться съ духомъ и потребностями русской земли, слушая рѣчи и пренія ея представителей. Въ 1769 году Новиковъ вышелъ въ отставку и принялся за изданіе сатирическаго журнала «*Трутень*». Журналъ этотъ, какъ и два слѣдовавшіе за

нимъ: «*Живописецъ*» (1772—1773 гг.) и «*Кошелекъ*» (1774 г.) отличались народнымъ направленіемъ. Издатель ихъ горячо ратовалъ противъ русской французоманіи, остроумно, а иногда и художественно изображая и осмѣивая петиметровъ, щеголихъ, модные нравы, модное, или «щегольское» нарѣчіе. Лжи современной подражательности новиковскіе журналы противополагали правду и простоту древней русской жизни, остатки которой видѣли они въ современной жизни деревенской. Ту-же мысль о древней Руси проводилъ Новиковъ въ сознаніе русскаго общества и своими изданіями памятниковъ родной исторіи. Главный сборникъ такихъ памятниковъ назвалъ онъ «*Древнею Россійской вивліоѳикой*»; изданіе это выходило въ свѣтъ въ видѣ ежемѣсячнаго журнала и имѣло назначеніе не только научное, но и практическое: Новиковъ печаталъ въ немъ такого рода древніе памятники, которые могли заинтересовать обыкновеннаго читателя и пробудить въ немъ любовь къ родной исторіи.

Кромѣ сатиры на подражательность, читатели находили въ новиковскихъ журналахъ и осмѣяніе другихъ пороковъ русской жизни. «Трутень» и «Живописецъ» съ замѣчательнымъ остроуміемъ и энергіей протестовали противъ неправды крѣпостнаго права, осмѣивая дурныхъ помѣщиковъ, доказывая, что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ. Изъ-за статей о крестьянахъ оба журнала, какъ можно съ достовѣрностью догадываться, и прекратили свое существованіе, не смотря на сочувствіе второму изъ нихъ самой императрицы, даже на ея участіе въ немъ какъ сотрудницы.

Но осмѣивая новѣйшую подражательность во имя родной старины, Новиковъ не былъ, однако, фанатическимъ приверженцемъ этой старины. Уже въ первомъ своемъ журналѣ, въ «Трутнѣ», онъ не проходилъ молчаніемъ ея недостатковъ, указывая напр. на отчужден-

ность нашихъ предковъ отъ образованія. Съ теченіемъ времени въ Новиковѣ усиливались сомнѣнія въ идеальной высотѣ древней русской жизни, а наконецъ, въ послѣднихъ номерахъ «Кошелька», онъ дошелъ до скептическаго отношенія къ ней. Этимъ кончается первый періодъ его дѣятельности.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ состояніе духа Новикова было очень тяжелымъ. «Я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ-бы основать душевное спокойствіе» (говоритъ онъ самъ). Тогда духовный взоръ его обратился на Западъ Европы, гдѣ въ то время шла въ полномъ разгарѣ борьба между скептицизмомъ философіи вѣка и мистицизмомъ масонства; Новиковъ оказался, по его словамъ, «на распутіи между волтерьянствомъ и религіей» [1]). — Но колебанія продолжались недолго. Въ 1775 году Новиковъ вступилъ въ масонскій орденъ. Не должно, однако, думать, что орденъ всецѣло овладѣлъ его душой: душа эта была слишкомъ живая, чтобы поддаться крайностямъ односторонняго увлеченія. Театральные обряды масонства и его фантастическія вѣрованія и мечтанія, равно какъ и его грубый матеріализмъ, Новикову не нравились; онъ и принятъ былъ въ орденъ безъ обычныхъ обрядовъ вступленія и безъ принесенія клятвы въ храненіи тайнъ. Новикова влекла въ масонство нравственная сторона орденскаго ученія: проповѣдь братства, помощи бѣднымъ и борьба съ невѣріемъ. Масона въ полномъ смыслѣ слова изъ Новикова не вышло, и русскіе братья ордена, такъ горячо привлекавшіе его въ свою среду и возлагавшіе на него большія надежды, должны были потомъ разочароваться въ этихъ надеждахъ.

Новое состояніе духа, новое направленіе сказались, конечно, въ литературныхъ трудахъ Новикова. Съ осени 1777 года сталъ выходить журналъ «*Утренній Свѣтъ*».

[1]) «Новиковъ и моск. мартинисты», Лонгинова, стр. 99.

Изданіе начато было въ Петербургѣ, а потомъ перенесено въ Москву, куда Новиковъ переѣхалъ, взявъ въ аренду типографію Московскаго университета и Московскія вѣдомости; продолжался журналъ втеченіи трехъ лѣтъ.

«Утренній Свѣтъ» отличается рѣзко отъ прежнихъ, сатирическихъ листковъ Новикова: въ немъ совсѣмъ нѣтъ сатиры, нѣтъ и статей по общественнымъ вопросамъ; въ этомъ сказалось вліяніе масонства, считавшаго смѣхъ дурнымъ дѣломъ и чуждавшагося жизни. Но съ другой стороны, въ «Утреннемъ Свѣтѣ» почти нѣтъ и спеціально-масонскихъ статей, и журналъ этотъ даже нельзя назвать масонскимъ: направленіе его — нравоучительное съ нѣсколько мистическимъ характеромъ. Въ немъ помѣщенъ рядъ статей нравоучительныхъ, философскихъ и научныхъ. «Утренній Свѣтъ» велъ борьбу (и въ этомъ главное его значеніе) съ матерьялистической философіей 18-го столѣтія; но не масонскія бредни, а философскую мысль противопоставлялъ онъ ученію энциклопедистовъ: во многихъ статьяхъ Новиковскаго журнала мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе сильныя доказательства безсмертія души.

Съ 1781 года по 1785-ый Новиковъ издавалъ одинъ за другимъ журналы: «*Московское Изданіе*», «*Вечерняя Заря*», «*Покоящійся Трудолюбецъ*»; кромѣ того, въ видѣ отдѣльныхъ журналовъ, выходили «*Прибавленія къ Московскимъ вѣдомостямъ*». Новиковъ называлъ первыя изъ этихъ изданій—продолженіями «Утренняго Свѣта»; но на самомъ дѣлѣ всѣ поименованные журналы отличаются уже новымъ, оригинальнымъ характеромъ и составляютъ третій, самый главный періодъ дѣятельности знаменитаго писателя. Періодъ этотъ представляетъ какъ-бы соединеніе идей двухъ первыхъ періодовъ. Мы встрѣчаемся въ немъ съ длиннымъ рядомъ отвлеченныхъ и зачастую глубокихъ по мысли философскихъ сочиненій, и въ то-же время съ сочиненіями сатирическими и публицистическими. Спе-

ціально-масонскія статьи попадаются, лишь какъ исключенія, въ первыхъ по времени изданіяхъ этой эпохи.— Философскія сочиненія «Вечерней Зари» по большей части психологическія, и сквозь всѣ ихъ проходитъ высокая мысль о единствѣ, о внутреннемъ отсутствіи противорѣчія между разумомъ и вѣрою, между умомъ, чувствомъ и совѣстью, между образованіемъ и воспитаніемъ. Философія «Покоящагося Трудолюбца» отличается скептицизмомъ; но (какъ объ этомъ приходилось уже говорить выше) Новиковъ съумѣлъ взять изъ скептицизма вѣка его чистую отвлеченную стихію, отбросивъ примѣшавшіяся къ ней матерьялистическія вѣрованія.—Къ Новикову вернулся юморъ перваго періода его дѣятельности; но сатира «Московскаго Изданія», «Вечерней Зари» и «Покоящагося Трудолюбца»—выше сатиры «Трутня» и «Живописца»: такая же остроумная, какъ та, она проникнута серьезною думой, соединена съ негодованіемъ, и напоминаетъ намъ позднѣйшую сатиру Грибоѣдова. Она направлена на тѣ-же пороки русской жизни, которые осмѣивалъ Новиковъ прежде; но она вышла изъ тѣсной сферы національности и коснулась также пороковъ общихъ, заблужденій всей христіанской Европы (какъ напр. въ прекрасной статьѣ «Покоящагося Трудолюбца» — «Новая логика»).—Вмѣстѣ съ этимъ журналы печатали множество статей публицистическаго характера, въ которыхъ подымали и разрѣшали важные вопросы русской дѣйствительности. Первое мѣсто среди этихъ вопросовъ принадлежало крестьянскому, который былъ опять поднятъ Новиковымъ съ замѣчательной энергіей. Постановкой и разрѣшеніемъ иныхъ изъ практическихъ задачъ русской жизни Новиковъ опередилъ свой вѣкъ. Такъ, онъ высказалъ мысль о правѣ женщины на высшее образованіе, равное съ мужчиной (въ статьѣ «Московскаго Изданія»— «Разговоръ Аспазіи съ Аристипомъ»); настоятельно заго-

ворилъ о необходимости организацiи помощи бѣднымъ путемъ учрежденiя церковныхъ братствъ.—Въ журналахъ помѣщалось не мало и научныхъ статей — по исторiи, географiи, педагогикѣ. Наука въ этихъ статьяхъ, оставаясь на подобающей ей высотѣ, близко соприкасалась, однако, съ дѣйствительной жизнью, служила ея потребностямъ; такъ, напр., путемъ историческихъ соображенiй журналы Новикова доказывали нелѣпость дуэлей, очень распространеннаго (какъ извѣстно) въ 18 в. предразсудка, будто шпагой можно защитить свою честь [1]).

Новиковъ является въ послѣднемъ перiодѣ своей дѣятельности горячимъ патрiотомъ; но въ то-же время онъ съ сочувствiемъ относится и къ Западу Европы, къ его цивилизацiи. — Третiй перiодъ дѣятельности Новикова можно тоже назвать народнымъ, какъ и первый; но народность его не наивная и непосредственная, а глубоко сознательная. Новиковъ въ эту эпоху народный дѣятель въ томъ смыслѣ, о которомъ говорятъ прекрасныя слова Хомякова: «основою всей нашей мысли и всей нашей народной силы» лежитъ «высокое начало единства». Это «единство» Хомяковъ противополагалъ «мысленному и бытовому раздвоенiю» [2]).

Не ограничиваясь литературною дѣятельностью, Новиковъ былъ и практическiй дѣятель жизни. Во время изданiя «Утренняго Свѣта» онъ (на средства этого журнала и на общественныя пожертвованiя) устроилъ въ Петербургѣ два народныхъ училища, положивъ этимъ начало народному образованiю въ Россiи. Переѣхавъ въ Москву, онъ, въ сообществѣ друзей своихъ: Шварца, Лопухина, Тургенева и другихъ, учредилъ Дружеское Уче-

---

[1]) О педагогическихъ взглядахъ Новикова см. въ настоящемъ сочиненiи на стр. 126—127.

[2]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 85, ст. «О возможности русской художественной школы».

ное Общество, переименованное впослѣдствіи въ Типографическую Компанію. Компанія эта прославилась своей благородной, высокой просвѣтительной и благотворительной дѣятельностью. Новиковъ умѣлъ пробуждать русское общество на совмѣстную работу.

Съ середины 80-хъ годовъ начинается печальная исторія преслѣдованія журналовъ Новикова, учрежденій его и наконецъ его самого и его друзей. Дѣло оканчивается заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость въ 1792 году.—Черезъ 4 года, по воцареніи имп. Павла, Новиковъ вышелъ изъ крѣпости, но уже разбитый и физически и духовно; въ это-то время онъ предается масонству, увлекаясь и его крайностями. Но не послѣдними годами своей жизни важенъ Новиковъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской литературы, и не представителемъ масонства былъ онъ въ нашей жизни. Великое дѣло его было уже окончено ко времени начала опалы на него: развитіе его высокой идеи завершилось въ «Покоящемся Трудолюбцѣ», послѣднемъ журналѣ, выходившемъ подъ его личной редакціей [1]).

Въ противоположность Новикову, другой писатель Екатерининской эпохи, стоявшій выше односторонности направленій, *Державинъ* не отличался сознательностью въ своей литературной дѣятельности. Онъ, обладавшій высокимъ поэтическимъ даромъ, не цѣнилъ поэзіи, не понималъ ея высокаго значенія. Въ одѣ «Фелица», прославляя императрицу Екатерину, онъ между прочимъ ставитъ ей въ заслугу и то, что она «коня парнасска не сѣдлаетъ», не умѣетъ писать стиховъ, и приэтомъ поэтъ

[1]) Подробное разсмотрѣніе литературной дѣятельности Новикова см. въ моей книгѣ «Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.» Спб. 1875 г.—Тамъ-же и доказательства, что Новиковъ былъ не только «издатель» (редакторъ), но и писатель.

сравниваетъ поэзію, по ея «пріятности, сладости и пользѣ» для людей,—съ «вкуснымъ» въ жаркое лѣтнее время «лимонадомъ». Крупный дѣятель слова, Державинъ не цѣнилъ *слова* писателя, и въ одной изъ одъ своихъ выразился:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ.

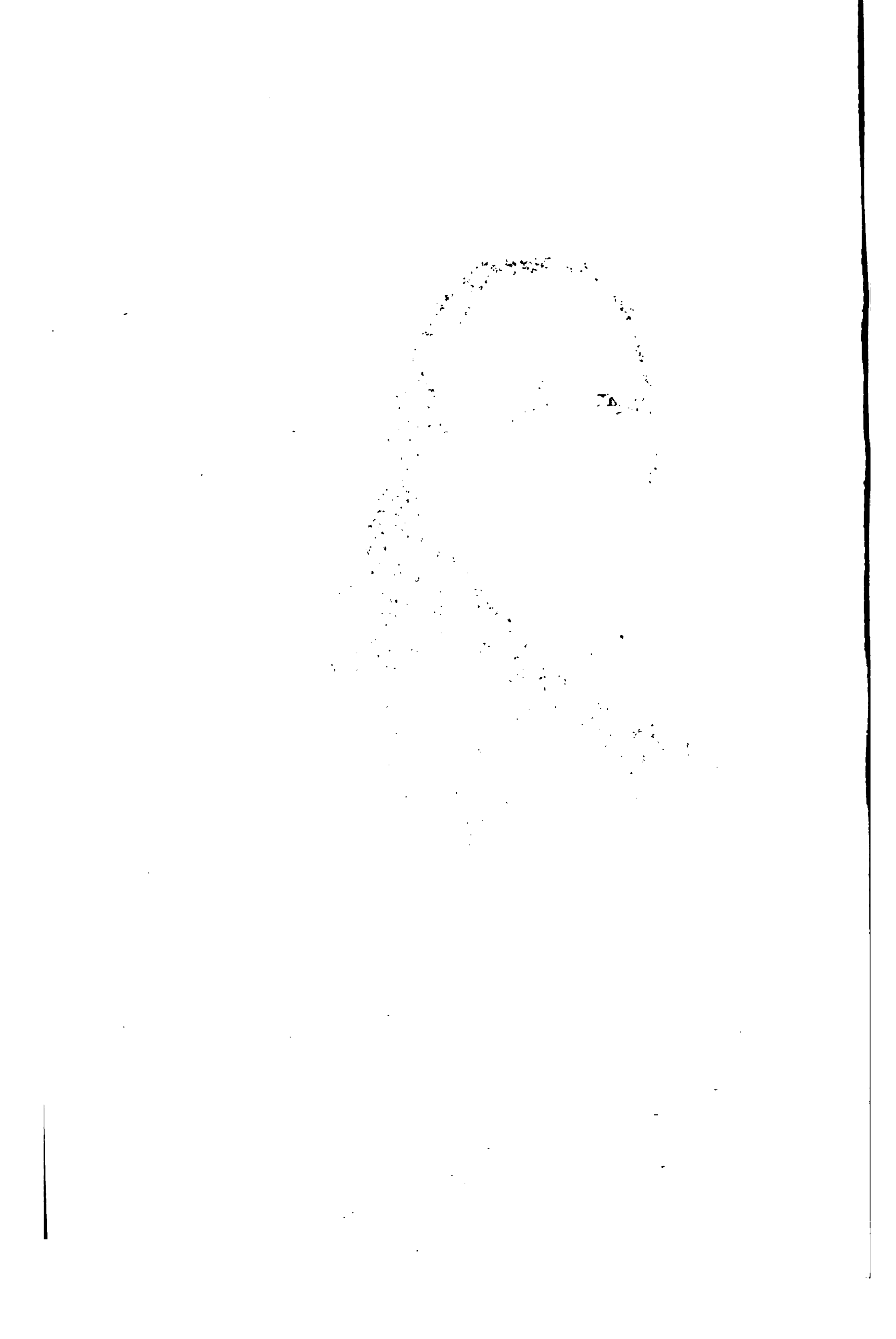
Оттого онъ допускалъ иной разъ въ свои оды «мглистый ѳиміамъ». Онъ уважалъ въ себѣ больше чиновника, чѣмъ поэта, и не понималъ, что для него *слова* были *дѣлами*. — Оттого изъ массы написаннаго имъ лишь немногое имѣетъ безусловную цѣнность, и какъ ни странны съ перваго взгляда слова о немъ Пушкина, но въ основѣ ихъ лежитъ правда: «этотъ чудакъ (выразился великій поэтъ)... не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы... Что-жь въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... У Державина должно сохранить будетъ одъ 8 да нѣсколько отрывковъ, а остальное сжечь» [1]).

Но въ немногихъ, цѣнимыхъ Пушкинымъ, одахъ Державина есть дѣйствительно нѣчто высокое и выходящее изъ ряда.—Двѣ чистыя идеи проникаютъ своимъ поэтическимъ свѣтомъ всѣ главныя произведенія Державина: это—возвышенная религіозная мысль и свѣтлое пониманіе человѣческаго достоинства. Въ знаменитой одѣ «Богъ» эти двѣ идеи гармонически сливаются: мысль о величіи Божіемъ напоминаетъ поэту не только о слабости человѣка передъ Творцемъ, но и о величіи и чудесности человѣческой природы.

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю—
Умомъ громамъ повелѣваю.
Я царь—я рабъ, я червь—я богъ!

---

[1]) Матеріалы для біогр. Пушкина, Анненкова, стр. 149.



Нѣсколько поколѣній русскихъ людей восторженно повторяли эти вдохновенныя слова.—Лучшій даръ въ числѣ даровъ, которыми геніи осыпаютъ «рожденнаго на сѣверѣ порфиророднаго отрока»—даръ пониманія царемъ человѣческаго достоинства:

Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!

И за то-же пониманіе человѣческаго достоинства прославляетъ Державинъ, главнымъ образомъ, императрицу Екатерину въ «Фелгцѣ»: противопоставляя ея царствованіе тяжелымъ временамъ господства Бирона, когда безнаказанно оскорбляли въ подданномъ человѣка, поэтъ восторженно восклицаетъ:

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей;
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей!

Мысль о достоинствѣ души человѣческой, о божественности ея происхожденія—одушевляла Державина и въ его сатирическихъ одахъ; оттого смѣхъ ихъ проникнутъ такимъ возвышеннымъ и благороднымъ негодованіемъ, такой горячностью чувства.

Не перлы перскіе на васъ,
И не бразильски звѣзды ясны,
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала!

(обращается поэтъ къ сильнымъ міра въ одѣ «Вельможа»)

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.
Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами:
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами!

Русскій человѣкъ въ душѣ, Державинъ и въ творчествѣ своемъ проявилъ народныя черты характера: онѣ сказыва-

ются въ его стремленіи къ здравому реализму,—такъ, онъ первый рѣшался сближать высокое со смѣшнымъ, въ торжественную оду включалъ сатирическія строфы; онъ первый рѣшался говорить въ поэзіи о простыхъ, обыденныхъ предметахъ, вродѣ крестьянскихъ щей и пива.—Съ другой стороны Державинъ не чуждъ былъ и иноземныхъ вліяній; такъ, въ прекрасной одѣ «На смерть князя Мещерскаго» слышится ужасъ передъ смертью и даже скептицизмъ, навѣянные на поэта матерьялистической философіей вѣка. Но въ этой философіи такъ было мало поэзіи, что Державинъ не могъ долго увлекаться ея идеями. Религіозная мысль скоро восторжествовала въ его душѣ. Эта мысль порой вдохновенно выражалась у него въ формѣ пониманія ничтожества всего преходящаго, всего земнаго.

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей—

написалъ онъ уже слабѣвшей рукою въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній.

Способность подняться духомъ выше временнаго и случайнаго, въ духовную область вѣчной красоты и ставитъ Державина какъ поэта выше многихъ его современниковъ, ставитъ его выше односторонности литературныхъ направленій.—Эта способность тѣсно связана, конечно, и съ художественной красотой нѣкоторыхъ его картинъ (какъ напр. въ одѣ «Водопадъ»). Не даромъ Бѣлинскій такъ восхищался этими картинами въ эпоху своихъ романтическихъ увлеченій.

Краткимъ указаніемъ отличительныхъ чертъ литературной дѣятельности Новикова и Державина авторъ настоящаго сочиненія и оканчиваетъ свою книгу. Подробное разсмотрѣніе произведеній этихъ писателей, стоявшихъ выше односторонности умственныхъ и нравственныхъ на-

правленій ихъ времени, не входитъ въ сочиненіе, имѣющее предметомъ разсмотрѣніе именно *направленій* литературы.

Новиковъ и Державинъ своими идеями какъ-бы вырываются (одинъ сознательно, другой инстинктивно) за предѣлы той эпохи, къ которой принадлежали по рожденію; они—предвозвѣстники новаго литературнаго періода.

Замѣчательно, что Новиковъ уже и работалъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности съ людьми новаго поколѣнія: сотрудниками послѣднихъ его журналовъ были преимущественно молодые люди, студенты московскаго университета. Въ числѣ приближенныхъ къ Новикову молодыхъ людей, развивавшихся подъ его благотворнымъ вліяніемъ, былъ и Николай Михайловичъ *Карамзинъ*, будущій глава новаго литературнаго періода.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

И со беззаконными вмѣнися.
(Ѿ Марка, гл. єі. ки.)

Въ послѣдніе годы блестящаго царствованія императрицы Екатерины въ сферѣ умственной жизни русскаго общества совершилось одно великое трагическое событіе. Дѣйствующими лицами его были—сама императрица и знаменитый издатель журналовъ и общественный дѣятель Николай Ивановичъ Новиковъ.—Указомъ главнокомандующему Москвы, князю А. А. Прозоровскому, отъ 1-го августа 1792 г., императрица повелѣла заключить Новикова безъ суда въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ за чрезвычайныя провинности и преступленія. Въ чемъ они состояли, явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ указа [2]):

«Разсматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не

---

[1]) Статья эта была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882 г. № 12.—Въ ней впервые появились въ свѣтъ и тѣ документы, на которыхъ она главнымъ образомъ основана. Документы эти находятся въ Государственномъ архивѣ и сообщены были редакціи «Ист. Вѣстника» Г. В. Есиповымъ.

[2]) Онъ напечатанъ въ книгѣ Лонгинова «Новиковъ и моск. мартинисты». М. 1867 г., стр. 0114.

только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ... слѣдующія обстоятельства обнаруживаютъ ихъ явными и вредными государственными преступниками: 1) Они дѣлали тайныя сборища [1]), имѣли въ оныхъ храмы, престолы, жертвенники; ужасныя совершались тамъ клятвы съ цѣлованіемъ креста и Евангелія, которыми обязывались и обманщики и обманутые вѣчною вѣрностію и повиновеніемъ ордену Златорозоваго креста съ тѣмъ, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпѣвать мученіе и казни. Узаконенія о семъ, писанныя рукою Новикова, служатъ къ обличенію ихъ. 2) Мимо законной, Богомъ учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдавъ себя въ его покровительство и зависимость, потомъ къ нему же относились съ жалобами въ принятомъ отъ правительства подозрѣніи на сборища ихъ и чинимыхъ будто притѣсненіяхъ. 3) Имѣли они тайную переписку съ принцемъ Гессенкассельскимъ и съ прусскимъ министромъ Вѣльнеромъ изобрѣтенными ими шифрами и въ такое еще время, когда Берлинскій дворъ оказывалъ намъ въ полной мѣрѣ свое недоброхотство. Изъ посланныхъ отъ нихъ туда трехъ членовъ двое и понынѣ тамъ пребываютъ, подвергая общество свое заграничному управленію и нарушая чрезъ то долгъ законной присяги и вѣрность подданства. 4) Они употребляли разные способы, хотя вообще, къ уловленію въ свою секту извѣстной по ихъ бумагамъ особы [2]); въ семъ уловленіи, такъ какъ и въ помянутой перепискѣ, Новиковъ самъ призналъ себя преступникомъ. 5) Издавали печатныя у себя, непозволенныя, развращенныя и противныя закону православному книги и послѣ двухъ сдѣланныхъ запрещеній осмѣлились еще продавать новыя, для чего и завели тайную типографію. Новиковъ самъ призналъ тутъ свое и сообщниковъ своихъ преступленіе. 6) Въ уставѣ сборищъ ихъ, писанномъ рукою Новикова, значатся у нихъ храмы, епархіи, епископы, миропомазаніе и прочія установленія и обряды, внѣ святой нашей церкви непозволительныя. Новиковъ утверждаетъ, что въ сборищахъ ихъ оныя въ самомъ дѣлѣ не существовали, а упоминаются только одною аллегоріей для пріобрѣтенія ордену ихъ вящшаго уваженія и повиновенія; но симъ самымъ доказываются коварство и обманъ, употребленные имъ съ сообщниками для удобнѣйшаго слабыхъ умовъ поколебанія и развращенія. Впрочемъ, хотя Новиковъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергаютъ его казни. Мы однако-жъ, и въ семъ случаѣ слѣдуя сродному намъ человѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Итакъ, Новиковъ и его «сообщники», т. е. товарищи по масонству и Типографической Компаніи, обвинялись въ учрежденіи тайнаго общества, имѣвшаго тайную типографію и печатавшаго запрещенныя книги; въ стремленіи «уло-

---

[1]) Здѣсь разумѣются засѣданія масонскихъ ложъ.

[2]) Эта особа—великій князь Павелъ Петровичъ.

вить» въ это общество наслѣдника престола, и въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, враждебными правительству императрицы Екатерины. Масонскому и общественному дѣлу Новикова и его товарищей придана была политическая окраска. Императрица, должно быть, заподозрила измѣну и заговоръ съ цѣлью возведенія на престолъ великаго князя Павла Петровича. (Впрочемъ, указъ 1-го августа дѣлаетъ оговорку, что Новиковъ «не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ»).

Понятно поэтому то живое участіе, которое приняла императрица въ слѣдственномъ дѣлѣ о Новиковѣ. Слѣдствіе производили, главнымъ образомъ, князь Прозоровскій и знаменитый Степ. Ив. Шешковскій. Но они дѣйствовали не самостоятельно: ими руководила сама Екатерина и всѣ ихъ вопросы Новикову и другимъ лицамъ составлялись на основаніи ея собственноручныхъ инструкцій и замѣчаній,—слѣдствіе производила она сама. Въ книгѣ Лонгинова «Новиковъ и московскіе мартинисты» напечатаны «Отвѣты Новикова Шешковскому въ Шлиссельбургѣ въ іюнѣ 1792 г.». Позднѣе появились въ печати (во II-мъ т. «Сборника Русскаго Историческаго общества») «Вопросные пункты Шешковскаго, предложенные Новикову». Въ настоящее время можно сказать, что эти вопросные пункты составлены на основаніи собственныхъ указаній императрицы. По крайней мѣрѣ, относительно первыхъ пунктовъ объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная записка Екатерины:

О Новиковѣ.

«Послѣ обыкновенныхъ о состояніи и образа жизни до него лично касающихся нужно спросить:

«1) Что онъ вѣдая, что всякое завожденіе новой секты или раскола и проповѣдованіе онаго есть вреденъ Государству и запрещенъ Правительствомъ, какой имѣлъ поводъ и побужденіе посвятить себя сему пагубному упражненію?

«2) Когда онъ къ тому приступилъ и при какихъ обстоятельствахъ?

«3) Кто были съ нимъ участники и кто послѣдователи, тутъ нужно различить первыхъ отъ послѣднихъ, такъ какъ обманщики отъ обманутыхъ. Объ участникахъ долженъ онъ сказать о каждомъ порознь—время вступленія его въ союзъ съ нимъ и какія къ тому имѣли они достоинства. Таково же нужно объясненіе и о послѣдователяхъ.

«4) Распросить подробно о обрядахъ пріема, а паче еще о присягѣ.

«5) Уставъ ихъ дозволяетъ ли имѣть сношеніе съ непріятелями, почти явными Государства.

«6) Какой причины ради они входили въ переписку съ Прусскимъ Министромъ Вельнера, какъ явствуетъ изъ взятыхъ бумагъ?

«7) Переписка съ Принцемъ Карломъ Гессенъ-Кассельскимъ по какой была причинѣ и какіе онъ имъ далъ совѣты?

«8) Князь Рѣпнинъ имѣлъ ли свѣденіе о ихъ перепискѣ съ чужими дворами?

«9) Вѣдая, что Пруссія въ теченіе сей войны была противъ Россіи, какъ общество столь многоумныхъ людей могло ослѣпиться войти въ переписки и пересылки наставленія и руководство отъ одного изъ Министровъ Прусскихъ? Когда сія переписка началась, въ чемъ состояла? Не для оной ли Кутузовъ живетъ въ Берлинѣ? Посланъ ли онъ обществомъ ихъ? И кого онъ тамъ представляетъ?

«10) Какое сдѣлано ими употребленіе изъ предписаній, данныхъ Вельнеромъ касательно В. К. [1]) или какое употребленіе здѣлать они хотѣли?

«11) Какія переписки и когда они имѣли съ княземъ Рѣпнинымъ, съ Плещеевымъ, съ княземъ Куракинымъ? И знали ли они о Берлинскихъ наставленіяхъ?

«12) По запрещеніи и запечатаніи у него книги, какъ онъ дерзнулъ нарушить сіе запрещеніе и вѣдаетъ ли какому подвергается наказанію?».

Точно также вопросные пункты Колокольникову, одному изъ студентовъ, посланныхъ Типографической Компаніей учиться за-границу, составлены на основаніи собственноручной инструкціи императрицы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ своимъ содержаніемъ и порядкомъ «Отвѣты Колокольникова на вопросные пункты» (напечатанные во II-мъ т. «Сборника Русскаго Историческаго общества)». Вотъ записка императрицы Екатерины:

«Какъ они ссылаются на привиллегіи Университетскія, то можемъ имъ сказать, что давно они бы выполнены были, ежели упрямствомъ и упорностію своею сами дѣло свое не остановили и не довели до того, что изъ монастыря перевезены въ крѣпость».

Въ эту записку вложена другая, собственноручная же, съ слѣдующими вопросами:

---

[1]) Великаго Князя.

«1) За что и по какому закону Новиковъ и Лопухинъ съ людей присягу берутъ?

«2) Село Пыскорѣ Пермскаго Намѣстничества чей? [1])

«3) Что за Кампанія, которая набирала студенты на своемъ иждивеніи?

«4) Какой это домъ, гдѣ компанія дозволяла жить студентамъ и давала имъ столъ?

«5) Какъ студенты въ томъ домѣ были содержаны и много ли ихъ было?

«6) Чего въ томъ домѣ учились? и какими обязаны были должностями и какія съ нихъ брали обязательства письменныя или словесныя, когда и какъ и кто?

«7) Новиковъ и Лопухинъ въ той компаніи и въ томъ домѣ какія имѣли должности и кѣмъ поставлены въ оныхъ?

«8) Кто приводилъ къ присягѣ и какъ сіе происходило?

«9) Чего обѣщались?

«10) Что за голубые кафтаны съ золотымъ камзоломъ и черное исподнее платье и кто оныхъ носилъ?

«11) Они ли сами просились, либо ихъ уговорили ѣхать въ чужіе края для ученія медицины?

«12) Какія имянно книги Лопухинъ купить велѣлъ и вывозить?

«13) Изъ показанія его видно нѣкоторое чистосердечіе и довольной смыслъ и для того требуется, чтобъ онъ сказалъ откровенно и безъ утайки, какъ, когда и на что и съ какими мыслями начертилъ извѣстную черную найденную бумагу?

«14) Въ чужіе края, понеже призналъ что масонъ, хаживалъ ли и посѣщалъ ли масонскія ложи и въ оныхъ получилъ ли онъ либо его товарищъ степени выше данной имъ въ Москвѣ?

«15) Начертаніе найденное не коверъ ли вышней той степени или тамъ полученной?

«16) Извѣстно здѣсь, что до 160 степеней считаютъ масонства, то какой онъ степени и какъ оной называютъ и достигаютъ?

«17) Имяна людей, находящіеся въ компаніи, коя содержала и отправляла студентовъ особо записать прикажите.

«18) Весьма бы хорошо было, ежели преосвященный Митрополитъ приказалъ кому изъ учителей эксаминовать въ законѣ писателя приложенной бумаги, котораго имя однако я нигдѣ не нашла, а безумнаго и спросить не чего—онъ больной [2]).

Изъ вышеприведеннаго, обвиняющаго Новикова указа князю Прозоровскому, между прочимъ, вытекаютъ, повидимому, два такія заключенія: 1) Новиковъ самъ призналъ себя виновнымъ въ «уловленіи» великаго князя Павла Петровича. 2) Императрица была вполнѣ убѣждена во

[1]) Во II-мъ т. «Сборн. Русск. Ист. общ.» напечатана «Исторія жизни и дѣлъ моихъ» (Колокольникова), начинающаяся словами: «Родился я въ селѣ Пыскорѣ, Пермскаго Намѣстничества, учился въ семинаріи...»

[2]) Вѣроятно, здѣсь разумѣетъ императрица Невзорова.

вредныхъ и опасныхъ политическихъ замыслахъ «сего преступника и его сообщниковъ».—Но на самомъ дѣлѣ оба эти положенія ложны. Отношенія свои къ Павлу Петровичу Новиковъ очень обстоятельно разъясняетъ въ отвѣтѣ на 21-й вопросный пунктъ Шешковскаго [1]). Сношенія московскихъ масоновъ съ великимъ княземъ производились, оказывается, черезъ архитектора Баженова. Въ концѣ 1775, или въ началѣ 1776 года, Баженовъ передалъ великому князю отъ Новикова и его товарищей двѣ книги: «переводъ Арндтовъ о истинномъ христіанствѣ» и «помнится еще (говоритъ Новиковъ)—избранную библіотеку для христіанскаго чтенія». Но рѣшился Новиковъ послать эти книги, во-первыхъ, послѣ того, какъ узналъ (отъ купца Глазунова или отъ Баженова—онъ не помнитъ), что ихъ раньше искали «для той особы» въ книжныхъ лавкахъ; во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ это по совѣту съ княземъ Трубецкимъ, какъ однимъ изъ «старшихъ братьевъ», и притомъ Баженову было подтверждено, «чтобы отдалъ лишь когда спроситъ», т. е. когда спроситъ великій князь; въ-третьихъ, Новиковъ положительно утверждаетъ, что при этомъ у него не было никакого инаго умысла, кромѣ надежды «милостиваго покровительства и заступленія» со стороны великаго князя. Изъ словъ Новикова видно, что на допросѣ ему напомнили какомъ-то прежнемъ намѣреніи, относительно великаго князя, профессора Шварца (бывшаго, какъ извѣстно, главою московскихъ масоновъ); дѣло это стояло въ связи съ какимъ-то письмомъ принца Гессенкассельскаго. «Прежнее намѣреніе у меня и изъ головы вышло и вспомнилъ лишь здѣсь», пишетъ Новиковъ, и прибавляетъ: «по истинѣ какъ передъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не

[1]) «Сборн. Русск. Ист. общ.». т. II-й, «Отвѣты Новикова на 21-й вопросный пунктъ».

осмѣлился, и почиталъ бы то не возможнымъ исполненію».—Возвратившись въ Москву послѣ передачи Павлу Петровичу названныхъ выше книгъ, Баженовъ далъ Новикову «бумагу», гдѣ написалъ то, что говорилъ съ великимъ княземъ; бумага эта поразила, по словамъ Новикова, его и Гамалѣя, и они бы сожгли ее, если бы не надо было показать князю Трубецкому. Въ этой бумагѣ Баженовъ «много вралъ и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское». Словамъ этой бумаги о великомъ князѣ Новиковъ «истинно не повѣрилъ, зная (поясняетъ онъ) того человѣка, который писалъ оную».

Эта бумага Баженова и была, какъ можно думать, главною уликою противъ Новикова и его товарищей. Къ сожалѣнію, она донынѣ остается намъ неизвѣстной. Безъ нея «Новиковское дѣло», несмотря на множество открытыхъ и напечатанныхъ уже документовъ, до сихъ поръ не вполнѣ ясно. Не открыта и другая, тоже, должно быть, важная бумага Баженова,—это записка, которую онъ далъ московскимъ масонамъ по возвращеніи изъ Петербурга въ 1787 или 1788 году, когда онъ передалъ великому князю вторую посылку книгъ, а именно: «извлеченіе краткое изъ сочиненій Ѳомы Кемпійскаго» и «на нѣмецкомъ языкѣ книгу о таинствѣ Креста». Эта вторая записка говорила (по словамъ Новикова) о томъ, что книги приняты благосклонно, но «особа» спрашивала, увѣренъ ли Баженовъ, что между московскими масонами нѣтъ ничего худаго; Баженовъ увѣрялъ клятвенно, что нѣтъ; тогда «особа» заключила: «Богъ съ вами, только живите смирно». Вторая записка Баженова выгораживала, такимъ образомъ, изъ «Новиковскаго дѣла» великаго князя, быть можетъ и опровергала, или, по крайней мѣрѣ, подрывала значеніе первой записки. Была ли она извѣстна слѣдователямъ—мы не знаемъ. Новиковъ говоритъ, что не по

мнитъ, у кого она осталась: у него ли, у князя ли Трубецкаго, или возвращена Баженову. Почти несомнѣнно, что съ этой запиской совершенно гармонируютъ два очень важныхъ документа, появившіеся въ печати въ XXVII-мъ т. «Сборн. Русск. Ист. общ.»: письмо на французскомъ языкѣ Павла Петровича къ императрицѣ, въ которомъ онъ отрекается отъ того, что сказано о немъ въ первой запискѣ Баженова, и пояснительная собственноручная замѣтка императрицы къ этому письму, въ которой она говоритъ: «приложенной пасквиль, у Новикова найденной, показанъ мною великому князю и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цыдулкою, изъ которой оказывается, что на него все вышеписанной пасквиль всклѣпалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожу вящше виннымъ сочинителя онаго».

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать то заключеніе, что Новиковъ, вопреки утвержденію указа отъ 1-го августа 1792 года, вовсе не сознавался въ «уловленіи» наслѣдника престола и далъ даже довольно обстоятельныя объясненія документа, кидавшаго на него тѣнь въ этомъ смыслѣ. Указъ 1 августа даже самъ себѣ противорѣчитъ, утверждая фактъ сознанія Новикова, потому что въ концѣ его сказано, что Новиковъ «не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ».

Другой вопросъ—повѣрила ли императрица отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ? Повидимому, не повѣрила; на самомъ дѣлѣ, если не вполнѣ повѣрила, то по крайней мѣрѣ усомнилась въ существованіи той вины, которая за нимъ первоначально подозрѣвалась. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и указанное противорѣчіе въ обвинительномъ актѣ и, главнымъ образомъ, одна непостижимая, повидимому, странность въ Новиковскомъ дѣлѣ: пострадалъ одинъ Новиковъ, а «сообщники» въ его ужасныхъ преступленіяхъ не были наказаны совсѣмъ,

или почти совсѣмъ. Указъ 1-го августа 1792 года, обвиняющій Новикова, вотъ что говоритъ о его товарищахъ:

«Что же касается до сообщниковъ его, Новикова, статскаго дѣйствительнаго совѣтника князя Николая Трубецкаго, отставныхъ бригадировъ Лопухина и Тургенева, которыхъ не только признанія Новикова, но и многія, писанныя руками ихъ заразительныя бумаги обличаютъ въ *соучаствованіи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ,* то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждаго изъ нихъ порознь, истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнятъ съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія *освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ* и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерніи, гдѣ тѣ деревни состоятъ, и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, употребленія надъ ними всей законной строгости» [1]).

Въ приведенныхъ словахъ указа поражаетъ насъ и удивительное несоотвѣтствіе наказанія съ взводимой на князя Трубецкаго, Лопухина и Тургенева виной, и странная увѣренность императрицы, что изъ ихъ отвѣтовъ Прозоровскій непремѣнно «усмотритъ истинное ихъ раскаяніе». (Отъ Новикова этого истиннаго раскаянія не ожидалось). Странность рѣшенія императрицы поразила даже князя Прозоровскаго, быть можетъ и самого Шешковскаго. «Позвольте мнѣ дружески вамъ сказать (пишетъ князь Прозоровскій Шешковскому 22-го іюня 1792 г.) [2]): я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники! Но до нихъ видно дѣло не дошло. Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ». Недоумѣніе главнокомандующаго Москвы тѣмъ болѣе понятно, что вовсе и не Новиковъ былъ главою нашихъ москов-

---

[1]) Указомъ князю Прозоровскому 12-го августа 1792 г. Лопухину позволено даже было (изъ уваженія къ службѣ отца его) остаться въ Москвѣ.

[2]) «Сборникъ Русск. Ист. общества», т. II, стр. 106.

скихъ масоновъ, а князь Ник. Никит. Трубецкой [1]); это было извѣстно, между прочимъ, и Шешковскому: въ «Возраженіяхъ на отвѣты Новикова», напечатанныхъ во II т. «Сборн. Русск. Истор. общества» въ замѣчаніяхъ на 36-ой отвѣтъ сказано, что князь Трубецкой переписку велъ съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ, «да и надъ сборищами главной начальникъ». Но онъ отдѣлался, оказывается, сравнительно пустяками, а пострадалъ одинъ Новиковъ. Соображая все это, нельзя не придти къ убѣжденію, что императрица послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдилась въ томъ, что Типографическая Компанія вовсе невиновна въ составленіи политическаго заговора. Грозно начавшееся дѣло окончилось вздоромъ для всѣхъ, кромѣ Новикова. За Новиковымъ, значитъ, была, по мнѣнію императрицы, какая-то другая, тайная вина, за которую онъ и былъ заключенъ въ крѣпость на 15 лѣтъ.

Вина эта откроется, по всей вѣроятности, если мы прослѣдимъ за отношеніями императрицы къ различнымъ изданіямъ Новикова, къ его литературной дѣятельности, за которой она слѣдила внимательно, одно время даже принимая въ ней личное непосредственное участіе.

Въ сентябрѣ 1784 года оберъ-полицеймейстеръ Москвы Архаровъ получилъ указъ, которымъ повелѣвается запретить напечатаніе въ Москвѣ «Ругательной исторіи ордена іезуитскаго» [2]). Эта исторія напечатана Новиковымъ въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1784 г., въ №№ 69, 70 и 71.—Вслѣдъ затѣмъ, съ 7-го октября 1785 г. идетъ послѣдовательный рядъ указовъ, повелѣвающихъ: освидѣтельствовать частныя училища въ Москвѣ, разсмотрѣть книги, выходящія изъ типографіи Новикова испытать самого Новикова въ христіанскомъ законѣ,

---

[1]) См. объ этомъ «Ник. Ив. Новиковъ». Изсл. А. Незеленова, Спб., 1875 г., стр. 427. [2]) «Новиковъ и московскіе мартинисты», Лонгинова, стр. 016 (Указъ 23 сентября 1784 г.).

осмотрѣть больницу, заведенную Дружескимъ Обществомъ (или Типографической Компаніей), опечатать книжную лавку Новикова, и т. д. и т. д. [1]). Дѣло продолжается такимъ образомъ до 1792 года, когда выходитъ, наконецъ, повелѣніе арестовать Новикова.—Къ этому періоду времени (отъ 1784 по 1792 г.) относится, объясняющая упомянутые указы, собственноручная записка императрицы:

«Слышу я, что на Москвѣ печатаютъ ругательную Исторію Езуитскаго ордена, а какъ я тому ордену дала покровительство, то требую чтобъ Исторія та не токмо запрещена была но и экземпляры отобраны были.

Послать подъ какимъ ни есть видомъ кого осмотрѣть какія строенія заводитъ у себя въ деревнѣ Новиковъ.

Хераскова отставить [2]).

Имяна осьми семинаристовъ нужно знать паче же тѣхъ кои постриглись дабы не попались въ кандидаты Епархіальные для Епископства.

Уничтожить это почтенное общество изъ которой (?) окромѣ книгъ несходные съ православіемъ не выходило [3])».

Такимъ образомъ, началось дѣло повидимому съ заступленія императрицы за обиженныхъ въ Москвѣ іезуитовъ. Но едва ли сердцу Екатерины было такъ дорого почтенное общество Іисуса. Жалоба, принесенная орденомъ на Новикова, послужила ей, конечно, только поводомъ для начала преслѣдованія человѣка, на котораго она давно уже сердилась; жалоба эта была лишь каплей, переполнившей чашу. Іезуиты, со свойственною имъ ловкостью, указали на то, что, отзываясь непочтительно объ ихъ орденѣ, пользующемся покровительствомъ императрицы, Новиковъ этимъ самымъ оскорбляетъ власть государыни, «столь достойной уваженія» [4]). Но едва ли только

---

[1]) См. Приложенія къ книгѣ Лонгинова «Новиковъ и Московскіе мартинисты».—Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1867 г., кн. 4.

[2]) Лонгиновъ говоритъ, однако (стр. 354), что Херасковъ «во все царствованіе Екатерины оставался кураторомъ Университета».

[3]) Г. Есиповъ относитъ этотъ документъ къ 1792 г. Не вѣрнѣе-ли отнести къ 1784 году?

[4]) «Вѣстн. Евр.» 1869 г., № 1. «Екатерина II и іезуиты», ст. А. Н. Попова. (Письмо Черневича къ кн. Потемкину, 15 сентября 1784 г., стр. 393).

съ этой выходки іезуитовъ Екатерина заподозрила Новикова въ недостаткѣ уваженія къ ея власти и личности. Съ большою достовѣрностію можно предположить, что она сама, по личной инціативѣ, запретила, нѣсколькими недѣлями ранѣе, другое сочиненіе, печатавшееся тоже въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ»: «О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей». Сочиненіе это началось печатаніемъ съ 61 № «Прибавленій къ Моск. Вѣд.», послѣдующихъ-же 62-го, 63-го и 64-го номеровъ, въ которыхъ должно было быть продолженіе его, подписчики не получили. Въ экземплярѣ «Прибавленій», принадлежащемъ Имп. Публичн. Библіотекѣ, въ концѣ 61 № рукою подписчика, получавшаго этотъ экземпляръ, написано: «номеры 62, 63 и 64 не присыланы, и извиненіе писано въ вѣдомостяхъ». А между тѣмъ нумерація страницъ въ «Прибавленіяхъ» (составлявшихъ въ этомъ году отдѣльную отъ Вѣдомостей книгу) не прерывается изъ-за пропуска нѣсколькихъ номеровъ: значитъ, продолженіе сочиненія «О вліяніи успѣха наукъ» было задержано прежде выхода его въ свѣтъ. Что̀ именно не понравилось императрицѣ въ этой статьѣ (если, дѣйствительно, какъ можно догадываться, она запретила ея дальнѣйшее печатаніе), мы не знаемъ; но съ достовѣрностію можно сказать, что многія статьи журналовъ Новикова послѣдняго періода его литературной дѣятельности (1781—1785 гг.) не нравились и не могли нравиться императрицѣ, какъ не могла быть ей по сердцу и общественная дѣятельность его и его товарищей.

Для разъясненія всего этого надо обратиться къ началу взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Новикова. Это начало относится къ 1769 году, когда Новиковъ блистательно выступилъ на литературное поприще своимъ сатирическимъ журналомъ «Трутень». «Трутень» велъ, какъ извѣстно, ожесточенную войну съ

журналомъ «Всякая Всячина», тайнымъ редакторомъ котораго была императрица Екатерина. Полемику эту нельзя считать простымъ журнальнымъ споромъ: она была серьезной борьбою убѣжденій, борьбою идей двухъ выдающихся дѣятелей русской жизни. Эта полемика подробно изложена въ моей книгѣ о Новиковѣ [1]); я позволю себѣ разсказать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Началось дѣло изъ-за преслѣдованія «Трутнемъ» силою ѣдкой насмѣшки взяточничества. «Всякая Всячина» вступилась за обижаемыхъ Новиковымъ приказныхъ. Но скоро споръ перешелъ въ отвлеченную область. «Всякая Всячина» стала проводить идею, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какимъ онъ кажется инымъ злымъ людямъ (журналъ ясно намекалъ на Новикова), что человѣку нельзя быть совершеннымъ, и со слабостями, которыя мы видимъ въ людяхъ, можно и должно примиряться; «Всякая Всячина» думала, что нѣтъ нужды предаваться «меланхоліи», приходить въ негодованіе; гораздо лучше веселиться и быть ко всему и всѣмъ снисходительнымъ. «Трутень», напротивъ, думалъ и говорилъ, что терпимость къ пороку вовсе не то-же самое, что милосердіе, и что она — дѣло нехорошее; онъ полагалъ затѣмъ, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на общество такимъ путемъ, какимъ онъ хочетъ: путемъ-ли сатиры, или нравоученія. Доказывая свои снисходительныя и умѣренныя мысли, свою уступчивую мораль, «Всякая Всячина» была весьма неразборчива на средства, а именно — употребляла софизмы; напримѣръ, она говорила, что приказные не были бы мздоимцами, если-бы ихъ не соблазняли взятками сами истцы и т. д.—За этимъ разногласіемъ въ принципахъ крылись и другого рода, фактическія и реальныя разногласія двухъ журналовъ. Такъ,

[1]) «Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.». Спб. 1875 года, стр. 158—170.

императрица вовсе не раздѣляла сочувственнаго взгляда Новикова на предковъ, на русскую старину. Не сочувствовала она и появленію въ «Трутнѣ» статей о крестьянахъ и помѣщикахъ, въ которыхъ выражалась мысль о тяжеломъ положеніи крѣпостнаго и о томъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ. Императрица въ принципѣ была за освобожденіе крестьянъ, но осуществить его она считала дѣломъ преждевременнымъ и невозможнымъ. Вотъ почему, должно быть, «Трутень» принужденъ былъ печатать статьи о крестьянахъ съ различнаго рода оговорками; а въ 1770 году въ немъ и совсѣмъ перестали появляться сочиненія, касающіяся крѣпостнаго права. Наконецъ, мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что журналъ Новикова былъ остановленъ личнымъ распоряженіемъ императрицы: онъ умеръ «съ превеликой печали» (по его выраженію), послѣ того какъ получилъ отъ нея (найденное Пекарскимъ въ собственноручныхъ бумагахъ императрицы) письмо, начинающееся словами: «Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ...»

Но замѣчательно, что вслѣдъ за прекращеніемъ «Трутня» начинается сближеніе императрицы съ Новиковымъ: спустя нѣсколько времени она начинаетъ сообщать ему историческія рукописи для его изданій, затѣмъ письменно обѣщаетъ свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ «Живописецъ», и наконецъ, дѣйствительно принимаетъ въ «Живописцѣ» личное участіе. Какъ объяснить такую, повидимому, странную перемѣну? Дѣло въ томъ, что полемика Екатерины и Новикова не была ожесточеннымъ споромъ людей, закоснѣлыхъ въ односторонности своихъ взглядовъ; это была борьба молодыхъ умовъ, увлеченныхъ искренно противорѣчащими одно другому направленіями. Въ жару спора противники впадали въ крайности, какъ это обыкновенно бываетъ; въ особенности

это можно сказать относительно императрицы. Проводя мысль о снисходительности къ слабостямъ, она, противорѣча себѣ, допускала во «Всякую Всячину» довольно рѣзкую сатиру, напримѣръ, на взяточничество. Назвавъ издателя «Трутня» злымъ, она однако-жь признала его остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ [1]). Литературные противники вѣрили въ искренность убѣжденій другъ друга; оттого императрица не оскорблялась на чрезвычайную рѣзкость «Трутня», оттого (что весьма замѣчательно въ данномъ случаѣ) спорившіе повліяли другъ на друга своими взглядами и убѣжденіями. На Новикова подѣйствовала мысль, что лучше исправлять нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ, чѣмъ смѣхомъ: вскорѣ послѣ «Трутня» онъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи, съ цѣлью показать современному обществу образцы доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ; а черезъ нѣсколько времени, именно въ 1774 или 1775 году, онъ даже отрекается отъ сатиры. Императрица, въ свою очередь, отступаетъ отъ снисходительнаго взгляда на жизненное зло, отъ низменныхъ воззрѣній на человѣческую природу, навѣянныхъ на нее идеями философовъ-матеріалистовъ и особенно ея учителя Вольтера. Въ 1772 году она пишетъ комедіи: «Именины г-жи Ворчалкиной» и «О время!», въ которыхъ остро и серьезно осмѣиваетъ французоманію русскаго общества, и довольно ярко (хотя и слабѣе «Трутня») рисуетъ тяжелое положеніе крестьянъ подъ властью жестокихъ помѣщиковъ (вродѣ Ханжахиной во второй изъ названныхъ комедій). Императрица увлеклась, такимъ образомъ, обѣими идеями, положенными Новиковымъ въ основу его «Трутня». Сатира императрицы получила серьезный характеръ. Понятно, что Новиковъ посвятилъ своего »Живописца» автору

---

[1]) «Всякая Всячина», 1769 г., стр. 402.—«Н. И. Новиковъ», изсл. Незеленова, стр. 166—167.

комедіи «О время!» Здѣсь не разсчетъ, а искреннее увлеченіе (и совершенно основательное) руководило его поступкомъ.

Въ отвѣтъ на посвященіе ей «Живописца», императрица Екатерина написала Новикову письмо, въ которомъ она не только сочувствуетъ журналу своего прежняго литературнаго противника, но и совершенно въ тонъ ему нападаетъ на сословные предразсудки. Письмо это напечатано въ 7-мъ № «Живописца», т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ появленія въ немъ (въ № 5) «Отрывка изъ путешествія И. Т.», въ которомъ авторъ мрачными красками рисуетъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Значитъ, императрица ничего не имѣла противъ этой статьи. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дальнѣйшихъ №№ журнала печатается цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій о крестьянахъ.

Карамзинъ въ своей запискѣ о Новиковѣ, писанной имъ для императора Александра I, положительно говоритъ, что въ «Живописцѣ» «напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера» Екатерины [1]). Авторъ настоящей статьи предполагаетъ, въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ [2]), что императрицѣ Екатеринѣ принадлежатъ: письмо «Осмидесятилѣтняго старика» (въ 7 № журнала), письмо «дворянина съ одною душею» (въ предпослѣднемъ № 1772 года) и статья противъ масоновъ (въ №№ 8 и 9 втораго года журнала). Двѣ первыя статьи своимъ содержаніемъ (а вторая даже и заглавіемъ) выражаютъ явное личное сочувствіе императрицы освобожденію крестьянъ.

Сообщеніе Екатериною Новикову памятниковъ нашей исторіи, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, какъ и сатира ея на французоманію, что она начала сочувственно относиться и къ русской старинѣ. Императрица не только

[1]) Новиковъ и моск. март. Лонгинова, стр. 0161.

[2]) Стр. 191—102 и 195.

подписалась на 10 экземпляровъ «Древней Россійской Вивліоѳики», но и поддерживала это изданіе Новикова значительными субсидіями. А между тѣмъ, цѣлью «Вивліоѳики», какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ первой-же ея части, было «начертаніе нравовъ и обычаевъ» нашихъ предковъ, чтобы мы познали «великость духа ихъ, украшеннаго простотою». «Не всѣ у насъ еще, слава Богу, заражены Франціею», прибавляетъ Новиковъ.— Все это совершенно гармонируетъ съ извѣстной любовью императрицы къ народнымъ русскимъ обычаямъ, къ пѣснямъ, пословицамъ, играмъ, къ народному языку и т. д. Кто знаетъ, можетъ быть народныя русскія черты, которыхъ нельзя не замѣтить въ характерѣ Екатерины, явились въ ней подъ вліяніемъ идей издателя «Трутня» и «Вивліоѳики».

Но добрымъ отношеніямъ императрицы и Новикова не суждено было остаться неизмѣнными. Разногласіе замѣтно уже и въ названныхъ статьяхъ ея въ «Живописцѣ», Соглашаясь въ принципѣ съ взглядами Новикова на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, императрица предостерегаетъ (еще дружески) издателя журнала отъ помѣщенія рѣзкихъ статей подобнаго рода. Письмо «дворянина съ одною душею» даже остановило совсѣмъ, какъ можно предполагать съ большою достовѣрностью, ихъ печатаніе: послѣ этого письма въ «Живописцѣ» вовсе не встрѣчается сочиненій о крѣпостномъ правѣ; ихъ нѣтъ и въ сатирическомъ листкѣ 1774 года «Кошелекъ».

Со вступленіемъ Новикова въ масонство, въ 1775 году, отношенія между нимъ и императрицей, какъ можно догадываться, совсѣмъ прекращаются; по крайней мѣрѣ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этихъ отношеній. Императрица, какъ извѣстно, терпѣть не могла масонства. Съ 1777 года Новиковъ издавалъ «Утренній Свѣтъ», журналъ отвлеченно-нравоучительнаго направленія съ мисти-

ческимъ оттѣнкомъ. Имени императрицы нѣтъ въ спискахъ подписчиковъ этого изданія, хотя можно предполагать, что Новиковъ поднесъ ей экземпляръ журнала, какъ подносилъ прежнія изданія.

Изданіе «Утренняго Свѣта» связано съ началомъ практической общественной дѣятельности Новикова: на средства журнала онъ задумалъ основать, при помощи русскаго общества, народныя училища. Такія училища были открыты (въ 1778 г.) при церквахъ Владимірской Божіей Матери и Благовѣщенія на Васильевскомъ острову. Первое изъ нихъ названо было Екатерининскимъ, второе—Александровскимъ. Общество русское отозвалось на призывъ Новикова къ благородной общественной дѣятельности: со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія деньгами и вещами; жертвователи охотно, по призыву «Утренняго Свѣта», посѣщали свои школы; журналъ, съ своей стороны, печаталъ отчеты обществу о веденіи въ нихъ дѣла, и училища быстро встали на ноги [1]). Но императрица не выказала своего къ нимъ сочувствія, не приняла никакого участія въ нихъ, не смотря на то, что Екатерининское училище названо такъ въ честь ея, учреждено въ день ея Ангела и посвящено ей, какъ объ этомъ говорятъ и стихи, напечатанные вмѣстѣ съ объявленіемъ объ учрежденіи училища:

«Тебѣ приносимъ то, Тобой дано что намъ:
Минервѣ мы своей Минервинъ ставимъ храмъ».

Ученица энциклопедистовъ, должно быть уже безвозвратно увлеченная въ это время идеей «просвѣщеннаго деспотизма», косо посмотрѣла на подобное проявленіе общественной самодѣятельности. Въ холодности Екатерины къ школамъ Новикова выразилась та-же самая мысль ея, которая черезъ 5 лѣтъ на вопросъ Фонвизина: «отъ чего

[1]) Подробности см. «Н. И. Новиковъ». Изслѣдованіе А. Незеленова, стр. 262—269.

въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?» подсказала ей энергическій и ревнивый отвѣтъ: «отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго».— Школы Новикова существовали еще въ 1781 и 1782 годахъ (въ пользу ихъ издавались слѣдовавшіе по времени за «Утреннимъ Свѣтомъ» журналы «Московское Изданіе» и «Вечерняя Заря»); но дальнѣйшее развитіе этого дѣла, которое могло бы, судя по блестящему началу, повести къ широкому развитію народнаго просвѣщенія въ русской землѣ, остановилось или было остановлено. Въ 1782 году правительство Екатерины обратило вниманіе на народное просвѣщеніе: выписанъ былъ изъ-за границы извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево и ему (но уже помимо общественной иниціативы) было поручено открытіе и устроеніе школъ. Новиковъ же не былъ приглашенъ къ участію въ организаціи народнаго образованія.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній на отношенія императрицы Екатерины къ журналамъ третьяго періода литературной дѣятельности Новикова, кромѣ запрещенія ею печатать въ одномъ изъ нихъ «ругательную исторію» ордена іезуитскаго, да предполагаемаго запрещенія статьи: «О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы». Но едва-ли можно сомнѣваться, что она этимъ журналамъ Новикова не сочувствовала. Если «Трутень» принужденъ былъ прекратить свое существованіе изъ-за статей о крестьянахъ; если даже «Живописецъ» долженъ былъ перестать печатать сочиненія о крѣпостномъ правѣ, не смотря на то, что императрица сочувствовала этимъ сочиненіямъ и сама ихъ писала, перестать по ея-же (какъ можно догадываться), хотя дружескому, но настоятельному совѣту,—то несомнѣнно, что она не иначе какъ съ гнѣвомъ должна была принять подобныя произведенія въ «Вечерней Зарѣ» и «Покоящемся Трудолюбцѣ». Тѣмъ болѣе, что Новиковъ вернулся въ концѣ своей ли-

тературной дѣятельности къ вопросу о крѣпостномъ правѣ съ замѣчательною энергіей, и поднялъ его смѣло и довольно рѣзко. Яркимъ примѣромъ того, какого рода мысли о крестьянахъ высказывались въ послѣднихъ новиковскихъ изданіяхъ, можетъ служить напечатанное въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» стихотвореніе «Письмо къ другу» [1]), въ которомъ встрѣчаются такія мысли:

«Кровавый потъ они (крестьяне) трудяся проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдясь подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ, и насъ, и ихъ, Творецъ.
Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю,
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Не ужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда—
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?»

По всей вѣроятности не нравились императрицѣ статьи новиковскихъ журналовъ и о другихъ предметахъ, напримѣръ, нѣкоторыя политическія и педагогическія сочиненія. Такъ, едва ли она могла сочувствовать основной мысли напечатанной въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1784 года статьи «Краткое описаніе жизни и характера генерала Вашингтона», гдѣ сказано, что Вашингтонъ «основалъ республику, которая вѣроятно будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ». Подобныя мысли были случайностью въ новиковскихъ журналахъ, вообще не вдававшихся въ политику; но заподозрѣнному человѣку вмѣняется въ вину и мимоходомъ и безъ умыслу сказанное слово.— Педагогическія воззрѣнія, проводимыя Новиковымъ очень обстоятельно въ его изданіяхъ, особенно въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1783 года, совершенно расходились съ воззрѣніями императрицы,

[1]) «Покоящійся Трудолюбецъ» 1784—1785 гг. ч. IV, стр. 224—230.

которыя она хотѣла осуществлять на дѣлѣ, что и поручила Бецкому. Новиковъ своими журналами подрывалъ идею о приготовленіи путемъ воспитанія вдали отъ семьи «новой породы» людей. Императрица могла досадовать и на это.

Наконецъ, она, конечно, была недовольна широкой общественно-благотворительной и просвѣтительной дѣятельностью Дружескаго Ученаго Общества въ Москвѣ, если, какъ мы видѣли, она подозрительно и несочувственно посмотрѣла на подобную, даже несравненно меньшихъ размѣровъ дѣятельность Новикова въ Петербургѣ. Со словъ Лонгинова мы привыкли думать, что главными дѣятелями Дружескаго Ученаго Общества, или Типографической Компаніи, были масоны, между прочими и Новиковъ, по-скольку онъ былъ масонъ. Но императрица Екатерина, должно быть, думала иначе (и была, по всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ права): несмотря на то, что главою нашихъ масоновъ оказался не Новиковъ, императрица признала всетаки главнымъ лицемъ въ московскомъ благотворительномъ обществѣ *его*, на него *одного* обрушился гнѣвъ, одного его постигла кара. Едва-ли можно сомнѣваться, что онъ пострадалъ не за то, что былъ масонъ, не за сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (эти сношенія были лишь въ числѣ поводовъ для начала преслѣдованія), а именно за всю свою литературную и общественную дѣятельность, которою одно время увлеклась сама императрица и которую она потомъ осудила подъ вліяніемъ философской идеи вѣка о «просвѣщенномъ деспотизмѣ».

Указомъ 10-го мая 1792 года князю Прозоровскому [1]) императрица повелѣваетъ «Новикова отослать въ Слессельбургскую крѣпость», «апробуя», что онъ не отдалъ этого «коварнаго» человѣка по ея повелѣнію подъ судъ. Указу

[1]) «Новиковъ и моск. мартинисты» Логнинова, стр. 072.

этому предшествовала слѣдующая собственноручная записка императрицы отъ 9-го мая 1792 года:

«Хвалю поступокъ Князя Прозоровскаго, что остановилъ мое приказаніе о сужденіи Новикова а написать надлежитъ, какъ сего утра я уже приказала привезти сего бездѣльника въ Шлюшельбургъ».

Такимъ образомъ, Новиковъ былъ заключенъ въ крѣпость безъ суда и даже до окончанія производства слѣдствія (Шешковскій допрашивалъ его уже въ Шлиссельбургѣ): императрица, знакомая съ его литературною дѣятельностью, не сомнѣвалась въ его преступности. Но она поступила, въ данномъ случаѣ, вопреки своему собственному, въ прежнее время ею высказанному, мнѣнію. Въ 7-мъ томѣ «Сборника Русскаго Историческаго Общества» напечатаны «Бумаги императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ»; эти бумаги относятся къ годамъ съ 1744 по 1764. Между ними есть одна замѣтка Екатерины, начинающаяся такъ: «Виданъ ли болѣе варварскій и достойный турковъ способъ дѣйствовать, какъ тотъ, который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія?»

Жизнь Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости была безотрадно тяжела, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующіе документы.

«Донесеніе Шлюссельбургскаго Коменданта Колюбакина Генералу Прокурору Александру Николаевичу Самойлову. Августа 9-го 1794 года.

«Покойный Господинъ Тайный Совѣтникъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, будучи въ сей крѣпости, далъ мнѣ приказаніе, чтобъ содержащимся извѣстнымъ арестантамъ Новикову, его человѣку и бывшему при немъ доктору [1]) производить кормовыхъ по рублю въ сутки, а притомъ, чтобъ за здоровьемъ его, Новикова, имѣть особое по волѣ Ея Императорскаго Величества попеченіе, а потому когда онъ, Новиковъ, случаемъ боленъ и представляемы были отъ меня къ нему прописываемыя вышеписаннымъ докторомъ для него, Новикова, лѣкарства, то оныя были ко мнѣ доставляемы, а нынѣ пріемлю смѣлость утруждать Ваше Высокопревосходительство симъ моимъ объясненіемъ: 1) что какъ всему уже обществу ощутительна есть во всемъ дороговизна, то сколько бы я ни старался въ удовлетвореніи сихъ людей

---

[1]) Багрянскій.

въ безбѣдномъ ихъ содержаніи, но оное опредѣленное имъ число къ содержанію ихъ нахожу весьма недостаточнымъ. 2) Изъ сихъ людей о докторѣ осмѣливаюсь донесть, что скромность жизни его, а паче жалоба на вовлеченіе въ сіе несчастное бытіе Новиковымъ и въ томъ чистосердечное его раскаяніе, что замѣчено было и Господиномъ Шешковскимъ, который сдѣлалъ мнѣ приказаніе о употребленіи къ нему возможнаго снисхожденія, но я сіе отношу до воли Вашего Высокопревосходительства, яко высокоповелительному Начальнику и испрашиваю дозволенія о бритіи сему доктору бороды и прохожденіи для сохраненія жизни подъ моимъ присмотромъ внутри крѣпости въ удобное время на воздухѣ. И такъ изъясняя симъ Вашему Высокопревосходительству по долгу и препорученію о сихъ людяхъ попеченія моего имѣю честь изпросить вашего въ резолюцію соизволенія. Полковникъ Комендантъ Колюбакинъ».

Изъ этого донесенія Колюбакина мы видимъ, что первое время о Новиковѣ, по личному распоряженію императрицы, заботились: ему доставляли, напримѣръ, лѣкарства; а потомъ о немъ позабыли, и вслѣдствіе начавшейся дороговизны на съѣстные припасы ему пришлось бѣдствовать. Колюбакинъ ходатайствуетъ о дозволеніи доктору Багрянскому для сохраненія здоровья прохаживаться иногда на воздухѣ внутри крѣпости подъ его присмотромъ: значитъ, Новикову бывать на воздухѣ не приходилось, и онъ безвыходно жилъ въ казематѣ; эта жизнь должна была подорвать его здоровье, что, какъ увидимъ, и случилось.

Самойловъ, вслѣдствіе донесенія Шлиссельбургскаго коменданта, отправилъ въ Шлиссельбургъ чиновника Тайной Экспедиціи Макарова для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія. Донесенія Макарова о его поѣздкѣ не найдено. 10-го октября 1794 г. Самойловъ увѣдомилъ каменданта, что 13-го октября онъ самъ пріѣдетъ въ крѣпость. Но вѣроятно онъ не поѣхалъ, потому что 12-го октября снова послалъ въ Шлиссельбургъ Александра Макарова.

14-го октября Макаровъ донесъ Самойлову,
«что содержаніе секретнымъ арестантамъ чинится со всевозможною осторожностію и къ утечкѣ или другимъ какимъ непріятнымъ случаямъ сумнѣнія никакого нѣтъ; положенное же число для продовольствія ихъ денегъ всѣ получаютъ и тѣмъ довольны, изключая Новикова, который произносилъ просьбу о недостаткахъ въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны».

Это коротенькое донесеніе Макарова какъ будто намекаетъ, что Самойловъ несовсѣмъ довѣрялъ Колюбакину: онъ поручилъ своему чиновнику изслѣдовать — строго ли присматриваютъ за арестантами и дѣйствительно-ли имъ недостаточно отпускаемаго содержанія.

При своемъ донесеніи Макаровъ представилъ списокъ арестантовъ, содержавшихся въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости. Вотъ онъ:

«1. Малороссіанинъ Сава Сирскій съ 776 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій.

2. Пономаревъ сынъ Григорій Зайцевъ съ 784 г. за ложное и дерзкое разглашеніе и буйственное поведеніе.

3. Бѣглой сержантъ Протопоповъ съ 784 г. за отвращеніе отъ вѣры и неповиновеніе Церкви.

4. Унтершихмейстеръ Кузнецовъ съ 787 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій на 10 лѣтъ.

5. Бывшій поручикъ Карновичъ съ 788 г. по лишеніи чиновъ и дворянства за продажу чужихъ людей, за сочиненіе печатей и пашпортовъ и дерзкія разглашенія, посланъ до окончанія Шведской войны.

6. Отставной поручикъ Новиковъ съ 792 г. за содержаніе масонской секты и за печатаніе касающихся до оной развращенныхъ книгъ на 15 лѣтъ.

7. При немъ докторъ за переводъ развращенныхъ книгъ [1]).

8. Человѣкъ его, но за что неизвѣстно».

Изъ этого списка мы видимъ, что участь Новикова была такова-же, какъ и человѣка, продававшаго чужихъ крѣпостныхъ людей и сочинявшаго фальшивые паспорты; онъ сидѣлъ въ казематѣ той-же крѣпости, въ которую заключены были дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій.

14-го октября 1794 г. комендантъ Колюбакинъ представилъ Самойлову, по его приказанію, на̀-скоро начерченный планъ казармъ, гдѣ содержатся секретные арестанты. Новиковъ сидѣлъ въ нижнемъ этажѣ, въ 9 №.

26-го октября комендантъ представилъ свой списокъ секретныхъ арестантовъ; въ немъ названы тѣ-же лица, что и въ спискѣ Макарова, но безъ означенія преступ-

---

[1]) Кромѣ этого указанія Макарова мы другихъ данныхъ для заключенія, что Багрянскій былъ посаженъ въ крѣпость какъ обвиненный, не имѣемъ.

леній. Къ списку Колюбакинъ приложилъ собственноручную записку Новикова:

«Записка о всепокорнѣйшихъ моихъ просьбахъ.

1) Въ разсужденіи дороговизны на всѣ съѣстные припасы, изъ получаемаго рубля имѣемъ самое нужное и бѣдное пропитаніе.

2) Во всякомъ бѣльѣ и обуви, также и платье, а наипаче слуга при насъ находящійся, крайнюю претерпѣваемъ нужду и бѣдность.

Наконецъ, ежели голосъ несчастнаго страждущаго, почти умирающаго, можетъ достигнуть въ слухъ Ея Императорскаго величества, то всепокорнѣйше вашего высокопревосходительства изъ единаго человѣколюбія прошу внушить и представить всемилостивѣйшей матери отечества мою нищую всеподданнѣйшую просьбу о милосердомъ помилованіи и прощеніи насъ! Слабость крайняя и изтощенныя силы не попущаютъ меня теперь болѣе о семъ распространиться; но человѣколюбіе и состраданіе вашего высокопревосходительства да исполнятъ недостатокъ моей бѣдной вѣрноподданнической просьбы. Умилосердитесь надъ несчастнымъ и преклоните на милосердіе всемилостивѣйшую Матерь и Государыню хоть для слезъ бѣдныхъ троихъ сиротъ дѣтей моихъ!»

Простая и трогательная, эта записка Новикова показываетъ намъ, какъ разбито было его здоровье въ два года пребыванія его въ крѣпости, какъ разбита была и душа его. Перенося неволю, болѣзнь и нужду, тоскуя по разлученнымъ съ нимъ дѣтямъ, онъ и не пытается уже оправдываться, а проситъ лишь великодушнаго милосердія государыни, ея прощенія.

Просьба Новикова о помилованіи осталась безъ послѣдствій, равно какъ, должно быть, безъ послѣдствій оставлено было и ходатайство Колюбакина о лѣкарствахъ для Новикова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся донесеніе отъ 22-го октября 1796 года коллежскаго ассесора Ѳедора Крюкова генералу-прокурору камергеру графу Александру Николаевичу Самойлову, о посѣщеніи имъ секретныхъ шлиссельбургскихъ арестантовъ,

«къ коимъ приходя въ комнаты (пишетъ Крюковъ), засталъ Кузнецова, Карновича, Сирскаго, Васильева и Зайцева стоящими передъ образомъ на молитвѣ, изъ коихъ первый молился со слезами, а у послѣдняго отъ полагаемыхъ частыхъ земныхъ поклоновъ видѣнъ на лбу знакъ въ мѣру куринаго яйца, Кречетова же въ упражненіи чтенія церковныхъ книгъ, а прочихъ сидящихъ на своихъ мѣстахъ; я, отдавъ всякому должное почтеніе и употребя всевозможное мое привѣтствіе, распрашивалъ каждаго о ихъ состоя-

ніи и неудовольствіяхъ, на что мнѣ всѣ единогласно отвѣчали, что они ни отъ кого и ни въ чемъ неудовольствія не имѣютъ и спокойны, а токмо всякой жаловался на судьбу свою и раскаевается въ содѣянномъ предъ Богомъ и всемилостивѣйшею Государынею преступленіи, въ чемъ и просятъ у высочайшаго ея величества престола въ облегченіе жребія ихъ матерняго ея милосердія, кромѣ развращеннаго во нравѣ Протопопова, который по ожесточеніи своемъ настоитъ упорно въ своемъ заблужденіи, къ сему опредѣленному ему жребію выставляетъ онъ себя безвиннымъ страдальцемъ съ чаяніемъ полученія за то святости; а какъ замѣчены мною нѣкоторые въ неимѣніи и самаго нужнаго одѣянія то на вопросъ мною о семъ, г. Комендантъ отвѣтствовалъ, что онъ не имѣя на то особо опредѣленной суммы, кромѣ опредѣленнаго числа кормовыхъ, того исправлять навсегда не можетъ, а старается всегда чинить имъ съ своей стороны всевозможное пособіе; что принадлежитъ до Новикова, то онъ будучи одержимъ разными припадками и не имѣя никакова себѣ отъ того пособія получилъ наконецъ нынѣ внутренній желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ (?) и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сіятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ страждутъ они съ Багрянскимъ и. отъ опредѣленнаго имъ къ содержанію малаго числа кормовыхъ, въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны».

Такимъ образомъ мы видимъ, что Новиковъ 4 года въ крѣпости терпѣлъ тяжкую нужду и больной оставался безъ медицинской помощи. Заподозрить коллежскаго ассесора Крюкова, что онъ въ своемъ отчетѣ мирволилъ Новикову, никакъ нельзя, судя по началу этого отчета, гдѣ Крюковъ такъ наивно повѣствуетъ о своемъ «должномъ почтеніи» и «всевозможномъ привѣтствіи», съ какими онъ распрашивалъ арестантовъ, и гдѣ онъ такъ негодуетъ на полу-помѣшаннаго фанатика Протопопова́, «развращеннаго (по его мнѣнію) во нравѣ». Крюковъ, должно быть, былъ человѣкъ недалекій, простодушный, честный, и въ своемъ донесеніи онъ искренно сказалъ то, что дѣйствительно замѣтилъ. Болѣзненное состояніе Новикова его, видимо, поразило.

Донесеніе Крюкова возъимѣло нѣкоторое дѣйствіе. Вслѣдствіе него Самойловъ въ тотъ-же день, 22-го октября, предписалъ Шлиссельбургскому коменданту

«...прислать рапортъ сколько какой одежды и обуви и для кого потребно, а притомъ доставить ко мнѣ и рецептъ на лѣкарство для Новикова отъ содержащагося съ нимъ доктора, также по дороговизнѣ въ съѣстныхъ припасахъ, прибавьте ему и при немъ находящимся къ производимымъ на пищу деньгамъ еще по одному рублю въ день.

Черезъ три дня, а именно 25-го октября, Колюбакинъ представилъ рецептъ лѣкарства для Новикова; 28-го числа Самойловъ послалъ въ Шлиссельбургъ самое лѣкарство. Возможность черезъ нѣсколько дней послѣ прописанія медицинскаго средства употреблять его была значительнымъ улучшеніемъ въ участи больнаго человѣка, годы остававшагося безъ медицинскаго пособія, несмотря на присутствіе при немъ доктора.

Этотъ небольшой поворотъ къ лучшему въ жизни Новикова послѣдовалъ почти наканунѣ его освобожденія. Императоръ Павелъ въ первый же день своего восшествія на престолъ приказалъ освободить знаменитаго узника.

Въ одномъ письмѣ друга Новикова—Сем. Ив. Гамалѣя (отъ декабря 1796 г.) [1]) мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія о возвращеніи Новикова изъ заточенія на родину. «Онъ прибылъ къ намъ 19-го ноября поутру, дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ», пишетъ Гамалѣй. «Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости (продолжаетъ онъ) видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая, при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній».—Въ P. S. письма Гамалѣй прибавляетъ: «по написаніи сего получилъ я письмо Николая Ивановича, что онъ 5-го числа послѣ полудня въ 5 часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ—слава Богу!»—Лично знавшій Новикова знаменитый художникъ Витбергъ разсказывалъ впослѣдствіи, что Павелъ просилъ у Новикова прощенія за мать и при этомъ даже всталъ на колѣни: эксцентрическій, странный, но великодушный поступокъ больнаго императора.

Разбитый крѣпостнымъ казематомъ физически, Нови-

[1]) Сборникъ студентовъ с.-петербургскаго университета, вып. I.

ковъ вернулся изъ заточенія и разбитымъ нравственно: мы уже не видимъ въ немъ послѣ 1796 года энергическаго представителя высшей духовной жизни своего народа, передоваго писателя; оставивъ литературное поприще, онъ отдается теперь масонству, уходитъ въ его бредни, въ его вѣрованія въ 4 стихіи и 7 планетъ и т. д. Эту эпоху жизни Новикова у насъ зачастую смѣшиваютъ съ эпохами прежними, предшествовавшими заточенію,—обстоятельство, вслѣдствіе котораго и считаютъ иногда Новикова (совершенно ошибочно) главнымъ представителемъ нашего масонства Екатерининскихъ временъ.

Трагическая судьба Новикова имѣетъ глубокій внутренній смыслъ. Въ отношеніяхъ его и императрицы Екатерины другъ къ другу, въ ихъ литературномъ спорѣ, въ ихъ сближеніи и потомъ разрывѣ выразились отношенія и борьба двухъ главнѣйшихъ направленій русской мысли во вторую половину XVIII вѣка, эту важную эпоху нашей исторической жизни. Ученица энциклопедистовъ, одно время сильно увлекшаяся народной мыслью Новикова, Екатерина въ концѣ своего царствованія задумала остановить развитіе этой мысли. Но такое дѣло оказалось невозможнымъ: было уже поздно,—мысль Новикова кончила полный кругъ своего развитія еще въ 1785 году въ журналѣ «Покоящійся Трудолюбецъ». Личная воля человѣка, желавшаго грубымъ насиліемъ сломить жизнь по своему произволенію, оказалась безсильной противъ разумнаго хода историческихъ событій.

II.

Рецензія на сочиненіе М. И. Сухомлинова: «А. Н. Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1883 г.» [1]).

Сочиненіе академика Сухомлинова о Радищевѣ есть, безъ сомнѣнія, самое лучшее изо всего, что только было писано у насъ объ извѣстномъ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». — Въ сочиненіи этомъ три капитальныхъ достоинства: во 1-хъ, оно есть вполнѣ обстоятельное *изслѣдованіе* (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) избраннаго предмета; во 2-хъ, оно отличается и живымъ, и въ то-же время безпристрастнымъ отношеніемъ къ писателю, къ которому рѣдко кто у насъ относился безъ пристрастія въ ту или другую сторону; въ 3-хъ, въ немъ сообщаются читателямъ очень интересныя новыя сочиненія Радищева (повѣсть и двѣ записки, поданныя въ Законодательную комиссію) и нѣкоторыя новыя данныя для его біографіи. Эти сочиненія и біографическіе матеріалы открыты М. И. Сухомлиновымъ въ архивахъ: государственномъ, сенатскомъ, бывшаго втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, министерства народнаго просвѣщенія и спб. духовной консисторіи. Кромѣ того, у автора были подъ руками различныя данныя, найденныя имъ въ Лейпцигѣ для другаго, ранѣе выпущеннаго въ свѣтъ сочиненія его — о Козодавлевѣ. — При такомъ обиліи рукописныхъ источ-

[1]) Была напечатана въ Историч. Вѣстн. 1883 г. декабрь.

никовъ, онъ воспользовался для своего труда и множествомъ источниковъ печатныхъ.

Все, что касается до нѣкогда опальнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», собрано и разъяснено М. И. Сухомлиновымъ весьма обстоятельно и подробно; притомъ весьма живо рисуется и судопроизводство Екатерининскихъ временъ; литературный фактъ связанъ съ жизнью.

Но, къ сожалѣнію, авторъ ограничился разъясненіемъ личности Радищева именно только какъ сочинителя «Путешествія».—На это можно возразить, что изслѣдователь свободенъ въ опредѣленіи границъ своей задачи.—Это, разумѣется, справедливо; но дѣло въ томъ, что намъ представляется здѣсь не просто желаніе писателя въ данную минуту ограничиться одной стороной вопроса, а ошибка уважаемаго автора: онъ руководился, повидимому, тѣмъ соображеніемъ, что *только* «Путешествіе» даетъ Радищеву право на мѣсто въ исторіи русской литературы. О такой мысли его можно заключить и по первой страницѣ его труда и (главнымъ образомъ) по слѣдующимъ словамъ послѣдней страницы (особенно по выраженіямъ, подчеркнутымъ въ нихъ имъ самимъ): «Митрополитъ Евгеній внесъ имя Радищева въ словарь русскихъ *писателей*. Доводы, представленные А. Д. Галаховымъ, показываютъ, что Радищевъ, *какъ авторъ «Путешествія»*, можетъ и долженъ сохранить свое значеніе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достояніе исторіи русской литературы.—Эта мысль представляется намъ невѣрной; конечно, «Путешествіе» есть главное произведеніе Радищева; но для исторіи русской литературы важны и такія его сочиненія, какъ философскій трактатъ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи», какъ сказка «Бова» и друг.; они несомнѣнно имѣютъ значеніе (не даромъ, какъ мимоходомъ говоритъ самъ

М. И. Сухомлиновъ на стр. 113, Пушкинъ признавалъ достоинство и въ стихахъ Радищева, и въ его «изученіяхъ въ области русской литературы»).—Авторъ идетъ еще далѣе въ указанномъ направленіи: онъ и въ «Путешествіи» разсматриваетъ Радищева главнымъ образомъ какъ публициста, мало касаясь его литературныхъ, нравственныхъ и умственныхъ чертъ, или касаясь ихъ лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія его публицистическихъ идей.

Но, какъ бы то ни было, по той или другой причинѣ съузилъ авторъ задачу своего труда, — то, что сдѣлано имъ въ поставленныхъ себѣ рамкахъ, сдѣлано превосходно.

Въ изложеніи сочиненія принятъ, совершенно правильно, біографическій порядокъ.—Въ I главѣ рѣчь идетъ о воспитаніи Радищева и его юношескихъ годахъ въ Лейпцигѣ. Люди и книги, вліявшіе на него, подготовили въ немъ тѣ воззрѣнія, которыя онъ впослѣдствіи проводилъ въ своемъ «Путешествіи». Изъ лейпцигскихъ профессоровъ особенно вліяли на Радищева Геллертъ и Платнеръ. Геллертъ внушалъ своимъ слушателямъ, что писатель долженъ «перомъ своимъ служить истинѣ и добродѣтели». Платнеръ «настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями, и въ лекціяхъ своихъ затрогивалъ соціальные вопросы» (стр. 9). Изъ книгъ будущаго русскаго писателя сильно увлекали: «О разумѣ» Гельвеція, сочиненія Руссо и «Droit public de l'Europe fondée sur les traités» Мабли. Мабли училъ, что главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленіи къ свободѣ и равенству; для проведенія этой идеи онъ не стѣснялся извращеніями историческихъ фактовъ.

II глава заключаетъ въ себѣ «литературную исторію Путешествія». Здѣсь проводится та мысль, что «многое въ книгѣ Радищева заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ, но главное и существенное, т. е. то, чему самъ

авторъ придавалъ особенное значеніе, взято изъ русской жизни» (стр. 16).—Таковы страницы о крѣпостномъ правѣ и положеніи крестьянъ, о темныхъ сторонахъ нашихъ общественныхъ порядковъ и системы управленія. При этомъ у Радищева между своимъ и чужимъ, какъ между Парижемъ и Едровымъ, нѣтъ внутренней, органической связи».

Главы III и IV разсматриваютъ вопросъ—чѣмъ объяснить рѣшимость Радищева напечатать свою книгу? — Вопросъ этотъ, по словамъ автора, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ «для выясненія общественныхъ и литературныхъ условій», при которыхъ появилось «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (стр. 22).—М. И. Сухомлиновъ полагаетъ, что «въ дѣйствительной жизни достаточныхъ поводовъ для того, чтобы книгу Радищева считать революціоннымъ набатомъ» не было, такъ какъ въ ея содержаніи и тонѣ было слишкомъ много общаго съ тогдашними произведеніями литературы и даже съ законодательными памятниками. Истинною причиною опалы на Радищева было то обстоятельство, что императрица Екатерина прочитала его сочиненіе не *до* французской революціи, а *послѣ* нея.—Мысль весьма основательная и въ ней очень много вѣрнаго; но мы позволимъ себѣ, однако, усомниться, что въ ней *все* вѣрно, и замѣтимъ, что авторъ не обратилъ вниманія на одну сторону разбираемой имъ книги Радищева — на присутствіе въ ней такихъ странныхъ выраженій о царяхъ и царской власти, какихъ ни въ какомъ другомъ русскомъ сочиненіи не бывало. Эти «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости» (какъ выразился самъ Радищевъ) совершенно даже не вяжутся съ содержаніемъ книги, съ убѣжденіями сочинителя (и это особенно интересно). Всѣ историческія объясненія М. И. Сухомлинова не могутъ объяснить присутствія ихъ въ книгѣ Радищева. Напечатаніе ихъ очень напоминаетъ,

по справедливому замѣчанію Пушкина, поступокъ сумасшедшаго.

Глава V заключаетъ въ себѣ группировку данныхъ судебнаго слѣдствія надъ Радищевымъ. Въ ней проведена мысль, что «въ дѣлѣ Радищева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина»; эта особенность состоитъ въ томъ, что «обвиняемый преданъ суду тою-же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ» (стр. 60).

Въ главѣ VI говорится о литературныхъ занятіяхъ Радищева въ крѣпости, во время слѣдствія надъ нимъ. Онъ томился здѣсь «неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство»; единственнымъ утѣшеніемъ его было разрѣшенное ему чтеніе духовныхъ книгъ. Одна изъ этихъ книгъ—«Жизнь Филарета милостиваго», представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человѣчеству — была передѣлана Радищевымъ въ повѣсть. Въ ней проведена мысль о милосердіи. Сочиненіе это (найденное въ государственномъ архивѣ) и напечатано цѣликомъ въ VI главѣ. Мы видимъ въ немъ обычныя воззрѣнія автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Такъ, чувству придаетъ онъ большое значеніе въ жизни человѣка; любовь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, понимаетъ матерьялистически, согласно съ философіей XVIII вѣка. Какъ въ философскомъ сочиненіи «О человѣкѣ», написанномъ позже, такъ и въ этой повѣсти мы видимъ стремленіе Радищева доказывать безсмертіе души. Обратимъ еще вниманіе на сентиментальность повѣсти: слезы проливаютъ въ ней дѣйствующія лица, при всякомъ маломальски подходящемъ случаѣ, рѣками; постоянно встрѣчается преувеличеніе чувствованій.

Въ слѣдующей, VII главѣ напечатаны двѣ, чрезвычайно интересныя записки Радищева, найденныя М. И. Сухомлиновымъ одна—въ архивѣ сената въ Петербургѣ. другая — въ архивѣ втораго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Это—два мнѣнія, представленныя Радищевымъ (при Александрѣ I) въ Законодательную комиссію, въ которой онъ былъ членомъ: одно—по вопросу о неумышленномъ убійствѣ (оно, должно быть, и подало поводъ къ извѣстнымъ слухамъ о какомъ-то проектѣ освобожденія крестьянъ, будто-бы сочиненномъ Радищевымъ), другое—«по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи». Въ первомъ изъ этихъ мнѣній дѣло идетъ о крестьянахъ, и въ немъ Радищевъ «выступаетъ, *передъ лицемъ закона,* искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ» (стр. 90). Онъ говоритъ: «*какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая воскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мати.... цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами*». Эти слова напоминаютъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». — Оканчивается разсматриваемая глава изслѣдованіемъ о смерти Радищева. Есть извѣстія (у Пушкина, въ статьѣ Павла Радищева, въ статьѣ Борна въ «Свиткѣ музъ»), что эта смерть была самоубійствомъ; есть и указанія противоположныя; такъ, въ метрической книгѣ (въ архивѣ спб. духовной консисторіи) авторъ нашелъ указаніе, что Радищевъ «умеръ чахоткою». Вопросъ остается неразрѣшеннымъ.

Наконецъ, въ VIII (послѣдней) главѣ своего труда М. И. Сухомлиновъ говоритъ о впечатлѣніи, какое про-